Герберт Уэллс

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Герберт Уэллс

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«История человечества есть история,
которую не знают как следует
и до сих пор».

Герберт
Уэллс

Герберт Уэллс

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 930
ББК 63.3
У98

H. G. Wells
A SHORT HISTORY OF THE WORLD

Печатается с разрешения
The Literary Executors of the Estate of H G Wells
и литературных агентств AP Watt Limited и Synopsis

Перевод с английского А. Тетеркина

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательством Северо-Запад»

Уэллс, Г.
У98 История цивилизации / Герберт Уэллс; пер. с англ. А. Тетеркина.

Перед вами книга, в которой талант Уэллса раскрывается с иной стороны — писатель выступает как популяризатор исторической науки. С присущей ему легкостью и образностью он описывает краткую историю цивилизации — от возникновения человека до начала XX века. История взлета и падения великих империй, религиозных культов, история войн и технического прогресса.

УДК 930
ББК63.3

© The Literary Executors of the Estate of H G Wells, 1922
© ООО «Издательство Северо-Запад», 2010

Книга I

ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

ГЛАВА 1. МИР В ПРОСТРАНСТВЕ

История человечества есть история, которую не знают как следует и до сих пор. Две сотни лет назад люди знали историю только трех последних тысячелетий. Все, что произошло раньше, относилось всецело к области легенд и догадок. В большей части цивилизованного мира верили и учили, что Вселенная была создана внезапно, в 4004 г. до Р. Х., причем авторитеты расходились относительно того, произошло ли это событие осенью или весной этого года. Это столь фантастически точное заблуждение было основано на чересчур буквальном толковании иудейской Библии и на навязанных с ней довольно произвольных богословских выводах. Такие представления уже давно отброшены религиозными учителями, и во всем мире признано теперь, что Вселенная, в которой мы живем, существует, по всем данным, уже огромный период времени или, быть может, даже бесконечное время. Само собой разумеется, что эти данные могут быть ошибочны, ведь и комната, обставленная со всех сторон зеркалами, может казаться нам бесконечной. Но представление, что Вселенная, в которой мы живем, существует лишь шесть или семь тысяч лет, может быть рассматриваемо как идея, окончательно износившаяся.

Земля, как известно теперь всякому, имеет форму сфероида, шара, слегка приплюснутого, наподобие апельсина, с диаметром приблизительно в 8000 миль*. Ее сферическая форма была уже известна, по крайней мере, огра-

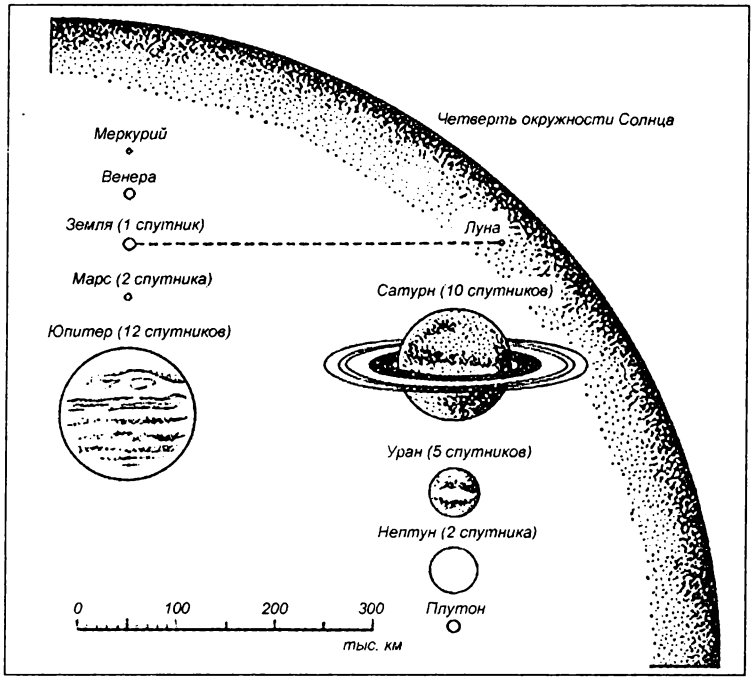
---

* 1 миля = 1609 м; 1 фут = 30,5 см; 1 ярд = 91 см.

ниченному кружку образованных людей, почти 2500 лет назад, но раньше Землю считали плоской, а относительно связи ее с небом, звездами и планетами существовали различные предположения, кажущиеся нам теперь совершенно фантастическими. Мы знаем в настоящее время, что Земля делает полный оборот вокруг своей оси (которая приблизительно на 24 мили короче ее диаметра по экватору) в течение каждых 24-х часов и что это явление служит причиной смены дня и ночи; мы знаем также, что Земля в то же время оборачивается в течение года вокруг Солнца, описывая слегка искривленную и медленно отклоняющуюся овальную орбиту. Ее расстояние от Солнца колеблется между 91,5 (когда она ближе всего к Солнцу) и 94,5 миллионами миль.

Вокруг Земли на расстоянии в среднем 239 000 миль вращается меньший шар, Луна. Земля и Луна не единственные тела, вращающиеся вокруг Солнца. Кроме них, имеются еще планеты — Меркурий и Венера — на расстоянии 36 и 37 миллионов миль. А за орбитой Земли, не считая пояса более мелких тел, планетоидов, находятся Марс, Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун на соответствующих средних расстояниях в 141, 483, 886, 1782 и 1793 миллиона миль. Чтобы облегчить задачу воображению читателя, мы переведем Солнце и планеты на более понятный, меньший масштаб.

Представим себе нашу Землю в виде небольшого мяча, диаметром в один дюйм. Солнце тогда будет большим шаром в 9 футов в поперечнике, а расстояние до него будет равняться 323 ярдам (шагам), т. е. четырем-пяти минутам ходьбы. Луна превратится в маленькую горо-



Сравнительные размеры планет и Солнца

шину в 2,5 футах от Земли. Между Землей и Солнцем поместятся обе внутренние планеты, Меркурий и Венера, на расстоянии 125-ти и 250-ти ярдов от Солнца. Вокруг этих тел будет кругом пустота — вплоть до самого Марса, отстоящего от Земли на 175 футов; потом пойдут: Юпитер на расстоянии приблизительно 1 мили (1 фут в диаметре), Сатурн — чуть поближе 2-х миль, Уран — 4 мили и Нептун — 6 миль. А затем, на протяжении тысяч миль, бесконечное ничто, за исключением лишь маленьких частиц и носящихся лоскутьев разреженных

паров. Ближайшая в Земле звезда при этом масштабе будет находиться на расстоянии 40000 миль.

Эти цифры, может быть, смогут дать некоторое представление об огромных пустынных пространствах, в которых разыгрывается драма жизни. Ибо во всей необъятной пустыне этого пространства нам достоверно известно о существовании жизни лишь на нашей Земле. Да и то она проникает вглубь Земли не больше чем на 3 мили из тех 4000, которые отделяют нас от центра нашего шара, и не захватывает более пяти миль над его поверхностью. По-видимому, вся остальная безграничность пространства пустынна и мертва. В глубины океана человеку удалось проникнуть на расстояние не больше 5-ти миль. Высочайший отмеченный полет аэроплана не многим превышает 4 мили. Люди, правда, поднимались на высоту 7-ми миль на воздушных шарах, но лишь ценой больших страданий. Ни одна птица не может летать на высоте 5-ти миль, а маленькие пташки и насекомые, поднятые на аэроплане, падают вниз в бесчувственном состоянии много ниже этого уровня.

ГЛАВА 2. МИР ВО ВРЕМЕНИ

За последние пятьдесят лет учеными было построено немало остроумных и интересных гипотез относительно возраста и происхождения нашей Земли. Мы не можем попытаться передать здесь, хотя бы вкратце, содержание этих теорий, ибо они основаны на самых отвлеченных математических и физических со-

ображениях. На самом деле, однако, и астрономия, и физика до сих пор еще так мало разработаны, что в этой области не удалось пойти дальше догадок. Общая тенденция научных исследований клонилась до сих пор ко все большему и большему увеличению предполагаемого возраста нашей планеты. В настоящее время с некоторой вероятностью установлено, что Земля уже более двух миллиардов лет ведет независимое существование в качестве отдельной вращающейся планеты, беспрерывно обращающейся вокруг Солнца. Возможно, что этот период на самом деле гораздо более длинный. Во всяком случае, это срок для человеческого воображения положительно подавляющий.

До начала этого огромного периода самостоятельного существования Солнце, Земля и другие планеты, двигающиеся по орбитам вокруг Солнца, представляли собой, по всей вероятности, великий вихрь разреженной материи, вращающейся в пространстве. Телескоп обнаруживает в различных частях неба светящиеся спиралеобразные облака материи, спиральные туманности, по-видимому, вращающиеся вокруг определенного центра. Многие астрономы предполагают, что Солнце и его планеты некогда представляли собой подобную спираль и что их вещество, подвергаясь процессу сгущения, приняло настоящую свою форму. Этот процесс сгущения продолжался в течение бесконечных периодов времени до тех пор, пока, наконец, в немыслимо далеком прошлом (приблизительное количество лет нами было приведено выше) не выделилась Земля со своим спутником — Луной. Они вращались тогда много быстрей, чем теперь, и находились

на меньшем расстоянии от Солнца. Вокруг последнего они оборачивались также значительно быстрее, а поверхность их была, по всей вероятности, в раскаленном или расплавленном состоянии. Само Солнце сверкало тоже в небесах гораздо более ярким пламенем.

Если бы мы могли перенестись назад в это бесконечно далекое прошлое и взглянуть на Землю в первоначальной стадии ее образования, нам представилась бы картина, напоминающая из всех современных нам предметов, скорее всего, внутренность доменной печи или поверхность потока лавы, не успевшего еще застыть и затвердеть. Воды мы совершенно не увидели бы, ибо вся имевшаяся там влага должна была постоянно превращаться в перегретый пар и носиться в бурной атмосфере, наполненной серными и металлическими испарениями. Ниже мог находиться волнующийся и кипящий океан из расплавленной каменистой материи, а по небу, покрытому огненными облаками, должны были в ослепительном блеске мелькать, как горячие огненные языки, Солнце и Луна.

Медленно, постепенно, по мере того, как один за другим сменялись периоды в миллионы лет, это пылающее море становилось все менее и менее бурным и раскаленным. Пары в небе начали, по всей вероятности, выпадать в виде дождей и понемногу редеть наверху, на поверхности жидких огненных морей появлялись огромные окалины, плиты затвердевшего камня, которые затем опускались на дно, уступая место другим всплывающим массам. Солнце и Луна, уменьшавшиеся в размере и все более удалявшиеся друг от друга, должны были двигаться по небесам уже с меньшей стремительностью. Луна теперь, ввиду своей

меньшей величины, оказалась бы охлажденной уже значительно ниже раскаленного состояния и попеременно то преграждала бы путь солнечному свету, то отражала бы его в целом ряде затмений и полнолуний.

Итак, с ужасающей медленностью, через огромные промежутки времени Земля должна была приобретать все большее и большее сходство с той Землей, на которой живем мы, пока, наконец, не наступило бы время, когда пары в прохладном воздухе начали бы сгущаться в облака и первый дождь зашипел бы на первых камнях внизу. В течение бесконечных тысячелетий большая часть воды на Земле должна была постоянно испаряться в атмосферу, но все же теперь уже стали, по всей вероятности, появляться горячие потоки, сбегавшие с кристаллизующихся скал, а также пруды и озера, в которые эти потоки сносили обломки и оставляли отложения. Наконец должно было бы установиться такое положение вещей, при котором на Земле мог появиться человек, прочно укрепиться, оглянуться вокруг и начать жить. Если бы нам удалось посетить Землю в то время, мы ходили бы по лавообразным каменистым массам без малейшего признака почвы, без единого побега живой растительности, под раздираемыми бурей небесами. Горячие неистовые ветры, превосходящие по силе самые свирепые вихри наших времен, потоки дождя, о которых более умеренная и менее стремительная современная нам Земля не имеет понятия, налетали бы на нас.

Вокруг нас, мутные от смытых со скал частиц, мчались бы потоки дождевой воды, сливаясь в реки, прорезая глубокие русла и ущелья, проносясь стремительно мимо,

чтобы отложить осадки в первобытных морях. Сквозь облака мы увидели бы огромное Солнце и даже заметили бы его движение по небу, а его появление и исчезновение, также как и появление и исчезновение Луны, ежедневно вызывало бы приливы и отливы огненного моря, которые выражались бы рядом землетрясений и вулканических извержений. А Луна, которая теперь обращает к Земле всегда одну и ту же сторону, в то время оборачивалась бы вокруг своей оси заметно для глаза, показывая сторону, которую она теперь скрывает так неумолимо.

Земля становилась все старше. Один миллион лет следовал за другим, и день удлинялся; солнечный жар становился менее резким, и самое Солнце удалялось от Земли, движение Луны по небу замедлялось, сила дождя и вихря ослабевали, и вода в первых морях прибывала и стекала в лоно океана, который с тех пор покрывает поверхность нашей планеты.

Но жизни на Земле все еще не было; моря были пустынны, а скалы бесплодны.

ГЛАВА 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖИЗНИ

В настоящее время всем известно, что все наше знание относительно жизни, существовавшей на Земле до возникновения человеческих воспоминаний и преданий, основывается на отпечатках следов и окаменелостях, находимых в слоистых горных породах. В сланце, в сланцевой глине, в известняке и в песчанике мы находим сохранившимися, наряду с извилистыми следами

первых приливов и углублениями, образованными первыми ливнями, кости, раковины, волокна, стебли, плоды, следы ног, царапины и т. п.

Только благодаря тщательному изучению этой каменной летописи удалось восстановить прошлое жизни на Земле. Это известно теперь почти всякому. Наносные пласты не располагаются в строгом порядке слой над слоем, они сморщивались, изгибались, сдавливались со всех сторон, искривлялись и перемешивались, как листы из книги в библиотеке, неоднократно подвергавшейся разграблению и пожару. Только после самоотверженных трудов множества ученых, посвятивших этому делу всю жизнь, летопись Земли была приведена в порядок и прочтена. Общий период времени, охватываемый ею, насчитывает, как считают теперь, 1 600 000 000 лет.

Древнейшие горные породы, начальные страницы каменной летописи, названы геологами азойскими породами, ибо они не носят никаких следов жизни. В Северной Америке, где существуют огромные пространства их, азойские породы лежат обнаженными. Мощь этих пластов заставляет геологов предполагать, что на образование их ушла, по меньшей мере, половина тех 1 600 000 000 лет, которым, по их определению, равняется весь геологический период. Позвольте мне остановиться на этом, имеющем глубокое значение, факте.

Половина огромной эры, наступившей после того, как суша впервые отделилась от воды на нашей планете, не оставила нам никаких следов жизни. На этих породах сохранились до сих пор следы волн и дождевых капель,

но зато нет никаких признаков растений или иных жизненных форм.

Однако по мере того, как мы продвигаемся в чтении летописи, начинают появляться и умножаться следы давно исчезнувшей жизни. Тот период истории Земли, в котором мы впервые находим эти следы прошлого, назван геологами ранним палеозойским периодом. Первым указанием на возникновение жизни на Земле служат отпечатки сравнительно простых, низших существ, раковины мелких моллюсков, похожие на стебли и цветки, головы зоофитов, водоросли, следы и остатки морских червей и ракообразных. Очень рано появляются существа, несколько напоминающие травяную вошь, пресмыкающиеся твари, которые могли, подобно травяным вшам, сворачиваться в шарики, так называемые трилобиты. Позднее, приблизительно через несколько миллионов лет, — некоторые виды морских скорпионов, более сильные и подвижные существа, чем те, которые до тех пор видел мир.

Ни одна из этих форм не отличалась большими размерами. К наиболее крупным относятся морские скорпионы, имевшие девять футов в длину. Однако на суше нигде еще нет никаких признаков ни растительной, ни животной жизни. Никаких признаков рыб или позвоночных в этой части летописи не встречается. Все растения и животные, оставившие нам следы от этого периода истории Земли, принадлежат к мелководным и земноводным тварям. Если бы мы захотели провести параллель между фауной и флорой раннего палеозойского периода и современной нам флорой и фауной, нам

следовало бы, оставив в стороне лишь вопрос величины, просто взять каплю из лужи в скале или из грязной канавы и исследовать ее под микроскопом. Небольшие ракообразные, мелкие моллюски, зоофиты и водоросли обнаружат прямо-таки поразительное сходство с этими неуклюжими большими прототипами, являвшимися некогда венцом творения на нашей планете.

Полезно, однако, помнить, что породы ранней палеозойской эры, по всей вероятности, не сообщат нам ничего существенного относительно первых зачатков жизни на нашей планете. До тех пор, пока животное не имеет костей или других твердых частей, пока оно не носит панциря и не достаточно велико и тяжело, чтобы оставить характерные следы и отпечатки ног в грязи, окаменелости не могут сохранить какие бы то ни было следы его существования. В наше время есть сотни и тысячи видов маленьких мягкотелых существ, которые, несомненно, никогда не оставят каких-либо следов для будущих геологов. В прошлом Земли миллионы миллионов видов таких существ могли жить, размножаться, процветать и исчезнуть совершенно бесследно. Воды горячих и мелких озер и морей азойской эры, быть может, кишели бесконечным числом разнообразных низших студенистых, бесскорлупных и бескостных существ, множество зеленых, похожих на тину растений одевали, быть может, залитые солнцем скалы и берега. Летопись пород дает не более полное представление о жизни в прошлом, чем банковские книги о существовании всех лиц, живущих в данной местности. Только тогда, когда какой-нибудь вид начинает отделять рако-

вины, иглы, толстую чешую или поддерживаемый известью стебель и как бы «откладывает на черный день», он заносится в летопись. Но среди пород, относящихся к более раннему периоду, чем те, которые обладают какими-либо окаменелыми следами, иногда находится графит, представляющий собой чистый углерод, и некоторые авторитеты полагают, что он был выделен из соединений под влиянием деятельности неизвестных нам органических существ.

ГЛАВА 4. ЭРА РЫБ

В ту пору, когда люди думали, что мир существует всего лишь несколько тысяч лет, они считали различные виды растений и животных раз и навсегда установленными, неизменяемыми и окончательными; полагали, что все животные и растения были созданы точно в таком виде, в котором существуют сейчас, и совершенно независимо друг от друга. Но с тех пор, как люди начали открывать и изучать летопись камней, это представление уступило место предположению, что многие виды медленно изменялись и развивались в течение веков, а это предположение, в свою очередь, породило убеждение в несомненности так называемой органической эволюции. Сущность этой теории заключается в утверждении, что все виды жизни на Земле, как животной, так и растительной, произошли путем медленного беспрерывного процесса развития от какой-то простейшей формы жизни, являющейся прародительницей всех остальных, от некой почти бесформенной, бесструктурной живой

субстанции, водившейся в далеком прошлом в так называемых морях азойского периода.

Вопрос об органической эволюции, так же, как и вопрос о возрасте Земли, являлся в прошлом предметом многих ожесточенных споров. Было время, когда вера в органическую эволюцию считалась, на очень туманных основаниях, несовместимой с правоверным учением христианской, иудейской и мусульманской религий. Это время теперь миновало, и самые ортодоксальные из католиков, протестантов, иудеев и магометан имеют ныне право разделять этот новый и более широкий взгляд на общее происхождение всех живых существ. Жизнь на Земле не возникла внезапно. Жизнь развивалась и развивается. Век за веком, сквозь бездны времени, от которых туманится воображение, жизнь шла вперед и превратилась из барахтанья в тинистой луже в стремление к свободе, силе и сознательному знанию.

Жизнь состоит из индивидуумов. Эти индивидуумы являются определенными существами, они отличаются от глыб или масс так же, как и от неподвижных кристаллов неорганической материи, и обладают двумя особенностями, которые отсутствуют у мертвой материи. Они могут поглощать внутрь другие вещества и превращать их в часть самих себя, а также воспроизводить себя в потомстве. Они питаются и размножаются. Они могут производить других индивидуумов, большей частью подобных им, но также всегда несколько отличающихся от них. Между индивидуумом и его потомством существует специфическое фамильное сходство, но между каждым производителем и каждым отпрыском,

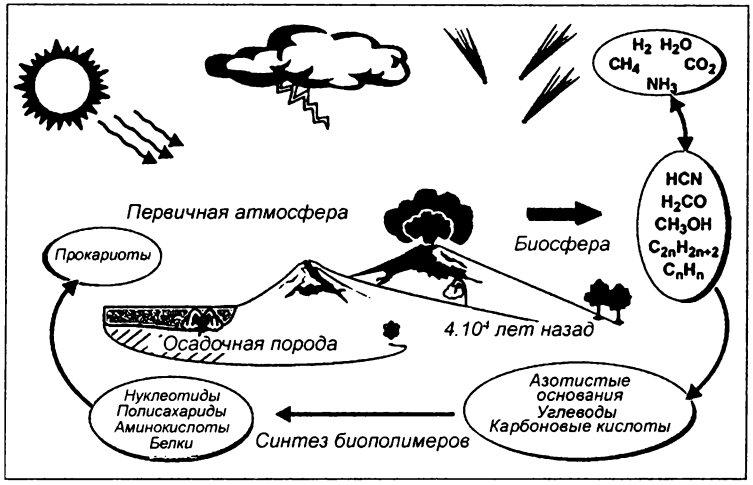
которого он порождает, существует и индивидуальное отличие, и это правило верно для всех видов на всех ступенях жизни.

Однако ученые не в состоянии объяснить нам, ни почему потомство должно походить на своих производителей, ни почему ему надлежит отличаться от них, но факт, что оно и похоже на родителей, и вместе с тем отличается от них, несомненен. Поэтому вера в то, что с изменением условий, в которых живут виды, последние сами претерпевают соответствующие изменения, основывается скорее на здравом смысле, чем на научных данных. Ибо в каждом поколении вида должно быть известное количество особей, индивидуальные особенности которых дают им возможность лучше приспособиться к новым условиям, в которых предстоит жить виду, а наряду с ними имеются и такие, чьи индивидуальные особенности скорее затрудняют жизнь при данных условиях. И в итоге первые будут жить дольше, давать большее потомство и воспроизводить самих себя в большем количестве, чем последние, и таким образом, поколение за поколением, вид в среднем будет изменяться в благоприятном для него направлении. Этот процесс, называемый естественным отбором, является не столько научной теорией, сколько выводом, вытекающим с логической необходимостью из фактов воспроизведения и существования индивидуальных отличий. В этой работе, быть может, участвуют многие до сих пор неизвестные науке или не определенные ею силы, изменяющие, разрушающие и сохраняющие виды, но человек, решающийся отрицать влияние этого процесса есте-

ственного отбора на жизнь с первого момента ее возникновения, должен быть или невеждой, не имеющим представления об элементарных явлениях жизненного процесса, или неспособным к здравому мышлению.

Многие ученые создавали теории относительно возникновения жизни, и их гипотезы часто захватывающе интересны, но, тем не менее, о зарождении жизни до сих пор мы ничего достоверного не знаем и не имеем ни одной убедительной гипотезы. Однако, почти все авторитеты согласны, что жизнь, по всей вероятности, зародилась в грязи или песке в теплых, залитых солнцем, мелких солоноватых лужах и что оттуда она распространилась вверх по берегам в границах приливов и вниз в открытые воды.

Этот первобытный мир был миром мощных приливов и течений. Индивидуумы беспрерывно уничтожались. Прилив выбрасывал их на берег, где они погибали от высыхания, а отлив уносил их в море, где они умирали от отсутствия воздуха и солнца, Первобытные условия благоприятствовали развитию всякого стремления укрепиться и пустить корни, всякой тенденции к образованию наружных покровов и всем попыткам прибрежных индивидуумов защитить себя от немедленного высыхания. С самого начала малейшая склонность к вкусовой чувствительности направляла индивидуума к пище, а малейшая чувствительность к свету поддерживала его в стремлении выкарабкаться из тьмы морских глубин и пещер или, наоборот, заставляла его отшатываться назад от ослепительного блеска опасных отмелей.



Зарождение жизни по Опарину-Холдейну

По всей вероятности, первые раковины и панцири, защищавшие тело живых существ, являлись скорее защитой от высыхания, чем от активных врагов. Но зубы и клешни рано появляются в истории нашего мира.

Мы уже отмечали величину первобытных водяных скорпионов. В течение многих веков эти существа были владыками жизни. Затем в одном из расслоений этих палеозойских пород, известном под названием Силурийской системы, которая, по мнению многих геологов, насчитывает пятьсот миллионов лет, появляется новый тип тварей, снабженных глазами, зубами и плавательным аппаратом более мощного характера. Это первые известные нам животные с костяным хребтом, первые рыбы, первые позвоночные.

Число этих рыб значительно увеличивается в следующих отложениях пород, известных под именем Девонской системы. Тут их преобладание настолько явно, что весь этот период летописи был окрещен эрой рыб. Формы рыб, образцы которых в настоящее время исчезли с лица земли, и рыбы, родственные акулам и осетрам нашего времени, сновали в воде, прыгали в воздух, питались водорослями, преследовали и пожирали друг друга, сообщая новое оживление морям нашей планеты. Ни одна из них не показалась бы нам чрезмерно большой. Лишь немногие были длиннее двух-трех футов, хотя существовали и исключительные экземпляры, имевшие в длину до двадцати футов.

Геология ничего не говорит нам о предках этих рыб. Они как будто находятся вне всякой связи с какими бы то ни было видами, предшествовавшими им. Зоологи строят чрезвычайно интересные предположения относительно их предков на основании изучения развития яиц еще существующих родичей и других источников. По-видимому, предки позвоночных были мягкотелые и, быть может, совсем мелкие плавающие существа, у которых начали развиваться твердые части сначала в виде зубов вокруг и около рта. Зубы ската или акулы покрывают небо и полость рта и переходят на губу в виде сплющенных зубообразных чешуй, покрывающих большую часть их тела. В геологической летописи с появлением этих зубо-чешуй рыбы выплывают из таинственного мрака прошлого на свет как первые позвоночные животные, отмеченные в летописи.

ГЛАВА 5.
ЭРА КАМЕННОУГОЛЬНЫХ БОЛОТ

На суше в век рыб не было, по-видимому, никакой жизни. Скалы и плоскогорья бесплодных пород расстилались, палимые солнцем и орошаемые дождем. Не было и настоящей почвы, ибо не существовало еще ни земляных червей, способствующих ее образованию, ни растений, могущих разрыхлить каменистые части пород и обратить их в чернозем; не было и следа мха или лишайника. Жизнь все еще ютилась только в море.

Эта покрытая бесплодной корой Земля подвергалась значительным переменам климата. Причины этих перемен были чрезвычайно сложны и все еще нуждаются в надлежащей оценке. Изменение формы земной орбиты, постепенное перемещение полюсов вращения, изменение формы материков, по всей вероятности даже колебания в температуре Солнца, словно сговорившись, то погружали огромные пространства земной поверхности на долгие периоды в холод и покрывали их льдом, то снова на миллионы лет распространяли тепло или устанавливали на нашей планете умеренный климат. В истории мира существовали, должно быть, периоды мощной внутренней деятельности, когда скопившиеся в течение нескольких миллионов лет силы прорывались в виде вулканических извержений и подъемов почвы, видоизменяя очертания гор и материков земного шара, увеличивая глубину морей и высоту гор и усиливая климатические различия до крайности. А за этим следовали долгие века сравнительного спокойствия, когда мороз,

дождь и реки смывали горные высоты и сносили огромные массы ила, наполняя и поднимая дно морских чаш и содействуя таким образом разливу все более мелевших и расширявшихся морей на все большие пространства суши. В истории мира были периоды «высот и глубин» и периоды «равнин и мелей». Читатель должен совершенно отказаться от мысли, что земная поверхность беспрерывно охлаждалась со времени затвердения ее коры. Лишь после того, как охлаждение достигло значительной степени, внутренняя температура перестала влиять на состояние поверхности. Существуют следы периодов, чрезмерно обильных снегом и льдом, т.е. «ледниковых периодов», даже в азойской эре.

Только к концу века рыб, в эпоху существования обширных мелких морей и лагун, жизнь стала успешно распространяться с воды на сушу. Нет сомнения, что первейшие типы форм, начинающих появляться теперь в огромном изобилии, уже развивались незаметным образом и в менее значительном количестве много миллионов лет. Но теперь для них настало благоприятное время.

Растительные формы, несомненно, предшествовали животным в этом нашествии на сушу, но животные, по всей вероятности, очень скоро последовали за переселившимися растениями. Первая задача, которую надлежало разрешить растению, заключалась в том, чтобы найти какую-нибудь твердую опору, которая могла бы поддерживать его листья в направлении солнечного света, когда поддерживавшая его вода отойдет от него; вторая состояла в трудности снабжения волокон растения водой из глубины болотистой почвы

теперь, когда влага уже не находилась больше в непосредственной близости. Обе задачи были разрешены путем развития древесных тканей, доставлявших листьям воду и одновременно поддерживавших растение. Летопись пород неожиданно наполняется огромным разнообразием древесных болотных растений, из которых многие достигают значительных размеров, как, например, огромные древовидные мхи, древовидные папоротники, исполинские хвощи и т. п. А вместе с ними, век за веком, в большом разнообразии выползали из воды животные формы. Тут были стоножки и тысяченожки, первые простейшие насекомые, существа, родственные древним исполинским крабам, морские скорпионы, превратившиеся в пауков и сухопутных скорпионов, а вскоре тут же очутились и позвоночные животные.

Некоторые из первых насекомых были очень велики. В этом периоде существовали стрекозы, распростертые крылья которых имели до двадцати девяти дюймов в длину.

Различными путями эти новые виды и роды приспособлялись к вдыханию воздуха. До тех пор все животные вдыхали воздух, растворенный в воде, и это же самое, собственно, приходится делать некоторым животным и поныне. Но в то время представители животного царства должны были еще выработать в себе различными путями способность самоснабжения влагой в тех случаях, когда она была нужна им. В наше время человек с совершенно сухими легкими неизбежно задохнется. Поверхность легких должна постоянно оставать-

ся влажной, чтобы воздух мог проникнуть через нее в кровь. Приспособление к дыханию в воздухе совершается всегда или путем образования покровов для прежних жабр, с целью прекратить испарение, или путем развития полостей или иных новых дыхательных органов, заложенных глубоко внутри организма и увлажняемых водянистой секрецией. Прежние жабры, которыми дышали рыбы — прародители типа позвоночных, — не годились для дыхания на суше, и в случаях переселения этих представителей животного царства уже другой их орган, плавательный пузырь, превращался в новый, глубоко скрытый внутри дыхательный орган, легкое. Порода животных, известных под именем земноводных, нынешние лягушки и ящерицы, начинают свою жизнь в воде и дышат при этом жабрами затем легкое, развиваясь таким же путем, как плавательные пузыри многих рыб, в виде мешковидного, идущего от горла отростка, делается органом, принимает на себя функцию дыхания; животное переходит на сушу, причем жабры погибают, а жаберные щели исчезают за исключением одной, которая превращается в ушное отверстие и барабанную перепонку. Теперь животное может жить только на воздухе, но оно все же должно возвращаться, по крайней мере, к краю воды, чтобы класть яйца и выводить потомство.

Все дышавшие легкими позвоночные этого века болот и растений принадлежали к классу земноводных, амфибий. Почти все они имели форму, близкую к нынешним ящерицам, и некоторые из них достигали значительной величины. Они были земными животными, но должны

были постоянно находиться вблизи влажных и болотистых мест; все большие деревья этого периода по своим свойствам также являются растениями-амфибиями. Ни одно из них не давало плодов и семян, которые могли бы, упав на землю, развиваться с помощью лишь той влаги, которая доставляется дождем и росой. Им всем, по-видимому, необходимо было для произрастания сбрасывать свои споры в воду.

Одна из самых прекрасных задач прекрасной науки — сравнительной анатомии, состоит в том, чтобы проследить развитие и приспособление живых тварей к требованиям жизни в воздухе. Все живые существа как растительного, так и животного царства первоначально являются существами водяными. Так, например, все существующие над рыбами высшие позвоночные животные до человека включительно проходят в своем эмбриональном развитии через стадию, в которой они обладают жаберными щелями, исчезающими прежде, чем детеныш появится на свет. Неприкрытый, омываемый водой глаз рыбы у высших форм защищается от высыхания веками и железами, выделяющими влагу. Более слабые звуковые колебания воздуха вызвали необходимость барабанной перепонки. Почти в каждом органе тела можно найти подобные же изменения и приспособления, выработанные для жизни в новых условиях. В эту каменноугольную эру, эру земноводных, жизнь сосредоточивалась в болотах, лагунах и на низких берегах, окружавших эти воды. Так распределялась теперь жизнь. Холмы и гористые местности были все еще бесплодны и безжизненны. Живые существа, правда, на-

учились дышать воздухом, но они все еще были связаны с родной стихией — водой и должны были постоянно возвращаться к ней, чтобы выводить потомство.

ГЛАВА 6. ВЕК ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

Вслед за обильным жизнью каменноугольным периодом последовал долгий ряд суровых и бесплодных веков. Они запечатлены в каменной летописи мощными отложениями песчаника и подобных ему пород, сравнительно бедных окаменелостями. В температуре Земли происходили сильные колебания и были долгие периоды ледяного холода. Процветавшая в изобилии болотная растительность на обширных открытых местах погибла, под давлением этих новых отложений начался процесс ее уплотнения и минерализации, который дал миру большую часть нынешних каменноугольных залежей.

Но именно в периоды перемен жизнь подвергается самой быстрой модификации и усваивает, благодаря тяжелым условиям, самые ценные уроки. С установлением на земле теплоты и влажности мы находим ряд новых растительных и животных форм. В летописи появляются останки позвоночных животных, детеныши которых вылупливались из яйца уже не головастиками, нуждавшимися в первый период своей жизни в воде; теперь развитие шло в зародыше, до выхода из яйца, и детеныш настолько приближался к взрослой форме, что мог жить в воздухе с первого момента своего независимого существования. Жабры исчезали совершенно, а жабер-

ные щели сохранились лишь в качестве зачаточного придатка.

Эти новые твари, не проходившие через стадии головастиков, были пресмыкающиеся. Попутно произошло развитие и семенных деревьев, которые теперь получили возможность разбрасывать свои семена независимо от близости болота или озера. Теперь уже появились пальмовидные цикады и множество тропических шишконосных пород, однако ни цветущих растений, ни трав еще не было. В большом количестве росли папоротники; существовало также множество разнообразных насекомых, особенно жуков, ибо пчелам и бабочкам еще только предстояло появиться. Но все основные формы настоящей новой сухопутной флоры и фауны образовались за время этих долгих суровых веков. Эта новая сухопутная жизнь ждала лишь благоприятных условий, чтобы расцвести и стать преобладающей.

Период за периодом, с бесчисленными колебаниями, совершалось это смягчение климата. До сих пор не установленные движения земной коры, изменения земной орбиты, увеличение и уменьшение угла между полюсом и орбитой — все вместе вызвало наступление долгого периода тепла по всей поверхности Земли. Эта эра длилась в общем, как теперь предполагают, свыше двухсот миллионов лет. Она названа мезозойской эрой в отличие от двух предшествовавших ей более длительных палеозойской и азойской эр (тянувшихся вместе тысячу четыреста миллионов лет) и от кайнозойской эры, или эры новой жизни, длящейся от окончания мезозойской эры до настоящего времени. Мезозойская эра называется

Мезозойская фауна в представлениях середины XIX в. На переднем плане изображены мегалозавры, реконструированные Р. Оуэном как четвероногие существа

также эрой пресмыкающихся, ввиду поразительного преобладания и разнообразия этих жизненных форм в означенную эпоху. Эта эра закончилась около восьмидесяти миллионов лет назад.

В нынешнем мире род пресмыкающихся сравнительно немногочисленен, их распространение на земном шаре весьма ограниченно. Они, правда, более разнообразны, чем немногие дожившие до нашего времени представители земноводных, которые некогда, во время каменноугольного периода, владели миром. У нас до сих пор существуют змеи, речные и морские

черепахи, аллигаторы, крокодилы и ящерицы. Все они без исключения принадлежат к существам, нуждающимся круглый год в тепле; они не выносят холода и, весьма вероятно, что все пресмыкающиеся твари мезозойского периода отличались подобным свойством. Это была оранжерейная фауна, жившая среди оранжерейной флоры. Она не выносила морозов. Но мир все же стал обладателем, наконец, настоящей сухопутной фауны и флоры, в отличие от болотной и тинистой фауны и флоры периода зарождения жизни на Земле.

Все виды пресмыкающихся, известные нам теперь, были представлены тогда в гораздо большем количестве: огромные черепахи и большие крокодилы и множество ящериц и змей, но кроме них имелся в большом изобилии еще целый ряд чудовищных тварей, теперь совершенно исчезнувших с земли. Так, например, существовало множество пресмыкающихся, известных под именем динозавров. Растительность в виде камышей и зарослей папоротника покрывала теперь наиболее низменные места земной поверхности. В связи с этим появилось много травоядных пресмыкающихся, питавшихся этой роскошной растительностью и увеличивавшихся в размерах по мере того, как развивался мезозойский период. Некоторые из этих животных превосходили по величине все другие когда-либо существовавшие формы, по размерам они не уступали китам. Dyplodocus Carnegii, например, имел 84 фута от хвоста до рыла, а гигантозавр еще превосходил его, достигая 100 футов длины. Среди этих чудовищ жило множество плотоядных динозавров соответственной величины. Одно из них, тираннозавр,

изображается и описывается во многих книгах как верх ужаса среди пресмыкающихся чудовищ.

В то время как эти огромные существа паслись и пожирали друг друга среди тайнобрачных папоротников и хвои мезозойских джунглей, другой, теперь исчезнувший вид пресмыкающихся, напоминавший развитием своих передних конечностей летучих мышей, преследовал насекомых и существ своего же вида, сначала перепрыгивая с одного дерева на другое и парашютируя, а затем летая между папоротниками и ветками деревьев. Это были птеродактили, первые летающие существа, обладавшие позвоночником; они указывают на новое достижение в процессе развития мощи позвоночных животных.

Некоторые из пресмыкающихся, кроме того, возвратились в море. Три группы крупных плавающих тварей наводнили моря, из которых вышли их предки; это были мезозавры, плезиозавры и ихтиозавры. Некоторые из них, опять-таки, приближались по размерам к современному нам киту. Ихтиозавры, по-видимому, были совершенно приспособленными к плаванию животными, но плезиозавры принадлежат к типу существ, абсолютно не имеющих родственных форм в наше время. Их огромное тучное тело было снабжено лапами, приспособленными как для плавания, так и для пресмыкания по болотам или по дну мелких водоемов. Сравнительно маленькая голова плезиозавра держалась у него на длинной, похожей на змею, шее. Плезиозавр плавал и искал пищу над водой, как это делает лебедь, или нырял в воду и ловил проплывавших мимо рыб и животных.

Такова была преобладающая на суше жизнь в течение мезозойской эры. С нашей точки зрения она представляет значительный шаг вперед сравнительно с тем, что было раньше. Она дала сухопутных животных, более «жизнеспособных», превосходивших по величине, развитию, силе и активности все, что видел мир до тех пор. В море не было такого движения вперед, но зато наблюдалось сильное размножение новых форм жизни. В мелких морях появилось огромное количество напоминающих каракатиц тварей в раковинах, большей частью замкнутых, — так называемые аммониты. Их предки существовали уже в палеозойских морях, но век процветания наступил для них лишь теперь. В наше время не осталось ни одного их представителя; ближайшей родственницей аммонитов является жемчужная наутилус, жительница тропических морей. Но зато новая, более плодовитая порода рыб, покрытая более легкой и тонкой чешуей, чем бляхообразный и зубчатый покров, преобладавший до тех пор, завоевала и сохранила с тех пор первое место в морях и реках.

ГЛАВА 7. ПЕРВЫЕ ПТИЦЫ И ПЕРВЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Мы набросали в нескольких строках картину покрытой роскошной, сочной растительностью, кишевшей пресмыкающимися Земли мезозойского периода в это первое великое, сплошное лето жизни. Но в то время, как в жарких сильвасах и на болотистых равнинах господствовал динозавр, а птеродактили, преследуя насекомых,

жужжавших вокруг все еще лишенных цветов кустарников и деревьев, оживляли леса своими полетами, быть может, даже криками и карканьем, некоторые менее многочисленные формы на границах органической жизни приобретали известные способности и усваивали некоторые уроки выносливости, сослужившие им большую службу, когда со временем улыбавшаяся щедрость солнца и земли начала иссякать.

Группа отрядов и родов пресмыкающихся-прыгунов, маленьких существ типа динозавра, оказалась, вероятно, вследствие соперничества и преследования врагов поставленной перед альтернативой гибели или приспособления к более холодным условиям и была вытеснена на более высокие места или же к морю. У этих обездоленных групп развился новый тип чешуи, чешуи постепенно удлинявшейся в форму пера и разветвившейся со временем в грубое подобие его.

Эти перообразные чешуи лежали одна на другой, образуя задерживающий тепло покров и лучше достигавший цели, чем покров у пресмыкающихся. Это приспособление позволяло жить в более холодных областях, бывших до того необитаемыми. Быть может, одновременно с этими переменами у этих существ появилась и большая заботливость о яйцах. Многие пресмыкающиеся относятся, по-видимому, чрезвычайно небрежно к своим яйцам, предоставляя солнечным лучам и летнему теплу выводить детенышей. Но некоторые разновидности этой новой ветви родословного древа жизни начали приобретать привычку заботиться о своих яйцах и сохранять их в тепле, согревая собственным телом.

Окаменелые останки археоптерикса, самой древней известной птицы

Кроме этих приспособлений к борьбе с холодом происходили и другие внутренние изменения, превратившие эти существа в примитивных птиц, теплокровных и не нуждающихся в тепличной атмосфере. Самыми первыми птицами были, по всей вероятности, птицы морские, жившие рыбой, и их конечности были вначале не крыльями, а плавниковыми ногами, как у пингвинов. Необычайно примитивная птица, новозеландская киви, покрыта перьями очень грубого образца; она не только не летает, но, кажется, даже произошла не от летавших предков. В процессе развития птиц перья появились раньше

крыльев. Но, когда перья были уже налицо, легкое расширение их неизбежно вело к образованию крыльев; по крайней мере, нам известны окаменелые остатки одной птицы с зубами и длинным хвостом, как у пресмыкающегося, но вместе с тем с настоящими птичьими крыльями, при помощи которых она, несомненно летала, не отставая от других птеродактилей в мезозойские времена. Тем не менее, птиц в мезозойскую эру было немного, и среди них было мало разнообразия. Если бы человек вернулся назад в характерную местность мезозойской эры, он мог бы бродить целыми днями, не встретив ничего, видом или голосом похожего на птицу, несмотря на то, что в папоротниках и камышах ему попалось бы великое множество птеродактилей и насекомых.

По всей вероятности, он никогда не увидел бы и еще кое-чего, а именно — млекопитающего. Возможно, что первобытные млекопитающие существовали за миллионы лет до появления первого существа, которое можно было бы назвать птицей, но они были слишком малы, незаметны и незначительны, чтобы обратить на себя внимание.

Первые млекопитающие, как и первые птицы, были существами, вынужденными, благодаря конкуренции и преследованию, перейти в более суровые условия и приспособиться к холоду. У них также чешуя приняла форму перьев и развилась в сохраняющий тепло покров, и они также прошли через ряд изменений, аналогичных по характеру, хотя и отличающихся в деталях, прежде чем превратиться в теплокровных животных, не зависящих от тепличных условий. Вместо перьев у них разви-

лась шерсть, и вместо того, чтобы оберегать и высиживать яйца, они стали сохранять их в тепле и безопасности внутри собственного тела до тех пор, пока эти яйца не достигали почти полного развития. Многие из этих животных сделались живородящими и производили своих детенышей на свет живыми. Но и после рождения детенышей они стремились поддерживать с ними связь ради охраны и питания их. Большинство, хотя и не все млекопитающие, теперь имеют соски и кормят своих детенышей. Существуют два вида млекопитающих, несущих яйца, но не имеющих собственно сосков, и потому питающих своих детенышей питательной секрецией внутренних желез: это утконос и ехидна. Ехидна несет кожистые яйца, складывает их затем в сумку под брюхом и носит в тепле и безопасности, пока не вылупятся детеныши.

Но посетитель мезозойского мира, которому пришлось бы потратить целые дни и недели на то, чтобы найти птицу, — если бы он не знал точно, куда отправиться на поиски, — мог бы также безрезультатно пытаться обнаружить какие бы то ни было следы млекопитающего. Как птицы, так и млекопитающие казались очень странными, второстепенными и незначительными существами в мезозойские времена.

Эра пресмыкающихся длилась, как установлено теперь, восемьдесят миллионов лет. Если бы какое-нибудь человекоподобное сознание наблюдало мир в течение этого невообразимого промежутка времени, какими надежными и постоянными показались бы ему солнечный свет и изобилие, каким обеспе-

ченным — ленивое благополучие динозавров и тьмы порхающих и летающих ящериц.

Но вот таинственные ритмы и накопившиеся мировые силы начали обращаться против этой почти вечной устойчивости. Эта благоприятная для жизни полоса была на исходе. Век за веком, мириады лет за мириадами, с несомненными задержками и отступлениями, совершалась перемена в сторону более жестоких и резких условий жизни, произошли сильные колебания уровня и великое перераспределение гор и морей. За время упадка продолжительной мезозойской эры благополучия мы сталкиваемся в каменной летописи с явлением, весьма определенно свидетельствующим о неуклонно совершавшемся изменении условий жизни: оно заключается в сильном изменении жизненных форм и появлении новых и необычных видов. Под все возрастающей угрозой уничтожения прежние роды и виды напрягают все свои способности для соответственного изменения и приспособления. Так, например, аммониты на этих последних страницах мезозойской главы обнаруживают множество фантастических форм.

При прочно установленных условиях не существует стимула к новшествам; они перестают развиваться, они прекращаются; все наиболее пригодное уже налицо.

При новых условиях больше всего страдает заурядный тип и утверждается новинка, имеющая шансы на наибольший успех. Тут в каменной летописи наступает пробел, который, быть может, соответствует

нескольким миллионам лет. Даже общие очертания истории жизни этого периода до сих пор покрыты туманом. Когда он снова рассеивается, эра пресмыкающихся уже близится к концу. Динозавры, плезиозавры и ихтиозавры, птеродактили, бесчисленные роды и виды аммонитов исчезли совершенно. Несмотря на всю свою изумительную многочисленность и разнообразие, они вымерли, не оставив потомства. Холод убил их. Все их последние приспособления оказались недостаточными; они так и не сумели найти условия, обеспечивающие выживание. Мир прошел через фазу суровости, которая превзошла их выносливость; следствием этого явилось медленное и полное уничтожение мезозойской жизни, и мы видим теперь новую картину; новая, более суровая флора, новая, более суровая фауна владеют миром.

Мрачной и бедной картиной открывается, однако, этот новый том книги жизни. Цикады и тропические шишконосные широко уступили место деревьям, роняющим свои листья, чтобы избежать гибели от зимних снегов, и цветущим растениям и кустарникам, а там, где некогда кишели пресмыкающиеся, в их права вступают во все возрастающем количестве птицы и млекопитающие.

ГЛАВА 8. ВЕК МЛЕКОПИТАЮЩИХ

Начало следующей большой эры в жизни Земли, кайнозойской эры, было периодом подъемов почвы и чрезвычайной вулканической деятельности. В это время обра-

зовались огромные массивы: Альпы и Гималаи, горные хребты Скалистых Гор и Анды, а также грубо проявились очертания наших современных океанов и материков. Карта земного шара начинает обнаруживать первое смутное сходство с современной картой. В настоящее время вычислено, что между началом кайнозойского периода и настоящим временем протекло от сорока до восьмидесяти миллионов лет.

В начале кайнозойской эры климат мира отличался суровостью. Постепенно он смягчался, и, наконец, настала новая эра изобилия; потом климатические условия вновь изменяются к худшему, и Земля вступает в ряд исключительно холодных циклов — в ледниковый период, из которого, по-видимому, она постепенно выходит теперь.

Но мы в настоящее время еще не достаточно осведомлены о причинах климатических перемен, чтобы предсказать предстоящие нам возможные колебания климатических условий. Мы, быть может, идем к новой эре тепла или же, наоборот, направляемся к новому ледниковому периоду; вулканическая деятельность и подъем горных массивов, быть может, увеличивается или уменьшается; мы этого не знаем; у нас нет достаточного научного материала.

С началом этого периода появляются травы. В первый раз мир видит пастбища; теперь, с полным развитием некогда незначительного вида млекопитающих, появляется множество любопытных травоядных животных наряду с пожирающими их плотоядными.

Сначала кажется, будто эти первые млекопитающие отличаются лишь немногими особенностями от траво-

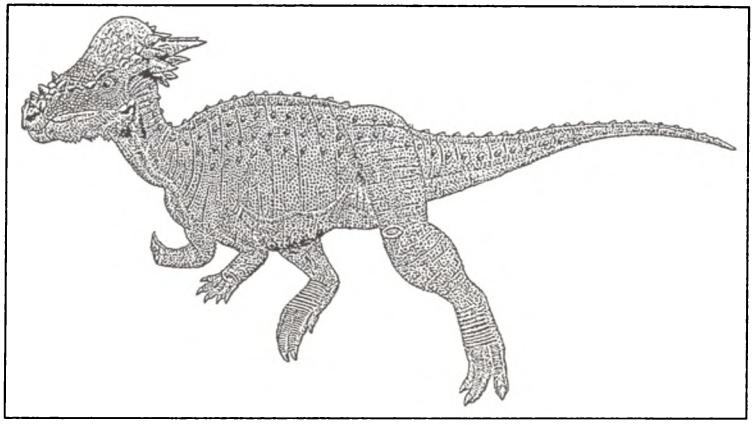
ядных и плотоядных пресмыкающихся, процветавших в минувшие века и затем исчезнувших с лица Земли. Невнимательный наблюдатель может предположить, что в этом втором длинном, вновь начавшемся периоде тепла и изобилия природа просто повторила первый период, причем травоядные и плотоядные млекопитающие соответствовали травоядным и плотоядным динозаврам, а птицы — птеродактилям и т. п. Но это будет лишь очень поверхностное сравнение. Разнообразие Вселенной беспредельно; она вечно прогрессирует, история никогда не повторяется, и никакие параллели не бывают вполне истинными. Различия между жизнью мезозойского и кайнозойского периодов гораздо глубже, чем сходство.

Самое основное из этих отличий заключается в умственной жизни обоих периодов. Оно вытекает, главным образом, из постоянного контакта родителей с детенышами, которым жизнь млекопитающих и отчасти птиц отличается от жизни пресмыкающихся. За очень немногими исключениями, пресмыкающиеся бросают свои яйца на произвол судьбы. Детеныш пресмыкающегося не имеет никакого понятия о своих родителях; его умственная жизнь, такая, как она есть, начинается и кончается его собственным опытом. Он может терпеть существование себе подобных, но не имеет общения с ними; он никогда не подражает, никогда не учится от них, неспособен к совместным с ними действиям. Он ведет жизнь изолированного индивидуума. Но из кормления и заботы о детенышах, которые свойственны новым видам млекопитающих и птиц, возникает возможность обучения путем

подражания, общения при помощи предостерегающих криков и других согласованных действий, взаимного влияния и наставления. На Земле появляются существа, поддающиеся обучению.

Первые млекопитающие кайнозойского периода, однако, немногим превосходят по величине мозга наиболее активных из плотоядных динозавров; по мере того, как летопись приближается к нашему времени, мы находим в каждом поколении и роде млекопитающих животных всеобщее неуклонное стремление к увеличению объема мозга. Так, например, на сравнительно ранней ступени мы встречаем носорогоподобных зверей. Известно некое животное, титанотерес, жившее в самом раннем отделе этого периода. Оно было, по всей вероятности, очень похоже на современных носорогов по своим особенностям и потребностям. Но объем его мозга не составляет и одной десятой мозга его ныне живущего преемника.

Первые млекопитающие, должно быть, разлучались со своими детенышами, как только кончалось время кормления, но когда способность взаимного понимания уже зародилась, должно было появиться и сознание преимуществ, связанных с продолжением этой связи, каковые очень велики. И мы вскоре находим много пород млекопитающих, обнаруживающих начала настоящей общественности и держащихся вместе стадами, стаями и сворами, охраняющих друг друга, подражающих друг другу, принимающих друг от друга предостережения криками и действиями. Это нечто, до сих пор невиданное в среде позвоночных животных. Пресмыкающиеся и рыбы встречались, без сомнения, стаями и массами;



Пахицефалозавр

они вылупливались в огромном количестве, а одинаковые условия сохраняли их вместе, но у общественных и стадных млекопитающих связь возникает не просто под давлением внешних условий: она поддерживается внутренним импульсом. Нельзя сказать, что они просто похожи друг на друга и таким образом оказываются в одно время в тех же местах. Нет, они любят друг друга и поэтому держатся вместе.

Это различие между миром пресмыкающихся и миром нашего человеческого разума принадлежит к таким, через которые не в силах перешагнуть наши симпатии. Мы не можем осознать в самих себе быструю, несложную, отвечающую немедленной потребности инстинктивность побуждений пресмыкающегося, его аппетиты, страхи, ненависти.

Мы не в состоянии понять их во всей их простоте, ибо все наши мотивы сложны; они не представляют собой

простых потребностей, а являются результатом размышления и взвешивания. Но млекопитающие и птицы обладают способностью сдерживаться и заботиться о других индивидуумах, им свойственно стремление к общественности, самообладание; другими словами, они подобны нам самим, но лишь стоят на более низком уровне. Мы можем, следовательно, установить связь почти со всеми их разновидностями. Когда они страдают, они кричат и производят движения, которые будят в нас сочувствие. Мы можем сделать из них понятливых любимцев, вызвать в них ответную привязанность. Их можно приучить к сдержанности в отношении нас, приручить и обучить.

Необыкновенное увеличение мозга, являющееся центральным фактом кайнозойского периода, свидетельствует об установлении новых связей и взаимоотношений между индивидуумами. Оно предвещает развитие человеческих обществ, о которых у нас скоро будет речь. По мере того, как развивалась кайнозойская эра, сходство между тогдашней флорой и фауной и той, которая населяет мир в настоящее время, все возрастало. Огромный, неуклюжий винтатерес и титанотерес, чудовищные, неповоротливые животные, не похожие ни на одно живое существо нашего времени, исчезли. С другой стороны, ряд форм последовательно поднимался по определенным ступеням от причудливых, неуклюжих предков к жирафам, верблюдам, лошадям, слонам, оленям, собакам, львам и тиграм ныне существующего мира. Эволюция лошади особенно ясно видна в геологической летописи. Мы обладаем прекрасной полной сери-

ей форм лошади от ее маленького, похожего на тапира, предка из ранней кайнозойской эры. Есть еще животные, постепенное развитие которых удалось довольно точно проследить — это ламы и верблюды.

ГЛАВА 9. МАРТЫШКИ, ОБЕЗЬЯНЫ И ПОД-ЧЕЛОВЕК

Естествоиспытатели делят класс млекопитающих на известное число разрядов. Во главе их стоит разряд приматов, включающий лемуров, обезьян и человека. Эта классификация была основана вначале лишь на анатомическом сходстве и не принимала во внимание умственных качеств.

Историю приматов чрезвычайно трудно расшифровать в геологической летописи. К этому разряду относятся большей частью животные, населяющие лесные дебри, как лемуры и обезьяны, или живущие на голых скалистых местах, как павианы. Они редко тонут или покрываются отложениями; к тому же большинство видов не отличается многочисленностью особей. Таким образом, среди ископаемых они фигурируют гораздо реже, чем предки лошадей, верблюдов и т. п. Но все же нам известно, что в самом начале кайнозойского периода, т.е. приблизительно около сорока миллионов лет тому назад, появились первобытные обезьяны и лемуроподобные существа с менее развитым мозгом и не столь дифференцированные, как их позднейшие преемники.

Великое лето Земли в середине кайнозойского периода наконец прекратилось. Ему было предназначено после-

довать за двумя другими великими летними периодами в истории Земли, летом угольных болот и летом эры пресмыкающихся. Земле снова предстояло пройти через ледниковый период. Мир замерз, оттаял на время и замерз снова. Там, где в настоящее время беспечно разгуливают взад и вперед бульварные журналисты, в далеком жарком прошлом пробирались сквозь буйную субтропическую растительность гиппопотам и ужасный тигр с клыками, похожими на кинжалы; саблезубый тигр охотился за своей добычей. Но вот наступили мрачные времена, а за ними и еще более мрачные. Произошло великое искоренение и уничтожение видов. Один из видов носорога, весь покрытый шерстью, приспособился к холодному климату и уцелел вместе с мамонтом — огромным, также покрытым шерстью родичем слона, полярным мускусным быком и северным оленем. Столетие за столетием полярный ледяной покров, смертоносная зима ледникового периода, сползал все дальше и дальше к югу. В Англии он дошел почти до Темзы, в Америке достиг Огайо. Наступили более теплые промежутки в несколько тысяч лет и возвраты к еще более жестоким холодам.

Геологи называют эти периоды вечной зимы Первым, Вторым, Третьим и Четвертым ледниковыми периодами, а промежутки — междуледниковыми периодами. Мы живем теперь в мире, все еще истощенном и искалеченном этой ужасной зимой. Первый ледниковый период начался 600 000 лет тому назад. Четвертый достиг наибольшей суровости около 50 000 лет тому назад. И вот среди снегов этой долгой зимы и

зародилось на нашей планете первое человекоподобное существо.

К середине кайнозойской эры появились уже различные обезьяны со многими человекоподобными особенностями в строении челюстей и костей конечностей, но только приближаясь к ледниковым периодам, мы встречаем следы существ, о которых можем говорить как о «почти людях». Эти следы — не кости, а утварь. В Европе среди находок этого периода, длившегося от полумиллиона до миллиона лет, — кремни и камни, которые, очевидно, были оббиты намеренно каким-нибудь обладающим руками существом, желавшим ударять, скоблить или сражаться при помощи заостренного конца. Эти вещи были названы «эолитами» (камни зари жизни). В Европе не найдено костей или каких-либо других следов существ, которые сделали эти предметы — ничего, кроме самих предметов. У нас нет полной уверенности в том, что они не сделаны какой-нибудь умной, но совсем не человекообразной обезьяной. Однако в Триниле на Яве среди ископаемых этой эпохи были обнаружены кусок черепа и различные зубы и кости какой-то породы обезьяночеловека, мозговое вместилище которой превосходит по размерам черепа всех прочих из когда-либо живших и живущих обезьян и которая, по-видимому, держалась вертикально. Это существо названо теперь Pytecanthropus erectus, «прямоходящий обезьяночеловек», и маленький поднос, наполненный его костями, является доныне единственной точкой опоры нашего воображения в попытке восстановить образ творцов эолитов.

Мы не находим никаких других частей под-человека вплоть до времени образования песчаников, насчитывающих почти четверть миллиона лет существования. Но зато попадается множество утвари, и она непрерывно улучшается в качестве по мере того, как мы читаем дальше летопись. Это уже больше не неуклюжие эолиты, теперь это острые орудия, сделанные со значительным искусством. И они много больше соответствующих орудий, позднее сделанных настоящими людьми. Затем в песчаном колодце в Гейдельберге появляется единственная человекообразная челюстная кость, неуклюжая челюстная кость, без малейшего признака подбородка, гораздо более тяжелая, чем настоящая человеческая челюсть и настолько узкая, что язык животного, несомненно, не мог в ней двигаться для членораздельной речи. По мощи этой челюстной кости ученые предполагают, что обладатель ее был тяжелым чудовищем, с огромными конечностями, с густой волосатой шерстью и называют его гейдельбергским человеком.

Эта челюсть, я думаю, является одним из самых дразнящих наше человеческое любопытство предметов в мире. Видеть ее — все равно, что смотреть в прошлое сквозь испорченное стекло, лишь мельком, как в тумане, кинуть мучительно короткий взгляд на это существо, неуклюже двигающееся по мрачной пустыне, карабкающееся, чтобы избежать саблезубого тигра, и следящее за мохнатым носорогом в лесу; но прежде, чем нам удается рассмотреть чудовище, оно исчезает. Однако земля обильно усеяна неразрушимой утварью, которую оно оббивало для своих нужд.

Еще более заманчивы и загадочны остатки какого-то существа, найденные в Пилтдауне в Суссексе, которые, быть может, принадлежат эпохе, отдаленной от нас на сто или сто пятьдесят тысяч лет, хотя некоторые авторитеты и склонны считать, что эти странные останки еще более раннего происхождения, чем гейдельбергская челюстная кость. Это остатки массивного подчеловеческого черепа, превосходящие по величине черепа всех ныне существующих обезьян, и челюстная кость, напоминающая таковую же у шимпанзе; эта кость, может быть, относится, а может быть, и не относится к черепу; кроме того, там же найден имеющий форму палицы кусок слоновой кости, очевидно, тщательно обработанный, с пробуравленным в нем отверстием. Тут же находится берцовая кость оленя с нарезами, напоминающими бирку. Это все.

Что же это было за существо, умевшее буравить отверстия в костях?

Ученые назвали его эоантропос, человек зари жизни. Он стоит отдельно от своей родни; он значительно отличается как от гейдельбергского существа, так и от всех ныне живущих обезьян. Нигде не обнаружено никаких других костей, подобных его костям. Но в песчаных наносах, образовавшихся за последние сто тысяч лет, обнаружено все возрастающее количество утвари, кремней и сходных с ними камней. И эта утварь уже не грубые эолиты. Археологи теперь в состоянии различить инструменты для скобления, буравы, ножи, стрелы, камни для метания и секиры.

Мы подходим очень близко к человеку. В следующей главе нам придется описывать самого странного из всех

этих предшественников человечества, неандертальского человека, который был почти, но все же не вполне человеком.

Но, может быть, будет полезно вполне определенно установить здесь, что ни один ученый не предполагает в каком-нибудь из этих существ, ни в гейдельбергском человеке, ни в эоантропосе, прямых предков современного человека. Это лишь ближайшие родственные формы.

ГЛАВА 10. НЕАНДЕРТАЛЬСКИЙ И РОДЕЗИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Около пятидесяти или шестидесяти тысяч лет тому назад, перед самым апогеем Четвертого ледникового периода, на Земле жило существо, столь похожее на человека, что остатки его до самого последнего времени принимались за бесспорно человеческие. У нас имеется его череп, кости и большое скопление крупных орудий, которые он сделал и которыми пользовался. Он разводил огонь. Он укрывался в пещерах от холода. Он, вероятно, умел грубо обрабатывать шкуры зверей и одеваться в них. Он действовал преимущественно правой рукой, как люди.

И, однако, этнологи теперь говорят нам, что эти существа не были настоящими людьми. Они принадлежали к другому роду того же вида. У них были тяжелые, выдающиеся челюсти, очень низкий лоб и выдающиеся надбровные дуги. Их большие пальцы не были отделены от остальных, как у людей; их шея была устроена так, что они не могли поворачивать назад голову и смотреть вверх на небо. Они, по всей вероятности, двигались тяжелой

поступью, с головой, наклоненной вниз и вытянутой вперед. Их челюстные кости с совершенно срезанным подбородком похожи на гейдельбергскую челюстную кость и заметно отличаются от человеческих. Большая разница существует также между их зубами и зубами человека. Их коренные зубы обладали более сложным строением; кроме того, они не имели выраженных резцов нормального человеческого существа. По объему их череп вполне соответствовали человеческому; мозг их был больше сосредоточен сзади и меньше спереди, чем у людей. Их умственные способности имели совершенно иной характер. Они не были предками человеческого рода. Умственно и физически они развивались не так, как человек, а по совершенно иному образцу.

Черепа и кости этой исчезнувшей разновидности человека были найдены в Неандертале и в других местах, и по месту нахождения этот странный прото-человек был окрещен неандертальским человеком, или неандертальцем. Он, должно быть, продержался в Европе в течение многих сотен или даже тысяч лет.

В то время климат и очертания нашего мира сильно отличались от современных. Европа, например, была покрыта льдом, простиравшимся на юг до Темзы, Центральной Германии и России; пролива, отделяющего Францию от Англии, не существовало; Средиземное и Красное моря представляли собой обширные долины, пожалуй, с цепью озер в наиболее глубоких частях, а от современного Черного моря через Южную Россию далеко в Центральную Азию простиралось огромное внутреннее море. Испания и другие части Европы, не покрытые

в то время льдом, состояли из мрачных плоскогорий с климатом более суровым, чем нынешний климат Лабрадора и, только достигнув Северной Африки, можно было найти умеренные климатические условия. По холодным степям Южной Европы с их редкой скудной полярной растительностью бродили такие выносливые существа, как мохнатый мамонт и мохнатый носорог, огромные буйволы и лоси, несомненно, передвигавшиеся вслед за растительностью к северу каждую весну и к югу каждую осень.

Такова была обстановка, среди которой бродил неандерталец, добывая себе пропитание в виде мелкой дичи или плодов, ягод и кореньев. Возможно, что он был, главным образом, вегетарианцем, жевал ветки и коренья. Его ровные стертые зубы свидетельствуют об обилии вегетарианской пищи. Но мы находим в его пещерах также и длинные мозговые кости больших животных, расколотые с целью извлечь мозг. Его оружие не могло быть очень полезно в открытой схватке с крупными зверями; предполагают, что он нападал на них с секирой на опасных бродах рек и даже строил для них западни. По всей вероятности, он следовал за стадами и пожирал всякую падаль, оставшуюся после боя, и, быть может, играл роль шакала по отношению к саблезубому тигру, который все еще жил в его время. Возможно, что под влиянием суровых условий ледникового периода это существо, после долгих веков вегетарианства, начало нападать на животных.

Мы не можем представить себе, как выглядел этот неандертальский человек. Он мог быть покрытым гу-

Одна из первых попыток восстановить облик неандертальца

стой шерстью и быть совсем не похожим на человека. Сомнительно даже, ходил ли он прямо. Возможно, что он пользовался передними конечностями так же хорошо, как и ногами, чтобы поддерживать себя. По всей вероятности, он бродил один или небольшими семейными группами. По строению его челюсти заключают, что он был неспособен к членораздельной речи.

Целые тысячелетия эти неандертальцы были самыми высшими животными, каких когда-либо видели европейские равнины, но затем, каких-нибудь тридцать пять тысяч лет тому назад, по мере того, как климат делался теплее, порода родственных им существ, более умных, более знающих, умевших говорить и действовать совместно, устремилась с юга в неандертальский мир. Они вытеснили неандертальцев из их пещер и становищ; они охотились за той же дичью; они, по всей вероятности, вступили в борьбу со своими чудовищными пред-

шественниками и истребили их. Эти пришельцы с юга или востока, — ибо в настоящее время мы не можем установить страны, из которой они происходили, — заставившие неандертальцев, в конце концов, совершенно прекратить существование, были существами, родственными нам, первыми настоящими людьми. Их черепа, большие пальцы, затылки и зубы анатомически вполне схожи с нашими. В пещерах Кроманьона и Гримальди были найдены скелеты, представляющие собой первые истинные человеческие останки, известные до сих пор. Итак, наш род появляется в летописи Земли, и история человечества начинается.

В те дни мир становился все более похожим на наш, хотя климат по-прежнему оставался суровым. В Европе ледники ледникового периода начали понемногу исчезать. По мере того, как степи все больше покрывались травой, северный олень Франции и Испании уступал место большим табунам лошадей, а мамонты становились все более и более редким явлением в южной Европе и, в конце концов, отошли окончательно на север.

Мы не знаем, где впервые появился настоящий человек. Но летом 1921 г. в Бревен Хилле в Южной Африке был найден крайне интересный череп вместе с частями скелета, являющийся, как полагают, остатками третьего вида человека, промежуточного по своим особенностям между неандертальцем и человеком. Череп указывает на мозг, сильнее развитой спереди и менее развитой сзади, чем у неандертальца, а голова была, должно быть, посажена прямо на позвоночник, совершенно по-человечески. Но лицо было, вероятно, похоже на обезьянье, с огромными

надбровными дугами и выступающим рубцом, швом вдоль середины черепа. Зубы и кости также были совершенно человеческие. Это существо было действительно настоящим человеком, с обезьяньим, так сказать, неандертальским лицом. Этот родезианский человек, очевидно, гораздо ближе к настоящему человеку, чем неандертальский.

Родезианский череп окажется, вероятно, только вторым номером в будущем длинном списке следов подчеловеческих видов, живших на Земле в долгий промежуток времени между началом ледникового периода и появлением их общего преемника, общего наследника и, быть может, общего истребителя — настоящего человека. Сам по себе родезианский череп, быть может, не очень древний. До времени выхода этой книги точного определения его вероятного возраста не существовало. Возможно, что это подчеловеческое существо жило в Южной Африке до совсем недавних времен.

ГЛАВА 11. ПЕРВЫЙ НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Первые известные в настоящее время науке признаки и следы неоспоримо родственной нам породы людей были найдены в Западной Европе, в частности, во Франции и Испании. Кости, оружие, рисунки, выцарапанные на камнях и костях, сделанные, как полагают, 30 000 или более лет тому назад, были обнаружены в обеих странах. Испания в настоящее время является самой богатой страной мира по количеству останков истинных человеческих предков.

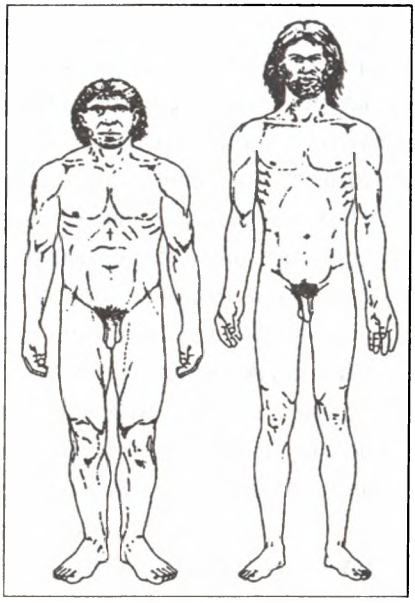
Конечно, существующие у нас собрания этих предметов являются лишь зачатком коллекций, на которые мы можем рассчитывать в будущем, когда налицо будет достаточно ученых, способных произвести тщательные исследования всевозможных источников, и когда другие страны мира, ныне недоступные археологам, будут подробно изучены. Большая часть Африки и Азии до сих пор никогда даже не посещалась опытным наблюдателем, который интересовался бы подобными вопросами и имел бы возможность приступить к раскопкам, и поэтому мы должны строго воздерживаться от заключения, что первые истинные люди были определенно жителями Западной Европы или — что они впервые появились в этой местности.

В Азии, или в Африке, или в частях суши, ныне покрытых морем, могут находиться более ранние и более богатые депозиты останков настоящих людей, чем все те, которые были открыты до сих пор. Я говорю об Азии или Африке, ибо в Америке до настоящего времени, за исключением одного зуба, не было сделано никаких находок, относящихся к приматам вроде больших обезьян, неандертальского подчеловека или первого истинного человека. Эти существа, по-видимому, развивались почти исключительно в Старом Свете, и только к концу древнего каменного века человеческие существа, по всей вероятности, впервые перешли через перешеек, перерезанный теперь Беринговым проливом, на американский континент.

Эти первые настоящие человеческие существа, с которыми мы знакомимся в Европе, как будто уже принад-

лежали, по меньшей мере, к двум, резко отличающимся друг от друга расам. Один из этих видов превосходит объемом череп современного среднего мужчины. Один из мужских скелетов больше шести футов росту. Физический тип напоминает тип североамериканских индейцев. По пещере Кроманьон, где были найдены первые скелеты этих людей, они были названы кроманьонцами. Это были дикари, но дикари высшего порядка. Вторая раса, раса останков, найденных в пещере Гримальди, носит определенно негроидный характер. Ее ближайшими живыми родственниками являются бушмены и готтентоты Южной Африки. Интересно установить, что в самом начале известной нам истории человечества последнее было уже разделено в расовом отношении, по меньшей мере, на две главные разновидности; невольно чувствуешь соблазн к построению таких недоказуемых предположений, что первая раса была, должно быть, скорее смуглой, чем черной, и явилась с востока или севера, а последняя была скорее черной, чем смуглой, и пришла с экваториального юга.

И эти дикари, жившие, быть может, сорок тысяч лет тому назад, были настолько похожи на современных людей, что прокалывали дырки в раковинах, делали из них ожерелья, татуировали свои тела, вырезали изображения из кости и камня, выцарапывали фигуры на камнях и костях и делали грубые, но часто очень похожие наброски животных и т. п. на гладких стенах пещер и на подходящих для этой цели поверхностях скал. Они изготовляли огромное количество орудий, гораздо более мелких размеров и более искусно сделанных, чем



Неандерталец и кроманьонец

у неандертальских людей. В наших музеях имеется теперь огромное количество их утвари, статуэток, рисунков на камнях и т.п.

Первые из этих людей были охотниками. Главным предметом их преследований являлась дикая лошадь, маленький бородатый пони того времени. Они следовали за ней, когда она передвигалась куда-нибудь в поисках пастбищ. Также охотились они и на бизона. Они знали мамонта, ибо оставили нам поразительно похожие изображения этого животного. Судя по одному, довольно, впрочем, двусмысленному изображению, они ловили их в западни и убивали их.

Охотились они с дротиками и метательными камнями. У них, кажется, не было луков; сомнительно, чтобы они умели приручать животных. Собак у них не было. Существует вырезанное изображение лошадиной головы и один или два рисунка, изображающих как бы запряженную лошадь, обмотанную сплетенной кожей или сухожилиями. Но маленькие лошадки той эпохи и местности не могли бы нести на спине человека, и если лошадь была приручена, она служила, должно быть, лишь вьючным животным. Сомнительно и невероятно, чтобы они выучились несколько неестественному употреблению в качестве пищи молока животных.

Как кажется, они не воздвигали никаких сооружений, хотя могли иметь палатки из шкур; они лепили фигуры из глины, но, несмотря на это, так и не дошли до выделки глиняной посуды. При отсутствии кухонной утвари их стряпня должна была быть очень примитивной, или же они вовсе не готовили. Они не имели понятия об обработке земли и не имели никакого представления о плетении корзин или тканой одежде. Если не считать плаща, кож и шкур, это были голые татуированные дикари.

Эти первые древнейшие известные нам люди охотились в открытых степях Европы, быть может, сотни веков, и затем стали медленно оседать и приспосабливаться к изменению климатических условий. Климат Европы с каждым веком становился все более теплым и влажным. Северный олень уходил к северу и востоку, бизон и лошадь следовали за ним. Степи уступили место лесам, и красный олень заменил лошадь и бизона.

В связи с изменением ее назначения изменяется и самая утварь. Рыбная ловля в реках и озерах начинает приобретать большое значение для человека, и количество тонких орудий из костей все увеличивается. «Костяные иглы этой эпохи, — говорит Мортилье, — значительно превосходят таковые в позднейшие, даже исторические времена, вплоть до эпохи Возрождения. Римляне, например, никогда не имели игл, способных выдержать сравнение с иглами этой эпохи».

Около пятнадцати или двенадцати тысяч лет назад новый народ проник на юг Испании и оставил там замечательные собственные изображения на открытых поверхностях скал. Это были азилианцы, названные так по пещере Мас-д'Азиль. Они были уже знакомы с луком, кажется, носили головные уборы из перьев, и очень недурно рисовали. Свои рисунки азилианцы свели к некоторому символизму — человек, например, изображался одним вертикальным штрихом с двумя или тремя горизонтальными, что указывает на зарождение идеи письма. Против изображений охоты часто имеются знаки вроде знаков на бирке, один набросок изображает двух людей, выкуривающих пчелиный улей.

Это последние из людей, которых мы называем жителями палеолитического (древнего каменного века), потому что у них была только оббитая утварь. Около десяти или двенадцати тысяч лет тому назад в Европе занялась заря новой жизни: люди научились не только оббивать, но и полировать и обтачивать каменные орудия и положили, таким образом, начало цивилизации. Неолитический век (новый каменный век) начался.

Интересно отметить, что менее ста лет тому назад в отдаленной части света, в Тасмании, существовало еще одно племя человеческих существ, стоявшее на более низком уровне развития в физическом и умственном отношениях, чем любое из этих первых племен человечества, оставивших следы в Европе. Эти племена Тасмании оказались давным-давно отрезанными географическими переменами от остальных людей, и потому у них отсутствовали стимулы к дальнейшему развитию. Они, кажется, скорее вырождались, чем развивались. Ко времени открытия их исследователями-европейцами, они стояли на очень низкой ступени развития, питаясь моллюсками и мелкой дичью. Жилищ у них не было, а существовали становища. Это были настоящие люди, нашего типа, но они не обладали ни ловкостью рук, ни художественными способностями первых настоящих людей.

ГЛАВА 12. ЗАРОЖДЕНИЕ МЫСЛИ

А теперь разрешите нам углубиться в область весьма интересных гипотез. Что должен был чувствовать человек в те далекие первые дни своих похождений? Как думали люди, и о чем они думали в ту отдаленную эпоху охоты и кочевого образа жизни, за четыреста веков до первых посева и жатвы? Это было задолго до того, как впечатления людей стали записываться, и мы можем ответить на эти вопросы лишь на основании выводов и догадок.

Источники, которыми пользовались ученые в своих попытках восстановить это примитивное мышление,

чрезвычайно разнообразны. В последнее время наука психоанализа, исследующая пути, которыми сдерживаются, подавляются, умеряются и заглушаются эгоистические и непосредственные импульсы ребенка с целью приспособить их к требованиям общественной жизни, пролила, по-видимому, значительный свет на историю первобытного общества; другим благодарным источником послужило изучение понятий и обычаев современных нам племен, которые и поныне остались в состоянии дикости. А кроме того, и фольклор, и всякие глубоко укоренившиеся неразумные суеверия, и все предрассудки, сохранившиеся до сих пор даже у цивилизованных народов, — все это является своего рода психологическими окаменелостями, и, наконец, во все возрастающем, по мере приближения к нашему времени, количестве рисунков, фигур, резьбы, символов и т. п. мы находим все более и более ясные указания на те предметы и явления, которые люди находили интересными и достойными запоминания и воспроизведения.

Мышление первобытного человека должно было сильно походить на мышление ребенка, т. е. он, несомненно, мыслил образами. Он сам вызывал эти образы, или образы эти сами представлялись его воображению, и он поступал в соответствии с возбужденными ими эмоциями. Так действует в наше время дитя или необразованный человек. Систематическое мышление является, по-видимому, сравнительно поздним достижением человека; оно не играло никакой видной роли в человеческой жизни вплоть до последних трех тысяч лет. И даже теперь люди, действительно проверяющие

и приводящие в систему свои мысли, составляют лишь незначительное меньшинство. Большая часть населения мира до сих пор живет воображением и страстью.

По всей вероятности, первобытные человеческие общества в первоначальных стадиях человеческой истории представляли собой небольшие семейные группы. Первые племена образовались, вероятно, так же, как и стада и стаи первых млекопитающих, т.е. развились из семей, остававшихся вместе и размножавшихся. Но прежде, чем это могло случиться, должно было произойти известное обуздание первобытного эгоизма индивидуума. Страх перед отцом и уважение к матери должны были сохраняться и в зрелом возрасте, а естественная ревность стариков группы к молодым самцам должна была значительно ослабеть. С другой стороны, мать являлась естественной советчицей и покровительницей детенышей. Человеческая общественная жизнь выросла из борьбы между жестокими первобытными инстинктами детей, выражающимися в стремлении уйти и, в свою очередь, найти себе по достижении зрелости пару, с одной стороны, — и сознанием опасности и невыгодности отделения — с другой. Весьма талантливый антрополог Дж. Дж. Аткинсон в своем «Первобытном праве» показывает, какая значительная часть обычного права дикарей (табу), играющего такую видную роль в жизни каждого племени, может найти себе объяснение в подобном умственном приспособлении потребностей первобытного человека к развивающейся общественной жизни, и последние труды психоаналитиков во многом подтверждают его толкование.

Некоторые теоретики доказывают, что уважение и страх перед старым человеком и эмоциональное отношение первобытного дикаря к покровительствующей ему старой женщине, преувеличенные в снах и обогащенные фантастической игрой воображения, сыграли большую роль в возникновении первобытной религии и в создании образов богов и богинь. В связи с этим почтением к сильным и покровительствующим личностям возникали ужас и благоговение к подобным людям после их смерти, в связи с их появлением в снах. Легко было поверить, что они не перестали существовать, а только странным образом оказались перенесенными в страну большого могущества.

Сны, воображение и страх ребенка гораздо более ярки и реальны, чем у современного взрослого человека, а первобытный человек всегда оставался до известной степени ребенком. Он был также ближе к животным и мог предполагать у них мотивы и поступки, сходные с его собственными. Он мог представить себе животных-помощников, животных-врагов, животных-богов. Только тот, кто в детстве обладал богатым воображением, может снова осознать, какими значительными, важными, зловещими или дружескими должны были казаться людям каменного века причудливые формы скал, заросли леса, деревья и т. п., и как сны и фантазии создавали сказки и легенды вокруг таких явлений, приобретавших достоверность по мере того, как о них рассказывали. Некоторые из этих историй оказывались удачными и вызывали желание пересказать их снова. Женщины рассказывали их детям и, таким образом,

установились известные традиции. До сих пор многие дети, одаренные воображением, выдумывают длинные истории, в которых в качестве главного действующего лица фигурирует любимая кукла, собака или какое-нибудь фантастическое получеловеческое существо, и первобытный человек, по всей вероятности, делал то же самое, но притом он был гораздо более склонен верить в реальность своего героя. Ибо первые известные нам представители настоящих людей были, вероятно, весьма разговорчивыми, общительными существами. В этом отношении они отличались от неандертальцев и имели перед ними преимущество, ибо неандерталец был, вероятно, существом немым. Конечно, первобытная человеческая речь представляла собой вначале лишь весьма скудный набор различных названий и дополнялась жестами и знаками.

Нет дикаря, который стоял бы на такой низкой ступени развития, чтобы не иметь понятия о причине и следствии. Но первобытный человек соединял причину со следствием без особой разборчивости; он очень легко связывал следствие с какой-нибудь совершенно не относящейся к нему причиной. «Ты делаешь то-то и то-то, — рассуждал он, — и происходит то-то и то-то». «Ты даешь ребенку ядовитую ягоду, и он умирает». «Ты съедаешь сердце доблестного врага и становишься сильным». Тут мы имеем два примера соединения причины со следствием: одно правильное, другое неправильное. Мы называем способ связывания причины со следствием в уме дикаря фетишизмом, но фетишизм есть просто-напросто наука дикаря. Она отличается от

современной науки отсутствием системы и критики, а потому чаще впадает в ошибки.

Во многих случаях не представляло труда связать истинную причину с ее следствием, во многих других ошибочные заключения быстро корректировались опытом, но существовал длинный ряд весьма важных для первобытного человека следствий, для которых он настойчиво искал причины и находил совершенно ложные объяснения, но недостаточно ложные или не так очевидно ложные, чтобы их неправильность могла быть сразу обнаружена. Для него, например, было чрезвычайно важно, чтобы дичь водилась в изобилии, или чтобы рыбы в реках было много, и чтобы она ловилась легко, и он, без сомнения, употреблял с твердой верой тысячи талисманов, заклинаний и чар, способных вызвать эти желательные результаты. Другой важной заботой его были болезни и смерть. Случалось, что по стране распространялась зараза, и люди умирали от нее. Случалось, что люди поражались болезнью и умирали или обессиливали без всякой видимой причины. Это также должно было доставить нетерпеливому, эмоциональному разуму примитивного человека много лихорадочной работы. Сны и фантастические предположения заставляли его винить в этом какого-нибудь человека, зверя или предмет и взывать о помощи к другому лицу, животному или вещи. Он обладал чисто детской наклонностью к страху и панике.

Уже в самом начале, в еще немногочисленном племени людей, лица более старые и крепкие умом, разделявшие общие страхи, веривщие в те же вымыслы, но несколько более сильные, чем остальные, должны

были занять место советчиков, предписывать, повелевать. Они объявляли, что это является неблагоприятным, а вот это необходимо сделать; вот это является добрым, а вот то плохим предзнаменованием. Знаток фетиша, знахарь, был первым жрецом. Он поучал, толковал сны, предупреждал, он проделывал сложные фокусы, которые приносили счастье или отвращали бедствие. Первобытная религия не была религией в нашем значении слова, т. е. исповеданием и культом, и первый жрец предписывал то, что являлось на самом деле плодами совершенно произвольной примитивной практической науки.

ГЛАВА 13. НАЧАЛО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Нам до сих пор очень мало известно о начале обработки земли, о переходе людей к оседлому образу жизни, хотя за последние пятьсот лет значительное количество исследований было посвящено именно этим вопросам. В настоящее время мы можем с некоторой уверенностью утверждать лишь, что когда-то, около 15000 или 12000 лет до Р. Х., в то время, как азилианские люди населяли юг Испании, а остатки первых охотников устремлялись к северу и востоку, где-то в Северной Африке, или Западной Азии, или в той обширной средиземной долине, которая погребена теперь под водами Средиземного моря, существовали люди, век за веком вырабатывавшие два жизненно необходимых вида деятельности: обрабатывание земли и приручение животных. Они стали также мастерить впервые, кроме орудий из оббитого кремня своих предков-

охотников, орудия из полированого камня. Они открыли способ плести корзины, ткать грубые ткани из растительных волокон и делать неуклюжую глиняную посуду.

Они вступили в новую стадию человеческой культуры, неолитическую стадию (новый каменный век), в отличие от палеолитической (старого каменного века), кроманьонских, гримальдийских народов, азилианцев и им подобных*). Постепенно эти неолитические люди расселились по наиболее теплым местностям Земли, а ремесла, которые они изобрели, растения и животные, которыми они научились пользоваться, распространились, благодаря подражанию и усвоению, еще более широко, чем они сами. В период около десяти тысяч лет до Р. Х. большая часть человечества уже поднялась до неолитического уровня.

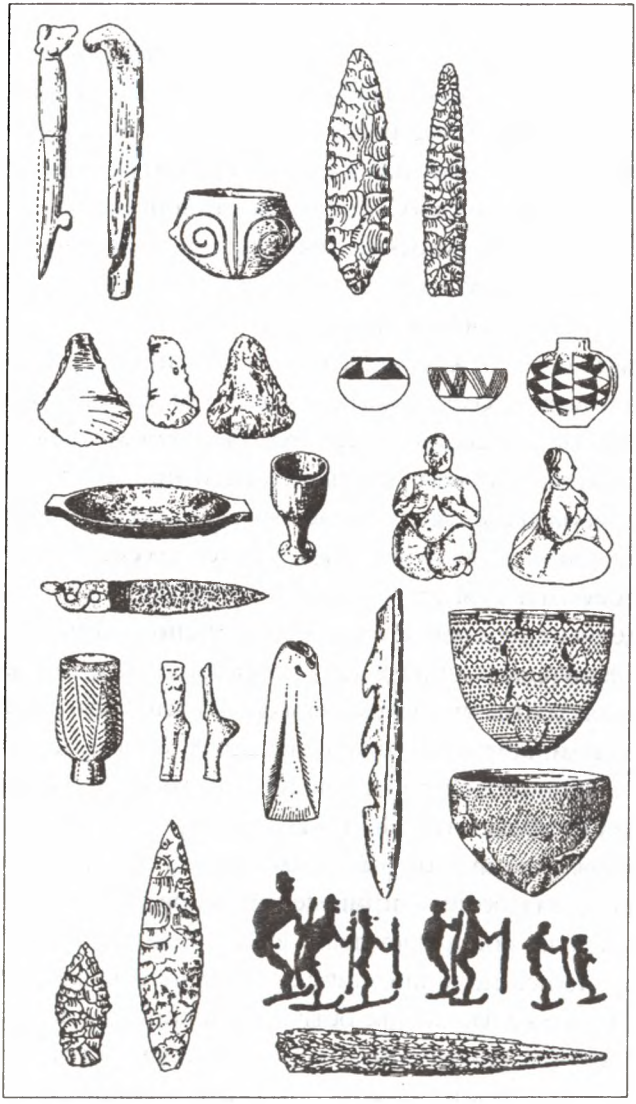
Вспашка земли, посев семян, сбор жатвы, молотьба и размол должны казаться современному сознанию вполне очевидными, последовательными ступенями, точно так же, как для него является банальной истиной то, что Земля круглая. Спрашивается, как можно было иначе действовать? Что же еще оставалось делать? Но для первобытного человека, жившего двадцать тысяч лет тому назад, вся система действий и рассуждений, которая кажется нам такой достоверной и очевидной,

---

* Мы должны заметить, что термин «палеолитический» употребляется также распространительно на неандертальские и даже эолитические каменные орудия. Дочеловеческий период называется «старейшим палеолитическим», а эра настоящих людей, употреблявших неполированные камни? «новейшей палеолитической». (*Примеч. авт.*)

не представлялась вполне ясной. Он ощупью искал правильный способ, проходил через множество испытаний и ошибочных представлений, вызывавших на каждом шагу фантастические и бесполезные осложнения и неправильные толкования. Где-то в области Средиземного моря росла в диком состоянии пшеница, и человек, должно быть, научился толочь ее и растирать ее зерна для пищи задолго до того, как начал сеять. Он умел жать прежде, чем научился сеять.

Чрезвычайно интересно, что во всем мире, повсюду, где существуют посевы и жатвы, можно всегда найти следы прочно установленной первобытным умом связи между представлением о посеве и идеей кровавой жертвы и, первоначально, жертвы человеческой. Изучение происхождения этой связи представляет глубокий интерес для любознательного ума. Заинтересованный читатель найдет очень обстоятельное изложение этого вопроса в капитальном труде Дж. Г. Фрезера «Золотая ветвь». Мы не должны упускать из виду, что эта связь возникла в детском, мечтательном, создавшем мифы, первобытном сознании дикаря; никакими логическими выводами нельзя ее объяснить. Но, по-видимому, у неолитических народов, живших от 12000 до 20000 лет тому назад, существовал обычай принесения человеческой жертвы всякий раз, когда наступало время посева, и в жертву приносились не какие-нибудь незначительные, изгнанные из общества люди: обычно умерщвлялись избранный юноша или девушка, к которым часто относились с глубоким почтением и даже благоговением вплоть до момента их заклания. Такой юноша являлся чем-то



Предметы эпохи неолита

вроде жертвенного бога-царя, и все подробности, сопровождавшие его жертвоприношение, превратились в ритуал, руководимый старейшими, сведущими людьми и освященный выросшим в течение веков обычаем.

Вначале первобытный человек, имевший лишь грубое представление о временах года, должен был натолкнуться на большие трудности при определении наиболее благоприятного момента для принесения жертвы и начала посева. Есть основание предполагать, что существовал такой момент в истории человечества, когда люди не имели понятия о годе. Первая хронология велась в лунных месяцах; предполагают, что годы библейских патриархов являются в действительности месяцами, а Вавилонский календарь носит явные следы попытки вычислить время посева путем отсчитывания тринадцати лунных месяцев от момента предыдущего. Это влияние луны на календарь наблюдается вплоть до наших дней. Если бы привычка не притупила ощущения странности, нам показалось бы весьма удивительным, что христианская церковь празднует распятие и воскресение Христа не в настоящие годовщины, а в числа, которые изменяются из года в год вместе с фазами луны.

Сомнительно, занимались ли первые земледельцы наблюдением над звездами. Более вероятно, что за звездами стали наблюдать впервые кочевые пастушеские племена, которые открыли, что по ним легко узнавать направление. Но как только они поняли, что по звездам можно определять времена года, значение их для земледелия стало очень велико. Время посева оказалось связанным с более северным или более южным положением не-

которых наиболее заметных звезд. Почти неизбежным следствием этого для первобытного человека явились создание мифа и поклонение этой звезде.

Легко заметить, какое значение должен был приобрести в этом раннем неолитическом мире человек знаний и опыта, человек, хорошо знакомый с обрядом кровавого жертвоприношения и положением звезд.

Другим источником влияния для умудренных знаниями мужчин и женщин служили страх перед нечистотой и осквернением и способы очищения, уместные в таких случаях. Ибо наряду с колдунами были и колдуньи, а наряду с жрецами — жрицы. Первый жрец был на самом деле не столько служителем культа, сколько носителем прикладных знаний. Его знания были, главным образом, эмпирические и часто ложные: он ревниво охранял их от остальных людей, но все это отнюдь не меняет того факта, что первоначальные его функции состояли лишь в том, чтобы знать, и что его первоначальная деятельность была деятельностью чисто практической.

Двенадцать или пятнадцать тысяч лет тому назад эти неолитические человеческие общины, обладавшие известными традициями и классом жрецов и жриц, умевшие возделывать поля и строить маленькие, обнесенные стеной города, распространились по всем теплым и хорошо орошенным местностям Старого Света. Век за веком между этими общинами происходил обмен и заимствование идей. Элиот Смит и Риверс употребляли термин «гелиолитическая культура» для обозначения культуры этих первых земледельческих народов. Слово «гелиолитический» (составленный из

слов «солнце» и «камень») не представляется, пожалуй, наиболее подходящим термином для этой культуры, но нам придется его употреблять, пока ученые не дадут нам другого. Зародившись где-то в Средиземных и западноазиатских пространствах, эта культура распространялась век за веком в восточном направлении с острова на остров через Тихий океан, пока не достигла Америки и не смешалась там с более первобытной культурой монгольских переселенцев, спустившихся туда с севера.

Эти смуглолицые люди гелиолитической культуры приносили с собой всюду известное количество идей и навыков. Некоторые из этих идей настолько странны, что нуждаются в объяснении психологов. Гелиолитические люди сооружали высокие пирамиды и складывали огромные круги из больших камней, быть может, для того, чтобы облегчать жрецам астрономические наблюдения; некоторых или даже всех своих мертвецов они сохраняли в виде мумий; они татуировались и совершали обрезание; у них существовал древний обычай кувады, состоявший в том, что при рождении ребенка отец укладывался на ложе и симулировал роды; они считали приносящим счастье амулетом хорошо известную свастику.

Если бы нам нужно было набросать карту мира и указать пунктиром границу распространения этих обычаев по оставленным ими следам, пришлось бы нарисовать пояс вдоль умеренных и субтропических побережий от Англии (Стоунхендж) и Испании через весь земной шар до самой Мексики и Перу. Но часть Африки, лежащая

ниже экватора, северная Центральная Европа и Северная Азия не имели бы совсем этих точек. Там жили расы, развивавшиеся фактически в самостоятельном направлении.

ГЛАВА 14. ПЕРВОБЫТНЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В период около 10 000 лет до Р. Х. географические очертания поверхности земного шара очень походили на современные. Весьма возможно, что к тому времени большой водораздел, пересекавший Гибралтарский пролив и преграждавший до тех пор водам океана путь в средиземноморскую долину, был уже размыт, и эта долина была обращена в море с теми же приблизительно очертаниями берегов, что и сейчас. Каспийское море было, вероятно, все еще гораздо более обширно, чем теперь, и соединялось, быть может, с Черным морем к северу от Кавказских гор. Окружавшие это обширное среднеазиатское море страны, представляющие теперь степи и пустыни, были плодородны и пригодны для жизни. Вообще климат Земли был более влажный и плодородный. Европейская Россия представляла собой болотистую и озерную страну в гораздо большей степени, чем теперь; весьма возможно, что между Азией и Америкой существовал перешеек на месте Берингова пролива.

Уже в то время можно было различить важнейшие расовые подразделения человечества, которые мы знаем в настоящее время. Умеренные области и прибрежные страны этого более теплого и лесистого пояса земного

шара были населены смуглыми людьми гелиолитической культуры, предками большинства нынешних обитателей бассейна Средиземного моря: берберов, египтян и большинства населения Южной и Восточной Азии. Эта многочисленная раса имела, конечно, много разновидностей. Иберийцы или жители бассейна Средиземного моря, то есть «темно-белая раса» побережья Атлантического океана и Средиземного моря; хамитские народы, к которым принадлежат берберы и египтяне; дравиды, то есть более темные народы Индии; множество остиндских народов, большое количество маорийских и полинезийских племен, представляют собой стоявшие на разных ступенях культуры подразделения этой огромной основной массы человечества; ее западные разновидности белее восточных. В лесах же Центральной и Северной Европы стала выделяться более светлая белокурая общность людей с голубыми глазами, отделившаяся от главной массы смуглых людей, разновидность, которую многие называют теперь северной расой. В более открытых областях Северо-Восточной Азии жила другая ветвь этой смуглой расы, обладавшая более косыми глазами, выдающимися скулами, желтоватой кожей и очень прямыми черными волосами; это были монголоидные народы. В Южной Африке и в Австралии, на многих тропических островах близ юга Азии жили остатки первых негроидных племен. Центральная Африка уже представляла собой область расового смешения. Почти все цветные племена Африки являются продуктом скрещения смуглых народов севера с основным негритянским элементом.

Мы должны помнить, что человеческие расы могут свободно скрещиваться, что они расходятся, соединяются и сливаются вместе, подобно облакам. Человеческие расы не разветвляются, подобно деревьям, ветви которых никогда уже потом не соприкасаются. Мы ни при каких обстоятельствах не должны упускать из виду этого беспрестанно повторяющегося смешения рас. Это избавит нас от многих жестоких заблуждений и предрассудков. Люди употребляют слово «раса» в самом туманном смысле и основывают на этом самые нелепые выводы. Они говорят о «британской» расе, о «европейской» расе, но почти все европейские народы являются продуктом беспорядочного смешения смуглых, темно-белых, белых и монголоидных элементов.

В неолитическую эпоху народы монгольской ветви впервые перебрались в Америку. По-видимому, они переправились через Берингов пролив и распространились на юг. Они нашли канадского и американского северного оленя на севере и табуны бизонов на юге. Когда они достигли Южной Америки, там все еще жили глиптодон, гигантский армадилл и мегатерий, чудовищный неуклюжий ленивец величиной со слона. Последнего они, вероятно, истребили, ибо он был так же беспомощен, как и огромен.

Большая часть этих американских племен никогда не поднялась выше уровня охотничьей, кочевой, неолитической жизни. Они так и не открыли пользы железа, их основное богатство в смысле металлов ограничивалось местным золотом и медью. Но в Мексике, Юкатане и Перу существовали условия, благоприятные для осед-

лой культуры, и там примерно за тысячу лет до Р. Х. или около этого времени возникла параллельно цивилизации Старого Света, но все же отличная от нее по типу, новая, очень любопытная цивилизация. Как и в гораздо более ранних цивилизациях древнего мира, в этих общинах замечается широко распространенный обычай человеческих жертвоприношений, связанный с процессами посева и жатвы. Но в то время, как в старом мире, как мы увидим дальше, эти первобытные идеи, в конце концов, смягчились, осложнились и были подавлены другими, в Америке они развились и были доведены до чрезвычайно высокой степени интенсивности. Эти американские цивилизованные страны являлись, по существу, теократическими государствами, управляемыми жрецами; их военные вожди и правители были строго подчинены обычаю и связаны предзнаменованиями.

Жрецы этих народностей довели астрономические знания до высокой степени точности. Они знали астрономический год лучше, чем вавилоняне, о которых у нас скоро будет речь. В Юкатане у них существовал вид письма — письмо майя — чрезвычайно любопытного характера и тщательно разработанное. Насколько нам удалось расшифровать его, оно употреблялось главным образом для ведения точного и сложного календаря, на составление которого жрецы тратили все свои умственные силы. Искусство майянской цивилизации достигло расцвета лет за семьсот или восемьсот до Р. Х. Скульптурные произведения этих народов поражают современного наблюдателя своей необыкновенной пластичностью и нередко красотой, но в то же

время приводят его в замешательство своей гротескностью, какой-то безумной условностью и сложностью, выходящей из круга наших понятий. В Старом Свете нет ничего подобного этим произведениям. Наибольшее сходство с ними, да и то очень отдаленное, усматривают в архаических скульптурных произведениях Индии. Везде на этих рисунках мы встречаем развевающиеся перья и сплетающиеся и расплетающиеся клубки змей. Из всех произведений Старого Света, майянские надписи больше всего напоминают некоторые виды замысловатых рисунков, сделанные пациентами в сумасшедших домах Европы. Кажется, будто мышление майя развивалось по другому пути, чем мышление Старого Света; оно отличалось своеобразным ходом мыслей и не было, с точки зрения Старого Света, вполне здравым.

Приписываемая этим американским цивилизациям иррациональность находит себе подтверждение в свойственной им в чрезвычайно сильной степени одержимости, выражающейся в стремлении проливать человеческую кровь. Особенно отличалась в этом отношении мексиканская цивилизация. Она приносила в жертву каждый год тысячи человеческих жизней. Вспарывание живых жертв, извлечение еще трепещущего сердца, было событием, владевшим умами и жизнями этого странного жречества. Общественная жизнь, народные празднества — все сводилось к этому фанатически чудовищному акту.

Обычное существование низших классов в этих государствах очень походило на быт всех других земледельцев-

варваров. Их гончарные изделия, ткани и краски были очень хороши. Майянские письмена не только вырезались на камне, но писались и рисовались на шкурах и т. п. Европейские и американские музеи содержат много загадочных манускриптов майя, в которых, кроме дат, расшифровано лишь очень немного. В Перу существовали зачатки подобной же письменности, но они были вытеснены особой системой сохранения преданий при помощи завязывания узлов на веревках. Подобная же система веревочной мнемоники существовала в Китае около тысячи лет тому назад.

В Старом Свете за четыре или пять тысяч лет до Р. Х., т.е. на три или четыре тысячи лет раньше, существовали первобытные культуры, не лишенные сходства с американскими, культуры, сосредоточивавшиеся вокруг храма, обладавшие большим количеством установленных кровавых жертвоприношений и усердно занимающиеся астрономией и жречеством. Но в Старом Свете первобытные цивилизации оказывали влияние друг на друга и развивались в направлении условий нынешнего нашего мира. В Америке эти первобытные цивилизации никогда не поднялись над уровнем примитивной культуры. Каждая из них составляла обособленный маленький мирок. Мексика, кажется, знала очень мало или совсем ничего о Перу до тех пор, пока в Америке не появились европейцы. Картофель, составлявший основную пищу в Перу, был неизвестен в Мексике.

Век за веком эти народы жили, поклонялись своим богам, приносили жертвы и умирали. Искусство майя развилось до высокой степени декоративного велико-

лепия. Люди любили и вели войны. Засухи и урожаи, болезни и здоровье сменялись одни другими. Жрецы в течение долгих веков разрабатывали свои календари и жертвенные ритуалы, но мало прогрессировали в других областях.

ГЛАВА 15. ШУМЕРЫ, ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ И ПИСЬМЕННОСТЬ

Старый Свет представлял собой более широкую и более разнообразную арену, чем Новый. За шесть или семь тысяч лет до Р. Х. в нем существовали стоявшие почти на уровне перуанской культуры, уже цивилизованные государства, возникшие в плодородных областях Азии и в долине Нила. В то время Северная Персия, Западный Туркестан и Южная Аравия были гораздо более плодородны, чем теперь; эти страны все еще носят следы существования очень древних государств. Однако лишь в низменной части Месопотамии и в Египте впервые появляются города, храмы, системы орошения и признаки общественной организации, возвышающиеся над уровнем простого варварского города-села. В те дни Тигр и Евфрат впадали в Персидский залив отдельными устьями, и в местности, заключенной между ними, шумеры построили свои первые города. В это же приблизительно время началась историческая жизнь Египта.

Шумеры, как кажется, были смуглокожим народом с выдающимися носами. У них было письмо, которое удалось расшифровать, и их язык теперь известен. Они открыли бронзу и умели строить огромные, имевшие вид ба-

шен, храмы из обожженных на солнце кирпичей. Глина в этой стране очень хороша. Они употребляли ее для письма, благодаря чему их надписи сохранились до нашего времени. У них был рогатый скот, овцы, козы и ослы, но лошадей не было. Они сражались пешими, сомкнутым строем, вооруженные копьями и щитами из кожи. Они носили шерстяную одежду и брили головы.

Каждый шумерский город был, по-видимому, независимым государством с собственными богами и жрецами. Но время от времени один из городов делал попытку установить власть над другими и собирать дань с их населения. Очень старая надпись в Нипуре отмечает «владычество» — первую известную нам попытку установить свою власть — шумерского города Эреха. Его бог и царь-жрец простирали свое влияние от Персидского залива до Красного моря.

Вначале письменность являлась просто сокращенной системой записи посредством рисунков. Люди начали писать еще и до неолитической эпохи. Азилианские рисунки на скалах, о которых мы уже упоминали выше, показывают нам начало этого процесса. Многие из них изображают охоту и походы, и во многих человеческие фигуры нарисованы обычным образом. Но в некоторых из них художник, по-видимому, не захотел возиться с головой и членами и потому просто обозначал человека вертикальной и одной или двумя поперечными чертами. Отсюда уже один шаг к условному сокращенному картинному письму. У шумеров, где писали палочкой по глине, очертания фигур стали вскоре до неузнаваемости непохожими на то, что они изображали, но в Египте, где

люди рисовали на стенах и свитках папируса (первая бумага), сходство с изображаемыми предметами сохранилось. Ввиду того, что деревянные стилеты, которыми писали шумеры, оставляли клинообразные следы, письмо шумеров названо клинописью.

Значительный шаг вперед к письменности был сделан, когда изображения стали употребляться для обозначения не самого изображаемого предмета, а другого, ему подобного. В ребусах, которые всегда имеют очень большой успех у детей определенного возраста, это проделывается до сих пор. Мы рисуем лагерь с палатками и колоколом, и дети приходят в восторг, догадываясь, что это шотландское имя Кемпбел (Campbell). Шумерский язык состоял из соединения слогов, скорее всего, напоминавших современные американо-индийские наречия, и очень легко укладывался в подобную силлабическую систему начертания слов, выражавших понятия, которые не могли быть переданы непосредственно изображениями. Египетское письмо развивалось по такому же пути. Позднее, когда другие чужестранные народы, менее ясно выговаривавшие слоги, начали изучать и употреблять это изобразительное письмо, они вынуждены были сделать в нем дальнейшие изменения и упрощения, приведшие, в конце концов к буквенному письму. Все настоящие азбуки позднейшего мира произошли из слияния клинописи шумеров и египетского иероглифического (жреческого) письма. Позднее условное изобразительное письмо начало развиваться в Китае, но там оно никогда не дошло до алфавитной стадии.

Изобретение письма имело очень большое значение для развития человеческих обществ. Оно дало возможность записывать договоры, законы и приказы. Оно обусловило возможность большого роста государств по сравнению с древнейшими городами-государствами. Распоряжения жреца или царя и его печать могли распространяться теперь далеко за пределы его зрения и голоса и даже пережить его смерть. Интересно отметить, что в древнем Шумере было широко распространено пользование печатями. Цари, аристократия и купцы имели свои печати, часто очень художественно вырезанные, и прикладывали их ко всем глиняным документам, которым они желали придать силу. Так близко подошла цивилизация к печатанию 6000 лет тому назад. Затем глина высушивалась, и документ делался вечным. Ибо читатель должен понимать, что в Месопотамии в течение бесчисленного множества лет все письма, записи и счета писались на относительно мало поддающихся разрушению черепицах. Этому факту мы обязаны огромным богатством сохранившихся об ее жителях сведений.

Бронза, медь, золото, серебро и, как драгоценная редкость, метеоритное железо были известны как в Шумере, так и в Египте в очень раннем периоде их существования.

Ежедневная жизнь в Египте и Шумере, этих первых государствах Старого Света, должна была отличаться большим сходством и, если не считать присутствия рогатого скота и ослов на улицах, несомненно, походила на жизнь в городах майянской цивилизации Америки, возникшей на три или четыре тысячи лет позднее. Боль-

шинство населения в мирное время занималось обработкой земли и орошением ее, за исключением дней, посвященных религиозным празднествам. Денег там не существовало, да и нужды в них не было. Свои мелкие торговые сделки они совершали путем обмена. Князья и владыки, которые одни являлись крупными собственниками, пользовались кусками золота или серебра и драгоценными камнями для совершения всяких случайных торговых сделок. Над жизнью господствовал храм; в Шумере это было большое, похожее на башню, здание, с крыши которого наблюдали за звездами; в Египте же храм представлял собой массивное сооружение, состоявшее из одного лишь нижнего этажа. В Шумере жрец-правитель считался самым великим и прекрасным из всех людей. В Египте же было существо, возвышавшееся над жрецами, то было воплощение божества страны — фараон, бог-царь.

В те дни на земном шаре происходило мало перемен. День протекал мирно, озаренный солнцем, наполненный трудом по установленному порядку. Немногие чужестранцы посещали страну, а те, которые все же приезжали, испытывали большие неудобства. Жрецы руководили жизнью согласно правилам, существовавшим с незапамятных времен, наблюдали за звездами для определения времени посева, толковали предзнаменования при жертвоприношениях и разъясняли вещие сны. Люди трудились, любили и умирали, забыв о прошлом диком состоянии своего рода и не задумываясь над его будущим. Иногда правитель был великодушным существом, как например, Пепи II, правивший Египтом

около 90 лет. Иногда же он оказывался честолюбивым и забирал сыновей своих подданных в солдаты, посылал их против соседних городов-государств сражаться и грабить или заставлял трудиться над постройкой больших сооружений. Такими были Хеопс, Хефрен и Микерин, создавшие огромные погребальные сооружения, пирамиды в Гизе. Самая большая из них имеет 450 футов высоты, а камни, из которых она состоит, весят 4 883 000 тонн. Вся эта огромная масса была привезена по Нилу в лодках и перенесена на место постройки главным образом силой человеческих мышц. Возведение такой усыпальницы должно было истощить Египет больше, чем сделала бы это самая тяжелая война.

ГЛАВА 16. ПЕРВОБЫТНЫЕ КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ

В течение столетий, протекших между 6000 и 3000 лет до Р. Х., не одни жители Месопотамии и долины Нила начали переходить к оседлому образу жизни. Повсюду, где только существовала возможность орошения и обеспеченное на круглый год пропитание, люди сменяли неизвестность и трудности, присущие охотничьему и кочевому образу жизни, на рутину, свойственную оседлому. Народ, известный под именем ассирийцев, основывал города на Верхнем Тигре; в долинах Малой Азии и на побережье и островах Средиземного моря существовали маленькие общины, создававшие свою культуру. По всей вероятности, подобное же развитие человеческой культуры происходило и в благоприятных по условиям областях Индии и Китая. В тех частях

Европы, где имелись изобилующие рыбой озера, давно существовали маленькие поселения людей, живших в хижинах, построенных на сваях над водой; они занимались, кроме земледелия, рыбной ловлей и охотой. Но на более обширных равнинах Старого Света такие поселения были невозможны; страна была чересчур сурова: то покрыта слишком густым лесом, то слишком бесплодна, а климат слишком непостоянен, чтобы люди, снабженные лишь примитивными орудиями и малым опытом той эпохи, могли пустить корни.

Для оседлости в условиях первобытной цивилизации люди нуждались в постоянном снабжении извне водой, тепле и солнечном свете. Там, где эти потребности не удовлетворялись, человек мог жить только как странник, как охотник, преследовавший свою дичь, или как пастух, переходивший с места на место в поисках пастбища в зависимости от времени года, но не как оседлый земледелец. Переход от охоты к скотоводству должен был происходить очень постепенно. От преследования стад дикого рогатого скота или (в Азии) диких лошадей, люди могли перейти к мысли о превращении их в свою собственность, научиться загонять их в долины, бороться ради них с волками, дикими собаками и другими хищными зверями.

Итак, в то время, как первобытные цивилизации земледельцев вырастали главным образом в долинах больших рек, кочевая жизнь, жизнь в непрерывном движении то туда, то сюда, с зимних пастбищ на летние, развивалась своим чередом. Кочевые народы были, в общем, выносливее земледельцев, они были также менее плодовиты и многочисленны, не имели постоянных храмов и высоко

организованного жречества, у них было меньше украшений, но читатель не должен предполагать на этом основании, что их образ жизни стоял на менее высоком уровне развития. Во многих отношениях эта привольная жизнь была полнее жизни земледельца. Личность проявлялась более самостоятельной, меньше походила на единицу в толпе. Вождь имел большее значение, знахарь же, пожалуй, меньшее.

Передвигаясь на большие расстояния, кочевник полнее знакомился с жизнью. Он соприкасался с границами того или иного оседлого государства. Он привыкал к виду незнакомых лиц, Он должен был строить планы и договариваться относительно пастбищ с соперничавшими племенами. О минералах он знал больше, чем люди, сидевшие на пахотных землях, ибо ему приходилось пробираться через горные перевалы и скалистые места. Он должен был быть лучшим металлургом. Возможно, что бронза и плавка железа были открытиями кочевника. Некоторые предметы древнейшей утвари, сделанные из добытого из руды железа, были найдены в Центральной Европе вдали от очагов ранних культур.

Со своей стороны, оседлые народы имели ткани и глиняную посуду и изготовляли много соблазнительных предметов. С того момента, как люди разделились окончательно на эти две ветви, земледельцев и кочевников, между ними неизбежно должно было возникнуть некоторое общение в виде грабежей или торговли. Особенно в Шумере, окруженном со всех сторон пустынями и пастбищами, должна была считаться обычным явлением близость к возделанным полям стоянок кочевников, торговавших,

совершавших кражи, а может быть, и занимавшихся изготовлением различной домашней утвари, подобно современным цыганам (однако кур они красть не могли, ибо домашняя птица — по происхождению птица индийских джунглей — была приручена человеком не ранее как за 1000 лет до Р. Х.). Кочевники привозили с собой драгоценные камни, изделия из металла и кожи, а если были охотниками — шкуры. Взамен они получали глиняную посуду и бусы, стекло, одежды и тому подобные изделия.

В те далекие дни первых культур в Шумере и раннем Египте существовали три области и три разновидности кочевых и полуоседлых народов. В глубине европейских лесов жили белокурые северные народы, охотники и пастухи, в то время игравшие очень незначительную роль. Первобытная цивилизация весьма мало знает о них до 1500 г. до Р. Х. Далеко в степях Восточной Азии различные монгольские племена — гуннские народы — приручали лошадь, в это же время у них устанавливался обычай увеличивать расстояние, смотря по времени года, между своими летними и зимними стоянками. Возможно, что северные и гуннские племена были все еще отделены друг от друга болотами России и обширным Каспийским морем того времени, ибо значительная часть России была покрыта тогда болотами и озерами. В пустынях Сирии и Аравии, становившихся все более бесплодными, племена темно-белых или смуглокожих людей, племена семитские, перегоняли с пастбища на пастбище стада овец, коз и ослов. Эти-то семитские пастухи и некоторые с более ярко выраженным негроидным типом племена из Южной Персии, эламиты, были первыми кочевника-

ми, пришедшими в тесное соприкосновение с древними цивилизациями. Они являлись в качестве торговцев или устраивали набеги. В конце концов, среди них появились вожди, одаренные смелым воображением, и они превратились в завоевателей.

Около 2750 г. до Р. Х. великий вождь семитов, Саргон, покорил Шумер и сделался владыкой всего мира от Персидского залива до Средиземного моря. Это был неграмотный варвар, и его народ, аккадцы, научился шумерскому письму и принял шумерский язык как государственный. Государство, которое он основал, погибло после двух столетий существования, и, вслед за одним из нашествий эламитов, новое семитское племя, аморитты, постепенно утвердило свою власть над шумерами. Они устроили себе столицу в маленьком городке в верховье реки, Вавилоне, и эпоха их владычества получила в истории название Первого Вавилонского царства. Оно значительно увеличилось при великом царе по имени Хаммурапи (около 2100 г. до Р. Х.), который оставил первый известный в истории сборник законов.

Хотя узкая долина Нила менее открыта для вторжения кочевников, чем Месопотамия, все же во времена Хаммурапи произошло победоносное нашествие семитов на Египет, после которого на трон была возведена династия фараонов Гиксосов, или «пастушеских» царей, продержавшаяся несколько столетий. Эти семитские завоеватели так и не ассимилировались с египтянами. На них всегда смотрели враждебно, как на чужестранцев и варваров, и они были, в конце концов, изгнаны народным восстанием около 1600 г. до Р. Х.

Но в Шумере семиты осели прочно, обе расы слились, и Вавилонское царство сделалось семитским по языку и характеру.

ГЛАВА 17. ПЕРВЫЕ НАРОДЫ-МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Первые лодки и суда вошли в употребление, вероятно, около двадцати пяти или тридцати тысяч лет тому назад. Человек, по всей вероятности, уже пытался плавать по воде на бревне или надутой воздухом шкуре не позднее начала неолитической эры. В Египте и Шумере, судя по первым имеющимся у нас об этих странах сведениям, пользовались плетеными лодками, покрытыми кожей и законопаченными. Такие лодки и до сих пор там в ходу. Они употребляются также до сегодняшнего дня в Ирландии, Уэльсе и на Аляске. Даже переправа через Берингов пролив постоянно совершается на лодках из тюленьей кожи. Как только улучшились орудия, появилось в качестве лодки выдолбленное бревно. Постройка судов естественно последовала за постройкой лодок.

Быть может, легенда о Ноевом ковчеге хранит воспоминание о каком-нибудь раннем достижении в деле сооружения судов, точно так же, как предание о потопе, так широко распространенное среди всех народов мира, является, быть может, отзвуком затопления средиземноморского бассейна.

По Красному морю уже плавали суда задолго до постройки пирамид, а на Средиземном море и в Персидском заливе они появились к 7000 г. до Р. Х. Это были большею

частью рыбачьи лодки, но некоторые уже принадлежали купцам и морским разбойникам. Ибо, зная человечество, как знаем его мы, можно смело предположить, что первые мореплаватели грабили, где могли, и торговали, где приходилось это делать.

Моря, по которым отважились плавать эти первые суда, были морями внутренними, где ветер дул лишь временами, и часто на долгий ряд дней воцарялось мертвое спокойствие, поэтому парусные суда продолжали сохранять лишь второстепенное значение. Только за последние 400 лет появились хорошо оснащенные океанские парусные суда. Суда древнего мира принадлежали главным образом к типу гребных судов, которые держались у берегов и входили в гавань при первом признаке дурной погоды. Когда суда выросли в большие галеры, они вызвали необходимость держать в качестве галерных рабов военнопленных.

Мы уже останавливались на появлении семитских народов, бродячих кочевников, в области Сирии и Аравии, а так же и на том, как они завоевали Шумер и основали сначала Аккадское, а затем первое Вавилонское царство. На западе те же семитские народы устремились к морю. Они основали ряд приморских городов вдоль восточного побережья Средиземного моря, из которых главными были Тир и Сидон, а во время царствования в Вавилоне Хаммурапи они распространились в качестве торговцев, путешественников и колонизаторов по средиземноморскому бассейну. Эти семиты-моряки назывались финикийцами. Они в большом количестве осели в Испании, оттеснив назад население древних

иберийцев-басков; они снаряжали береговые экспедиции через Гибралтарский пролив и основывали колонии на северном берегу Африки. О Карфагене, одном из таких финикийских городов, нам придется много говорить впоследствии.

Но финикияне были не первым народом, имевшим галеры в Средиземном море. На островах и берегах этого моря существовал уже ряд городов, жители которых принадлежали, по-видимому, к расе, родственной по крови и языку баскам на западе и берберам и египтянам — на юге, это были так называемые эгейские народы. Эти народы не следует смешивать с греками, которые гораздо позднее выступают на арену истории. Они были предшественниками греков, но имели города в Греции и в Малой Азии, как, например, Микены и Трою, и обладали огромными и великолепными поселениями в Кноссе на Крите.

Только в половине прошлого столетия археологам, занимавшимся раскопками, удалось выяснить границы распространения и степень цивилизации этих эгейских народов. В Кноссе были произведены весьма тщательные раскопки; к счастью, на его месте не было основано впоследствии ни одного города, достаточно большого, чтобы уничтожить его развалины, и он, таким образом, может служить нашим главным источником сведений об этих одно время почти забытых культурах. История Кносса уходит так же далеко вглубь времен, как и история Египта. Около 4000 лет до Р. Х. обе страны вели между собой оживленную морскую торговлю. Около 2500 г. до Р. Х., т.е. между временем царствования Саргона I и Хамму-

рапи, критская цивилизация находилась в зените своего расцвета.

Кносс был не столько городом, сколько огромным дворцом критского монарха и его слуг; он даже не был укреплен; его укрепили лишь позднее, когда усилились финикийцы, и в море появились с севера новые, более сильные и грозные пираты — греки.

Эгейский монарх назывался миносом, так же, как египетский — фараоном; он жил в великолепном дворце, снабженном водопроводом, ваннами и прочими удобствами, подобных которым мы не находим ни в одном из зданий древности. Там он устраивал пышные празднества и зрелища. Там, между прочим, происходили бои быков, удивительно напоминающие бой быков, сохранившийся до сих пор в Испании; сходство простирается даже на костюмы бойцов. Во дворце устраивались также и гимнастические состязания. Одежды женщин удивительно напоминали по характеру современные платья. Они носили корсеты и платья со сборками. Глиняная посуда этих критян, их ткацкие изделия, скульптура, живопись, мозаика, драгоценности, изделия из слоновой кости и металла бывали часто поразительно хороши. У них существовало письмо, которое до сих пор остается, однако, не расшифрованным.

Эта счастливая, радостная и культурная жизнь длилась несколько десятков веков. Около двух тысяч лет до Р. Х. Кносс и Вавилон отличались обилием образованных и жизнерадостных людей, которые, по всей вероятности, вели очень приятную жизнь. У них были зрелища и религиозные празднества, были домашние рабы для личного

ухода за ними и рабочие-рабы, приносившие им доход. Жизнь на Кноссе, залитом солнцем и опоясанном синим морем, могла почитаться безопасной, и порядок твердо установленным. В то время Египет, под властью своих полуварварских пастушеских царей, вероятно, считался страной упадка, и если кто-нибудь интересовался политикой, то, несомненно, мог заметить, как семитские племена, казалось, преуспевали повсюду: правили в Египте, господствовали в отдаленном Вавилоне, сооружали Ниневию на верховьях Тигра и доплывали на запад до Геркулесовых столпов (Гибралтарского пролива), основывая на этих далеких берегах свои колонии.

В Кноссе было, наверное, немало живых и любознательных умов, ибо позднее греки рассказывали легенды о некоем Дедале, искусном критском мастере, пытавшемся соорудить что-то вроде летательного аппарата, который, однако, потерпел крушение и упал в море.

Интересно отметить некоторые черты сходства и отличия между жизнью в Кноссе и нашей собственной. Для критского джентльмена около 2500 лет до Р. Х. железо являлось редким металлом, который падал с неба и казался скорее интересным, чем полезным, ибо до тех пор было известно лишь метеоритное железо; люди еще не умели добывать его из руды. Сравните это с современным положением дел, в котором главную роль играет железо. Лошадь также показалась бы нашим критянам совершенно легендарным существом, чем-то вроде сверхосла, живущего в мрачных северных странах, далеко за Черным морем. Цивилизация ограничивалась для него преимущественно эгей-

ской Грецией и Малой Азией, где лидийцы, карийцы и троянцы жили такой же жизнью и, вероятно, говорили на языке, подобном его собственному. Правда, в Испании и Северной Африке существовали еще поселения финикийцев, но это были слишком отдаленные страны для его воображения. Италия все еще оставалась безлюдной страной, покрытой лесами; смуглокожие этруски еще не перешли туда из Малой Азии. И вот однажды, быть может, этот критский джентльмен сошел вниз в гавань и увидел пленника, который привлек его внимание тем, что был очень белокур и имел голубые глаза. Быть может, наш критянин попытался даже заговорить с ним и получил ответ на непонятном языке. Это существо было привезено откуда-то из-за Черного моря и казалось совершенно темным дикарем, но в действительности это был представитель арийского племени, о расе и культуре которого нам скоро придется говорить, а странное тарабарское наречие, на котором он объяснялся, должно было впоследствии, дифференцировавшись, дать санскрит, персидский, греческий, латинский, немецкий, английский, русский и много других важнейших языков мира.

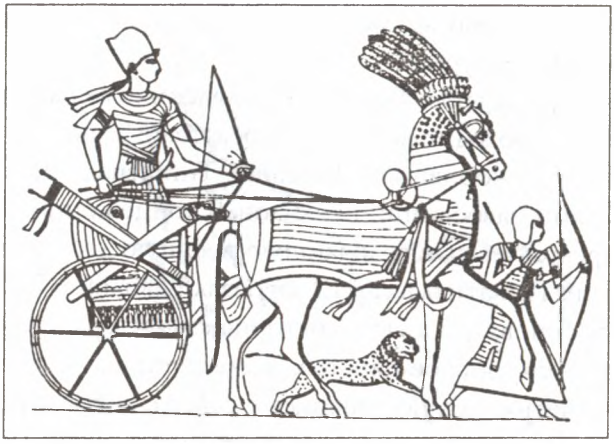
Таков был Кносс в эпоху своего процветания, образованный, предприимчивый, славный и счастливый. Около 1400 г. до Р. Х. над его благосостоянием разразилось, быть может, совершенно внезапно, сильное бедствие. Дворец Миноса был разрушен, а развалины его так и остались навсегда невосстановленными и необитаемыми. Мы не знаем, как произошло это несчастье. Исследователи указывают на некоторые подробности, наводящие на мысль

о беспорядочном грабеже и на следы огня. Кроме того, обнаружены следы разрушительного землетрясения. Быть может, одна природа разрушила Кносс, или же, быть может, греки закончили то, что начало землетрясение.

ГЛАВА 18. ЕГИПЕТ, ВАВИЛОН И АССИРИЯ

Египтяне никогда не подчинялись особенно охотно власти своих семитских пастушеских царей, и около 1600 г. до Р. Х. сильное патриотическое движение изгнало этих чужестранцев. За этим последовала эпоха нового расцвета Египта, период, известный у египтологов под названием Нового царства. Египет, который не был тесно спаян до нашествия гиксосов, представлял собой теперь объединенную страну, а период порабощения и возмущения влил в египтян новый, полный воинственности дух. Фараоны, перейдя сами в наступление, превратились в завоевателей. У них появились теперь боевой конь и боевая колесница, которых ввели в Египте гиксосы. При Тутмосе III и Аменофисе III (Аменхотепе III) Египет распространил свое владычество в Азии до Евфрата.

Мы вступаем теперь в тысячелетие войн, ведшихся между некогда совершенно обособленными цивилизациями Месопотамии и Нила. Вначале успех был на стороне египтян. Великая династия, восемнадцатая, представителями которой были Тутмос III, два Аменофиса, III и IV, великая царица Хатшепсут, и девятнадцатая с Рамзесом II (в котором многие предполагают Моисеева фараона),



Египетская колесница времен Среднего царства

правившим в течение 67 лет, подняли Египет на очень высокую ступень благосостояния. В промежутках для Египта наступали эпохи неудач, как, например, завоевание его сирийцами и, позднее, с юга — эфиопами. В Месопотамии властвовал Вавилон. Затем временно власть перешла к гетам и сирийцам из Дамаска. Одно время сирийцам удалось покорить Египет. Счастье ассирийцев в Ниневии сильно колебалось, иногда город оказывался в руках неприятеля, иногда же ассирийцы подчиняли себе Вавилон и нападали на Египет. Ограниченность места не позволяет нам останавливаться подробно на передвижениях армии египтян и различных семитских владык Малой Азии, Сирии и Месопотамии.

Теперь это были настоящие армии, снабженные большими отрядами боевых колесниц, ибо лошадь, все еще употребляемая только для войны и подвигов, распро-

странилась к тому времени из Средней Азии и проникла в древние культуры.

Сквозь туман этих бесконечно далеких времен появляются и проходят великие завоеватели: Тушрата, царь Митанни, покоривший Ниневию, Тиглатпаласcар I Ассирийский, завоевавший Вавилон. В конце концов Ассирия превратилась в величайшую военную державу того времени. Тиглатпаласcар III завоевал Вавилон в 745 г. до Р. Х. и основал, согласно исторической терминологии, Новое Ассирийское царство. Железо также успело уже проникнуть сюда, появившись с севера; хетты, предшественники армян, первые познакомились с ним и сообщили об его пользе ассирийцам, после чего ассирийский узурпатор Саргон II вооружил им свои войска. Ассирия сделалась первой державой, возвестившей миру доктрину крови и железа. Сын Саргона Сеннахериб повел войско к границам Египта и был разбит благодаря не столько военной силе, сколько чуме. Внук Сеннахериба, Ашурбанипал (известный также в истории под своим греческим именем Сарданапала), действительно завоевал Египет в 670 г. до Р. Х., но Египет был тогда уже покорен эфиопами, и над ним царствовала эфиопская династия. Победа Сарданапала явилась для Египта просто заменой одного завоевателя другим.

Если бы мы имели ряд политических карт этого длинного исторического периода, длившегося десять веков, мы могли бы проследить за тем, как расширялся и сокращался Египет, подобно амебе под микроскопом; мы увидели бы эти различные семитские государства: вавилонян, ассирийцев, хеттов и сирийцев в непрестанном движении,

Древнее Междуречье

то пожирающими, то снова изрыгающими друг друга. В западной части Малой Азии находились бы маленькие эгейские государства, как Лидия, столицей которой были Сарды, и Кария. Но после, приблизительно в 1200 г. до Р. Х., на карте древнего мира появляется новая сеть имен с северо-востока и северо-запада. Это имена некоторых варварских племен, снабженных железным оружием, пользующихся колесницами, запряженными лошадьми. На северной границе они превращаются в истинное бедствие для эгейских и семитских государств. Эти варвары

говорили на наречиях, которые, должно быть, раньше представляли из себя один язык — арийский.

С северо-востока, из-за Черного и Каспийского морей, надвигались мидяне и персы. В летописях того времени с ними нередко смешивают скифов и сарматов. С северо-востока или с северо-запада пришли армяне. С северо-запада, с морского водораздела, по Балканскому полуострову явились киммерийцы, фригийцы и эллинские племена, которых мы называем теперь греками. Эти арийцы, как западные, так и восточные, были грабителями и разбойниками, совершавшими набеги на города. Это были родственные и схожие между собой народы, грубые пастушеские племена, занимавшиеся набегами. На востоке они оставались всегда лишь пограничными разбойниками, но на западе они брали города и изгоняли цивилизованное эгейское население. Эгейские народы оказались настолько стесненными, что стали искать себе новых мест для поселений в странах, лежащих за пределами распространения арийцев. Некоторые из них пытались осесть в дельте Нила, но были оттеснены египтянами; некоторые, как, например, этруски, как кажется, отплыли из Малой Азии, чтобы основать государство в лесистой и пустынной Средней Италии; другие же построили себе города на юго-восточных берегах Средиземного моря и стали впоследствии тем народом, который известен в истории под именем филистимлян.

Об этих арийцах, так резко выступивших на арену античных цивилизаций, мы будем говорить полнее в следующей главе. Здесь мы просто отмечаем все эти передвижения и переселения в местностях, связанных с древней

культурой, которые были вызваны волной постепенного беспрерывного движения вперед из северных лесов этих арийских варваров между 1600 и 600 гг. до Р. Х.

В одной из следующих глав мы должны будем также коснуться истории маленького семитского племени, евреев, жившего на холмах за финикийским и филистимлянским берегом и начавшего приобретать значение в мире к концу этого периода. Они создали литературу, сыгравшую очень значительную роль в последующей истории человечества, — ряд книг: истории, поэмы, книги мудрости и пророчеств — иудейскую Библию!

В Месопотамии и Египте нашествие арийцев не вызвало существенных перемен раньше 600 г. до Р. Х. Бегство эгейцев перед греками и даже разрушение Кносса должны были показаться еще очень отдаленной грозой как жителям Вавилона, так и египтянам. Династии появлялись и исчезали в этих государствах, колыбелях цивилизации, но общий характер человеческой жизни оставался все тот же, с медленно, век за веком возрастающей склонностью к утонченности и сложности. В Египте к существовавшим уже памятникам более древних времен — пирамиды к тому времени насчитывали уже три тысячи лет и осматривались посетителями совершенно так же, как теперь — были прибавлены новые прекрасные сооружения, особенно во время семнадцатой и девятнадцатой династий. Великолепные храмы Карнака и Луксора относятся к этому периоду. Все главные памятники Ниневии, огромные храмы, крылатые быки с человеческими головами, рельефные изображения царей, колесниц и охоты на львов были

созданы в эти столетия между 1600 и 600 гг. до Р. Х. К этому же времени главным образом относится и расцвет великолепия Вавилона.

Народные предания, деловые отчеты, сказки, стихотворения и частная корреспонденция как Месопотамии, так и Египта дошли до нас в изобилии. Мы знаем, что жизнь состоятельных и влиятельных людей в таких городах, как Вавилон и египетские Фивы, была уже почти столь же утонченной и роскошной, как и жизнь богатых и веселящихся людей нашего времени. Такие люди вели размеренную и церемонную жизнь в роскошных и роскошно обставленных и украшенных домах, носили богато украшенные одежды и изящные драгоценности. Они устраивали пиры и празднества, развлекались музыкой и танцами, обслуживались образцово вышколенными слугами, пользовались врачами и дантистами. Они не путешествовали слишком много и слишком далеко, но прогулки в лодках являлись обычным летним развлечением как на Ниле, так и на Евфрате. Вьючным животным был осел, лошадь все еще употреблялась лишь для военных колесниц во время торжественных церемоний. Мул продолжал оставаться новинкой, а верблюд хотя и был известен в Месопотамии, но все еще не появлялся в Египте. Железной утвари было мало, преобладающими металлами оставались медь и бронза. Тонкое полотно и бумажные ткани были распространены так же широко, как и шерстяные, но шелка люди не знали. Стекло было известно, и его умели отлично окрашивать, однако стеклянные вещи делались обыкновенно лишь очень небольших размеров. Чистого стекла не существовало,

и оптическое употребление его было неизвестно. Люди имели золотые пломбы в зубах, но не носили еще очков на носу.

Странный контраст между жизнью старых Фив или Вавилона и жизнью современной представляло отсутствие чеканной монеты. Большая часть торговли все еще совершалась путем обмена, Вавилон в финансовом отношении далеко опередил Египет. Для обмена употреблялись золото и серебро, сохранявшиеся в слитках; однако и до начала чеканки монет существовали своего рода банкиры, которые отпечатывали свои имена и вес слитков на кусках драгоценного металла. Торговец или путешественник возил с собой драгоценные камни, которые он продавал для покрытия своих расходов. Большинство слуг и рабочих были рабами, труды которых оплачивались не деньгами, а натурой. С появлением денег рабство стало приходить в упадок.

Современный посетитель этих царственных городов не нашел бы там двух очень существенных предметов питания: в них не было ни кур, ни яиц. Французский повар обрел бы мало радостей в Вавилоне. Эти продукты появились откуда-то с востока приблизительно во время последнего Ассирийского царства.

Религия, как и все остальное, сделалась значительно утонченнее; так, например, человеческие жертвоприношения уже давно исчезли, место людей заступили животные или фигуры из теста. Но финикияне и в особенности граждане Карфагена, их самого большого поселения в Африке, впоследствии обвинялись в заклании человеческих существ. В прежние дни, когда умирал какой-нибудь вели-

кий вождь, на его могиле обычно приносили в жертву его жен и рабов и переламывали тут же копье и лук, чтобы ему не пришлось вступить в одиночестве и безоружному в мир духов. В Египте от этого жестокого обычая сохранилось трогательное обыкновение хоронить вместе с покойником маленькие модели его дома, лавки, слуг и скота, модели, дающие нам теперь живейшее представление о спокойной и культурной жизни этих древних народов 3000 и более лет тому назад.

Таков был древний мир до прихода арийцев из северных лесов и равнин. В Индии и Китае происходило параллельное развитие. В обширных долинах обеих этих стран вырастали города-государства смуглолицых людей, но в Индии они, по-видимому, не так быстро выдвигались или сливались, как города-государства Месопотамии или Египта. Они стояли ближе к уровню развития древнего Шумера или майянской цивилизации в Америке. Китайским ученым до сих пор еще приходится модернизировать историю своей страны и очищать ее от множества легендарных фактов. По всей вероятности, Китай в то время опережал Индию. Одновременно с семнадцатой династией в Египте в Китае правила династия Шан; это были жрецы-императоры, возвышавшиеся над разрозненными, подчиненными им царьками. Главная обязанность этих первых императоров заключалась в совершении обрядов жертвоприношения в известные времена года. До сих пор сохранились великолепные бронзовые сосуды времени Шан, их красота и работа убеждают нас в том, что созданию их предшествовало много веков цивилизации.

ГЛАВА 19. ПЕРВОБЫТНЫЕ АРИЙЦЫ

4000 лет тому назад, т. е. приблизительно около 2000 г. до Р. Х., Центральная и Юго-Восточная Европа и Центральная Азия были, вероятно, теплее, влажнее и лесистее, чем теперь. В этих областях кочевали группы племен, в большинстве принадлежавших к белокурой и голубоглазой северной расе, настолько близкие по родству, что язык их от Рейна до Каспийского моря можно считать общим, лишь разделенным на отдельные наречия. Возможно, что в то время они еще не были очень многочисленны, и о существовании их вряд ли подозревали вавилоняне, которым Хаммурапи давал первые законы, и древний и культурный Египет, впервые вкушавший в те дни горечь чужеземного завоевания.

Этим северным людям предназначалось действительно сыграть выдающуюся роль в мировой истории. Это были жители пастбищ и тесных прогалин. Вначале у них не было лошадей, но зато был рогатый скот; при передвижениях они ставили свои палатки и остальную утварь на грубые телеги, запряженные быками, а на стоянках сооружали себе, должно быть, хижины из веток и глины. Они сжигали своих покойников, чем-нибудь отличившихся при жизни, вместо того, чтобы торжественно хоронить их, как делали это смуглокожие народы. Пепел своих великих вождей они собирали в урны и устраивали вокруг них большой круглый вал. Эти насыпи и есть те круглые курганы, которые встречаются во всей Северной Европе. Смуглые народы, их предшественники, не сжигали покойников, а хоронили

их в сидячем положении в продолговатых насыпях — «длинных курганах».

Арийцы выращивали пшеницу, вспахивая землю при помощи быков, но не оседали при этом у своей пашни, а, собрав жатву, двигались дальше. У них имелась в обиходе бронза, а около 1500 г. до Р. Х. появилось и железо. Быть может, они-то и открыли плавку его; приблизительно в то же время они познакомились с лошадью, которую вначале употребляли лишь для перевозки тяжестей. Их общественная жизнь не сосредоточивалась вокруг храма, как у более оседлых народов побережья Средиземного моря, их главари были больше вождями, чем жрецами. Их общественный строй носил скорее характер аристократический, чем теократический или монархический. Уже на очень ранней ступени среди них выделялись некоторые семьи как правящие и благородные.

Они были очень музыкальны и оживляли свои странствия пирами, на которых много пили, и где особые лица, так называемые барды, пели и рассказывали легенды. Письменности у них не существовало до тех пор, пока они не пришли в соприкосновение с цивилизацией, и сказания этих бардов составляли их живую литературу. Это использование размеренной речи в качестве развлечения много способствовало превращению ее в прекрасный, глубоко выразительный инструмент, и этому, должно быть, несомненно, отчасти приписано последующее преобладание языков, происшедших от арийского корня. Каждый арийский народ имел свою историю, кристаллизовавшуюся в сказаниях бардов, эпосе, сагах и ведах, как они различно назывались.

Общественная жизнь этих народов сосредоточивалась около хозяйств их вождей. Жилище вождя на местах, где они временно оседали, было часто очень обширным деревянным строением. Кроме того, у них были, несомненно, хижины для пастухов и отдаленные фермы, но для большинства арийцев этот дом являлся общим центром: все собирались там, чтобы пировать и слушать бардов или принимать участие в спорах и играх. Это жилище окружали навесы для коров. Вождь, его жена и прочие домочадцы спали на возвышении или на верхней галерее, простые же люди укладывались где попало, как это постоянно делается до сих пор в индусских хозяйствах. За исключением оружия, украшений и т. п. личных принадлежностей, в племени существовало имущество, на которое распространялся некоторый вид патриархального коммунизма. Вождь владел рогатым скотом и пастбищами, но должен был использовать их в интересах общины; леса и реки были общим достоянием.

Таков был образ жизни народа, усиливавшегося и размножавшегося на огромных пространствах Центральной Европы и западной Центральной Азии во время роста великих месопотамской и нильской цивилизаций, который мы застаем во втором тысячелетии до Р. Х. повсеместно вытесняющим гелиолитические народы. Арийцы начали проникать во Францию, Британию и Испанию. Они продвигались к западу двумя волнами. Первые из этих народов, добравшиеся до Британии и Ирландии, были вооружены бронзовым оружием. Они вытеснили или покорили население, соорудившее огромные каменные памятники в Карнаке (Бретань),

в Стоунхендже и Авбери (Англия). Они достигли также Ирландии. Эти люди называются гоидельскими кельтами. Вторая волна очень родственных им народов, быть может, смешанных с другими расовыми элементами, принесла с собой в Великобританию железо и известна под именем британских кельтов. От них ведет начало язык валлийцев.

Родственные кельтам народы устремились к югу Испании и пришли в соприкосновение не только с гелиолитическим народом басков, который занимал еще страну, но и с семитскими финикийскими колониями на морском берегу. Ряд племен, также находящихся в тесном родстве с ними, италийцы, прокладывали себе путь по все еще необитаемому и лесистому итальянскому полуострову. Они не всегда побеждали. В восьмом веке до Р. Х. Рим появляется в истории в качестве торгового города на Тибре, населенного арийскими латинами, но находящегося под властью этрусских вельмож и царей.

На противоположной границе пространства, занятого арийцами, происходило подобное же передвижение к югу принадлежавших к этой расе племен. Арийские народы, говорившие на санскритском языке, спустились вниз через западные проходы в Северную Индию задолго до 1000 г. до Р. Х. Там они вступили в контакт с первобытной дравидской цивилизацией смуглокожих и многому научились от нее. Другие арийские племена, по-видимому, распространились по горным массивам Центральной Азии далеко к востоку от теперешней границы расселения этих народов. В Восточном Туркестане до сих пор существуют остатки белокурых, голу-

боглазых северных племен, но теперь они говорят на монгольских языках.

Между Черным и Каспийским морями древние хетты были поглощены и арианизированы армянами за 1000 лет до Р. Х., а ассирийцы и вавилоняне уже познакомились к тому времени на северо-восточных границах с новыми и грозными воинственными варварами, среди которых выделялись племена скифов, мидян и персов.

Однако первый тяжелый удар в сердце цивилизации древнего мира был нанесен арийскими племенами с Балканского полуострова. Эти племена начали двигаться к югу и расселяться в Малой Азии уже за много веков до 1000 г. до Р. Х. Первой появилась группа племен, из которых самыми выдающимися были фригийцы, а затем последовательно эолийские, ионические и дорические греки. Около 1000 г. до Р. Х. они смели всю древнюю эгейскую цивилизацию как на материке Греции, так и на большинстве греческих островов; города Микены и Тиринф были разрушены до основания, а Кносс почти забыт. Греки были знакомы с мореплаванием еще до 1000 г. до Р. Х.; они осели на Крите и Родосе и стали основывать колонии в Сицилии и на юге Италии по образцу финикийских торговых факторий, разбросанных вдоль берегов Средиземного моря.

Итак, в то время, как Тиглатпаласcар III, Саргон II и Сарданапал правили в Ассирии и сражались с Вавилоном, Сирией и Египтом, арийские народы перенимали древнюю культуру и применяли ее для собственных нужд в Италии, Греции и Северной Персии.

Предметом истории от IX века до Р. Х. на протяжении шести последующих веков является повествование о том, как эти арийские народы становились все могущественнее и предприимчивее и как, в конце концов, они покорили весь старый мир, семитский, эгейский и египетский. С внешней стороны арийские народы были полными победителями, но борьба между арийской, семитской и египетской идеологиями и методами длилась еще долго после того, как власть перешла в руки арийцев. Это воистину борьба, которая проходит через всю остальную историю и, в некотором отношении, все еще продолжается в наше время.

ГЛАВА 20. ПОСЛЕДНЕЕ ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО И ИМПЕРИЯ ДАРИЯ ПЕРВОГО

Мы уже говорили о том, как Ассирия превратилась при Тиглатпаласcаре III и узурпаторе Саргоне II в великую военную державу. Имя Саргон не было настоящим именем этого человека; он принял его, чтобы польстить завоеванным вавилонянам, напоминая им о древнем основателе аккадийского владычества Саргоне I, жившем за две тысячи лет до него. Вавилон, хотя и покоренный, был более населенным и значительным городом, чем Ниневия; с его великим божеством Ваал-Мардуком, его купцами и жрецами следовало обращаться почтительно. В Месопотамии в VIII веке до Р. Х. мы уже далеко оставили позади те варварские дни, когда завоевание города было равносильно разграблению и избиению жителей. Завоеватели старались успокоить завоеванных и сни-

Изображение Дария I на древнегреческой вазе

скать их расположение. Новое ассирийское царство держалось еще полтора века после Саргона и, как мы уже указывали, при Ашурбанипале (Сарданапале) покорило, наконец, Нижний Египет.

Но могущество и единство Ассирии быстро пришло в упадок. Египет мощным усилием сбросил чужестранцев во время фараона Псамметиха I и при Нехо II начал завоевательную войну в Сирии. В это время Ассирия сражалась с более близким врагом и могла оказать египтянам лишь слабое сопротивление. Семитский народ

из Юго-Восточной Месопотамии, халдеи, объединился против Ниневии с арийскими мидянами и персами с северо-запада и в 606 г. до Р. Х. — ибо теперь мы приближаемся к точной хронологии — взял этот город.

Произошло разделение Ассирийского царства. На севере основали свое царство мидяне под властью Киаксара; оно включало Ниневию, и столицей его была Экбатана. К востоку оно простиралось до границ Индии. К югу от него внутри большой дуги находилось новое халдейское царство, известное под названием Второго Вавилонского царства, которое достигло очень высокой степени благосостояния и богатства в правление Навуходоносора Великого. Наступали последние дни величия Вавилона, дни наибольшего его могущества. Некоторое время оба царства сохраняли мирные отношения, и дочь Навуходоносора вышла замуж за Киаксара.

В это время Нехо II продолжал одерживать свои легкие победы в Сирии. Он разбил и умертвил в битве при Мегидо в 608 г. до Р. Х. Иосию, царя Иудеи, маленькой страны, о которой нам вскоре придется говорить подробнее, и устремился к Евфрату, но там он нашел, вместо пришедшей в упадок Ниневии, возрождающийся Вавилон. Халдейцы оказали египтянам очень энергичное сопротивление. Нехо был разбит и прогнан обратно в Египет, а граница Вавилона продвинулась дальше до старинных пределов Египта.

От 606 до 539 г. до Р. Х. благоденствие Вавилонского царства было прочно. Оно длилось лишь до тех пор, покуда оно поддерживало мирные отношения с более суровым и сильным царством мидян на севере. И в течение этих

67 лет в древнем городе не только кипела жизнь, но и процветала наука.

Даже при ассирийских монархах, а особенно при Сарданапале, Вавилон являлся ареной оживленной умственной деятельности. Сарданапал, несмотря на свое ассирийское происхождение, совершенно вавилонизировался. Он собрал библиотеку, библиотеку не из бумаги, а из глиняных таблиц, которые употреблялись в Месопотамии с древнейших шумерских времен. Его коллекция была найдена при раскопках и представляет, пожалуй, самое ценное собрание исторического материала в мире. Последний представитель халдейской линии вавилонских монархов, Набонид, обладал еще более тонким литературным вкусом. Он поощрял изучение истории страны, и как только его ученым удавалось установить какую-нибудь дату, относящуюся к Саргону I, он тотчас же увековечивал ее надписями. Но в государстве его начинали появляться признаки несогласия, и он, стремясь централизовать его, перенес известное количество местных богов в Вавилон. Это средство было в позднейшие времена с большим успехом применено римлянами, но в Вавилоне оно вызвало ревность могущественных жрецов Ваал-Мардука, верховного божества вавилонян. Жрецы стали подумывать о том, чтобы подыскать Набониду преемника, и нашли такового в лице Кира Персидского, правителя соседнего царства мидян. Кир к тому времени успел уже прославиться победой над Крезом, богатым царем Лидии на востоке Малой Азии. Он подошел к Вавилону, под стенами которого произошло сражение, и ворота города открылись ему (538 г. до Р. Х.). Его войска вступили в го-

род без боя. Наследник Набонида Бель-Зацар (Валтасар) пировал, рассказывает Библия, когда появилась огненная рука, начертавшая на стене эти таинственные слова: «Мене, текел, фарес».

Эта надпись была истолкована пророком Даниилом, которому Бель-Зацар приказал разъяснить загадку, следующим образом: «Бог отметил твое царство и закончил его; ты взвешен на весах и найден слишком легким, и твое царство передается мидянам и персам». Быть может, жрецы Ваал-Мардука кое-что знали об этой надписи на стене.

Бель-Зацар был убит в ту же ночь, говорит Библия, Набонид взят в плен, а занятие города произошло так спокойно, что службы Ваал-Мардуку продолжались без перерыва. Так произошло соединение Индийского и Вавилонского царств. Камбиз, сын Кира, покорил Египет. Он сошел с ума, был случайно убит, и вскоре его место занял Дарий Индийский, Дарий I, сын Гистаспа, одного из главных советников Кира.

Персидское царство Дария I, первое из новых арийских царств, основанное на обломках старой цивилизации, было самой большой державой, какую когда-либо видел мир. Оно включало всю Малую Азию и Сирию, все старое Ассирийское и Вавилонское царство, Египет, Кавказ, и области Каспийского моря, Индию и Персию и простиралось до Инда. Существование такого государства стало возможным только благодаря тому, что теперь уже были распространены лошади, конница, колесницы и проложены дороги. До того времени осел, бык и верблюд для пустыни представляли собой самые быстрые способы

передвижения. Для того, чтобы управлять своим новым царством, персидские владыки проложили обширную сеть дорог, и почтовые лошади были всегда наготове для царского посланца или путешественника с официальным пропуском. Чеканная монета начинала входить в употребление, что значительно облегчало торговлю и сношения. Но не Вавилон был столицей этого обширного царства. Жрецы Ваал-Мардука своим предательством ничего не выиграли. В дальнейшем Вавилон, хотя и оставался значительным городом, но все же приходил понемногу в упадок, и великими центрами новой державы сделались Персеполис, Сузы и Экбатана. Столицей были Сузы. Ниневия была уже заброшена и превращалась в развалины.

ГЛАВА 21. ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИУДЕЕВ

Теперь мы можем остановиться на евреях, семитском народе, замечательном не столько своей ролью в древности, сколько влиянием на дальнейшую историю мира. Они осели в Иудее задолго до 1000 г. до Р. Х., и их столицей после этого сделался Иерусалим. Их история переплетается с историей больших царств, окружавших их, — Египта на юге и сменявшихся царств Сирии, Ассирии и Вавилона на севере. Страна их лежала на большой дороге, ведшей из этих государств в Египет.

Своим значением в мире они обязаны созданию письменной литературы, мировой истории, сборника законов, хроник, псалмов, книг мудрости, стихотворений, легенд и политических суждений, которые составили

в общем то, что христиане называют Ветхим Заветом, еврейскую Библию. Эта литература появляется в истории в IV или V веке до Р. Х.

По всей вероятности, эти произведения были впервые собраны вместе в Вавилоне. Мы уже говорили о том, что фараон Нехо II напал на ассирийское царство в то время, когда Ассирия боролась за существование против мидян, персов и халдеев. Иосия, царь Иудеи, оказал ему сопротивление и был разбит и умерщевлен при Мегидо (608 до Р. Х.). Иудея сделалась данницей Египта, и, когда Навуходоносор Великий, новый халдейский царь в Вавилоне, отогнал Нехо обратно в Египет, он сделал попытку подчинить себе и Иудею, сажая на трон в Иерусалиме своих ставленников. Опыт не удался, народ перебил вавилонских чиновников, и Навуходоносор решил сломить окончательно это маленькое государство, которое давно подстрекало Египет против северной державы. Иерусалим был разграблен и сожжен, а оставшийся народ уведен в плен в Вавилон.

Там он и оставался до тех пор, пока Кир не взял Вавилон (538 г. до Р. Х.). Он собрал евреев и отослал их обратно, чтобы они восстановили свою страну и возвели снова стены и храм Иерусалима.

До этого времени иудеи, по-видимому, не были особенно цивилизованным и спаянным народом. Вероятно, лишь немногие из них умели читать и писать. В их собственной истории ни разу не встречается указаний на то, чтобы читались хотя бы самые ранние книги Библии, первое упоминание о книге мы находим во времена Иосии. Вавилонское пленение цивилизовало и объединило

иудеев. Они вернулись хорошо знакомыми со своей литературой, глубоко сознательным и понимающим политику народом.

Их Библия в то время, как кажется, состояла только из Пятикнижия, т.е. первых пяти книг Ветхого Завета, в том виде, как мы их знаем. Вдобавок в качестве отдельных книг у них было много других произведений, как, например: хроники, псалмы и изречения, которые с тех пор слились с Пятикнижием и составили современную еврейскую Библию.

Рассказы о сотворении мира, об Адаме и Еве, о потопе, которыми начинается Библия, развиваются строго параллельно с соответственно существовавшими в Вавилоне легендами; они, по-видимому, принадлежали к верованиям, общим для всех семитских народов. Шумеры и вавилоняне имеют предания, аналогичные истории Моисея и Самсона. Но, начиная с истории Авраама, мы имеем нечто, составляющее исключительную принадлежность иудейского народа.

Авраам мог жить во времена Хаммурапи в Вавилоне. Это был патриархальный семит-кочевник. Читатель должен обратиться к Книге Бытия, чтобы ознакомиться с историей его странствований, с историей его сыновей и внуков и с тем, как они сделались пленниками в египетской стране. Он странствовал по земле Ханаанской, и бог Авраама, говорит библейская история, обещал эту обетованную страну цветущих городов ему и его детям.

После долгого пребывания в Египте и пятидесяти лет странствий по пустыне под предводительством Моисея, потомство Авраама, выросшее в разделенный на две-

надцать колен народ, завладело страной Ханаанской от Аравийской пустыни на восток. Это могло произойти в промежуток между 1600 и 1300 г. до Р. Х. У нас не сохранилось никаких египетских записей того времени ни о Моисее, ни о Ханаане, которые могли бы вывести историка из затруднения. Но евреям, во всяком случае, не удалось завоевать ничего, кроме холмистых окраин земли обетованной. Берег был теперь в руках не хананеян, а новых пришельцев, эгейских народов, филистимлян, и их города Газа, Гат, Адод, Аскалон и Иоппия (Яффа) успешно отражали нападения иудеев. В течение многих поколений потомство Авраама оставалось незаметным народом, населявшим холмистые окраины страны, занятым постоянной распрей с филистимянами и родственными им племенами: моавитянами, мадианитянами и т. п. Читатель найдет в Книге Судей воспоминание об их борьбе, о бедствиях в течение этого периода, ибо это произведение в основном является чистосердечным повествованием о бедствиях и ошибках.

Большую часть этого периода иудеи управлялись, поскольку у них вообще не было правительства, священниками-судьями, избираемыми старейшими из народа, но, в конце концов, к 1000 г. до Р. Х., они избрали себе царя Саула, который должен был вести их в битву. Но предводительство Саула не являлось большим улучшением по сравнению с предводительством судей; он погиб под градом филистимлянских стрел в битве при горе Гелвуе, и его вооружение было перенесено в храм Венеры Филистимлянской, а тело прибито к стене Вифсавии.

Царь Соломон (фрагмент гравюры Г. Доре)

Его преемник Давид был более счастливым и более искусным политиком. С Давидом начался единственный период благосостояния, какой когда-либо знали евреи. Оно основывалось на тесном союзе с финикийским городом Тиром, царь которого Хирам, был, по-видимому, человеком большого ума и предприимчивости. Он хотел обеспечить себе торговый путь к Красному морю через холмистую страну евреев.

Обычно финикийская торговля направлялась к Красному морю через Египет, но в то время последний находился в состоянии глубокой разрухи; для финикийской торговли могли возникнуть другие препятствия в этом направлении, и Хирам стремился какой угодно ценой установить близкие отношения с Давидом и его сыном и преемником Соломоном. Под покровительством Хирама были возведены стены, дворец и храм Иерусалима, но зато Хирам, в свою очередь, строил и спускал в Крас-

ное море корабли. Через Иерусалим на север и юг шла очень значительная торговля. И Соломон достиг благосостояния и пышности, небывалых в истории его народа, он даже получил в жены дочь фараона.

Но необходимо сохранять в уме представление о соотношениях вещей. В самом расцвете своей славы Соломон был все же только маленьким зависимым царьком в маленьком городе. Его могущество было так непрочно, что приблизительно через пять лет после его смерти Шишак, первый фараон двадцать второй династии, взял Иерусалим и разграбил большую часть его ценностей. Повествование о пышности Соломона, которое содержат Книги Царств и Чисел, у многих критиков вызывает сомнения. Последние утверждают, что оно было дополнено и преувеличено патриотическим тщеславием позднейших писателей.

Но и библейский рассказ при внимательном изучении окажется далеко не таким ошеломляющим, как при первом чтении. Храм Соломона, если воспроизвести его размеры, поместился бы в маленькой пригородной церкви; тысяча четыреста колесниц Соломона перестают производить на нас впечатление, когда мы узнаем из ассирийского памятника, что его преемник Ахав послал две тысячи их в ассирийскую армию. Из библейского рассказа также совершенно ясно вытекает, что Соломон из тщеславия поддерживал такую роскошь и обременял свой народ налогами и работой. После его смерти северная часть его царства откололась от Иерусалима и превратилась в независимое царство Израильское. Иерусалим остался столицей Иудеи.

Благоденствие иудейского народа было кратковременным. Хирам умер, и Тир перестал поддерживать Иерусалим. Снова усилился Египет. История царей израильских и иудейских превратилась в историю двух маленьких государств, расположенных между сначала Сирией, потом Ассирией, и наконец Вавилоном на севере и Египтом на юге. Это повесть о бедствиях и избавлениях, которые только отсрочивали бедствия. Это повесть о варварских царях, правивших варварским народом. В 721 г. до Р. Х. Израильское царство было порабощено ассирийцами, и его народ, уведенный ими в плен, совершенно погиб для истории. Иудея продолжала бороться до 604 г. до Р. Х., когда, как мы уже сказали, она разделила судьбу Израиля. Некоторые подробности библейского рассказа об истории еврейского народа, начиная от времени судей и позднее, не исключают несколько критического отношения к ним, но, в общем, это очевидно правдивая история, которая совпадает со всем, что нам стало известным благодаря раскопкам, произведенным в Египте, Ассирии и Вавилоне в течение последнего столетия.

В Вавилоне еврейский народ собрал воедино свою историю и создал свои предания. Народ, вернувшийся в Иерусалим по приказанию Кира, значительно отличался по духу и знаниям от того, который был уведен в плен. Они познали культуру. В образовании своеобразного характера иудеев значительная роль выпала на долю некоторых людей, новых людей, пророков, на которых должны мы направить теперь наше внимание. Эти пророки указывают на появление новых замечательных сил в беспрерывном развитии человеческого общества.

ГЛАВА 22. СВЯЩЕННИКИ И ПРОРОКИ В ИУДЕЕ

Падение Ассирии и Вавилона было только первым из ряда бедствий, которым предстояло обрушиться на семитские народы. В VII веке до Р. Х. казалось, что весь цивилизованный мир перейдет под власть семитских властителей. Они правили великим Ассирийским царством и покорили Египет. Ассирия, Вавилон и Сирия были семитскими странами, и население их говорило на языках, очень схожих друг с другом. Мировая торговля была в руках семитов. Тир и Сидон, великие города финикийского побережья, основали колонии в Испании, Сицилии и Африке, в конце концов затмившие их самих. Население Карфагена, основанного до 800 г. до Р. Х., превышало миллион жителей. Одно время это был самый большой город в мире. Его корабли доплывали до Британии и выходили в Атлантический океан. Возможно, что им была известна Мадейра. Мы уже говорили о том, как Хирам оказывал содействие Соломону, чтобы иметь возможность строить корабли на Красном море для поддержания торговли с Аравией и, быть может, с Индией. Во времена фараона Нехо финикийская экспедиция объехала вокруг всей Африки.

В то время арийские народы все еще оставались варварами. Только греки начинали создавать новую цивилизацию на развалинах той, которую они уничтожили. В Центральной Азии мидяне становились «грозными», как называет их одна ассирийская летопись. В 800 г. до

Р. Х. никто не мог бы предсказать, что до наступления III века до Р. Х. все следы семитского владычества будут сметены говорящими на арийском языке завоевателями, что повсюду семиты будут обращены в подданных или данников или же совершенно рассеяны. Повсюду, за исключением, однако, северных пустынь Аравии, где бедуины твердо продолжали держаться кочевого образа жизни, прежнего образа жизни семитов, который они вели до того, как Саргон I и его аккадийцы завоевали Шумер. Аравийские бедуины так никогда и не подчинились арийским господам.

Из всех этих цивилизованных семитов, которые были побеждены и разбиты в течение этих пяти чреватых событиями веков, только один народ продолжал сохранять свое единство и держаться своих древних традиций — и это был маленький народ иудеев, отосланных Киром Персидским обратно на родину отстраивать свой город Иерусалим. Они были способны на это, потому что в Вавилоне они собрали воедино свою литературу, свою Библию. Не столько евреи создали Библию, сколько Библия создала их. Она была проникнута некоторыми мыслями, отличавшимися от мыслей других народов, очень возбуждающими и ободряющими мыслями, за которые им предстояло цепляться в течение двадцати пяти веков страданий, скитаний и угнетения.

Главное из этих представлений иудеев заключалось в том, что их бог, невидимый и далекий бог, пребывающий в нерукотворном храме, — праведный бог, единый для всего мира. Все другие народы имели богов нацио-

нальных, воплощенных в изображениях, живущих в храмах. Если изображение уничтожалось, а храм разрушался, то и бог этот тотчас же умирал. Но бог иудеев заключал в себе совершенно новое представление о божестве в небесах, парящем высоко над священниками и жертвами. И этот бог Авраама, как верили евреи, избрал их своим возлюбленным народом, чтобы восстановить Иерусалим и превратить его в столицу правды для всего мира. Народ был экзальтирован сознанием своего коллективного предназначения. Этой верой были проникнуты все иудеи, когда вернулись в Иерусалим после вавилонского пленения.

Может ли после этого показаться чудом, что в дни поражений и угнетения многие вавилоняне, сирийцы и прочие, а позднее и многие финикийцы, говорившие в действительности на одном и том же с евреями языке и имевшие бесконечное количество общих обычаев, привычек, вкусов и преданий, проникались этим вдохновляющим культом и стремились разделить его благодать и чаяния? После падения Тира, Сидона, Карфагена и испанских финикийских городов, финикийцы внезапно исчезают с исторической сцены и столь же внезапно мы находим не только в Иерусалиме, но и в Испании, Африке, Египте, Аравии, на Востоке — всюду, где только высаживались финикийцы, — еврейские общины. Их всех объединяли Библия и чтение Библии. Иерусалим с самого начала являлся для них столицей лишь номинально. Настоящей столицей их была эта книга книг. Это совершенно новое явление в истории, семена которого, однако, были посеяны задолго до того,

а именно — когда шумеры и египтяне начали превращать свои иероглифы в письмо. Евреи были новым явлением — народом без царя и без храма (ибо, как мы увидим, Иерусалим был разрушен в 70 г. до Р. Х.), связанным и спаянным из разнородных элементов лишь силой написанного слова.

И это духовное сплочение евреев не было ни преднамеренно вызвано, ни предусмотрено заранее, ни создано жрецами или государственными людьми. Не только новый вид общины, но и новый тип людей появляется в истории с увеличением значения еврейского народа. Во времена Соломона евреи, казалось, превратились в маленький народ, похожий на всякий другой маленький народ того времени, группировавшийся вокруг дворца и храма, управляемый мудростью жрецов и руководимый честолюбием царя. Но новый тип людей, пророки, уже появился.

По мере того, как умножаются бедствия расколовшихся евреев, значение этих пророков возрастает.

Кто были эти пророки? Это были люди самого разнообразного происхождения. Пророк Иезекииль происходил из жреческой касты, а пророк Амос носил пастушеский плащ из козлиных шкур, но все они имели нечто общее, а именно — то, что были верны лишь одному богу истины и обращались непосредственно к народу. Они являлись без разрешения или посвящения. «Теперь слово божье сошло на меня», — такова была формула. Они были деятельными политиками, настраивали народ против Египта, этого «сломанного тростника», или против Ассирии и Вавилона. Они об-

личали нерадивость жреческого сословия или гнусные грехи царя. Некоторые из них сосредоточивали свое внимание на том, что мы теперь назвали бы «социальными реформами». Богатые «грызли лицо бедных», роскошествовавшие истребляли хлеб детей, состоятельные люди сближались с чужестранцами и перенимали у них любовь к пышности и пороки. И все это было ненавистно Иегове, богу Авраама, который не замедлит наказать свою страну.

Эти громовые обличения записывались, сохранялись и изучались. Они следовали за евреями повсюду, куда те отправлялись, и везде, где они появлялись, распространялся новый религиозный дух. Они поставили обыкновенного человека, помимо священника и храма, помимо двора и царя, прямо перед лицом истинного владыки. В этом их главное значение в истории человечества. В великих изречениях Исайи пророческий голос возвышается до степени ослепительного предвидения и предсказывает, что Вселенная объединится и будет процветать в мире под властью единого Бога. В этом сходятся все еврейские пророчества.

Не все пророки говорили таким образом, и вдумчивый читатель их произведений найдет там много ненависти, много предрассудков. Тем не менее, именно иудейские пророки периода вавилонского пленения указывают на появление новой силы — силы индивидуального нравственного обращения, обращения к свободной совести человечества, против фетишизма, жертвоприношений и рабского преклонения, которые до тех пор связывали нашу расу.

ГЛАВА 23. ГРЕКИ

Но вот, после царства Соломона (который царствовал, вероятно, около 960 г. до Р. Х.), в то время, как разделенные царства Иудейское и Израильское претерпевали разрушение и выселение, а евреи вырабатывали в вавилонском плену свои традиции, возникло новое явление, имевшее огромное влияние на человеческий разум, — возникли предания греков. В то время, как иудейские пророки вырабатывали новое сознание непосредственной нравственной ответственности народа перед вечным и единым для всех богом истины, греческие философы воспитывали человеческий ум в новом духе, духе умственной отваги.

Греческие племена, как мы уже говорили, были ветвью от общего арийского ствола. Они появились в эгейских городах и на островах за несколько веков до 1000 г. до Р. Х. Они, вероятно, уже стали продвигаться к югу еще до того времени, как фараон Тутмос начал впервые охотиться на слонов за завоеванным им Евфратом. Ибо в те дни в Месопотамии существовали слоны, а в Греции львы.

Возможно, что Кносс был сожжен во время набега греческих племен, однако каких-либо преданий об этой победе у греков не существует, хотя имеются рассказы о Миносе, об его дворце (Лабиринте) и об искусстве критских мастеров.

У греков, как и у большинства арийцев, были певцы и сказители, чье творчество являлось важным связующим в общественном отношении звеном; путем устной

Иллюстрация к «Илиаде» (с гравюры Т. Пироли)

передачи от одного к другому они сохранили, начиная с древних варварских времен, два больших эпоса: «Илиаду», повествовавшую о том, как союзные греческие племена осаждали, взяли и разграбили город Трою в Малой Азии, и, кроме того, «Одиссею», представлявшую собой длинный рассказ о ряде приключений мудрого вождя Одиссея при возвращении его из-под Трои на свой остров. Эти эпосы были записаны около VIII или VII века до Р. Х., когда греки переняли употребление алфавита от своих более цивилизованных соседей, но предполагают, что они существовали многим ранее. Прежде они приписывались одному слепому певцу Гомеру, причем думали, что он сочинил их так же, как Мильтон сочинил свой «Потерянный рай». Существовал ли действительно

такой поэт, сочинил ли он или только записал и обработал эти эпосы и т. п.? Эти вопросы являются любимым предметом для споров ученых. Но не следует углубляться здесь в эти споры. С нашей точки зрения, единственным достойным внимания фактом является то, что греки уже имели эпос в VIII веке до Р. Х., и что последний являлся общим достоянием и связующим звеном между различными их племенами, развивая в них сознание своего единства. В противоположность остальным варварам, греки представляли собой группу родственных племен, связанных общим разговорным, а позднее и литературным языком и разделявших общие идеалы мужества и традиции поведения.

Упомянутые эпические поэмы изображают нам греков варварским народом, не знавшим железа, не имевшим письменности и все еще не жившим в городах. Вначале они, вероятно, жили в открытых поселениях, состоявших из хижин, расположенных вокруг дворов вождей, за пределами развалин разрушенных ими эгейских городов. Затем они начинают обносить стеной свои поселения и заимствуют у покоренных ими народов понятие о храме. Мы говорили уже, что города первобытных цивилизаций обычно возникали вокруг алтарей каких-нибудь племенных богов и что стены добавлялись впоследствии. В городах греков стены предшествовали храму. Греки начали торговать и основывать колонии. К VII веку до Р. Х. в долинах и на островах Греции возник ряд городов, не помнивших об эгейских городах и о цивилизации, предшествовавшей им. Главнейшими из них были

Герои Троянской войны

Афины, Спарта, Коринф, Фивы, Самос, Милет. Греческие поселения существовали уже и на берегах Черного моря, и в Италии, и в Сицилии. Каблук и носок италийского сапога носили название Великой Греции. Марсель был греческим городом, основанным на месте более древней финикийской колонии.

Страны, расположенные на обширных равнинах или обладающие в качестве пути сообщения какой-нибудь большой рекой, вроде Евфрата или Нила, обычно стремятся к слиянию под чьей-нибудь общей властью. Города Египта и Шумер, например, слились воедино под одной и той же властью и образовали общую правительственную систему. Греки же, расселенные по островам и горным долинам (ибо как Греция, так и Великая Греция очень гористы), были отрезаны друг от друга, поэтому среди них преобладала совершенно противоположная тенденция. Когда греки появляются в истории, они

уже разделяются на множество маленьких государств, не проявлявших сначала никаких признаков единения. Они отличались даже по расе. Некоторые из этих государств были населены, главным образом, представителями того или иного греческого племени — ионического, дорического или эолийского; другие имели смешанное население, состоявшее из греков и потомков догреческих средиземноморских народов; наконец, в третьих граждане были из чистокровных, свободных греков, правивших порабощенным, покоренным населением, как, например, илотами в Спарте. В некоторых из этих государств старинные выдающиеся арийские семьи образовали сплоченную аристократию; в некоторых существовал демократическое правление для всех граждан-арийцев; в некоторых же мы находим выборных или даже наследственных царей, в других узурпаторов и тиранов.

Те же географические условия, которые препятствовали слиянию греческих государств и установлению в них единообразия, не позволяли им увеличиваться в размере. Самые большие греческие государства уступали по размерам многим английским графствам и сомнительно, превышало ли когда-нибудь население какого-либо из их городов треть миллиона. Лишь в немногих население достигало пятидесяти тысяч. Существовали союзы, вызванные общностью интересов, но слияния не было. Города заключали между собою союзы и лиги по мере развития торговли, а маленькие государства становились под покровительство больших государств. Тем не менее, Грецию все же объединяла известная

общность переживаний, вызванная двумя обстоятельствами — существованием эпоса и обычаем принимать каждые четыре года участие в атлетических состязаниях в Олимпии. Это не устраняло войн и междоусобиц, но смягчало до известной степени жестокость борьбы между государствами, а условия перемирия охраняли всех лиц, отправлявшихся на игры и возвращавшихся с них.

С течением времени сознание общего происхождения развивалось, и число государств, принимавших участие в играх, увеличивалось до тех пор, пока, наконец, к участию в них стали допускаться не только греки, но и жители близкородственных им стран: Эпира и Македонии. В VII и VI веках до Р. Х. греческие города начали приобретать все большее и большее значение и расширять торговлю, а уровень их культуры также непрерывно возрастал. Их общественная жизнь отличалась от жизни эгейских цивилизаций и государств речных долин многими любопытными подробностями. У них были великолепные храмы, но жречество не представляло собой такой мощной, основанной на традициях касты, как в городах более древнего мира; жрецы у греков не являлись хранителями всех знаний, средоточием всякой мысли. У этого народа были вожди и благородные семьи, но не было монарха-полубога, окруженного тщательно организованным двором. Государственное их устройство было скорее аристократическим, под руководством могущественных семейств, причем все эти рода, отстаивая друг у друга влияние, не давали никому занять преобладающее место. Даже так назы-

ваемая «демократия» греков была, по существу, аристократична. В демократии каждый гражданин принимал участие в общественных делах и присутствовал на собраниях, но «не всякий был гражданином». Греческая демократия не походила на наши, в которых каждый имеет право голоса. Большинство греческих демократических республик насчитывало несколько сот или несколько тысяч граждан и много тысяч рабов, вольноотпущенников и т. п., не принимавших участия в общественных делах. Обычно в Греции управление сосредоточивалось в руках кучки зажиточных людей. Как цари, так и тираны были просто людьми, выдвинувшимися среди прочих или же узурпировавшими власть, Это не были полубоги, сверхлюди, как фараоны, миносы или монархи Месопотамии. Таким образом, как мысль, так и правительство у греков пользовались свободой, подобной которой они не знали во времена более древних культур. Греки внесли в свои города-государства индивидуализм, личную инициативу, выработанную кочевой жизнью на северных пастбищах. Это были первые республиканцы, сыгравшие в истории значительную роль.

И мы замечаем, что по мере того, как они выходят из условий варварства и постоянных сражений, в их умственной деятельности начинает проявляться новая черта. Мы видим у них людей, которые, не будучи жрецами, ищут и собирают знания и углубляются в тайну жизни и существования, т. е. предаются тому, что составляло до сих пор возвышенную привилегию жречества и высокомерное развлечение царей. Мы находим уже

в VI веке до Р. Х., быть может, в то время, когда Исайя все еще пророчествовал в Вавилоне, таких людей, как Фалеса, Анаксимандра Милетского и Гераклита Эфесского, бывших, как мы теперь сказали бы, независимыми джентльменами, посвящавшими свои умственные силы тщательному изучению мира, в котором мы живем, вопросу о том, какова была его истинная природа, когда он был создан, какова может быть его дальнейшая участь, и отвергавшими всякие традиционные и уклончивые ответы. Об этом стремлении греков проникнуть в тайны Вселенной нам придется подробнее говорить в этом повествовании несколько позднее. Эти греческие исследователи, которые начинают выделяться в VI веке до Р. Х., являются первыми философами, первыми «любителями мудрости» в мире.

Здесь должно быть отмечено великое значение VI века в истории человечества. Ибо в это время, кроме этих греческих философов, стремившихся составить себе ясное представление о Вселенной и о месте, занимаемом в ней человеком, и Исайи, доведшего до высшего предела иудейские пророчества, в Индии, как мы скажем позднее, учил Гаутама Будда, а в Китае — Конфуций и Лаоцзы. От Афин до Тихого океана пробуждалось человеческое сознание и началось брожение умов.

ГЛАВА 24. ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

В то время, как греки в городах Греции, Южной Италии и Малой Азии предавались свободной умственной работе, а в Вавилоне и Иерусалиме последние из иудей-

ских пророков выковывали для человечества свободную совесть, два отважных арийских народа, мидяне и персы, овладевшие культурными странами древнего мира, создавали великую державу, царство персидское, превосходившее по размерам какое бы то ни было царство, существовавшее до сих пор. При Кире Вавилон и богатая и древняя культурная Лидия были присоединены к персидскому царству; финикийские города на востоке и все греческие города в Малой Азии были обращены в данников. Камбиз покорил Египет, а Дарий I, мидянин, третий из персидских правителей (521 до Р. Х.), явился монархом, как тогда казалось, целого мира. Его посланцы разъезжали, передавая приказы, от Дарданелл до Инда и от Верхнего Египта до Центральной Азии.

Правда, европейские греки, Италия, Карфаген, Сицилия и испанские финикийские поселения не находились под сенью персидской державы, но они относились к ней с почтением, и единственными народами, доставлявшими персам серьезные беспокойства, были так называемые скифы, народ, родственный северной расе, совершавший набеги на северные и северо-восточные границы Персии из Южной России и Центральной Азии.

Само собой разумеется, что население этой великой персидской державы не состояло сплошь из персов. Персы составляли лишь незначительное господствующее меньшинство в этом огромном царстве. Остальная часть населения оставалась тем же, чем была с незапамятных времен до прихода персов, с той лишь разницей, что персидский язык сделался административным. Торговля и финансы также остались главным образом семитскими. Тир

и Сидон были по-прежнему огромными портами на Средиземном море, и на морях плавали семитские корабли. Но многие из этих семитов-купцов и деловых людей, переезжая с места на место, уже находили близкую и понятную им, общую для всех семитов историю в еврейских преданиях и еврейской литературе. Новым элементом, быстро увеличивавшимся в этом царстве, был элемент греческий. Греки становились серьезными соперниками семитов на море, а их независимый и мощный ум делал их полезными и беспристрастными чиновниками.

Во вторжении Дария I в Европу виноваты скифы. Он хотел достигнуть Южной России, гнезда скифских наездников. Он перешел с большой армией через Босфор, направился через Болгарию к Дунаю, переправился через него по мосту из лодок и продвинулся далеко на север. Его войско ужасно бедствовало. Оно состояло главным образом из пехоты, и конные скифы кружились вокруг него, отбивали обозы с продовольствием, убивали всех отставших и постоянно уклонялись от открытого боя, до которого так и не дошло дело. Дарий был вынужден отступить с позором. Он сам вернулся в Сузы, но оставил армию во Фракии и Македонии, и последняя покорилась Дарию. За этим последовал ряд восстаний в греческих городах Азии, и европейские греки оказались вовлеченными в борьбу. Дарий решил покорить греков в Европе. Пользуясь находящимся в его распоряжении финикийским флотом, он завоевал один остров за другим и в 490 г. до Р. Х. совершил свое главное нападение на Афины. Грозная армада отчалила из гаваней Малой Азии на восточном берегу Средиземного моря, а войско было спешно двинуто сухим путем к Марафону,

лежавшему к северу от Афин. Здесь оно было встречено и блестяще разбито афинянами.

В это время случилось необычайное событие. Самым жестоким врагом Афин в Греции была Спарта, но тут Афины обратились за помощью к ней, отправив вестника, быстроногого бегуна, с мольбой не допустить греков сделаться рабами варваров. Этот бегун (прототип всех марафонских бегунов) сделал больше ста миль по неровной земле меньше чем в два дня. Спартанцы откликнулись быстро и великодушно, но когда через три дня спартанское войско достигло Афин, ему оставалось только любоваться на поле сражения и тела убитых персидских воинов. Персидский флот вернулся в Азию. Так кончилось первое нападение персов на Грецию.

Следующее было гораздо более значительно. Дарий умер вскоре после того, как до него дошла весть о Марафонском поражении, и Ксеркс, его сын и преемник, в течение четырех лет готовил войско, чтобы сокрушить греков. Страх на время сплотил греков. Армия Ксеркса, несомненно, была самой многочисленной из всех, какие когда-либо собирались до тех пор в мире. Это было огромное объединение разнородных элементов. Оно перешло через Дарданеллы в 480 г. до Р. Х. по мосту из лодок, и по мере того, как оно продвигалось дальше, вдоль берега плыл такой же смешанный флот с продовольствием. В тесном Фермопильском ущелье небольшой отряд в 1400 человек под предводительством спартанского царя Леонида оказал этим полчищам сопротивление, и после битвы, полной никем не превзойденного героизма, был совершенно уни-

чтожен. Все до единого воины были убиты. Но потери, которые они нанесли персам, были огромны, и армия Ксеркса направилась в Фивы* и Афины, совершенно потеряв свое высокомерие. Фивы сдались и заключили договор, афиняне покинули свой город, который был сожжен.

Казалось, что Греция уже в руках завоевателя, но, вопреки неравенству сил и против всех ожиданий, победа снова перешла на ее сторону. Греческий флот, не составлявший по величине и трети персидского, напал на последний в Саламинской бухте и разбил его. Ксеркс увидел себя и свою огромную армию отрезанными от баз снабжения и потерял мужество. Он отступил в Азию с половиной своего войска, покинув остальную часть, которая вскоре потерпела поражение при Платее (479 до Р. Х.), между тем как остатки персидского флота, преследуемые греками, были уничтожены при Микале в Малой Азии.

Миновала персидская грозная опасность. Большинство греческих городов в Азии освободилиось. Все это рассказано очень подробно и с большой живописностью в первой написанной исторической книге — «Истории» Геродота. Геродот родился около 484 г. до Р. Х. в ионийском городе Галикарнассе в Малой Азии и посетил Вавилон и Египет, собирая там точные сведения. После в Микале в Персии начались волнения, вызванные династическими смутами. Ксеркс был убит в 465 г.

---

* Греческий город, который не следует смешивать с великим городом того же имени в Египте.

до Р. Х., а восстания в Египте, Сирии и Мидии нарушили кратковременный мир этого могучего царства.
«История» Геродота подчеркивает слабость Персии. Эта история на самом деле представляет собой то, что мы назвали бы теперь политической пропагандой, имевшей целью заставить Грецию объединиться и разбить Персию. Один из выведенных Геродотом лиц, Аристагор, отправляется к спартанцам с картой известного тогда мира и говорит им: «Эти варвары не отличаются доблестью в бою. Вы же со своей стороны достигли теперь величайшего военного искусства. Никакой народ в мире не обладает такими богатствами, как они: у них есть золото, серебро, бронза, вышитые одежды, скот и рабы. Все это вы могли бы иметь сами, если бы захотели».

ГЛАВА 25. РАСЦВЕТ ГРЕЦИИ

Полтора столетия, последовавшие за поражением персов, были эпохой пышного расцвета греческой цивилизации. Правда, Греция раздиралась отчаянной борьбой за преобладание между Спартой, Афинами и другими государствами (Пелопонесская война от 431 до 404 гг. до Р. Х.), а Македония сделалась с 338 г. до Р. Х. фактически властительницей Греции, но все же в этот период мысль и творческий художественный импульс греков достигли таких высот, что творения их сделались светочами человечества на все оставшееся время.
Мозгом и центром этой умственной деятельности были Афины. В течение более тридцати лет (от 466 до 428 до

Р. Х.) Афины управлялись человеком, отличавшимся необыкновенной разносторонностью и силой ума, — Периклом. Прекрасные развалины, составляющие доныне славу Афин, являются большею частью результатом этого великого порыва. Но Перикл не просто восстановил Афины материально. Он восстановил их и интеллектуально. Он собрал вокруг себя не только архитекторов и скульпторов, но и поэтов, драматургов, философов, учителей. Геродот прибыл в Афины, чтобы прочесть свою «Историю» (438 до Р. Х.). Анаксагор явился туда со своим начатым трудом — описанием солнца и звезд. Эсхил, Софокл и Эврипид один за другим вознесли греческую трагедию на непревзойденную высоту красоты и благородства.

Толчок, который Перикл дал умственной жизни Афин, продолжал действовать и после его смерти, несмотря на то, что мир Греции был нарушен Пелопонесской войной и началась долгая разрушительная борьба за гегемонию. На самом деле омрачение политического горизонта подействовало скорее возбуждающим, чем подавляющим образом на умы людей.

Уже задолго до эпохи Перикла своеобразная свобода греческих учреждений придала большое значение искусству вести прения. Решения принимались не царями и не жрецами, а собраниями народа или его вождей. Поэтому красноречие, умение приводить убедительные доводы сделались весьма желательными качествами. В связи с этим возник класс учителей, софистов, которые брались наставлять молодых людей в этом искусстве. Но нельзя рассуждать без темы, и вслед за речью

последовало и знание. Деятельность и соперничество этих софистов повели, весьма естественно, к тонкому изучению речи, умению выражать мысли, оценке способов мышления и силы различных доводов. После смерти Перикла в качестве талантливого и безжалостного критика неправильных доводов (в учении софистов многое основывалось на ложных доводах), начал выделяться некий Сократ. Вокруг Сократа собралась группа блестящих молодых людей. В конце концов, Сократ был казнен за возбуждение народных умов (399 до Р. Х.). Его приговорили, согласно благородному обычаю Афин того времени, выпить в собственном доме и среди своих друзей ядовитый напиток, приготовленный из цикуты. Но возбуждение человеческих умов не улеглось, несмотря на его осуждение. Юные ученики Сократа продолжали развивать его учение.

Наиболее выдающимся из этих молодых людей был Платон (437—427 до Р. Х.), который вскоре начал преподавать философию в роще Академии. Его преподавание разделялось на две главные части: исследование оснований и способов человеческого мышления и изучение политических форм. Он был первым человеком, написавшим «Утопию», т.е. проект государства, отличающегося от существующих и превосходящего по своим достоинствам все существующие формы. Это указывает на совершенно небывалую дерзость человеческого разума, принимавшего до тех пор общественные установления и обычаи без всякой критики. Платон прямо сказал человечеству: «Большинство общественных и политических зол, от кото-

рых вы страдаете, зависят от вас; стоит только приложить волю и желание, чтобы изменить их. Вы можете жить другим, более разумным образом, если захотите продумать и осуществить его. В вас еще не пробудилось сознание вашей собственной власти». Это высокое и смелое учение, которому все еще надлежит проникнуть в общественное сознание нашей расы. Одной из первых работ Платона была «Республика», мечта об аристократической коммуне. Его последний, незаконченный труд, «Законы» — проект управления, составленный для другого подобного же утопического государства.

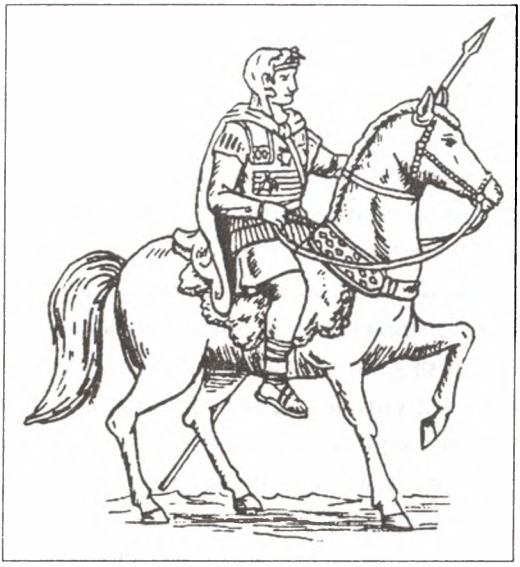
Критика методов мышления и государственных форм была продолжена после смерти Платона Аристотелем, который был его учеником и сам преподавал в Лицее. Аристотель происходил из города Стагиры в Македонии; отец его был придворным врачом македонского царя. Некоторое время Аристотель состоял воспитателем Александра, сына царя, которому предстояло совершить величайшие дела; об этих делах у нас скоро будет речь. Труды Аристотеля относительно методов мышления вознесли науку логики на высоту, которую она сохранила в течение тысячи пятисот лет и более, пока средневековые схоластики не подняли старинных вопросов снова. Утопий он не писал. Аристотель пришел к заключению, что прежде, чем человек действительно окажется в состоянии управлять своей судьбой, как думал Платон, он должен значительно расширить запас своих знаний и достигнуть в них гораздо большей точности, чем та, которой он

обладает. Аристотель предался тому систематическому накапливанию знаний, которое в наше время называется наукой. Он рассылал исследователей, чтобы собирать факты. Он был отцом естественной истории и основателем общественных наук. Его ученики в Лицее анализировали и сравнивали конструкции 158 различных государств...

Итак, в IV веке до Р. Х. мы находим людей, которые, по существу, являются «современными мыслителями». Ребяческая, несвязная система первобытного мышления уступила место дисциплинированному критическому анализу жизненных проблем. Фантастический, чудовищный символизм и изображение богов и богоподобных чудовищ, все табу, запреты и стеснения, которые до сих пор загромождали мышление, тут совершенно отброшены. Родилось свободное, точное и систематическое мышление. Свежий, необремененный разум этих пришельцев из северных лесов ворвался в тайны храма и озарил их солнечным светом.

ГЛАВА 26. ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

С 431 до 404 гг. до Р. Х. Грецию изнуряла Пелопонесская война. В это время расположенная к северу от Греции и родственная ей страна Македония приобретала постепенно все большую мощь и культуру. Македоняне говорили на языке, близкородственном греческому, а представители Македонии неоднократно принимали участие в Олимпийских играх. В 359 г. до Р. Х. царем



Александр Македонский

этой маленькой страны сделался человек, наделенный большими способностями и честолюбием. Это был Филипп. Филипп до вступления на трон побывал в Греции в качестве заложника, получил вполне греческое образование и был, по всей вероятности, знаком с идеями Геродота, которые развивались также философом Исократом, — о возможности завоевания Азии объединенной Грецией.

Филипп принялся прежде всего за организацию своего собственного государства и переустройство армии. Уже целое тысячелетие решающим фактором в сражениях являлся отряд колесниц вместе со сражающейся сомкнутым строем пехотой. Конные всадники также при-

нимали участие в битвах, но лишь в качестве застрельщиков, по личному произволу и без всякой дисциплины. Филипп заставил свою пехоту сражаться тесно сомкнутыми массами — македонской фалангой — и обучил своих всадников, рыцарей и слуг сражаться в организованных единицах и, таким образом, впервые организовал кавалерию.

Во время сражений, данных им и его сыном Александром, решающим моментом являлась атака кавалерийского отряда. Фаланга удерживала пехоту врага перед собой, в то время как кавалерия, увлекая за собой коней врага, врезалась с флангов и с тыла в его пехоту. Сила колесниц делалась ничтожной благодаря стрелка́м из лука, убивавшим лошадей.

С этой новой армией Филипп расширил свои границы через Фессалию до самой Греции, и битва при Херонее (338 до Р. Х.), в которой он сражался против Афин и их союзников, привела к его ногам всю Грецию. Наконец начинала осуществляться мечта Геродота. Съезд всех греческих государств назначил Филиппа главным предводителем греко-македонского союза против Персии, и в 336 г. до Р. Х. его авангард переправился в Азию для совершения этого давно готовившегося похода. Но Филиппу не пришлось последовать за ним. Он был убит, как думают, по наущению своей жены, Олимпии, матери Александра. Мотивом убийства была ревность, вызванная вторым браком Филиппа.

Филипп приложил необычайные старания, чтобы дать своему сыну надлежащее образование. Он не только пригласил воспитателем к этому мальчику Аристотеля,

величайшего философа в мире, но и сам делился с ним своими мыслями и заставлял его приобретать опыт в военном деле. При Херонее Александр, которому было тогда всего лишь восемнадцать лет, командовал кавалерией. Поэтому этот юноша, которому ко времени смерти отца исполнилось всего лишь двадцать лет, оказался в состоянии принять на себя его задачу и с блестящим успехом продолжать поход в Персию.

В 334 г. до Р. Х. — ибо два года ушло у Александра на то, чтобы утвердиться и упрочить свое положение в Македонии и Греции, — он переправился в Азию, разбил не слишком превосходившую его численностью персидскую армию в битве при Гранике и покорил множество городов в Малой Азии. Он придерживался морского берега. Ему было важно подчинять себе все прибрежные города и оставлять в них гарнизоны по мере того, как он продвигался вглубь страны, ибо персы имели в своем распоряжении флоты Тира и Сидона и, таким образом, господствовали на море. Если бы он оставил хоть один враждебный порт у себя в тылу, персы могли бы высадить свои войска, напасть на его коммуникации и отрезать его. При Иссе (333 до Р. Х.) он встретил и сокрушил объединенные силы врага под предводительством Дария III. Подобно войску Ксеркса, переправившемуся через Дарданеллы за полтора века до того, войско Дария представляло собой беспорядочное сборище случайных элементов, и движение его тормозилось присутствием множества придворных чинов, гарема Дария и многочисленных обозов. Сидон сдался Александру, но Тир оказывал упорное сопротивление. В конце концов этот великий город был взят приступом,

разграблен и разрушен. Газа также была взята приступом, и к концу 332 г. до Р. Х. завоеватель вошел в Египет и перенял от персов власть над ним. В Александретте и Александрии в Египте он выстроил большие города, доступные с суши. К ним перешла торговля финикийских городов. Финикийцы западной части Средиземноморья внезапно исчезают с исторической сцены, и, почти так же внезапно, появляются евреи в Александрии и других торговых городах, созданных Александром.

В 331 г. до Р. Х. Александр выступил из Египта в Вавилон, как это делали до него Тутмос, Рамзес и Нехо. Но он пошел через Тир. В Арбеле, близ развалин Ниневии, которая была уже забытым городом, он встретился с Дарием и дал ему решительное сражение. Нападение персидских колесниц окончилось неудачей. Македонская кавалерия ударила по огромному сборному войску и фаланги завершили победу. Дарий отступил. Он не сделал больше попыток сопротивляться противнику, а бежал на север, в страну мидян. Александр направился в Вавилон, который все еще оставался важным и цветущим городом, а затем в Сузу и Персеполис. Там после пьяного пира он сжег дворец Дария, царя царей.

После этого Александр обошел церемониальным маршем всю Центральную Азию, дойдя до крайних границ персидского царства. Сначала он повернул к северу, преследуя Дария. Последний был найден на рассвете умирающим в своей колеснице, убитый своими собственными людьми. Он все еще был жив, когда приблизились авангарды греков. Александр, подойдя вслед за ними, застал его уже мертвым. Александр прошел вдоль бере-

га Каспийского моря, поднялся в горы западного Туркестана и прошел через Герат (который он основал), Кабул и Киберский перевал в Индию. На Инде он дал большое сражение индийскому царю Пору, и здесь впервые македонские войска увидели слонов и разбили войско, в котором они были. Наконец, он сам соорудил себе суда, поплыл вниз к устью Инда и повернул обратно по берегу Белуджистана, достигнув снова Суз в 324 г. до Р. Х. после шестилетнего отсутствия. Здесь он занялся устройством и укреплением огромного царства, которое завоевал. Александр старался привлечь симпатии своих подданных. Он возложил на себя мантию и тиару персидских монархов, но это вызвало зависть его полководцев-македонян. Они доставили ему немало тревог. Александр устроил множество браков между этими македонскими воинами и персидскими и вавилонскими женщинами — «браки Востока с Западом». Он так и не дожил до осуществления того соединения, которое наметил. Он подхватил лихорадку после пира в Вавилоне и умер в 323 г. до Р. Х.

Его великая держава немедленно распалась на части. Один из его полководцев, Селевк, оставил за собой большую часть древнего персидского царства от Инда до Эфеса. Другой, Птоломей, захватил Египет, а Антигон сохранил Македонию. Остальная часть империи осталась в неустойчивом положении, переходя из рук в руки целого ряда местных авантюристов. С севера снова начались нападения варваров, все больше увеличиваясь в численности и интенсивности. Так продолжалось до тех пор, пока, как мы увидим далее, с Запада не появилась новая сила —

Римская республика, подчинившая себе одну за другой разрозненные части империи Александра и сплотившая их вместе в новое и более устойчивое государство.

ГЛАВА 27. МУЗЕЙ И БИБЛИОТЕКА В АЛЕКСАНДРИИ

Еще до воцарения Александра греки уже распространились в качестве купцов, художников, чиновников и наемных солдат по большей части персидских владений. В династических смутах, последовавших за смертью Ксеркса, принимал участие отряд греческих наемников в десять тысяч человек под предводительством Ксенофонта. Возвращение этого отряда в азиатскую Грецию из Вавилона описано в его «Отступлении десяти тысяч», которое представляет собой одну из первых историй войн, написанных участником-полководцем. Завоевания Александра и раздел его недолговечного царства между подчиненными ему полководцами сильно способствовали проникновению в древний мир греков, их языка, обычаев и культуры. Следы этого распространения греческой цивилизации можно найти в глубине Центральной Азии и Северо-Западной Индии. Греческое влияние на развитие индийского искусства было очень велико.

В течение многих веков Афины сохранили свою славу как центр культуры и искусства; их школы функционировали до 529 г. после Р. Х., т.е. в течение почти тысячи лет, но руководство интеллектуальной жизнью мира перешло теперь на ту сторону Средиземного моря, к Алексан-

дрии, новому торговому городу, основанному Александром. Фараоном там сделался македонский полководец Птоломей, окруживший себя двором, говорившим на греческом языке. Прежде, чем сделаться царем, он был близким другом Александра и глубоко проникся идеями Аристотеля. Он взялся с большей энергией и уменьем за организацию условий, необходимых для развития знаний и исследований. Он написал также историю войн Александра, которая, к несчастью, потеряна для мира.

Еще Александр пожертвовал значительную сумму денег Аристотелю на его работы, но Птоломей I первым сделал постоянный, долговечный дар науке. Он заложил в Александрии здание, специально посвященное музам, Музей Александрии. В течение трех или четырех поколений научная работа александрийцев отличалась высокими достоинствами. Эвклид, Эратосфен, измеривший Землю и ошибившийся всего лишь на пятьдесят миль при исчислении ее диаметра, Аполлоний, написавший труд о конических сечениях, Гиппарх, составивший первую звездную карту и каталог звезд, Герон, изобретший первую паровую машину, находятся среди величайших звезд этого необычайного созвездия пионеров науки. В Александрию из Сиракуз прибыл учиться также и Архимед, состоявший впоследствии в тесной переписке с Музеем. Там же жил Герофил, один из величайших греческих анатомов, применявший, как утверждают, вивисекцию для своих исследований.

В течение одного или двух поколений, во время царствования Птоломея I и Птоломея II, длился ослепительный расцвет науки и открытий, подобного кото-

рому мир больше не видел вплоть до XVI века после Р. Х. Но он был не продолжителен. Могло существовать несколько причин последовавшего упадка. Покойный профессор Магафи указывал в качестве главнейшей из них тот факт, что Музей был «царским» учебным заведением и что все его профессора и ученики оплачивались фараоном и состояли у него на службе. Это было очень хорошо, пока фараоном был Птоломей I, ученик и друг Аристотеля. Но по мере того, как представители династии Птоломеев сменяли друг друга, они египтизировались, попадали под влияние египетских жрецов и религиозного развития Египта, они не стремились развивать дальше уже сделанную работу, и их контроль окончательно задушил дух исследования. После первого века своей деятельности Музей сделал мало ценных вкладов в науку.

Птоломей I не только старался в самом современном духе способствовать накоплению новых знаний. Он пытался также основать энциклопедическое вместилище мудрости в Александрийской библиотеке. Но это был не просто склад книг, а учреждение, в котором книги переписывались и продавались. Огромная армия переписчиков сидела за работой, постоянно умножая копии книг.

Таким образом, здесь мы ясно видим первые зачатки того умственного процесса, который продолжается в наше время. Мы видим здесь систематическое собирание и распространение знаний. Основание этого Музея и библиотеки отмечает одну из величайших исторических эпох в жизни человечества. Это истинное начало Новой Истории.

Но этот труд по накоплению и распространению знаний встречал множество серьезных затруднений. Первым из них являлась глубокая пропасть в обществе, отделявшая философа, по своему положению аристократа, от торговца и ремесленника. В те дни существовало большое количество стеклянных и металлических дел мастеров, но они не находились в умственном контакте с мыслителями. Стекольщик создавал прекраснейшие цветные бусы и кубки, но он не выделывал флорентийской фляжки или оптического стекла. Чистое стекло не интересовало его. Металлических дел мастер выделывал оружие и драгоценности, но не делал химических весов. Философ создавал возвышенные теории об атомах и природе вещей, но не имел практических сведений об эмали, пигментах, фильтровании и прочем. Его не интересовали вещества. Так, Александрия в краткие дни своего процветания не создала ни микроскопов, ни новых химических продуктов. И хотя Герон и изобрел паровую машину, ее никогда не пытались использовать на практике для выкачивания воды, для приведения в движение судна или для другой какой-нибудь полезной цели. За исключением области медицины, практическое приложение знаний было весьма мало развито, и прогресс науки не поощрялся и не поддерживался интересом и возбуждением, вызываемым практическим применением научных выводов. Таким образом, с исчезновением умственной любознательности Птоломея I и Птоломея II, дальнейшая научная работа оказалась лишенной всякой опоры. Открытия Музея продолжали заноситься в секретные манускрипты и никогда, вплоть до возрождения интереса к науке

в эпоху Ренессанса, не распространялись среди широкой массы человечества.

Библиотека также не вводила улучшений в производство книг. Древний мир не имел бумаги определенных размеров, сделанной из тряпичной массы. Бумага была китайским изобретением и появилась на Западе лишь в IX веке. Единственным книжным материалом являлся пергамент и полосы тростника — папируса, соединявшиеся краями. Эти свитки наворачивались на палки и были очень неуклюжи и неудобны для употребления. Эти обстоятельства препятствовали появлению печатных книг, разделенных на страницы. Само по себе печатание было известно миру, как кажется, еще в древнем каменном веке: в древнем Шумере уже существовали печати, но без обилия бумаги мало было толку печатать книги; этому нововведению, кроме того, могли оказывать сопротивление из профессиональных интересов занятые работой переписчики. Александрия выпускала книги в большом изобилии, но среди них не было дешевых, и ей не удавалось распространять знания среди населения античного мира вне зажиточного и влиятельного класса.

Таким образом, блеск этого умственного расцвета никогда не распространился за пределы небольшого круга, соприкасавшегося с группой философов, собранной первыми Птоломеями. Он напоминал свет в потайном фонаре, закрытом от широкого мира. Внутри он мог быть ослепительно ярким, но, несмотря на это, оставался невидимым. Остальной мир продолжал идти старыми путями, не ведая того, что семя научного знания, которое должно было со временем совершенно револю-

ционизировать его, уже посеяно. Александрию окутал вскоре мрак фанатизма, и семя, посеянное Аристотелем, в течение тысячелетия оставалось скрытым. Но вот оно вновь ожило и начало произрастать. В несколько столетий оно достигло того широко распространенного влияния знаний и ясных понятий, которое в настоящее время коренным образом изменяет человеческую жизнь.

Александрия не была единственным эллинистическим центром умственной деятельности в III веке до Р. Х. Среди разрозненных остатков кратковременной державы Александра существовало много других городов, которые могли похвастаться блестящей интеллектуальной жизнью. Таков был, например, греческий город Сиракузы в Сицилии, где мысль и наука процветали в течение двух веков; таков был Пергам в Малой Азии, обладавший также огромной библиотекой. Но этот блестящий эллинистический мир вскоре был снова раздавлен нашествием с севера. Новые северные варвары, галлы, стремительно спускались по пути, которым однажды уже прошли предки греков, фригийцев и македонян. Они совершали набеги, разносили и разрушали все вокруг, а по следам галлов появились из Италии римляне, новые завоеватели, которые постепенно покорили всю западную часть огромного царства Дария и Александра. Это был даровитый, но лишенный воображения народ, предпочитавший право и выгоду науке и искусству. Из Центральной Азии приходили все новые завоеватели, грабя и порабощая царство Селевкидов и снова преграждая западному миру доступ в Индию. Это были парфяне, орды

конных стрелков, которые обращались в III веке до Р. Х. с греко-персидской империей Персеполиса и Суз почти так же, как обращались с ней мидяне и персы в VII и VI. С северо-востока приходили и другие, новые кочевники, не принадлежавшие к белокурым северным народам, говорившим на арийском языке; это были желтокожие люди с черными волосами, объяснявшиеся на монгольском наречии. Но о них мы скажем подробнее в одной из следующих глав.

ГЛАВА 28. ЖИЗНЬ ГАУТАМЫ БУДДЫ

Теперь мы должны отступить в нашем повествовании на три столетия, чтобы рассказать о великом учителе, которому удалось произвести почти полный переворот в религиозном мышлении и понятиях Азии. Это был Гаутама Будда, поучавший своих учеников в Бенаресе, в Индии, около того времени, когда Исайя пророчествовал среди евреев в Вавилоне, а Гераклит углублялся в Эфесе в свои размышления и изыскания о природе вещей.

Все эти люди жили на свете одновременно в VI веке до Р. Х., ничего не зная друг о друге.

Это шестое столетие воистину является одним из наиболее замечательных во всей истории человечества. Повсюду (как мы увидим дальше, это распространилось и на Китай) человеческие умы обнаруживали новую отвагу. Повсюду они пробуждались от традиций царизма, жречества и кровавых жертвоприношений и задумывались над самыми глубокими вопросами. Кажется, как

будто род человеческий достиг возмужалости после детства, длившегося двадцать тысяч лет.

Первоначальная история Индии все еще очень темна. Когда-то, быть может, около 2000 лет до Р. Х., говоривший на арийском языке народ с северо-запада спустился в Индию, совершив одно или несколько нашествий; он сумел распространить свой язык и свои традиции в большей части Северной Индии; он говорил на особом наречии арийского языка — санскрите. Эти пришельцы застали в Индии смуглокожий народ с более утонченной, чем у них, культурой, но с меньшей силой воли; этот народ владел бассейном Инда и Ганга. Но пришельцы, по-видимому, не смешались со своими предшественниками так же свободно, как сделали это греки и персы. Они остались в стороне. Когда прошлое Индии становится смутно различимым для историка, индийское общество уже разделено на несколько слоев, или каст, с непостоянным числом подразделений; люди разных каст не едят вместе, не заключают между собой браков и не общаются свободно. И в течение всей истории продолжается это расслоение на касты. Это сообщает индийскому государству некоторые особенности по сравнению с простыми, свободно общавшимися европейскими и монголоидными общинами. Это действительно общество, состоящее из множества обществ.

Сидхарта Гаутама происходил из аристократической семьи, которая правила небольшой областью на склоне Гималаев. В девятнадцать лет он женился на красавице, своей двоюродной сестре. Он охотился, веселился и гу-

Будда Шакьямуни — Сиддхартха Гаутама

лял в своем солнечном мире садов, рощ и искусственно орошаемых рисовых полей. И среди этой жизни на него напала великая тоска. Это была неудовлетворенность великого ума, требовавшего работы. Гаутама чувствовал, что жизнь, которую он вел, не была настоящей жизнью, а праздником, и праздником, затянувшимся слишком долго.

Мысль о болезнях и о смерти, о тщете всего земного и неполноте всякого счастья возникла в уме Гаутамы. Однажды, будучи в подобном мрачном настроении, он повстречался с одним из тех странствующих аскетов, которые уже тогда в большом количестве существовали в Индии. Эти люди жили, подчиняясь строгим правилам, уделяя много времени созерцанию и религиозным спо-

рам. Считалось, что они ищут глубокой сущности жизни, и страстное желание поступить так же овладело Гаутамой.

Он раздумывал над этим проектом, говорит предание, когда ему принесли весть, что жена его произвела на свет первенца. «Это новые узы, которые необходимо порвать», — сказал Гаутама.

Он вернулся домой, встреченный радостным ликованием своих товарищей по касте. Чтобы отпраздновать появление этих новых уз, были устроены большой пир и пляска, но ночью Гаутама проснулся в сильном смятении духа, «как человек, которому сказали, что его дом горит». Немедленно же он решил покинуть свою счастливую, бесцельную жизнь. Он тихонько подошел к порогу спальни своей жены и, при свете масляной лампы, увидел ее сладко спящей, окруженной цветами, державшей в объятиях его новорожденного сына. Он почувствовал большое желание перед уходом заключить в свои объятия ребенка в первый и последний раз, но страх разбудить жену удержал его. Он повернулся наконец и вышел в ярком сиянии индийской луны из дома, затем вскочил на лошадь и отправился в мир.

Он очень далеко заехал в эту ночь, остановился под утро за пределами своей области и сошел с лошади у реки. Там он срезал мечом свои развевающиеся кудри, снял все свои украшения и отослал их вместе с лошадью и мечом обратно домой. Идя дальше, он встретил человека в рубище и обменялся с ним платьем; избавленный от всех земных уз, он был теперь волен посвятить себя исканию мудрости. Он направился на юг, к убежищу от-

шельников и учителей в холмистых отрогах Виндайских гор. Там в заповедных пещерах жили мудрецы, ходившие в город за своим несложным пропитанием и устно делившиеся своим учением со всеми, кто приходил к ним. Гаутама оказался посвященным во всю метафизику своего века. Но его проницательный ум не удовлетворился предложенными ему решениями.

В индийском сознании всегда существовала склонность к вере, что сила и знание могут быть достигнуты путем крайнего аскетизма, постами, бессонницей и самоистязаниями, и Гаутама решил испробовать эти способы достижения мудрости. Он отправился вместе с пятью братьями-учениками в джунгли и там предался посту и жестокому умерщвлению плоти. Слава о нем распространялась, «как звон большого колокола, подвешенного к небесному куполу». Но она не принесла ему сознания достигнутой истины. Однажды он бродил, стараясь, несмотря на ослабленное состояние, размышлять; внезапно он лишился сознания. Когда же он пришел в себя, нелепость этих полумагических путей искания истины стала для него очевидной.

Он привел в ужас своих товарищей, попросив обыкновенной пищи и отказавшись заниматься дальше умерщвлением плоти. Он сознавал теперь, что всякая истина, которую может постичь человек, лучше постигается хорошо упитанным мозгом и здоровым телом. Такое представление было абсолютно чуждо настроению его страны и времени. Ученики покинули его и вернулись в Бенарес в сильном унынии. Гаутама стал странствовать один.

Когда ум захвачен великой и сложной проблемой, он подвигается вперед шаг за шагом, лишь очень слабо сознавая достигнутый им успех, пока, словно озаренный ослепительным светом, внезапно не почувствует торжества. Так случилось и с Гаутамой. Однажды, когда он уселся под большим деревом на берегу реки, чтобы поесть, ему явилось светлое видение. Ему показалось, что он ясно видит жизнь насквозь. Говорят, что он просидел весь день и всю ночь в глубокой задумчивости, затем встал на ноги, чтобы поделиться своим откровением с миром.

Он отправился в Бенарес и там отыскал и снова привлек к себе новым учением своих прежних учеников. В царском Оленьем Парке в Бенаресе они выстроили себе сами хижины и основали нечто вроде школы, в которую приходили многие, искавшие мудрости.

Отправным пунктом его учения являлся вопрос, который он задавал себе, еще будучи счастливым молодым человеком: «Почему я не вполне счастлив?» Это был интроспективный вопрос, сильно отличавшийся по характеру от откровенной и самозабвенной, направленной вовне любознательности, с которой Фалес и Гераклит углублялись в тайны Вселенной, или от столь же самоотверженного бремени нравственной ответственности, которое великие пророки налагали на сознание евреев. Индийский учитель не забывал о себе, он сосредоточивался на своем «я» и старался уничтожить его. Все страдания, учил он, вызываются сильными желаниями личности. До тех пор, пока человек не овладеет ими, его жизнь — волнение, а конец — горе. Существуют три главные формы жажды жизни, и все они представляют собой зло. Первая — это жажда удовлетворения плотских

желаний, жадность и все виды чувственности, вторая — устремление к личному, эгоистическому бессмертию, третья — жажда личного успеха, приверженность к мирской суете, скупость и т.п. Чтобы избежать горя и отчаяния в жизни, все эти формы желаний должны быть подавлены. Когда они побеждены, тогда наше «я» исчезает совершенно, тогда достигается блаженство души — нирвана, высшее благо.

Такова суть его учения, чрезвычайно утонченного, метафизического учения, которое далеко не так легко понять, как стремление греков увидеть и бесстрашно познать или еврейский завет бояться Бога и жить в истине. Учение Гаутамы было много выше понимания даже его собственных ближайших учеников, и неудивительно, что, как только его личное влияние исчезло, оно исказилось и извратилось. В то время в Индии была широко распространена вера в то, что на землю время от времени нисходит мудрость и воплощается в каком-нибудь избраннике, которого называли Буддой. Ученики Гаутамы заявили, что он был Буддой, хотя не существует никаких данных относительно того, присваивал ли он себе когда-нибудь сам это звание. Не успел он умереть, как вокруг его имени начали сплетаться целые циклы легенд. Человеческое сердце всегда предпочитало чудесную сказку нравственному усилию. И Гаутама-Будда превратился в сверхъестественное существо.

Тем не менее в мире осталось все же некоторое положительное достижение. Если нирвана и была слишком высока и утонченна для понимания большинства людей, если инстинкт к созданию мифов в народе и был слиш-

ком силен для простых фактов жизни Гаутамы, все же люди могли усвоить себе кое-что из стремления учителя к тому, что он называл путем восьми достижений, арийским, или благородным путем в жизни. В его учениях заключалось требование умственной порядочности, чистоты стремления и речи, справедливых поступков и честной жизни. В них было нечто, способное оживить совесть и, вместе с тем, призыв к великодушным и самоотверженным действиям.

ГЛАВА 29. ЦАРЬ АШОКА

На протяжении нескольких поколений после смерти Гаутамы возвышенное и прекрасное буддийское учение, впервые определенно высказавшее, что высочайшее благо для человека заключается в обуздании своего собственного «я», имело сравнительно небольшой успех. Но потом оно поразило воображение величайшего из монархов, которого когда-либо видел мир.

Мы уже упоминали о том, как Александр Великий появился в Индии и как он там сражался с Пором на берегах Инда. Греческие историки рассказывают, что некий Чандрагупта Маурия явился к Александру в лагерь и начал уговаривать его идти дальше, к берегам Ганга и завоевать всю Индию. Александр не мог этого сделать вследствие отказа своих македонян углубляться в страну, являвшуюся для них неведомым миром, однако, Чандрагупте удалось спустя некоторое время (в 321 до Р. Х.) заручиться помощью некоторых горских племен и осуществить свою мечту без помощи греков. Он осно-

вал империю в Северной Индии и в 303 г. до Р. Х. уже оказался в состоянии напасть на Селевка I в Пенджабе и уничтожить последние остатки владычества греков в Индии. Его сын расширил владения этой новой империи, а его внук, Ашока, монарх, о котором пойдет речь в настоящей главе, в 264 г. уже был владыкой над державой, простиравшейся от Афганистана до Мадраса.

Ашока вначале был склонен следовать примеру своего отца и деда и завершить завоевание Индийского полуострова. Он завладел Калингой (255 до Р. Х.), страной, расположенной на восточном побережье Мадраса; ему постоянно сопутствовала удача, но вместе с тем он был единственным из всех известных нам полководцев, почувствовавшим такое отвращение к жестокостям и ужасам войны, что сам отказался от продолжения ее. Он решил никогда больше не воевать. Он воспринял миролюбивое учение буддизма и объявил, что отныне все его завоевания будут носить чисто духовный характер.

Его двадцативосьмилетнее царствование было одним из самых светлых промежутков в полной смут истории человечества. Он организовал в большом масштабе рытье колодцев в Индии и посадку деревьев, дающих тень. Основал госпитали, устроил общественные сады и сады для выращивания целебных трав. Основал особую отрасль управления для защиты интересов аборигенов и покоренных народностей Индии. Принял меры к образованию женщин. Много жертвовал проповедникам буддийского учения и пытался склонить их к лучшей и более основательной критике накопленной ими литературы, так как искажения и наросты суеверий очень

быстро наслоились на простом и чистом учении великого индийского учителя. Ашокой были отправлены миссионеры в Кашмир, в Персию, на Цейлон и в Александрию. Таков был Ашока, величайший из царей, далеко опередивший свой век. Он не оставил после себя ни преемника, ни какой-либо организации людей, которая могла бы продолжать его дело, и через какую-нибудь сотню лет после его смерти великие дни его царствования стали лишь славным воспоминанием для расстроенной, пришедшей в упадок Индии. Каста жрецов-браминов, высшая и самая привилегированная изо всех каст в социальном устройстве Индии, всегда противилась открытой, свободной проповеди буддизма. Постепенно эти брамины подорвали влияние буддизма в стране. Старые чудовищные боги, бесчисленные культы религии индуизма вновь получили власть. Система каст стала более суровой и сложной. В течение многих столетий буддизм и браминизм процветали бок о бок; постепенно буддизм зачах и браминизм, имевший бесчисленные формы, стал на его место. Но за пределами Индии, в тех странах, где не существовало деления на касты, буддизм распространялся, пока не завоевал Китай, Сиам, Бирму и Японию — страны, где он господствует и поныне.

ГЛАВА 30. КОНФУЦИЙ И ЛАО-ЦЗЫ

Нам остается рассказать о двух других великих людях — Конфуции и Лао-цзы, живших в этот удивительный век, который может почитаться началом юности человеческого рода, а именно в VI веке до Р. Х.

В этой книге мы говорили очень мало о первоначальной истории Китая. В настоящее время эта первоначальная история покрыта мраком неизвестности, и мы должны ждать, пока китайские исследователи и археологи обновившегося в настоящее время, воскресающего Китая сами изучат свое прошлое так же тщательно, как было изучено прошлое Европы в течение последнего столетия. Первая примитивная китайская цивилизация возникла в долинах больших рек в давно прошедшие времена из первобытной гелиолитической культуры. Подобно Египту и Шумеру, она носила следы общих характерных черт этой культуры и имела своим центром храмы, в которых священники и цари-жрецы приносили периодические кровавые жертвоприношения. Жизнь в этих городах должна была быть очень похожей на жизнь Египта или Шумера за шесть или за семь тысяч лет до этого или же на жизнь племен Центральной Америки во времена майянской культуры.

Если там и происходили когда-нибудь человеческие жертвоприношения, то они уже на заре истории уступили место жертвоприношениям животных. А письмо при помощи изображений возникло задолго до 1000 г. до Р. Х.

Так же, как и примитивные цивилизации Европы и Западной Азии, постоянно приходившие в столкновение с номадами пустыни и с номадами севера, так же точно и первобытный Китай имел у своих северных границ огромные массы кочевого населения. Тут было несколько племен, родственных между собой и схожих по языку и образу жизни, которые были последовательно из-

вестны в истории под именами гуннов, монголов, турок и татар. Они изменялись, разделялись и снова соединялись совершенно так же, как северные кочевники в Европе и Средней Азии, изменяя больше свои названия, чем свою природу. Эти монгольские номады стали использовать лошадей раньше, чем северные народы, и возможно, что в области Алтайских гор они самостоятельно открыли железо около тысячи лет до Р. Х. Так же, как и на Западе, этим восточным номадам иногда удавалось установить в своей среде нечто вроде политического объединения; тогда они становились завоевателями и владыками, а иногда и восстановителями той или другой цивилизованной страны.

Вполне возможно, что первоначальная цивилизация Китая вовсе не была монгольской, так же, как не была норманнской или семитской первоначальная цивилизация Европы. Вполне возможно, что ранняя культура Китая была культурой египтян, шумеров и дравидов, и что там еще в доисторические времена происходили завоевания и смешения покоренных туземцев с завоевателями. Как бы то ни было, но в 1750 г. до Р. Х. мы уже застаем в Китае обширную сеть маленьких государств и самостоятельных городов, признававших в достаточной степени верховного жреца-императора, «Сына Неба», и плативших ему более или менее регулярно более или менее определенные поборы. Династия Шан прекратилась в 1125 г. до Р. Х. Ее сменила династия Чжоу, которая поддерживала Китай относительно объединенным и управляла им, причем связь между мелкими государствами и центром то ослабевала, то усиливалась. Такое положение сохранялось вплоть до времени царствования царя Ашоки

Конфуций

в Индии и Птоломеев в Египте. В течение долгого владычества династии Чжоу Китай стал постепенно распадаться на части. Пришли гуннские племена и образовали ряд государств; местные правители перестали платить дань и вернули себе независимость. В VI веке до Р. Х., по словам одного китайского авторитетного историка, в Китае существовало пять или шесть тысяч фактически независимых государств. Это была эпоха, которую китайцы называют в своих книгах «эпохой смуты».

Но эти годы раздоров не мешали развитию усиленной интеллектуальной деятельности и образованию многих местных центров искусства и культурной жизни. Когда мы ближе познакомимся с историей Китая, то, несомненно, увидим, что Китай также имел свой Милет и свои Афины, свой Пергам и свою Македонию. В настоящее же время мы можем говорить об этой эпохе распада Китая на отдельные государства лишь кратко, в общих чертах, исключительно по причине скудости имеющихся у нас сведений, не позволяющих нам воссоздать последовательную, связную историю.

Подобно тому, как в разъединенной Греции были философы, а в разоренной и покоренной Иудее — пророки, так и в раздираемом смутами Китае того времени были свои философы и учителя. Во всех этих случаях неопределенность и неуравновешенность, по-видимому, действовали возбуждающим образом на наиболее чуткие умы.

Конфуций был по происхождению аристократом и занимал видную официальную должность в одном из маленьких государств, известном под названием Лу. Здесь он, следуя тем же побуждениям, которые руководили и греками, основал нечто вроде академии, целью которой был поиск мудрости и преподавание ее. Господствующие в Китае беззаконие и беспорядок огорчали Конфуция до глубины души. У него возник идеал лучшего управления и лучшей жизни, и он начал разъезжать из одного государства в другое в поисках правителя, который осуществил бы его законодательные и педагогические идеи. Но ему не суждено было отыскать подобного властителя. С одним он чуть было не сошелся, но придворные ин-

триги свели на нет влияние учителя и, в конце концов, погубили все его проекты реформ. Интересно отметить, что сто пятьдесят лет спустя греческий философ Платон также искал правителя и был одно время советником тирана Дионисия, правившего Сиракузами в Сицилии. Конфуций умер разочарованным:

— Нет мудрого правителя, который согласился бы сделать меня своим руководителем, — говорил он, — а между тем приближается моя смерть.

Но его учение было более жизненно, чем он мог себе это представить на склоне своих дней, когда он безнадежно смотрел на будущее, и имело огромное воспитательное значение для китайского народа. Оно стало одним из так называемых китайцами «Трех Учений», причем два другие — это учения Будды и Лао-цзы.

По существу, учение Конфуция носит характер аристократический. Он придавал такое же большое значение личному поведению, какое Гаутама придавал уничтожению желающего «я», греки — познанию внешнего мира, а евреи — праведности. Изо всех великих учителей человечества он был наиболее общественно настроен. Он скорбел о смутах и зле, царивших в мире, и хотел сделать людей благородными для того, чтобы облагородить мир. Он хотел регулировать поведение каждого человека до мельчайших подробностей, установить правила, как вести себя в каждом данном случае в жизни. Учтивый, общественнонастроенный человек, полный сурового самообладания, — таков был идеал, уже зарождавшийся среди населения Северного Китая, и который был им определенно установлен.

Учение Лао-цзы, долгое время заведовавшего императорской библиотекой во времена династии Чжоу, носило гораздо более мистический характер и было более туманно и неопределенно, чем учение Конфуция. Он, по-видимому, проповедовал стоическое безразличие к наслаждениям и мирским благам и возвращение к простоте жизни, будто бы царившей в далеком прошлом.

Он оставил нам сочинения, стиль которых отличается сжатостью и туманностью. Он писал загадками. После его смерти его учение, подобно учению Гаутамы Будды, было искажено и загромождено различными легендами, изуродовано сложнейшими и необычайными обрядами и всякими суевериями. В Китае, так же, как и в Индии, первобытная вера в колдовство и в чудовищные легенды, возникшая в дни младенчества нашей расы, вступила в борьбу с новым образом мыслей и привила ему различные придатки в виде причудливых, иррациональных, устаревших обрядов. Как буддизм, так и даосизм (религия дао, которая приписывается в большей своей части Лао-цзы) в том виде, в котором они сейчас существуют в Китае, являются религиями монахов, храмов, священников и жертвоприношений, столь же древними по типу, если не по идее, как основанные на принесении жертв религии древней Шумеры или Египта. Но учение Конфуция не было так усложнено, потому что оно было более ясным, ограниченным и прямолинейным и не давало почвы для подобных искажений.

Население Северного Китая, т.е. обитатели бассейна реки Хуанхэ, стали, по мысли и по духу, конфуцианца-

ми. Южный Китай, т. е. местности, лежащие по течению реки Янцзы, сделался центром религии Дао. С тех пор во всех событиях жизни Китая мы можем проследить конфликт между духом севера и духом юга, между (в позднейшие времена) Пекином и Нанкином, между официально мыслящим, прямолинейным и консервативным севером и скептическим, изнеженным, артистически настроенным, готовым на всякие опыты, югом.

Раздоры в Китае, начавшиеся в смутное время, достигли крайних своих пределов в VI столетии до Р. Х. Власть династии Чжоу была так ослаблена и настолько утратила доверие народа, что Лао-цзы покинул злополучный двор и вернулся к частной жизни.

В это время наибольшим влиянием пользовались три номинально зависимые государства — Ци и Цинь в северной области и Чу — военная держава, питавшая агрессивные стремления, — в долине Янцзы. В конце концов, Ци и Цинь образовали союз, покорили Чу, обезоружили весь Китай и установили повсюду мир. Господство Цинь стало преобладающим. Позднее, как раз во времена владычества Ашоки в Индии, монарх Цинь захватил жертвенные сосуды императора Чжоу и присвоил себе обязанности верховного жреца. Его сын Ши-хуанди (стал царем в 246 до Р. Х. и императором в 220 до Р. Х.) в китайских хрониках называется «Первым Императором всего мира».

Более счастливый, чем Александр, Ши-хуанди царствовал тридцать шесть лет в качестве царя и императора. Его энергичное правление знаменует собой начало новой эры объединения и благополучия китайского народа. Он

вел упорные войны с гуннами, совершавшими набеги из северных пустынь, и начал грандиозное сооружение — Великую Китайскую стену, — чтобы оградить страну от их вторжения.

ГЛАВА 31. РИМ ВЫСТУПАЕТ НА АРЕНУ ИСТОРИИ

Читатель, вероятно, уже уловил общие черты сходства в истории всех рассмотренных нами цивилизаций. Сходство это, несомненно, существовало, несмотря на могучие естественные преграды, лежавшие вдоль северо-западной границы Индии, и на горные массивы Центральной Азии и полуострова Индостан. Сначала в течение нескольких тысяч лет распространялась по всем жарким и плодородным речным долинам Старого Света религия, создавшая целую систему храмов и жрецов, причастных к ее жертвенному культу. По-видимому, первыми создателями этого культа были те смуглокожие и черноволосые народы, которых мы отметили как представителей основной человеческой расы. Следом за ними появились кочевники. Пришли они из тех богатых пастбищами областей, по которым они кочевали, и наложили на первобытную культуру свою характерную печать; в некоторых случаях они прививали ей и свой язык. Они подчинили ее себе и дали ей толчок к дальнейшему развитию и, вместе с тем, сами черпали из нее и, таким образом, дальше придавали ей в различных странах совершенно разный характер. В Месопотамии роль возбуждающего элемента сыграли эламиты, затем семиты и, наконец, северяне:

мидяне и персы. В районе эгейской культуры эта роль выпала на долю греков, в Индии — на долю арийцев. В Египет, с его насквозь пронизанной жреческими традициями культурой, проникла лишь слабая струя извне: иноземные завоеватели в нем оказались в меньшинстве. Китай был завоеван гуннами, ассимилировал своих завоевателей, но вслед за первыми появились новые полчища гуннов. Китай подпал под влияние монголов в такой же степени, в какой Греция и Северная Индия подчинились арийскому влиянию, а Месопотамия — семитскому и также арийскому. Везде номады много разрушали, но всюду они приносили с собой новый дух, стремление к свободному исследованию и моральному обновлению. Они подвергли сомнению верования, установленные с незапамятных времен. В храмы они впускали свет дня, они возводили на трон царей, которые не были ни жрецами, ни богами, а лишь предводителями среди подобных им полководцев и воинов.

В течение веков, последовавших за VI веком до Р. Х., мы видим всеобщее разрушение старых традиций и пробуждение нового духа моральной и интеллектуальной свободы, духа, которому великое прогрессивное движение человечества уже никогда не даст улечься. Мы находим, что чтение и письмо становятся доступными для правящего и состоятельного меньшинства; они уже больше не являются тайной, ревниво охраняемой привилегией жрецов. Возрастает количество путешествий, и передвижение становится более легким благодаря устройству дорог и приручению лошадей. Изобретение чеканной монеты облегчает торговлю.

Перенесем теперь наше внимание с крайнего востока древнего мира — Китая — на западную часть Средиземного моря. Здесь мы должны отметить возникновение города, которому было суждено впоследствии играть очень большую роль в жизни человечества, а именно — Рима.

До сих пор мы в настоящей истории очень мало говорили об Италии. За 1000 лет до Р. Х. это была гористая и лесистая страна с редким населением. Арийские народы заполонили этот полуостров и образовали здесь небольшие города, южная же его часть была усеяна греческими поселениями. Великолепные развалины Пестума дают нам возможность и сейчас судить о величии и красоте этих греческих построек. Центральная часть полуострова была занята этрусками, племенем неарийского происхождения, быть может, родственным эгейским народностям. Они нарушили порядок общего процесса, покорив различные арийские племена. Когда Рим впервые становится известным в истории, он представляет собой маленький торговый городок, стоящий у переправы через Тибр, с латинским населением, управляемым этрусскими царями. Древние источники указывают на 753 г. до Р. Х. как на год основания Рима, на половину столетия позже основания великого финикийского города Карфагена и 23 года спустя после первой Олимпиады. Однако на римском форуме при раскопках были найдены этрусские могилы, относящиеся ко времени более раннему, чем 753-й год.

В том же знаменитом в истории человечества VI столетии до Р. Х. этрусские цари были изгнаны (в 510 до Р. Х.),

и Рим превратился в аристократическую республику с господствующим классом из «патрициев», властвовавшим над толпой «плебеев». За исключением языка, Рим во многом напоминает аристократические республики Греции.

В течение нескольких столетий история Рима является историей длительной и упорной борьбы плебеев за свободу и за участие в управлении. Нетрудно будет найти в Греции явления, сходные с этой борьбой, которую греки назвали бы борьбой аристократии и демократии. В конце концов, плебеям удалось разрушить многие преграды, отделявшие их от старинных патрицианских семейств, и сравняться с ними в правах. Они уничтожили старые привилегии и добились того, что Рим нашел возможность расширить число своих граждан все более и более частым допущением в него «провинциалов». Ибо Рим в это время, несмотря на внутренние раздоры, распространял свое владычество над соседями.

Расширение римского владычества началось в V веке до Р. Х. До этого времени римляне вели войны, но большею частью неудачные, с этрусками. У этрусков была крепость Беи, находившаяся всего на расстоянии нескольких миль от Рима; этой крепостью римляне никогда не были в состоянии овладеть. Однако в 474 г. до Р. Х. этрусков постигло большое бедствие. Их флот был уничтожен греками, жителями города Сиракузы в Сицилии. В то же время новый поток завоевателей в лице галлов хлынул на них с севера. Теснимые с одной стороны римлянами, а с другой стороны галлами, этруски пали — и исчезли со страниц истории. Беи был взят римлянами. Галлы

подошли к Риму и разграбили город, но не в силах были взять Капитолий. Предпринятая ими ночная атака не удалась благодаря тому, что случайно загоготали какие-то гуси; в конце концов, римляне откупились от галлов, и галлы отошли на север Италии.

Нашествие галлов, по-видимому, скорей усилило Рим, чем ослабило его. Римляне покорили и ассимилировали этрусков и распространили свое владычество на всю Центральную Италию от реки Арно до Неаполя. Этого они достигли в течение нескольких лет, к 300 г. до Р. Х. Их победы в Италии происходили одновременно с возрастанием могущества Филиппа в Македонии и Греции и походами Александра на Египет и на Индию. Римляне приобрели известность среди цивилизованных стран, лежавших к востоку от Италии, благодаря распаду империи Александра.

К северу от римских владений жили галлы; на юге лежала Великая Греция, т. е. греческие колонии Сицилии и носка и каблука Италии. Галлы были храбрым и воинственным народом, и римлянам приходилось защищать свои границы посредством целой линии крепостей и укрепленных поселений. Греческие города на юге во главе с Тарентом (ныне город Таранто) и Сиракузами в Сицилии не только не угрожали Риму, а наоборот, сами боялись его. Они искали помощи против новых завоевателей.

Мы уже говорили, каким образом империя Александра распалась на части и была поделена между его полководцами и сподвижниками. Среди этих авантюристов был один из родственников Александра по имени Пирр, за-

севший в Эпире, находящемся по ту сторону Адриатического моря, как раз напротив каблука Италии. У него зародилась честолюбивая мечта сыграть роль Филиппа Македонского по отношению к Великой Греции и стать покровителем и властелином Тарента, Сиракуз и всей остальной страны. Он имел большую для того времени армию, у него была фаланга пехоты, кавалерия из Фессалии — ничуть не хуже первоначальной македонской кавалерии — и двадцать боевых слонов; он совершил нашествие на Италию и разбил римлян в двух больших сражениях — при Гераклее (280 до Р. Х.) и Аускулуме (279 до Р. Х.) — и, прогнав их на север, занялся покорением Сицилии.

Но тут он столкнулся с более грозным неприятелем, чем тогдашние римляне, — с финикийским торговым городом Карфагеном, который был в то время, пожалуй, самым крупным городом в мире. Сицилия находилась слишком близко от Карфагена для того, чтобы карфагеняне могли допустить появление в ней нового Александра. Карфаген не забыл судьбы своей метрополии (Тира), постигшей ее за полвека до того. Поэтому карфагеняне выслали флот, чтобы поддержать римлян и принудить их продолжать войну, и отрезали, таким образом, сообщение Пирра с морем. Пирр тогда подвергся новому нападению римлян и потерпел страшное поражение в сражении при лагере в Беневентуме, между Неаполем и Римом.

Внезапно пришло известие, потребовавшее его возвращения в Эпир: галлы двинулись на юг. Но на этот раз они направлялись не в Италию; римская граница, защищен-

ная крепостями и хорошо охраняемая, стала для них недоступной. Они направлялись через Иллирию (нынешние Сербия и Албания) в Македонию и Эпир. Разбитый римлянами, ожидая нападения с моря со стороны карфагенян и опасаясь нападения галлов на свою страну, Пирр расстался со своей мечтой о завоевании и вернулся домой (в 275 до Р. Х.), а Рим распространил свое владычество до Мессинского пролива.

На Сицилийском берегу этого пролива лежал основанный греками город Мессина, около того времени попавший в руки банды пиратов. Карфагеняне, фактически являвшиеся владыками Сицилии и состоявшие в союзе с Сиракузами, разгромили этих пиратов и поместили в Мессине гарнизон из карфагенских войск. Пираты обратились с жалобами, и Рим внял этим жалобам. Таким образом, могущественная торговая держава Карфаген и еще мало известный, но уже победоносный Рим оказались в положении соперников лицом к лицу: разделял их лишь Мессинский пролив.

ГЛАВА 32. РИМ И КАРФАГЕН

Великая борьба между Римом и Карфагеном, известная под названием Пунических войн, началась в 264 г. до Р. Х. В том же самом году Ашока начал свое царствование в Бегаре, а Ши-хуанди был еще ребенком. Музей в Александрии занимался научной работой, а варвары галлы ворвались уже в Малую Азию и взимали дань с Пергама. Но огромные, непреодолимые расстояния все еще отделяли друг от друга различные страны, и по-

тому до остального человечества донеслись, вероятно, только смутные, далекие отголоски смертельной борьбы, которая в течение полутора веков велась в Испании, Италии, Северной Африке и в западной части Средиземного моря между последним оплотом семитского могущества и римлянами, этими новыми пришельцами среди арийцев.

Эта война имела глубокое влияние на мировые вопросы, еще и поныне не утратившие своей остроты. Рим одержал победу над Карфагеном, но соперничество арийцев и семитов не прекратилось и вылилось позднее в форму борьбы между христианами и евреями. Наша история подходит теперь к событиям, последствия и искаженные отголоски которых до сих пор сохраняют непрекращающееся, хотя и начинающее уже ослабевать значение и оказывают весьма сложное и запутанное влияние на различные конфликты и спорные вопросы современности.

Первая Пуническая война началась в 264 г. из-за мессинских пиратов. Она вылилась в борьбу за обладание всей Сицилией, кроме владений Сиракуз, где находился греческий царь. Преимущество на море было сначала на стороне карфагенян. Они имели огромные боевые суда неслыханной по тем временам величины, квинквиремы, галеры с пятью рядами весел и огромным тараном. В битве при Саламине, происходившей двумя веками раньше, самыми большими боевыми судами были еще триремы с тремя рядами весел. Но римляне с необычайной энергией, несмотря на то, что они были мало знакомы с мореплаванием, задались целью превзойти своими судами

Черепаха. Военное построение древних римлян

карфагенян. Вновь построенный ими флот обслуживался преимущественно греческими моряками; они изобрели новый прием — сцепляться с судном неприятеля при помощи подъемного мостика и брать его на абордаж, и этим компенсировали свою малоопытность в морском деле. Как только карфагенское судно приближалось

к римскому, чтобы протаранить его или разбить ему весла, за него тотчас же уцеплялись огромные багры, и римские воины взбирались на него.

При Милах (260 до Р. Х.) карфагеняне были полностью разбиты. Они отразили высадку римлян вблизи Карфагена, но потерпели поражение при Палермо, где потеряли сто четыре слона, послуживших затем украшением триумфального шествия через форум, еще невиданного в Риме. Но после этого римляне были дважды разбиты, а потом снова взяли реванш. Остатки морских сил карфагенян были уничтожены последним усилием римлян в битве у острова Эгузы (241 до Р. Х.), и карфагеняне стали просить мира. Вся Сицилия, за исключением владений Гиерона, властителя Сиракуз, была уступлена Риму.

В течение двадцати двух лет Рим и Карфаген сохраняли мир. И у того, и у другого было достаточно проблем со своими внутренними неурядицами. В Италии галлы снова двинулись на юг и угрожали Риму (жители которого, охваченные паникой, стали приносить богам человеческие жертвы!), но потерпели поражение при Теламоне. Рим расширил свою территорию вплоть до самых Альп и распространил свои владения по берегу Адриатического моря до Иллирии. Карфаген страдал от смуты внутри государства и восстаний на Корсике и Сардинии и проявлял значительно меньшую силу. В конце концов, римляне позволили себе возмутительный акт насилия: они захватили оба восставших острова.

Испанские владения карфагенян в это время простирались на север до реки Эбро. Эта граница была

установлена римлянами. Всякая попытка карфагенян перейти через эту реку должна была рассматриваться как открытие военных действий против римлян. Наконец в 218 г. до Р. Х. агрессивные действия римлян вызвали ответное наступление карфагенян: они переправились через эту реку под предводительством молодого полководца Ганнибала, одного из наиболее блестящих полководцев, когда-либо известных истории. Он прошел со своей армией из Испании в Италию. Перейдя Альпы, поднял против римлян галлов и в течение пятнадцати лет вел войну — так называемую Вторую Пуническую — в пределах самой Италии. Он нанес страшное поражение римлянам у Тразименского озера и в битве при Каннах; в течение всей этой кампании в Италии ни одна римская армия не могла противостоять ему, все были разгромлены им. Но в это время у Марселя высадилось другое римское войско, и Ганнибал оказался отрезанным от Испании. У него не было осадных орудий, Римом он никак не мог овладеть. Наконец карфагеняне, узнав, что нумидийцы угрожают им восстанием в Африке, были вынуждены вернуться обратно для защиты своего города. В Африке появилась римская армия, и Ганнибал впервые потерпел поражение под самыми стенами Карфагена в битве при Заме (202 до Р. Х.) от руки Сципиона Африканского Старшего. Сражением при Заме закончилась Вторая Пуническая война. Карфаген сдался; он потерял Испанию и весь свой военный флот, заплатил огромную контрибуцию и согласился выдать Ганнибала римлянам.

Но Ганнибал спасся бегством в Азию, где впоследствии, боясь попасть в руки своих беспощадных врагов, принял яд и умер.

В течение пятидесяти шести лет продолжался мир между Римом и обессиленным Карфагеном. В это время Рим распространил свое владычество на раздираемую внутренними распрями и разъединенную Грецию, занял Малую Азию и разбил Антиоха III, царя из династии Селевкидов, при Магнезии в Лидии. После этого как Египет, все еще находившийся под властью Птоломеев, так и Пергам, а вместе с ним и большинство мелких государств Малой Азии, были превращены в «союзников», или, как мы их назвали бы теперь, в «государства под протекторатом Рима».

Между тем Карфаген, покоренный и ослабленный, понемногу возвращается к прежнему благополучию. Его возвышение снова пробудило прежнюю ненависть и подозрительность римлян. Они напали на него, воспользовавшись самым незначительным и надуманным предлогом (в 149 до Р. Х.), но Карфаген оказал упорное отчаянное сопротивление, выдержал долгую осаду и наконец был взят приступом (в 146 до Р. Х.). Бой, или, вернее, бойня, на улицах продолжался шесть дней и отличался необычайной жестокостью; когда сдалась внутренняя крепость, из всего населения Карфагена, насчитывавшего до четверти миллиона жителей, осталось в живых всего пятьдесят тысяч. Они были проданы в рабство, а город сожжен и основательно разрушен. Для доказательства, что Карфаген окончательно стерт с лица земли, вспахали почву на месте почерневших развалин и засеяли ее.

Так кончилась Третья Пуническая война. Из всех семитских государств и городов, процветавших за пять веков до этого, одна лишь маленькая страна оставалась свободной и управлялась своими правителями. Это была Иудея, освободившаяся от власти Селевкидов и находившаяся под властью вождей своего племени из рода Маккавеев. К этому времени она имела уже почти законченную Библию, успела развить определенные традиции еврейства в том виде, в каком они существуют и поныне. Весьма естественно, что карфагеняне, финикийцы и другие родственные им народы, рассеянные по свету, находили между собой общую связь и в единстве языка, и в этой литературе, вселявшей в них надежду и мужество. Они все еще в значительной степени являлись коммерческой и банкирской силой мира. Семитский мир был не столько сметен, сколько опустился вниз.

Иерусалим, всегда бывший скорее символом, чем центром иудаизма, был захвачен римлянами в 65 году до Р. Х.; после многих лет, во время которого периоды относительной независимости чередовались с восстаниями, он был осажден ими и взят после упорной борьбы. Храм был разрушен.

Позднейшее возмущение в 132 г. до Р. Х. закончило его разрушение, и нынешний город, в том виде, в котором мы его знаем теперь, был выстроен заново во время римского владычества. На месте храма было воздвигнуто капище в честь римского божества Юпитера Капитолийского, и евреям было запрещено селиться в пределах города.

ГЛАВА 33. РОСТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Новое могущество римского государства, возникшее и развившееся в течение последних двух веков до Р. Х. и распространившееся впоследствии над всем известным тогда западным миром, во многих отношениях отличалось от могущества великих империй, существовавших в цивилизованном мире до того времени. Это государство не было, по крайней мере вначале, монархией и не являлось созданием одного великого завоевателя. Правда, Рим нельзя назвать и первой республиканской великой державой: до него Афины при Перикле уже господствовали над группой подвластных государств, а Карфаген в то время, когда он начал свою роковую борьбу с Римом, был властителем Сардинии и Корсики, Марокко, Алжира, Туниса и большой части Испании и Сицилии. Но Рим был первой республиканской империей, избегнувшей скорого распада и шествовавшей по пути дальнейшего развития. Центр этого нового государства лежал много западнее центров древних империй, которые находились в долинах рек Месопотамии и Египта. Это географическое расположение дало возможность Риму приобщить к цивилизации совершенно новые области и народы. Римское владычество распространилось на Марокко и Испанию и вскоре могло уже подчинить себе Северо-Западную Европу, т. е. область, включающую современную Францию, Бельгию и даже Британию, и Северо-Восточную — вплоть до Венгрии и Южной России. Но, с другой стороны, Рим никогда не был в состоянии утвердиться в Центральной Азии или в Персии, потому что они находились черес-

чур далеко от его административных центров. Поэтому в состав Римской империи вошло множество молодых арийских народов, принадлежавших к северной ветви, а впоследствии и почти все греки, вследствие чего население его в гораздо меньшей степени состояло из хамитских или семитских элементов, чем население какой-либо из прежних империй.

В течение нескольких столетий Римской империи удавалось избегать опасностей ассимиляции, которая так быстро поглотила Персию и Грецию, и она в течение всего этого времени непрерывно развивалась. Правители Мидии и Персии на протяжении одного или двух поколений превратились в настоящих вавилонян. Они переняли от них тиару царя царей, храмы и стали жрецами их богов. Александр и его преемники шли по тому же легкому пути ассимиляции. Селевкиды имели точно такой же двор и пользовались теми же административными приемами, что и Навуходоносор; Птоломеи стали фараонами и превратились в истинных египтян. Они ассимилировались так же, как раньше ассимилировались семитские завоеватели шумеров. Но римляне правили из своего собственного города и в течение многих веков придерживались собственных, ими самими выработанных законов. Единственный народ, имевший на них огромное духовное влияние во втором и третьем веке до Р. Х., были сродные им и схожие с ними греки. Таким образом, Римская империя была первой попыткой создать великую державу на началах чисто арийских, и потому она являет новый пример в истории — это была обширная арийская республи-

ка. Она не походила на прежние, выросшие по одному образцу государства, где власть единичного завоевателя, который управлял страной из главного города, выросшего вокруг храма бога жатвы, не соответствовала этому государству. Римляне имели богов и храмы, но, подобно греческим богам, это были человекоподобные бессмертные патриции. Римляне также приносили кровавые жертвы, а во время бедствий — даже и человеческие, чему они могли научиться только у своих темнокожих учителей — этрусков; но до тех пор, пока в Риме не начался период упадка, ни храмы, ни жрецы не играли большой роли в его истории.

Римская империя была явлением небывалым, не выросшим по заранее определенному плану. Римский народ почти неожиданно для самого себя оказался вовлеченным в совершенно новое административное предприятие. Нельзя сказать, чтобы опыт этот был особенно удачен. В конце концов империя пала. Из века в век она непрерывно меняла свои очертания и методы. В течение столетия она изменялась больше, чем Бенгалия, Месопотамия или Египет за целое тысячелетие. Она изменялась непрерывно и никогда не оставалась в состоянии неподвижности.

В известном отношении опыт Рима не удался. Однако в какой-то степени его опыт остался до сих пор незаконченным, и Европа, и Америка до сего дня стараются разрешить сложные задачи мирового государства, с которыми впервые столкнулся римский народ.

Изучающему историю необходимо постоянно помнить о всех крупных изменениях, произошедших не только

в политических, но также в социальных отношениях и в моральных идеях в течение всего периода римского владычества. В людских умах существует очень сильная тенденция представлять себе время владычества римлян как нечто законченное и устойчивое, твердое, округленное, благородное и решительное. У Маколея в его «Сказаниях Древнего Рима» Катон Старший, Сципион, Юлий Цезарь, Диоклетиан, Константин Великий, триумфы, речи, бои гладиаторов и христианские мученики — все смешано в одну картину чего-то и возвышенного, и жестокого, и величественного. Но отдельные части этой картины следует разъединить. Они собраны из разных эпох, более отличающихся друг от друга, чем Лондон времен Вильгельма Завоевателя от Лондона наших дней. Для удобства мы разделим историю распространения римского могущества на четыре периода. Первый начинается после разорения Рима галлами в 390 г. до Р. Х. и продолжается вплоть до окончания Первой Пунической войны (240). Мы можем назвать эту эпоху эпохой ассимилятивной республики. Это был, может быть, самый лучший, самый характерный период римской истории. Длившаяся годами вражда между патрициями и плебеями подходила к концу, этрусская опасность миновала, в стране не было ни чересчур богатых, ни чересчур бедных людей, и большинство было проникнуто духом общественности. Это была республика, напоминавшая республику буров в Южной Африке до 1900 г. или северные штаты Американского Союза между 1800 и 1850 гг., это была республика свободных земледельцев.

В начале этого периода Рим был небольшим государством, имевшем едва ли более двадцати миль в окружности. Он вел борьбу с грубыми, но родственными ему соседними государствами и стремился не уничтожить их, а заставить примкнуть к себе. Годы гражданских распрей воспитали народ в духе примирения и уступок, некоторые из покоренных городов стали совершенно римскими, получив право голоса в управлении, некоторые имели самостоятельное управление, но жители их пользовались правом торговли в Риме и заключения браков с римлянами; гарнизоны, состоявшие из полноправных граждан, размещались на стратегических пунктах и в колониях, имевших различные привилегии и основанных среди недавно покоренных народов. Пролагались величайшие дороги. Неизбежным последствием такой политики была быстрая латинизация всей Италии. В 89 г. до Р. Х. все свободные жители Италии получили звание римских граждан. С внешней стороны вся Римская империя стала под конец расширенным городом. В 212 г. после Р. Х. каждый свободный человек на всем пространстве империи получил гражданство с правом, если попадет в Рим, подать голос в народном собрании.

Распространение права гражданства на покорные Риму города и целые области было отличным средством для усиления римского влияния. Оно совершенно перевернуло прежний процесс покорения, при котором победители ассимилировались с побежденными. Согласно римскому методу, победители, наоборот, ассимилировали себе побежденных.

Но после Первой Пунической войны и присоединения Сицилии, несмотря на то, что еще продолжался прежний процесс ассимиляции, рядом с ним возник и другой процесс. С Сицилией, например, римляне обращались как с завоеванной страной. Она была объявлена провинцией римского народа. Ее плодородная почва и промышленное население эксплуатировалось в целях обогащения Рима. Львиная доля этого богатства досталась патрициям и наиболее влиятельным из плебеев. А война доставила большое количество рабов. Накануне Первой Пунической войны население республики большей частью состояло из свободных мелких земледельцев. Военная служба являлась их привилегией и обязанностью. Пока они были на действительной службе, их хозяйства пришли в упадок, и земли оказались обремененными долгами; тогда начало развиваться новое крупное землевладение, основанное на рабском труде. Вернувшиеся из армии мелкие землевладельцы убедились, что им приходится конкурировать с продуктами, привозимыми из Сицилии или из крупных имений в самой Италии; все эти продукты производились рабским трудом. Времена изменились, изменился и самый характер республики. Не только Сицилия находилась во власти Рима, но все низшие классы были в руках богатых кредиторов или зависели от богатых конкурентов. Рим вступил во вторую стадию своего развития и сделался республикой предприимчивых богачей.

В течение двух веков римские солдаты-земледельцы боролись за свободу и за участие в управлении своим государством, в течение одного века они пользовались

своими правами. Первая Пуническая война разорила их и отняла у них все, чего они добились.

Право голоса для них также утратило свое значение. В Римской республике было два правительственных учреждения. Первым и самым значительным был сенат. Это учреждение в первоначальном своем виде состояло из патрициев, а позднее вообще из выдающихся людей, призываемых для участия в нем влиятельными должностными лицами, цензорами и консулами. Подобно английской палате лордов, сенат представлял собой собрание крупных землевладельцев, выдающихся политических деятелей, богатых людей из делового мира и т. п. Он гораздо больше походил на палату лордов в Англии, чем на сенат американских Соединенных Штатов. В течение трех веков, начиная с Пунических войн, он был средоточием римской политической мысли и деятельности. Вторым представительным учреждением было народное собрание. Оно должно было быть собранием всех граждан Рима. Когда Рим был небольшим государством, квадратурой в двадцать миль, такое собрание являлось возможным. Когда же римское гражданство распространилось за пределы Италии, то оно стало совершенно немыслимым. Эти собрания, о которых возвещал рог, трубивший в Капитолии и на городских стенах, становились все больше и больше собраниями политических наемников и подонков общества. В IV веке до Р. Х. народное собрание представляло собой значительное сдерживающее начало для сената, являясь полномочным выразителем прав и требований средних и низших классов. К концу

Пунических войн это уже был лишенный всякого значения памятник исчезнувшего общественного контроля. Для обуздания сильных мира сего не осталось никакой действительной и законной узды.

В Римской республике никогда не вводилось ничего похожего на представительный образ правления. Не было и упоминания о выборе делегатов для выражения воли граждан. Это очень важный пункт, который необходимо запомнить тем, кто изучает римскую историю. Народное собрание никогда не могло сравниться по своему значению с американской палатой депутатов или английской палатой общин. В теории оно представляло всех граждан, на практике оно было чем-то совершенно не стоящим внимания.

Поэтому средний гражданин Римской империи после Второй Пунической войны очутился в очень печальном положении, он обнищал, часто лишался своего хозяйства, не имел возможности с выгодой вести это хозяйство из-за введения рабского труда и не обладал никаким политическим влиянием, чтобы иметь возможность исправить это зло. Единственный способ, которым народ, лишенный политических прав, может выражать свою волю — это стачка и бунт. История II и I веков до Р. Х., поскольку она касается внутренней жизни страны, является историей бесплодных революционных попыток. Размеры этой книги не позволяют нам изложить все сложные подробности этой борьбы, рассказать о всех усилиях уничтожить крупные имения и вернуть снова землю свободным земледельцам, о предложениях аннулировать долги полностью или хотя бы частично.

Происходили возмущения и гражданские войны. В 73 г. до Р. Х. бедствия Италии были увеличены крупным восстанием рабов под предводительством Спартака. Рабы Италии возмутились и имели некоторый успех, так как среди них были обученные воины из среды гладиаторов. В течение двух лет Спартак держался в кратере Везувия, который в то время был, по-видимому, потухшим вулканом. Возмущение это было наконец подавлено с неимоверной жестокостью. Шесть тысяч взятых в плен спартаковцев были распяты на крестах вдоль Аппиевой дороги, одной из главных дорог, шедшей от Рима на юг (в 71 до Р. Х.).

Низшим классам не удалось достичь успеха в борьбе против сил, подчинивших их себе и стремившихся унизить их. Но влиятельные и состоятельные классы, победившие их, даже из самого их поражения создали новую силу в римском мире, которая получила потом власть и над ними, и над народом, — это была армия.

Перед Второй Пунической войной римская армия набиралась из свободных земледельцев, которые, смотря по возможностям и способностям, отправлялись на войну пешком или на коне. Это было очень хорошее войско для ведения войн в не особенно отдаленных краях; но это не была армия, которая согласилась бы покинуть страну и терпеливо нести тяготы длительных войн. А к тому же, по мере того, как росло число рабов и увеличивалось количество крупных имений, уменьшалось и число свободных воинов-земледельцев. Популярный полководец по имени Марий ввел в войска новый элемент. Весь север Африки, после разгрома карфагенской

цивилизации, превратился в полуварварское государство — царство Нумидийское. Римское государство вступило в борьбу с Югуртой, царем Нумидии, и испытывало невероятные затруднения, пытаясь подчинить его себе. Когда всеобщее негодование стало ясно выражаться, Марий был назначен консулом, и ему было поручено закончить эту позорную войну. Он достиг этого, организовав наемные войска, которые он предварительно основательно обучил. Югурта в цепях был приведен в Рим (106 до Р. Х.), и Марий после того, как истек срок его консульства, незаконно удержал за собой свою должность с помощью своих, вновь созданных им легионов. В Риме не оказалось налицо власти, которая могла бы обуздать его.

С Марием начинается третий период в развитии римского государства; оно делается республикой военачальников. Ибо теперь настало время, когда между начальниками наемных легионов началась борьба за власть над Римской империей. Против Мария был направлен аристократ Сулла, который служил под его начальством в Африке. Каждый из них по очереди массами уничтожал своих политических противников. Тысячи людей подвергались казни и изгнанию, а имущество их — конфискации. После кровавого соперничества обоих и ужаса восстания Спартака настала другая фаза римской истории, когда Лукулл и Помпей Великий, Красс и Юлий Цезарь были начальниками армий и вершили великие дела. Красс стал известен тем, что победил Спартака. Лукулл завоевал Малую Азию и дошел до Армении и, страшно разбогатев, удалился от дел. Красс, пройдя дальше, напал

на Персию, потерпел поражение и был убит парфянами. Помпей после долгого соперничества был разбит Юлием Цезарем (в 48 до Р. Х.) и убит в Египте, оставив, таким образом, Юлия Цезаря единственным властелином в Риме.

Юлий Цезарь является одной из тех исторических фигур, которые волновали воображение людей совершенно несоответственно своим заслугам и значению. Он сделался каким-то легендарным героем и символом. Для нас он важен, главным образом, тем, что с него начинается переход от эпохи военных авантюристов к началу четвертого периода в истории Рима, к периоду Первой империи. Ибо, несмотря на глубокие экономические и политические потрясения, несмотря на гражданскую войну и социальное вырождение, в течение всего этого времени границы римского государства продвигались все дальше и продолжали двигаться, достигнув своего крайнего предела около 100 г. после Р. Х. Во время Второй Пунической войны, которая велась с переменным успехом, продвижение как будто бы остановилось; перед реорганизацией армии Марием замечается также упадок сил. Восстание Спартака ознаменовало собой третью фазу. Юлий Цезарь составил себе репутацию как полководец в Галлии, которая находилась на месте нынешней Франции и Бельгии. (Основные племена, населявшие эту страну, принадлежали к тем же самым кельтским народам, что и галлы, которые в течение некоторого времени занимали Северную Италию, а впоследствии совершили набег на Малую Азию и поселились там; их называют галатами.)

Цезарь прогнал германцев, завладевших было Галлией, присоединил всю эту область к империи и дважды переправился через Дуврский пролив в Британию (в 55 и 54 до Р. Х.), где, однако, он не достиг прочных завоеваний. А Помпей Великий между тем упрочил римское владычество на востоке, где оно дошло уже до Каспийского моря.

Все это время, в середине I века до Р. Х. римский сенат еще продолжал номинально быть средоточием римского управления; он назначал консулов и других должностных лиц, давал полномочия и т. п.; множество политических деятелей, среди которых выдающейся фигурой является Цицерон, боролись за сохранение великих традиций республиканского Рима и уважения к его законам. Но вместе с разорением свободных земледельцев отлетел от Италии и дух гражданственности; это была теперь страна рабов и обнищавших людей, в среде которых не было ни желания свободы, ни понимания ее. За республиканскими вождями в сенате не стояло никого, в то время как за великими авантюристами, которых они боялись и которых желали подчинить себе, стояли легионы. Несмотря на сопротивление сената, Красс, Помпей и Цезарь разделили между собой управление империей (первый триумвират). Когда Красс был убит парфянами в далеких Каррах, Помпей и Цезарь поссорились между собой. Помпей принял сторону республиканцев и издал закон, на основании которого Цезарь должен был быть привлечен к суду за нарушение законов и неповиновение декретам сената.

Полководец не имел права выводить свои войска за пределы той области, начальником которой он являлся. Границей между Римом и областью, которой управлял Цезарь, был Рубикон. В 49 г. до Р. Х. он перешел через Рубикон, сказав «Жребий брошен», и пошел на Помпея и на Рим.

Издавна существовал в Риме обычай избирать в критические моменты, когда угрожала война, «диктатора» с неограниченными полномочиями для улаживания этого кризиса. После низвержения Помпея Цезарь был объявлен диктатором сначала на десять лет, а потом (в 45 до Р. Х.) пожизненно. В действительности он был сделан пожизненным монархом империи. Сначала заговорили о предоставлении ему царского достоинства, но слово «царь» стало ненавистно римлянам после изгнания этрусков пятью веками ранее. Цезарь не захотел быть царем, но присвоил себе трон и скипетр. После победы над Помпеем Цезарь отправился в Египет и там влюбился в Клеопатру, последнюю царицу из династии Птоломеев, царицу-богиню Египта. Она, по-видимому, совершенно вскружила ему голову. От египтян он заимствовал их представление о царе как о некоем божестве и с этим представлением вернулся обратно в Рим. Его статуя была поставлена в храме с надписью «Непобедимому богу». Выдыхающийся республиканский дух Рима вылился в последнем протесте, и Цезарь был заколот мечами в сенате у подножия статуи убитого им соперника, Помпея Великого.

Тринадцать лет еще длились эти столкновения между различными честолюбцами. Составился второй триум-

вират из Лепида, Марка Антония и Октавия Цезаря, племянника Юлия Цезаря. Октавий, подобно своему дяде, взял себе самые бедные, но более нетребовательные западные провинции, где набирались самые лучшие легионы. В 31 г. до Р. Х. в морском сражении при Акциуме он разбил Марка Антония, единственного своего серьезного соперника, и провозгласил себя единым властелином всего римского государства. Но Октавий был человеком совершенно иного склада, чем Юлий Цезарь. Он не питал неразумного желания стать богом или царем. У него не было царственной любовницы, которую ему нужно было ослепить своим могуществом. Он восстановил права сената и римского народа. Он отказался от диктаторства. Благодарный сенат взамен формальной власти дал ему реальное могущество. Он получил титул не царя, а «принцепса» и «августа». Он стал Августом Цезарем, первым римским императором (от 27 до Р. Х. до 14 после Р. Х.).

После него царствовали Тиберий Цезарь (14–37 после Р. Х.) Калигула, Клавдий, Нерон и т. д. вплоть до Траяна (98 после Р. Х.), Адриана (117 после Р. Х.), Антонина Пия (138 после Р. Х.) и Марка Аврелия (161–180 после Р. Х.). Все эти императоры были императорами легионеров. Солдаты возводили их на трон, и некоторых из них солдаты же низвергали. Постепенно сенат исчезает со страниц римской истории, и его заменяют император и его чиновники. Границы империи раздвигаются все шире и шире, до крайних пределов. К империи была присоединена большая часть Британии, Трансильвания стала новой провинцией — Дакией; Траян перешел Евфрат. Адриан

возымел идею, которая напоминает нам то, что случилось на другом конце древнего мира. Подобно Ши-хуанди, он построил стену для ограждения Италии от набегов северных варваров: одну — поперек острова Британии и другую — между Рейном и Дунаем. Он отказался от некоторых приобретений Траяна.

На этом закончилось расширение Римской империи.

ГЛАВА 34. МЕЖДУ РИМОМ И КИТАЕМ

II и I век до Р. Х. начинают собой новую фазу в истории человечества. Месопотамия и восточное побережье Средиземного моря перестают быть центром внимания. Как Месопотамия, так и Египет все еще были плодородными, населенными странами, пользовавшимися благосостоянием, но они не занимали больше господствующего положения. Власть ушла от них на запад и на восток. Две великие империи властвовали над миром, а именно — новая Римская империя и возродившаяся Китайская. Рим распространил свою власть до Евфрата, но он никогда не был в состоянии перейти эту границу. Это было слишком далекое расстояние. Лежавшие за Евфратом прежние персидские и индийские владения Селевкидов постоянно подпадали под власть различных правителей. Китай, управляемый теперь династией Хань, сменившей династию Цинь после смерти Ши-хуанди, распространил свое владычество на Тибет и, через высокие горные проходы Памира, на Западный Туркестан. Но здесь он также достиг своих пределов. Идти дальше было слишком далеко.

Китай представлял собой в это время величайшую, наилучшим образом организованную и наиболее цивилизованную политическую систему в мире. Он превосходил по площади и по количеству народонаселения Римскую империю в период ее наибольшего могущества. В те годы эти два обширных государства могли процветать в одно и то же время, почти ничего не зная друг о друге. Пути сообщения, как морские, так и сухопутные, были еще слишком слабо развиты и плохо организованы, чтобы обе империи могли столкнуться друг с другом.

Тем не менее, они значительно влияли не только друг на друга, но также и на судьбу государств, расположенных между ними, в Центральной Азии и Индии. Некоторые сношения происходили при помощи караванов верблюдов через Персию и каботажных судов по Красному морю. В 66 г. до Р. Х. римские войска под предводительством Помпея отправились по следам Александра Великого и двинулись вдоль восточного берега Каспийского моря. А в 102 г. до Р. Х. китайская экспедиция под начальством Бань Чао также достигла Каспийского моря и послала соглядатаев разведать о силах римлян. Но прошло много веков, прежде чем подробные изучения и непосредственное общение связали два великих параллельных мира Европы и Восточной Азии.

К северу от этих двух великих империй располагались дикие страны, населенные варварами. Страна, где находится теперь Германия, представляла собой лес; леса простирались дальше в Россию и являлись убежищем для гигантских зубров и буйволов величиною почти со слона. К северу от великого горного массива Центральной

Азии находились пустыни, степи, а за ними леса и тундры. К востоку от Среднеазиатской возвышенности лежало огромное, имевшее форму треугольника, Манчжурское плоскогорье. Большая часть этого пространства, находящегося между Южной Россией, Туркестаном и Манчжурией, тогда, да и в настоящее время, представляет собой страны, очень ненадежные в климатическом отношении. Количество осадков в них в течение нескольких столетий подвергалось значительным изменениям. Это страны с коварным климатом. В течение многих лет там можно иметь хорошее пастбище и заниматься земледелием, но затем вдруг наступает период, когда влажность идет на убыль, и затем следуют годы убийственной засухи.

Западная часть этого варварского севера, начиная от германских лесов вплоть до Южной России и Туркестана и от о. Готланд до Альп, является родиной северных (норманнских) народов и арийского языка. Восточные же степи и пустыни Монголии были родиной гуннских, или монгольских, или татарских, или тюркских народов — ибо все эти различные народы имели одинаковый язык, вели одинаковый образ жизни и происходили из одной расы. И, подобно тому, как норманнские народы, по-видимому, постоянно переходили свои границы и теснили, направляясь на юг, развивающиеся культуры Месопотамии и побережий Средиземного моря, так же точно и родина гуннов отсылала от себя излишки населения, которые затем совершали набеги на китайское государство и наконец завоевали его. Последствием периодов благосостояния в северных областях стало

увеличение населения; неурожай же трав или временный падеж скота гнали голодных воинственных людей на юг.
В течение некоторого времени одновременно существовали две империи в мире, которые были в силах прогнать варваров обратно и даже продвинуть вперед свои границы, обеспечивавшие им мир. Натиск империи Хань на Монголию из пределов Северного Китая отличался силой и продолжительностью. Китайское население хлынуло через преграду, представляемую Великой Стеной. Вслед за императорской пограничной стражей являлись китайские земледельцы с лошадьми и сохой, вспахивали степи и обносили заборами зимние пастбища. Гуннские народы совершали набеги и убивали поселенцев, но китайские карательные экспедиции одерживали над ними верх. Номадам пришлось считаться с необходимостью выбора — или стать оседлыми, приспособиться к сохе и сделаться данниками Китая, или же удалиться в поисках новых летних пастбищ. Одни из них остановились на первом и были поглощены китайским населением. Другие продвинулись к востоку и северо-востоку через горные проходы, в западную часть Туркестана.
Это продвижение монгольских наездников на запад началось с 200 г. до Р. Х. и продолжалось все время. Натиск их оттеснил к западу арийские племена, которые, в свою очередь, стали тесниться к римским границам, готовые прорваться через них в тех местах, где они наиболее слабо охранялись. Парфяне, бывшие, по-видимому, скифами с некоторой примесью монголов, подошли к Евфрату в I веке до Р. Х. Они сдержали Помпея Великого в его натиске на восток. Они разбили и убили Красса. Они за-

менили монархию Селевкидов в Персии династией парфянских царей, так называемыми Аршакидами.

Но в течение некоторого времени линия наиболее слабого сопротивления для голодных номадов лежала не на востоке и не на западе, а проходила через Центральную Азию, а затем на юго-восток, через Киберийский горный проход в Индию. Индия принимала на себя монгольское нашествие в течение тех веков, когда Рим и Китай были могущественными государствами. Целый ряд завоевателей вторгался через Пенджаб, и номады наводняли обширные равнины, грабили и разрушали все на своем пути. Империя Ашоки была уничтожена, и на некоторое время история Индии покрывается мраком. Династия Кушана, основанная «индоскифами» — одним из вторгшихся племен, — правила в течение некоторого времени Северной Индией и поддерживала там известный порядок. Эти набеги продолжались на протяжении нескольких веков. В течение большей части V столетия до Р. Х. Индия страдала от эфталитов, или белых гуннов, которые собирали дань с мелких индийских князей и держали Индию в постоянном страхе. Каждое лето эти эфталиты кочевали по Западному Туркестану и каждую осень проникали в Индию через горные проходы, наводя ужас на страну.

Во II веке после Р. Х. огромное несчастье постигло и Римскую, и Китайскую империи; оно, вероятно, ослабило сопротивление их натиску варваров. Это была эпидемия чумы, беспримерная по своей силе. Она свирепствовала в Китае в течение одиннадцати лет и произвела глубокое разложение в его государственном организме. Дина-

стия Хань пала, и наступил новый период разъединения и смут, от которых Китай не мог оправиться вплоть до VII столетия после Р. Х., когда появилась великая династия Тан.

Зараза из Азии проникла в Европу. Чума свирепствовала в Римской империи с 164 г. после Р. Х. до 180 г. Она, по-видимому, в очень серьезной степени ослабила государство. После этого времени замечается резкое уменьшение количества населения в римских провинциях, а правительство явно становится более слабым и менее распорядительным. Во всяком случае, границы империи перестают быть неприступными. И то здесь, то там сквозь них прорываются варвары. Новый норманнский народ — готы, пришедшие из Готланда в Швеции, пройдя Россию, поселились в бассейне Волги и на берегах Черного моря и стали заниматься морским разбоем. К концу II столетия они, вероятно, начали чувствовать натиск гуннов с востока. В 247 г. они, предприняв большой набег, перешли через Дунай и разбили римские войска на территории нынешней Сербии, причем в битве был убит император Деций. В 236 г. другой германский народ, франки, прорвали границу на Нижнем Рейне, а аллеманы наводнили Эльзас. Галльские легионы прогнали завоевателей обратно, но готы на Балканском полуострове все снова и снова нападали. Провинция Дакия исчезает со страниц римской истории. Настал конец гордости и самоуверенности Рима. В 270—275 гг. вокруг Рима, бывшего в течение трех веков открытым и безопасным городом, императором Аврелианом были воздвигнуты укрепления.

ГЛАВА 35. ЖИЗНЬ СРЕДНИХ И НИЗШИХ КЛАССОВ ПРИ ПЕРВЫХ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРАХ

Прежде чем говорить о том, каким образом Римская империя, созданная за два века до Р. Х., начиная с Августа Цезаря, и процветавшая в мире и безопасности в течение двух столетий, пришла в упадок и была уничтожена, следует обратить некоторое внимание на жизнь средних и низших классов в этом огромном государстве. Наша история подошла теперь приблизительно к 2000 гг. до наших дней, и жизнь культурных людей, под сенью ли Римской империи, или династии Хань, начинала все более и более походить на жизнь их нынешних потомков. На Западе чеканная монета была в это время во всеобщем употреблении; вне сословия жрецов было много состоятельных людей, которые не были ни чиновниками правительства, ни жрецами; люди путешествовали с гораздо большей свободой, чем когда бы то ни было раньше, были проезжие дороги и гостиницы. Сравнительно с прошлым временем до 500 г. до Р. Х., жизнь стала гораздо более свободной. До этого времени люди в основном были прикреплены к какому-нибудь округу или области, были связаны традициями и горизонт их был очень ограничен; кочевали и занимались торговлей только номады. Но ни общественный порядок Рима, ни династия Хань не могли обеспечить одинаковых культурных условий на всем пространстве обеих империй. Существовали значительные местные различия, и большие контрасты, и несходства культур в различных областях, так же, как

теперь, например, в Индии при владычестве англичан. Везде на этом обширном пространстве были рассеяны римские гарнизоны и поселения, жители которых поклонялись римским богам и говорили на латинском языке, но там, где города существовали еще до прихода римлян, они, хоть и покоренные, продолжали жить своей жизнью и, по крайней мере, в течение некоторого времени поклонялись своим богам согласно собственному ритуалу. В Греции, Малой Азии, Египте и на эллинизированном востоке латинский язык не был принят. Там всецело царил греческий. Савл из Тарса, сделавшийся потом апостолом Павлом, был евреем и римским гражданином, но он говорил и писал по-гречески, а не по-еврейски. Даже при дворе царей парфянской династии, которые свергли греческую династию Селевкидов в Персии и находились за пределами Римской империи, модным языком был греческий. В некоторых частях Испании и Северной Африки еще долгое время держался язык карфагенян, несмотря на то, что сам Карфаген был разрушен. Такой город, как Севилья, процветавший задолго до того, как впервые было услышано самое имя римлян, поклонялся своей семитской богине и сохранял свой семитский язык в течение нескольких поколений, несмотря на существование колонии римских ветеранов в Италике, на расстоянии всего нескольких миль. Септимий Север, бывший императором с 193 до 211 г. после Р. Х., считал язык карфагенян своим родным языком. Латинскому языку он научился позднее и изучал его как иностранный; рассказывают, что сестра его так и не научилась говорить по-латыни и вела свой дом

и хозяйство в Риме, изъясняясь исключительно на пуническом языке.

Однако в таких странах, как Галлия и Британия, и провинциях вроде Дакии (приблизительно нынешняя Румыния) и Паннонии (Венгрия к югу от Дуная), где не было раньше ни больших городов, ни храмов, ни вообще какой бы то ни было культуры, римлянам удалось латинизировать население. Они впервые познакомили эти провинции с цивилизацией. Они построили города, в которых латинский язык был преобладающим и где поклонялись римским богам, где господствовал римский образ жизни и римские привычки. Румынский, итальянский, французский и испанский языки представляют различные видоизменения латинского и до сих пор напоминают нам об этом распространении латинского языка и латинских обычаев. Северо-Западная Африка, в конце концов, также стала говорить по-латыни. Египет же, Греция и остальная часть империи к востоку никогда не были латинизированы. Жители этих стран остались египтянами и греками по культуре и по духу. И даже в Риме среди образованных людей греческий язык изучался как язык благородных людей и греческая литература и наука предпочитались латинской.

В этой смешанной империи, весьма естественно, способы производства были также разнообразны. Главной отраслью промышленности оседлых стран все еще было земледелие. Мы уже говорили, каким образом в Италии мужественные свободные земледельцы, являвшиеся главной опорой римской республики первых времен, были после Пунических войн разорены крупным зем-

левладением, пользовавшимся рабским трудом. В греческом мире существовали различные системы владения землей, начиная от Аркадии, где каждый свободный гражданин обрабатывал землю своими собственными руками, и кончая Спартой, где физический труд считался позорным и где поля обрабатывались и земледельческие работы исполнялись особым классом рабов, называвшихся илотами. Но к этому времени все это уже перешло в область древней истории, и во всем эллинизированном мире распространилась система крупного землевладения, основанная на рабском труде. Рабами-земледельцами были военнопленные, говорившие на различных языках и плохо понимавшие друг друга, или же это были люди, уже родившиеся в рабстве. У них не было ни солидарности, чтобы противиться притеснениям, ни воспоминаний о своих правах, ни знаний, так как они не умели ни читать, ни писать. Несмотря на то, что они составляли большинство сельского населения страны, ни одно их восстание не увенчалось успехом. Восстание Спартака в I веке до Р. Х. было возмущением особого рода рабов — обучавшихся для гладиаторских боев. В последние годы республики и в начале империи рабы-земледельцы испытывали в Италии страшные притеснения; на ночь их сажали на цепь, чтобы они не могли убежать, или же брили им половину головы с той же целью, чтобы сделать бегство более трудным. У них не было собственных жен, хозяева могли их оскорблять, калечить, убивать. Хозяин мог продать своего раба в цирк, для борьбы с дикими животными на арене. Если раб убивал своего господина, то все его рабы, а не только

убийца, распинались на крестах. В некоторых местностях Греции, особенно в Афинах, положение рабов далеко не было таким тягостным, как в Риме, но все же оно было очень тяжелым. Для подобных слоев общества варвары, пробившиеся через укрепленную линию и легионы, являлись не врагами, а избавителями.

Рабовладельческая система распространялась на большую часть промышленности и вообще на все работы, исполнявшиеся совместно многими людьми. Работа в шахтах и в металлургическом производстве, гребля на галерах, устройство дорог и постройка больших зданий — весь этот труд выполнялся рабами. Почти вся домашняя работа также делалась ими. В городах и в деревнях существовали бедные свободные люди и вольноотпущенники, работавшие для себя или за жалованье. Это были ремесленники, надсмотрщики и т. п.; эти люди составляли особый, новый класс рабочих; труд их оплачивался деньгами, и они конкурировали с рабами, но нам неизвестно, какой процент всего населения они составляли. По всей вероятности, он колебался в зависимости от эпохи и местностей. Существовали также разные формы рабства — от раба, которого приковывали на ночь и которого днем гнали кнутом на ферму или в каменоломню, до раба, хозяин которого находил более выгодным предоставлять ему самому возделывать свой клочок земли или заниматься ремеслом и иметь свою жену по образцу свободного человека, с условием, чтобы он выплачивал своему владельцу достаточный оброк.

Но были также и вооруженные рабы. В начале Пунических войн в 264 г. до Р. Х. римляне вновь ввели в обычай

существовавшую у этрусков забаву заставлять рабов биться друг с другом насмерть. Вскоре она сделалась модной, и каждый богатый римлянин стал держать отряд гладиаторов, которые время от времени сражались на арене, но настоящее назначение которых состояло в том, чтобы быть телохранителями. Были также и ученые рабы. Среди покоренных в последние времена республики стран были такие высококультурные государства, как города Греции, Северной Африки и Малой Азии; они доставили множество высокообразованных пленных. Учитель молодого римлянина из хорошей фамилии был обычно рабом. Богатый человек часто имел раба-грека в качестве библиотекаря, рабов-секретарей и ученых. Он держал собственного поэта так же, как он держал бы дрессированную собаку. В этой атмосфере рабства боязливо и робко развивались традиции зарождавшейся критики и новой литературы. Были предприимчивые люди, покупавшие способных мальчиков-рабов и обучавшие их для продажи. Рабов обучали быть копиистами, ювелирами и бесконечному числу других искусств.

Но на протяжении четырех веков промежутка между началом завоеваний республики богатых людей и эпохой упадка империи, последовавшего после великой чумы, в положении рабов произошли значительные перемены. Во II веке до Р. Х. военнопленных было множество, нравы были грубые и жестокие; раб не имел никаких прав, и едва ли существовало какое-нибудь оскорбление, которому в это время не подвергался бы раб. Но уже в I веке после Р. Х. произошло значительное улучшение в той позиции, какую римская цивилизация заняла по от-

ношению к рабству. Пленные уже не доставлялись в таком изобилии, и рабы стали дороже. И рабовладельцы стали понимать, что выгода и удобства, которых они могут ожидать от своих рабов, находятся в прямой зависимости от возрастания у этих несчастных чувства самоуважения. Кроме того, повысился нравственный уровень общества и заговорило чувство справедливости. Более высокая нравственная культура Греции смягчила древнюю суровость римлян. Были положены некоторые пределы жестокости хозяев: господин уже не имел права продать своего раба для борьбы со зверями, рабу дали право собственности на то, что называлось его «peculium», рабам стали платить жалованье в виде поощрения, браки рабов получили признание. Многие формы земледелия не требовали массового участия рабочих или требовали его только в определенное время года. В тех областях, где преобладали подобные условия, раб превращался в крепостного, платившего своему господину часть своих земледельческих продуктов и работавшего на него только в определенное время.

После того, как мы поймем, какую существенную роль играло в течение первых двух веков после Р. Х. в этой великой Римской империи, говорившей на латинском и греческом языках, рабство, и как незначительно было меньшинство, жизнь которого протекала свободно, без всяких унижений, нам становятся ясны причины ее упадка и гибели. Семейная жизнь, в нашем смысле этого понятия, почти не существовала в Риме; редки были семьи, ведшие умеренный образ жизни; умевших мыслить и учиться было мало, и они были на большом расстоянии друг от друга. Нигде нельзя было встретить ни

свободной воли, ни свободного ума. Большие дороги, развалины великолепных зданий, традиции законности и власти, которые оставил Рим на удивление и в назидание последующим поколениям, — все это не должно закрывать от нас истину, что весь его внешний блеск построен был на подавлении чужой воли, на порабощении интеллекта, на извращении и подавлении многих желаний. И даже то меньшинство, которое господствовало над этим обширным царством покорности и принудительного труда, в душе не имело ни счастья, ни спокойствия; искусство и литература, наука и философия, являющиеся плодом свободного и счастливого духа, бледнеют и вянут в подобной атмосфере. Было много копирования и подражательности, много талантливых ремесленников искусства, много рабского педантизма среди ученых рабов, но за весь четырехсотлетний период вся Римская империя не создала ничего, что можно было бы поставить наравне со смелой и благородной умственной деятельностью сравнительно маленького города Афин — в течение единственного века его величия. Под римским владычеством Афины пришли в упадок. Наука в Александрии также перестала процветать. Самый дух человека, казалось, обессилел в эти дни.

ГЛАВА 36. РАЗВИТИЕ РЕЛИГИИ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Душа человека, жившего во времена этой греко-римской империи первых двух веков христианской эры, должна была вечно чувствовать себя обманутой и истерзанной.

Везде царили насилие и жестокость, везде проявлялись гордость и тщеславие, но чести нигде не было; отсутствовала чистота и прочное счастье. Несчастных презирали и угнетали, счастливые чувствовали себя неуверенно и лихорадочно стремились к наслаждениям. В большинстве городов вся жизнь сосредоточивалась на возбуждении, вызываемом кровавыми играми арены, где люди и дикие животные боролись, мучили и умерщвляли друг друга. Развалины амфитеатров являются самыми характерными остатками Рима. Игры задавали тон жизни. Тревожное состояние человеческой души выражалось глубоким религиозным смятением.

С тех пор, как орды арийцев впервые обрушились на античные цивилизации, старые боги в храмах и жрецы должны были сильно измениться или исчезнуть вообще. На протяжении сотен поколений жизнь и мировоззрение земледельческих народов смуглокожей расы находились в тесной зависимости от храма. Обряды, страх нарушить рутину, жертвоприношения, таинства — вот чем были заполнены их умы. Их боги кажутся чудовищными и нелогичными для нашего современного ума, так как мы принадлежим к арианизированному миру, но для этих древних народов их божества обладали правдоподобием и яркостью образов необычайно реального сновидения. Покорение одного города другим в Шумере или древнем Египте сопровождалось переменой или переименованием богов и богинь, но форма и дух самого культа оставались нетронутыми. Общий характер их не изменялся, образы в сновидении менялись, но самое сновидение продолжалось, и это было сновидение, подоб-

ное прежнему. И первые семитские завоеватели были в достаточной степени родственны по духу шумерам, чтобы перенять религию побежденных, религию Месопотамской цивилизации, без особых изменений. Завоевателям Египта никогда не удавалось укрепиться настолько, чтобы установить новую религию в побежденной стране. Под властью Птоломеев, как и под властью цезарей, храмы, алтари и жрецы — все оставалось по существу египетским.

До тех пор, пока завоевывали друг друга народы с одинаковыми социальными и религиозными обычаями, можно было избежать столкновения между богом победителей и богом побежденных посредством процесса группировки или ассимиляции. Если оба бога носили один и тот же характер, то они просто отождествлялись. Это тот же самый бог, только под другим названием, — говорили жрецы и народ. Это слияние богов известно под именем теократии, и эпоха великих завоеваний в тысячелетний период до Р. Х. была эпохой теократии. На обширных пространствах, где раньше владычествовало множество местных богов, эти божества были заменены или, вернее, поглощены одним новым общим богом. Таким образом, когда наконец еврейские пророки в Вавилоне провозгласили единого Бога для всей Земли, умы людей были уже подготовлены к этой идее.

Но зачастую боги были слишком несхожи между собой для того, чтобы можно было допустить такую ассимиляцию, и тогда они группировались вместе на основании каких-нибудь подходящих родственных связей.

Если речь шла о богине, — а народы эгейской культуры до появления греков чувствовали большое расположение к богиням, — то ее выдавали замуж за бога, а богу в образе животного или звезды придавали человеческий вид, а самое животное или астрономический образ — змею, или звезду, или солнце — делали орнаментом или символом. Или же, наоборот, бог покоренного народа становился злым противником более светлых богов. История теологии полна таких приспособлений, компромиссов и национализации богов, когда-то бывших местными.

По мере того, как Египет превращался из ряда разрозненных городов в объединенное царство, теократия происходила все чаще и чаще.

Так сказать, главным богом был Озирис, бог жатвы, которому приносились жертвы и земным воплощением которого был фараон. Озирис представлялся как непрерывно умирающий и воскресающий вновь; он был не только семенем и жатвой, но также давал, по естественной ассоциации человеческой мысли, идею бессмертия. Среди его символов были ширококрылый жук-скарабей, который зарывает свои яйца, чтобы снова возродиться, и лучезарное солнце, которое заходит, чтобы снова взойти. Позднее он отождествлялся с Аписом, священным быком. С ним соединили богиню Изиду. Изида была также Гатор, богиней-коровой, а также восходящей луной и звездой моря. Озирис умер, и она принесла ребенка, Гора, который в то же время есть священный ястреб, а также утренняя заря, бог, который, когда вырастет, будет снова Озирисом. Статуи Изиды изображают ее

с ребенком Гором на руках, стоящей на полумесяце. Здесь нет логической связи, но они были придуманы человеческим умом прежде, чем развилось сильное систематическое мышление, и они имеют ту связь, которая существует между образами во сне. Кроме этой тройки, были другие, более мрачные египетские боги, злые боги, Анубис с собачьей головой и т. п. истребители, искусители, враги богов и людей.

Всякая религиозная система с течением времени приспособляется к строю человеческой души, и потому не может быть никакого сомнения, что из этих нелогичных и неуклюжих символов египтяне были в состоянии создать себе предметы искреннего поклонения и черпать в них утешение. Жажда бессмертия была очень сильна в душе египтянина, и вся религиозная жизнь Египта вращалась вокруг этого желания. Египетская религия была религией бессмертия в большей степени, чем какая-либо иная из существовавших на Земле. Когда Египет подпал под власть иноземных завоевателей и египетские боги утратили всякое политическое значение, жажда награды в будущей жизни стала еще более интенсивной.

После покорения Египта греками новый город Александрия стал центром религиозной жизни страны и, в действительности, даже религиозной жизни всего эллинистического мира. Птоломеем I был построен большой храм Сераписа, в котором поклонялись чему-то вроде божественной троицы. Это были Серапис (перекрещенный так из Озириса-Аписа), Изида и Гор. Они не считались тремя отдельными богами, но тремя

аспектами одного божества, и Серапис отожествлялся с греческим Зевсом, римским Юпитером и персидским богом солнца. Этот культ распространялся всюду, где только простиралось греческое влияние, даже в Северной Индии и в Западном Китае.

Идея бессмертия, будущей жизни, несущей награду и утешение, была горячо принята тем миром, где обыденная жизнь была безнадежно тяжела. Сераписа называли «спасителем душ». «После смерти» — так говорилось в гимнах того времени — «мы все еще находимся под попечением его промысла». Изида привлекала к себе множество поклонников. В храмах стояли ее изображения как царицы небесной, несущей младенца Гора на руках. Перед ней зажигались свечи, ей приносились по обету приношения, бритые жрецы, обреченные на безбрачие, служили у ее алтаря.

Возвышение Римской империи открыло этому развивающемуся культу путь в западноевропейский мир. Храмы Сераписа-Изиды, пение жрецов и надежда на будущую жизнь следовали за римскими знаменами в Шотландию и Голландию. Но у религии Сераписа-Изиды было много соперников. Самым сильным был митраизм.

Эта религия была персидского происхождения, и сущность ее заключалась в некоторых теперь забытых сказаниях — о Митре, принесшем в жертву священного и доброго быка. Здесь, по-видимому, мы имеем дело с чем-то еще более первобытным, чем сложное софистическое верование в Сераписа-Изиду. Мы тут прямо переносимся назад к кровавым жерт-

вопринощениям времен гелиолитической культуры. У быка, изображаемого на памятниках, оставшихся от митраизма, всегда обильно льется кровь из раны в боку, и из его крови рождается новая жизнь. Последователи митраизма купались в крови жертвенного быка. При посвящении они должны были проходить под подмостками, на которых убивали быка, чтобы кровь могла стекать на них.

Обе эти религии, и это можно сказать по отношению ко многим другим параллельно существовавшим культам, искавшим признания со стороны рабов и граждан Рима времен первых императоров, являются религиями личными. Они призывают к личному спасению и личному бессмертию. Более древние религии, наоборот, не были личными, они носили характер общественный. Более древние божества являлись прежде всего божеством города или государства, и лишь затем уже божеством отдельных личностей. Жертвоприношения были обрядом общественного характера, а не личного. Они приносились ради практических коллективных нужд того мира, в котором мы живем. Но сначала греки, а за ними и римляне отделили религию от политики. Согласно традициям Египта, религия занялась исключительно потусторонним миром.

Эти новые религии личного бессмертия лишили всего их духовного начала и восторга древние государственные религии, но не заменили их. Типичный римский город времен первых императоров имел множество храмов всевозможных богов. Там мог стоять храм Юпитера Капитолийского, великого римского боже-

ства, и мог одновременно стоять храм во имя одного из правящих цезарей. Ибо цезари узнали от фараонов, что они также могут быть богами. В таких храмах производилось холодное и торжественное официальное поклонение; люди приходили, приносили дары и воскуряли фимиам, чтобы показать свою лояльность. Но только в храм Изиды, дорогой царицы небесной, человек нес бремя своих несчастий, чтобы получить там совет и утешение. Существовали также местные, подчас оригинальные боги. Севилья, например, долго боготворила старую карфагенскую Венеру. В какой-нибудь пещере или подземном храме непременно находился алтарь Митры, посещаемый легионерами и рабами. Возможно, что там существовала и синагога, где собирались евреи, чтобы читать Библию и подкреплять свою веру в невидимого Бога всей Земли. Иногда с евреями выходили недоразумения на почве политического значения государственной религии. Они утверждали, что их бог — ревнивый бог, не допускающий идолопоклонства, и отказывались принимать участие в публичных жертвоприношениях цезарю. Они не приветствовали даже римских знамен из страха стать идолопоклонниками.

На востоке, еще задолго до Будды, существовали аскеты, мужчины и женщины, которые отказывались от радостей жизни, отрицали брак и собственность и в воздержании искали духовной мощи, избавления от насилий и скорби этого мира. Сам Будда отворачивался от крайностей аскетизма, но многие из его последователей вели монашескую, очень суровую жизнь.

Подобное же умерщвление плоти, вплоть даже до самокалечения, существовало и в некоторых малоизвестных греческих культах. Аскетизм появился также в еврейских общинах Иудеи и Александрии в I веке до Р. Х.

Эти общины уходили от мира и посвящали себя суровому образу жизни и мистическому созерцанию. Такова была секта ессеев. В течение I и II веков после Р. Х. подобное отречение от жизни, подобное всеобщее искание «спасения» от горестей было распространено по всему миру.

Прежнее сознание прочно установленного порядка, старая вера в жрецов и в храмы, в закон и обычай исчезли. Среди всеобщего преобладания рабства, жестокости, страха, беспокойства, мотовства, тщеславия и лихорадочного самоугождения, протекала эта эпидемия самоунижения и умственной неуверенности, это мучительное искание мира ценой даже самоотречения и страдания. Но именно это-то чувство и наполняло Серапеум плачущими, кающимися грешниками; оно же приводило новообращенных во мрак окровавленного подземелья Митры.

ГЛАВА 37. УЧЕНИЕ ИИСУСА

Когда Иисус, ставший впоследствии Христом в христианстве, родился в Иудее, в Риме царствовал первый император, Август Цезарь. Во имя Иисуса возникла религия, которой суждено было стать официальной религией целой Римской империи.

Нам будет удобнее отделить историю от теологии. Громадное большинство христиан верят, что Иисус был воплощением Бога всей Вселенной, которому впервые поклонялись евреи. Историк, если он желает оставаться историком, не может ни отрицать, ни принимать такое толкование. В материальном смысле Иисус явился в человеческом образе, и историк должен толковать его как человека.

Он появился в Иудее в царствование Тиберия Цезаря. Он был пророком. Он проповедовал по образу прежних еврейских пророков. Ему тогда было около тридцати лет, и мы совершенно ничего не знаем об Его образе жизни до того момента, когда Он начал проповедовать.

Единственным прямым источником нашего знания о жизни и проповеди Иисуса являются четыре евангелия. Все четыре сходятся в том, что дают нам образ вполне определенной личности. Каждый вынужден сказать: «Такой человек был. Этого нельзя было выдумать».

Но так же, как личность Гаутамы Будды была искажена и затемнена неподвижной скорчившейся фигурой, позолоченным идолом позднейшего буддизма, так — чувствуется — худощавая, мужественная фигура Иисуса представляется в неверном свете, благодаря той нереальности и условности, которыми окружало Его неправильно понятое почитание в новейшем христианском искусстве. Иисус был учитель, не имевший ни копейки денег, бродивший пешком по пыльной, выжженной солнцем Иудее, живший случайным подаянием, и, тем не менее, Он всегда изображается чистеньким, причесанным,

гладеньким, в незапятнанной одежде; Он всегда держится чрезвычайно прямо, и в фигуре Его чувствуется что-то неподвижное, точно Он скользит по воздуху. Это одно уже возбуждало сомнение в Его реальности и в возможности Его существования у многих людей, которые не в состоянии отличить сути исторического факта от неразумных прикрас и добавлений, сделанных неразвитыми, но набожными почитателями.

Если мы выбросим из рассказа все эти аксессуары, то перед нами предстанет личность в высшей степени человечная, очень горячая и страстная, склонная к порывам, внезапному гневу и проповедующая новое, простое и глубокое учение, а именно — универсальную любовь Бога, отца для всех людей, и грядущее пришествие Царствия Небесного. Это, несомненно, был человек, — употребляя обычное выражение, — обладавший сильной способностью к внушению. Он привлекал к себе последователей и внушал им любовь и мужество. В Его присутствии слабые и больные люди делались сильными и исцелялись. В то же время Он, вероятно, не отличался физической крепостью, так как Он быстро скончался от страданий на кресте. Существует предание, что Он совершенно ослабел, когда Его, согласно обычаю, заставили нести свой крест к месту казни. Он ходил по стране в течение трех лет, распространяя Свое учение, потом пришел в Иерусалим и там был обвинен в попытке установить чужеземное царство в Иудее; Его судили, признали виновным и распяли на кресте вместе с двумя ворами. Но Его страдания прекратились еще задолго до того, как эти двое умерли.

Богоматерь приезжает в Древний Рим (псевдоязыческое изображение)

Нет ничего удивительного в том, что современники Иисуса не сумели оценить Его истинного значения и в страхе отшатнулись, даже когда лишь смутно почувствовали, какой в Нем скрывается небывалый вызов всем установленным людским обычаям и учреждениям. Ибо учение о Царстве Небесном в том виде, как оно, по всей вероятности, проповедовалось Иисусом, являлось ни чем иным, как смелым, отрицающим всякие компромиссы требованием полного изменения и очищения жизни мятущегося человечества, полного очищения, как наружного, так и внутреннего. В евангелии читатель может найти все, что сохранилось от этого великого учения; здесь же мы заин-

Г. Доре. Рождение Иисуса

тересованы только Его столкновением с установившимися идеями.

Евреи были убеждены, что Бог, единый Бог всей Вселенной, был Богом справедливым, но вместе с тем они представляли его себе как торгаша, который в отношении их заключил сделку с праотцом Авраамом, сделку, несомненно, весьма для них выгодную, в результате которой они должны были получить преобладание на Земле. С ужасом и негодованием услышали они, как Иисус отметает все их драгоценные привилегии. Бог, учил Он, не торгаш; в Царстве Божием нет ни избранного народа, ни любимцев, Бог — любящий отец всех живых существ, и Он так же неспособен оказывать кому-либо предпочтение, как само солнце. И все люди — братья, все грешники, но вместе с тем все — любимые дети этого Божественного Отца. В притче о милосердном самаритянине Иисус относится с порицанием к присущей всем склонности, которой мы всегда подчиняемся, — склонности прославлять свой собственный народ и приуменьшать хорошие черты людей другой веры и другой национальности. В притче о работниках Он отрицает упорно отстаиваемое евреями право предъявлять какие-то особые требования к Богу. «Ко всем, кого Бог принимает в свое царство, — учил Он, — Он относится одинаково; Он не делает между ними различия, ибо нет пределов его благости». Ото всех, как свидетельствует притча о зарытом таланте и подтверждает случай с лептой вдовицы, Он требует самой великой жертвы. Никаких преимуществ, ни уступок, ни извинений не существует в Царстве Небесном.

Но Иисус оскорбил не один только чрезмерный пламенный патриотизм евреев. Они были народом с сильно развитым чувством семейной жизни, а ему хотелось, чтобы всякие мелочные и ограниченные родственные привязанности были сметены прочь в одном великом потоке любви к Богу. Все Царство Небесное должно было быть единой семьей Его последователей. В Евангелии говорится: «Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто матерь Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и матерь» (Мат. 12, 46–50).

Иисус не только наносил удар патриотизму и семейным узам во имя всеобщего братства всего человечества; Его учение так же, несомненно, осуждало существовавшую экономическую систему, частную собственность и всякие личные преимущества. Все люди принадлежат царству; все их имущество принадлежит царству; праведную жизнь — единственно праведную жизнь — ведут лишь те, которые исполняют волю Божию, жертвуя всем своим достоянием, жертвуя и собой. Неоднократно отвергал Он частную собственность и громил людей за их желание удержать что-нибудь лично для себя.

«Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только

один Бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй; не убивай; не кради; не лжесвидетельствуй; не обижай; почитай отца твоего и мать. Он же сказал Ему в ответ: Учитель, все это сохранил я от юности моей. Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение. И посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! Как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие!» (Мар. 10, 17–25).

Более того, в своем поразительном пророчестве об этом царстве, которое должно было соединить всех людей в Боге, Иисус крайне нетерпеливо относится к торгашеской праведности формальной религии. Большое число дошедших до нас Его проповедей направлены против мелочного соблюдения правил благочестия.

«Потом спрашивают Его фарисеи и книжники: зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб? Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас лицемерах Исаия, как написано: “люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня; Но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим”; Ибо вы, оставивши заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения

кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное. И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание?» (Мар. 7, 5–9).

Но Иисус провозглашал не только моральную и социальную революцию; есть множество указаний на то, что Его учение имело определенную политическую окраску. Правда, Он говорил, что царство Его не от мира сего, что оно заключается в сердцах людей, а не на троне, но тем не менее очевидно, что, если бы где-нибудь в какой бы то ни было мере утвердилось это царство в сердцах людей, в окружающем их внешнем мире тотчас же произошел бы переворот и началось бы обновление. Слушатели Его многое, быть может, в Его учении не доглядели и не услышали, благодаря своей слепоте и глухоте; одного лишь они, несомненно, не пропустили мимо ушей, а именно Его намерения произвести переворот в мире. Весь характер оказанного Ему сопротивления, а также все обстоятельства, сопровождавшие суд над Ним и казнь, ясно доказывают, что современникам Он казался — впрочем, это так и было по существу — проповедником полного изменения жизни людей, что Он хотел сделать ее полнее и шире и объединить человечество. Итак, нам становится вполне понятным, когда мы вспомним Его учение, столь ясно Им высказанное, что все богатые, удовлетворенные жизнью люди, слушая Его, только ощущали ужас перед чуждыми им идеями, которые должны были поколебать мир. Он хотел раскрыть перед всеми мелкие оговорки, посредством которых они уклонялись от того или иного общественного долга, раскрыть их при

свете всеобщей религиозной жизни. Он был подобен беспощадному охотнику, вытаскивавшему людей из уютных норок, в которые они до тех пор зарывались. В ослепительном свете Его царства не должно было быть ни собственности, ни привилегий, ни восхваления, ни первенства, никакой выгоды и никакой награды, кроме любви. Что удивительного, если люди были поражены, ослеплены и вопияли против Него? Даже ученики Его не выдерживали слишком яркого блеска этого света. Что удивительного, если священники почувствовали, что им нужно сделать выбор между собой и этим человеком, что Ему или всей касте священников надлежит погибнуть. Что удивительного в том, что римские солдаты, встретившись с чем-то выше их понимания, угрожавшим всем их твердо установленным порядкам, искали успокоения совести в безумных насмешках? Что они украсили Его терновым венком, одели в пурпур и, издеваясь, приветствовали Его как цезаря? Потому что отнестись к Нему серьезно — значило войти в какую-то странную и тревожную жизнь, отказаться от своих привычек, обуздать свои инстинкты и побуждения, чтобы испытать сомнительное счастье...

ГЛАВА 38. РАЗВИТИЕ ДОГМАТИЧЕСКОГО ХРИСТИАНСТВА

Из четырех евангелий мы узнаем о личности и учении Иисуса, но о догматах христианской церкви находим очень мало; лишь в «Посланиях» — целом ряде сочине-

ний последователей Христа — были в самых общих чертах изложены основы христианского вероучения.

Главным основателем христианской догмы был св. Павел. Он никогда не видел Иисуса и не слышал Его проповеди. Павел первоначально носил имя Савла и раньше был известен как яростный преследователь маленькой группы учеников после распятия Иисуса. Потом он внезапно обратился в христианство и переменил свое имя на Павла. Это был человек необычайно сильного ума, страстно и глубоко интересовавшийся всеми религиозными движениями своего времени. Он был хорошо знаком с иудаизмом, с митраизмом и модной в то время религией Александрии, заимствовал от них множество идей и способов выражения и перенес их в христианство. Он сделал очень мало для расширения и развития оригинального учения Иисуса, учения о Царстве Небесном. Но он учил, что Иисус не только был обещанным мессией, обещанным евреям вождем их, но что Его смерть явилась жертвоприношением, подобным смерти древних жертв первобытных культов, ради искупления человечества.

Когда две религии развиваются параллельно друг другу, одновременно, в них всегда замечается тенденция перенимать друг у друга обряды и другие внешние особенности. Буддизм, например, в Китае имеет в настоящее время почти такого же характера храмы и таких же священников, как и даосизм, являющийся выражением учения Лао-цзы. Однако первоначальные учения буддизма и даосизма совершенно противоположны друг другу. Нельзя, поэтому, подвергать сомнению и отрицать

сущность христианства лишь на том основании, что оно переняло от культа Митры и от александрийского культа различные чисто формальные стороны, как, например, обязательное бритье священников, приношения по обету, алтари, свечи, пение и образа, и даже заимствовало некоторые молитвенные выражения и теологические идеи. Все эти религии процветали бок о бок вместе с другими, менее распространенными культами. Каждый культ искал себе последователей, и случаи перехода новообращенных из одной религии в другую, несомненно, бывали постоянно. Временами та или другая религия начинала пользоваться расположением правительства. Но к христианству относились с большей подозрительностью, чем к другим соперничавшим с ним культам, вследствие того, что его последователи, так же, как и евреи, не желали признавать божественность цезаря. Христианство поэтому приобрело характер мятежной религии, независимо даже от революционного духа учения самого Иисуса.

Св. Павел освоил своих учеников с мыслью, что Иисус, подобно Озирису, был Богом, который умер, чтобы воскреснуть опять и дать людям бессмертие. И потому развивавшуюся христианскую общину вскоре стали раздирать споры о сложных теологических вопросах — об отношении Бога Иисуса к Богу, Отцу человечества. Ариане учили, что Иисус был божественного происхождения, но являлся лицом отдельным от Отца и стоявшим ниже его. Сабеллиты учили, что Иисус был только аспектом Отца, и что Бог был в одно и то же время и Отцом, и Иисусом, так же, как человек может быть одновремен-

но отцом и ремесленником. Тринитарии же проповедовали более тонкое учение о том, что Бог был един в трех лицах — Отец, Сын и Святой Дух. Некоторое время казалось, что над остальными соперниками восторжествует арианство, но потом, после всяческих споров, насилий и войн, формула тринитариев стала общепринятой для всего христианства. Полное выражение ее можно найти в символе веры Афанасия.

Мы не выскажем здесь никакого мнения относительно этих споров. Они не имели на историю того влияния, которое имело учение самого Иисуса. Это учение ознаменовало новую фазу в умственной и духовной жизни нашей расы. Его настойчивое утверждение, что Бог — Отец Вселенной, и вытекающее отсюда братство всех людей на Земле, Его признание святости каждой человеческой личности как живого храма божества должно было иметь глубокое влияние на всю последующую социальную и политическую жизнь человечества. Вместе с христианством, с распространением учения Иисуса в мире явилось новое чувство — уважение к человеку как к таковому. И еще более определенно противилось христианство такому оскорблению человеческого достоинства, как бои гладиаторов на арене.

В течение первых двух столетий после Христа христианская религия распространилась по всей римской империи, соединяя везде все растущее количество новообращенных в общину, объединенную новыми идеями и единой волей. Отношение к этой религии императоров колебалось между враждебностью и терпимостью.

Во II и III столетии были попытки уничтожить новую веру, и, наконец, в 303 г. и в течение последующих лет началось сильное преследование при императоре Диоклетиане. Значительные церковные богатства были отняты, все Библии и религиозные книги конфискованы и уничтожены, христиане объявлены вне закона и многие из них казнены. Особенно знаменательно уничтожение книг. Оно показывает, какое значение придавали власти силе писаного слова и его роли в укреплении новой религии. Эти книжные религии, какими являлись христианство и иудаизм, имели огромное воспитательное значение. Продолжительность их существования в значительной степени зависела от способности людей читать и понимать их догматы: более древние религии не предъявляли таких требований к уму отдельных лиц. В годы нашествия варваров, которое тогда угрожало Западной Европе, науку сберегла одна лишь христианская церковь.

Гонения Диоклетиана не могли уничтожить все растущую христианскую общину. Во многих провинциях они не имели силы, так как большинство населения и многие чиновники были христианами. В 317 г. соправителем императора Галерием был издан эдикт о веротерпимости, а в 324 г. Константин Великий, всегда доброжелательно относившийся к христианству и наконец принявший крещение уже на смертном одре, стал единственным правителем всей Римской Империи. Он отказался от всяких притязаний на божественность и украсил христианскими символами щиты и знамена своих войск.

Через несколько лет христианство стало прочно установленной официальной религией империи. Соперничавшие культы исчезли или были с необычайной быстротой поглощены им, и в 390 г. Феодосий Великий повелел разрушить огромную статую Юпитера Сераписа в Александрии. С начала V века во всей Римской империи не осталось никаких храмов и священнослужителей, кроме христианских.

Книга II

С 361 ГОДА Р. Х. ПО 1922 ГОД

ГЛАВА 1. НАШЕСТВИЯ ВАРВАРОВ ВЫЗЫВАЮТ РАЗДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ НА ВОСТОЧНУЮ И ЗАПАДНУЮ

В течение всего III века Римской империи, приходившей понемногу в упадок в общественном и нравственном отношениях, пришлось выдержать борьбу с варварами. Императоры этого периода были военачальниками-автократами, и столица империи переносилась с места на место, соответственно с требованиями военной тактики. Главная императорская квартира переносилась то в Северную Италию, в Милан, то в нынешнюю Сербию — в Сирмиум или Ниш, то в Малую Азию, в Никомедию. Рим, находившийся посредине Италии, был слишком далек от центров борьбы и потому не мог являться удобным местом для пребывания императоров. Это был умирающий город. В большой части империи господствовал мир, и люди ходили невооруженными. Войска продолжали быть единственной могущественной силой: императоры, опираясь на свои легионы, становились все в большей мере автократичными по отношению к остальной империи, и двор их все больше и больше стал походить на двор в Персии и других восточных монархиях. Диоклетиан возложил на себя царскую диадему и одежды восточного образца.

Вдоль всей границы империи, которая шла приблизительно вдоль Рейна и Дуная, теснились неприятели. Франки и другие германские племена подступили к Рейну. В Северной Венгрии были вандалы; там, где раньше была Дакия и где теперь находится Румы-

ния, — вестготы. Восточнее, в Южной России, жили восточные готы или остготы, а еще дальше, в бассейне Волги, — аланы. Но и монгольские народы уже прокладывали себе дорогу в Европу. Гунны собирали дань с аланов и остготов и гнали их к западу.

В Азии римская граница отодвигалась назад под натиском возродившейся Персии. Этой новой Персии, Персии царей из династии Сасанидов, суждено было в течение следующих трех столетий стать сильной и, в конце концов, счастливой соперницей Римской империи.

Взгляд на карту Европы укажет читателю на особенно слабое место империи. Река Дунай, протекая через нынешнюю Боснию, приближается на расстояние двух сотен миль к Адриатическому морю, образуя, таким образом, прямой угол, обращенный вершиной внутрь. Римляне никогда тщательно не охраняли свои морские коммуникационные линии, а эта прибрежная полоса в двести миль шириной как раз являлась коридором, посредством которого поддерживалось сообщение между западной, латинской, частью империи и восточной, в которой господствовал греческий язык. Натиск варваров был сильнее всего у этого угла, образуемого Дунаем. Когда они пробились в этом месте, стало очевидно, что империя должна разделиться надвое.

Более сильная империя могла бы, продвинувшись вперед, вновь овладеть Дакией, но у Римской империи не хватало именно силы. Константин Великий, несомненно, был монархом, отличавшимся набожностью и умом. Он заставил готов отступить именно от этого существенно важного пункта балканской области, но у него не было

силы, чтобы перенести границу за Дунай. Он был слишком занят внутренними раздорами. Он укрепил дух умирающей империи, влив в него солидарность и моральную силу христианства, и решил основать новую постоянную столицу в Византии, на берегу Геллеспонта. Эта новая столица, Византия, впоследствии переименованная в его честь в Константинополь, еще строилась в то время, когда он умер. В конце его царствования произошло замечательное событие. Вандалы, теснимые готами, просили, чтобы им позволили поселиться в пределах Римской империи. Им были отведены земли в Паннонии, которая в настоящее время является частью Венгрии, расположенной к западу от Дуная, а воины их стали легионерами. Но эти легионеры управлялись своими собственными начальниками. Риму не удалось ассимилировать их.

Константин умер в самый разгар работы над реорганизацией своей обширной империи, но вскоре после его смерти граница опять была прорвана, и вестготы подошли почти к самому Константинополю. Они разбили императора Валента у Адрианополя и поселились в нынешней Болгарии, подобно тому, как вандалы поселились в Паннонии. Номинально они были подданными императора, фактически же они были победителями.

С 379 по 395 гг. после Р. Х. царствовал император Феодосий Великий, и во время его царствования империя формально сохраняла свое единство; в Италии и Паннонии над войсками начальствовал Стилихон, вандал по происхождению, а над войсками на Балканском полуострове — Аларих, гот. Когда Феодосий умер в конце IV столетия, он оставил двух сыновей. Аларих оказал

поддержку одному из них, Аркадию, в Константинополе, а Стилихон другому — Гонорию, в Италии. Другими словами, Аларих и Стилихон боролись друг с другом за власть в империи, а сыновья императора были лишь марионетками у них в руках. Во время этой борьбы Аларих двинулся на Италию и после недолгой осады взял Рим (410 после Р. Х.).

В течение первой половины V столетия вся европейская часть Римской империи стала добычей грабительских отрядов варваров. Очень трудно наглядно изобразить положение дел в мире в это время. Во Франции, Испании, Италии и на Балканском полуострове большие города, процветавшие в первые годы империи, все еще существовали, но уже обедневшие, с сильно убывшим населением, и приходили в упадок. Жизнь в них должна была быть пустой, мелочной, расстроенной. Местные власти старались поддерживать свой престиж и продолжали свое дело в зависимости от личной добросовестности, во имя уже далекого и недосягаемого императора. Церкви продолжали существовать, но обслуживались неграмотными священниками. Книг почти не читали, зато везде господствовали страх и суеверие. Но повсюду, где только они не были разграблены, можно было найти книги, картины, статуи и т. п. произведения искусства.

Жизнь в деревнях также пришла в упадок. Везде, во всех уголках Римской империи, господствовали запустение и беспорядок. Некоторые местности были превращены чумой и войной в пустыню. Дороги и леса кишели разбойниками. В эти-то области и вторглись варвары, почти

вовсе не встречая сопротивления, и возводили в правители своих начальников, причем эти правители часто присваивали себе официальные римские титулы. Если это были хотя бы наполовину цивилизованные варвары, они предписывали побежденным достаточно сносные условия, овладевали городами, смешивались с покоренными, вступали с ними в браки и начинали говорить на латыни (но всегда с некоторым акцентом). Иногда бывало иначе. Юты, англы и саксы, покорившие римскую провинцию Британию, были народами земледельческими и в городах не нуждались; они, по-видимому, начисто вымели из Южной Британии все романизированное население и заменили латинский язык своим тевтонским наречием, из которого впоследствии образовался английский язык.

Нет никакой возможности в пределах настоящей работы проследить движение взад и вперед различных германских и славянских племен, бродивших по территории пришедшей в полное расстройство империи в поисках добычи и удобного места для поселения. Но возьмем для примера хотя бы вандалов. История застает их в Восточной Германии. Затем они поселились, как мы уже говорили, в Паннонии. Отсюда они около 425 г. после Р. Х. начали продвигаться на запад и через промежуточные провинции добрались до Испании. Там они встретили вестготов, пришедших из Южной России, и другие германские племена, у которых были в то время свои герцоги и короли. Из Испании вандалы, под предводительством Гензериха, отплыли в Северную Африку (429), взяли Карфаген и построили флот. Они закрепили за собой господство на

море, взяли и разграбили Рим (455), к тому времени уже успевший оправиться после взятия и разграбления его Аларихом, на полстолетия раньше. Затем вандалы овладели Сицилией, Корсикой, Сардинией и большинством других островов западной части Средиземного моря. Фактически они основали морскую державу, очень похожую, по своей величине, на морскую державу карфагенян, основанную за семьсот лет до того. В 477 г. они были на высоте своего могущества, а между тем это была лишь горсть завоевателей. В следующем столетии почти вся их территория снова была отвоевана у них Византийской империей в период временной вспышки ее энергии во времена царствования Юстиниана I.

История вандалов является лишь одним из примеров многочисленных предприятий подобного рода. Но в это время уже готовился вступить в пределы Европы совершенно чуждый ей по крови народ, самые страшные из всех разрушителей: монгольское племя гуннов, или татар, принадлежавший к желтой расе народ, деятельный и способный, подобного которому еще не видел западный мир.

ГЛАВА 2. ГУННЫ И КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ

Появлением завоевателей-монголов в Европе отмечается начало нового периода в истории человечества. Приблизительно до последнего столетия перед началом христианской эры монголы и народы северной ветви арийской расы не приходили в непосредственное соприкосновение. Там, далеко в полярных странах, по-

зади северных лесов, лапландцы, монгольское племя, продвинулись на запад до нынешней Лапландии, но они не сыграли никакой роли в истории человечества. В продолжение нескольких тысяч лет западный мир являлся ареной, на которой разыгрывалась драма борьбы между арийцами, семитами и основной смуглокожей расой; в эту борьбу совершенно не вмешивались (за незначительными исключениями, как, например, нашествия эфиопов на Египет и т. п.) ни чернокожие народы юга, ни монголы с далекого востока.

Новое продвижение монгольских кочевников на запад произошло, вероятно, по двум причинам. Первая из этих причин — укрепление великой Китайской империи, ее распространение на север и рост ее населения в период счастливого правления династии Хань. Второй причиной были климатические изменения: уменьшение ли количества осадков, уничтожившее заливные луга, а, быть может, и леса, или же наоборот, увеличение их, превратившее в пастбища пустынные доселе степи; возможно даже, что произошли оба эти явления, но в различных областях, и это, так или иначе, способствовало переселению монголов на запад. Третьей дополнительной причиной было бедственное экономическое положение, внутреннее разложение и уменьшение населения в Римской империи. Богачи последних лет республики, а затем сборщики податей императоров-военачальников донельзя истощили империю. Таким образом, у нас налицо три фактора: толчок, средства к передвижению и благоприятный случай. Натиск с востока, развал на западе и открытый путь для следования.

Встреча Св. Лупа с Аттилой

Гунны приблизились к восточным границам Европейской России в I веке после Р. Х., но только в IV или в V эти наездники достигли господствующего положения в степях. Пятый век был веком гуннов. Первые гунны пришли в Италию в качестве наемников вандала Стилихона, подчинившего себе Гонория. Теперь они вступили в обладание Паннонией, опустевшим гнездом вандалов.

Во второй четверти V века среди гуннов возвысился великий военный вождь Аттила. Для нас сохранились лишь краткие, но сильно возбуждающие любопытство, намеки на его могущество. Он правил не только гуннами, но и целым рядом германских племен, плативших ему дань; его империя простиралась от Рейна до равнин Средней Азии. Он обменивался послами с Китаем. Главный лагерь его был расположен в долинах Венгрии, к востоку от

Дуная. Здесь его посетил посол из Константинополя, Приск, оставивший нам рассказ о его дворе. Образ жизни этих монголов был очень схож с образом жизни первобытных арийцев, которых они заменили. Простой народ жил в хижинах и в палатках; начальники жили в обширных деревянных, обнесенных частоколом, балаганах. Там происходили пиры и слушали пение бардов. Герои Гомера и даже македонцы, товарищи Александра, по всей вероятности, почувствовали бы себя более дома в лагере-столице Аттилы, чем при цивилизованном и упадочном дворе Феодосия II, сына Аркадия, правившего в то время Константинополем.

Одно время могло казаться, что кочевники под предводительством гуннов и Аттилы сыграют ту же роль по отношению к греко-римской цивилизации стран Средиземного моря, какую задолго до того сыграли варвары-греки по отношению к эгейской культуре. Могло показаться, что повторяется та же история, но лишь в более широком масштабе. Но гунны были гораздо более привязаны к кочевой жизни, чем прежние греки, которые были скорее переселяющимися скотоводами, чем настоящими кочевниками. Гунны совершали набеги и грабили, но не поселялись оседло.

В течение нескольких лет Аттила унижал Феодосия, как хотел. Его войска опустошали и грабили страну, доходя до самых стен Константинополя. Гиббон говорит, что он разрушил до основания не менее семидесяти городов на Балканском полуострове. Феодосий откупался от него уплатой дани и старался избавиться от него, подослав к нему тайных агентов с поручением убить его.

В 451 г. Аттила обратил свое внимание на остатки латинской половины империи и наводнил своими полчищами Галлию. Почти все города в Северной Галлии были разорены. Франки, вестготы и императорские войска объединились вместе против него, и он был разбит в сражении при Труа, во время которого войска были рассеяны на огромном пространстве. В этом сражении, по разным определениям, погибло от 150 000 до 300 000 человек. Оно задержало продвижение Аттилы в Галлию, но не истощило его огромных военных сил. На следующий год он появился в Италии, в провинции Венеция, сжег Аквилею и Падую, разграбил Милан.

Многие жители городов Северной Италии, и главным образом Падуи, бежали на острова в лагунах Адриатического моря и основали здесь Венецию, которой суждено было стать одним из величайших торговых центров Средневековья.

В 453 г. Аттила внезапно умер во время большого пира, который был дан по случаю его женитьбы на некой молодой женщине, и после его смерти грабительская конфедерация распалась на части. Гунны исчезают из истории, смешавшись с окружающими их более многочисленными арийскими народами. Великие нашествия гуннов фактически нанесли последний смертельный удар Западной Римской империи. После смерти Аттилы на протяжении двадцати лет Римом правили десять различных императоров, возводимые на трон вандалами или иными наемными войсками. Вандалы из Карфагена взяли и разграбили Рим в 455 г. Наконец, в 476 г. Одоакр, предводитель варварских войск, сместил уроженца

Паннонии, который фигурировал в качестве императора под громким именем Ромула Августула, и известил константинопольский двор, что на западе нет более императора. Так бесславно закончила свои дни Западная Римская империя. В 493 г. королем в Риме стал гот Теодорих.

Во всей Западной и Центральной Европе вожди варваров царствовали теперь под именами королей, герцогов и т. п. Фактически они были самостоятельны, но в большинстве случаев признавали какую-то свою призрачную зависимость от императора. Существовали целые сотни и, может быть, даже тысячи таких фактически независимых разбойничьих правителей. В Галлии, Испании, Италии и Дакии преобладающим языком все еще являлся латинский, хотя и сильно искаженный, но в Британии и на восток от Рейна общепринятым языком был язык германской группы (в Богемии один из славянских, а именно чешский). Высшее духовенство и ставшие теперь малочисленными образованные люди читали и писали по-латыни. Нигде жизнь не была в безопасности, и собственность приходилось охранять силой оружия. Количество замков все возрастало, а дороги приходили в упадок. Начало VI столетия было эпохой дробления и умственного мрака для всего Запада. Если бы не монахи и христианские монастыри, латинская образованность погибла бы навсегда.

Как выросла Римская империя и почему она пришла в упадок? Усилилась она потому, что вначале ее поддерживал сильно развитый дух гражданственности. В эпоху расширения республики и даже во времена первых

императоров оставалось еще множество людей, сознававших, что они являются римскими гражданами, чувствовавших, что это звание «дает преимущество, но вместе с тем и налагает обязанности», веривших, что их права находятся под защитой римских законов, и готовых приносить всевозможные жертвы во имя Рима. Обаяние Рима как воплощения справедливости и величия, как защитника законности, распространялось далеко за пределы его. Но уже в начале пунических войн дух гражданственности был подорван ростом богатства и рабства. Право гражданства распространилось широко, но идея гражданственности исчезла. Римская империя, в конце концов, была очень примитивной организацией; государство не стремилось ни воспитать все возраставшее количество своих граждан, ни разъяснять им свое значение; оно не приглашало их принимать участие в решениях правительства. Не было сети школ, которые обеспечили бы всеобщее понимание своего отечества, не было никакого способа распространения известий о совершающихся в мире событиях, для развития коллективной деятельности. Авантюристам, боровшимся друг с другом за власть, начиная с эпохи Мария и Суллы, не приходила мысль создать общественное мнение и обращаться к нему для решения проблем империи. Дух гражданственности умер, так как нечем было питаться, и никто не заметил его исчезновения.

Но, несмотря на то, что Западная Римская империя пришла к концу, в V веке в недрах ее родилась другая организация, которая в самых широких размерах использовала ее престиж и ее традиции, — это была

латинская католическая церковь. Она победила победителей империи, варваров. Когда Аттила, по-видимому, решил идти на Рим, римский патриарх преградил ему дорогу и сделал то, чего не могли сделать армии: он одним своим моральным авторитетом заставил его повернуть обратно.

Глава католической церкви — папа — претендовал на главенство над всей христианской церковью. Теперь, когда императоры уже перестали существовать, он начал присваивать себе императорские титулы и притязания. Он принял титул «pontifex maximus» — главного жреца римского государства, древнейший из всех титулов, даваемых императорам.

ГЛАВА 3. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИМПЕРИЯ САСАНИДОВ

Восточная часть Римской империи, главным языком которой был греческий, выказала гораздо больше политической устойчивости, чем западная. Она пережила все бури V столетия после Р. Х., увидевшего полное, окончательное крушение исконного латино-римского могущества. Аттила нападал на императора Феодосия II, вторгался в его владения, разоряя их, и доходил почти до стен Константинополя, но сам город остался нетронутым. По Нилу спустились нубийцы и опустошили Верхний Египет, но Нижний Египет и Александрия остались в цветущем состоянии. Большая часть Малой Азии выдерживала борьбу с персидской империей Сасанидов.

Граждане Византии

VI век, эпоха полного мрака для Запада, увидел значительное усиление греческого могущества. Юстиниан I (527–565) был правителем с большим честолюбием и энергией; женат он был на императрице Феодоре, женщине равного с ним ума, в молодости бывшей актрисой. Юстиниан отвоевал Северную Африку у вандалов и большую часть Италии у готов. Он даже вернул юг Испании. Деятельность его не ограничилась морскими и военными предприятиями. Он основал университет, построил знаменитый собор Св. Софии в Константинополе и кодифицировал римское право. Но, желая уничтожить соперников основанного им университета, он закрыл философские школы в Афинах, которые существовали без перерыва со времен Платона, т. е. в течение почти тысячи лет. Начиная с III века, с Византийской империей упорно соперничала Персидская монархия. Обе империи

держали Малую Азию, Сирию и Египет в состоянии вечной тревоги и угрозы разорения. В I столетии после Р. Х. эти страны еще стояли на высокой ступени цивилизации, были богаты и густо населены, но постоянное прохождение войск, погромы, опустошения, военные налоги упорно истощали их, пока от городов не остались одни лишь обломки и развалины, а в деревнях не разбрелось все крестьянское население.

Нижнему Египту во время этого печального процесса обеднения и смуты выпала, быть может, менее тяжелая доля, чем остальному миру. Александрия, подобно Константинополю, продолжала вести постепенно замиравшую торговлю между востоком и западом.

В обеих воюющих и распадающихся империях наука и политическая философия, казалось, окончательно погибли.

Последние афинские философы, до закрытия их школ, сохраняли подлинники великой литературы прошлого с бесконечным благоговением, но совершенно не понимали их значения. Но теперь в мире исчез класс свободных, независимых людей, обладавших смелым и самостоятельным мышлением, который мог бы продолжать традиции бесстрашного суждения и изучения, воплощением которых являлись эти труды.

Исчезновение этого класса объясняется в значительной степени социальным и политическим хаосом, но была и другая причина бесплодия и лихорадочного состояния человеческой мысли в этот период. И Персия, и Византия переживали эпоху нетерпимости. Обе империи были империями религиозными в новом смысле этого

слова, и это сильно задерживало свободную деятельность человеческого разума.

Конечно, древнейшие империи мира тоже были религиозными империями, объединенными поклонением общему богу или монарху-божеству. Обожествлялся Александр, и Цезари были богами, в том смысле, что им посвящали алтари и храмы, воскурение фимиама перед которыми считалось доказательством лояльности Римскому государству. Но эти древнейшие религии были исключительно религиями действия и факта. Разума они не порабощали. Если человек приносил жертвы и поклонялся известному богу, ему предоставляли возможность не только думать, но, в сущности, и говорить все, что ему нравилось, относительно этого вопроса. А новые, носившие иной характер религии, появившиеся теперь в мире, в особенности христианство, обратились к душе человека. Эти новые культы требовали не только исполнения обрядов, но и сознательной веры. Понятно, что возникали ожесточенные споры по поводу точного смысла догматов веры. Эти новые религии были основаны на вере. Миру пришлось считаться с новым понятием, правоверностью, и с твердой решимостью правоверных удерживать не только поступки, но слова и личные убеждения в границах определенного учения. Ибо теперь придерживаться ложного мнения, а тем более передавать его другим, считалось уже не только недомыслием, но моральным грехом, который может привести душу к вечной гибели.

И Ардашир I, основатель династии Сасанидов, в III столетии после Р. Х., и Константин Великий, перестроив-

ший Римскую империю в IV веке, оба обратились за помощью к религиозным организациям, потому что они в этих организациях видели новое средство для использования и контролирования человеческой воли. И уже в конце IV столетия обе империи преследовали свободу слова и религиозные новшества. Ардашир нашел в Персии древнюю персидскую религию Зороастра (или Заратустры), с ее жрецами, храмами и священным огнем, горевшим на алтарях, уже совершенно приспособленную для его цели — создания государственной религии. К концу III столетия религия Зороастра преследовала христианство, а в 277 г. Мани, основатель новой религии, манихейства, был распят на кресте, а тело его предано поруганию. Константинополь, со своей стороны, деятельно охотился за христианскими ересями. Манихейские идеи заражали христианство, и с ними приходилось бороться самыми жестокими мерами; в свою очередь, христианские идеи нарушали чистоту учения Зороастра. Все идеи находились под подозрением.

Наука, требующая, прежде всего, свободной деятельности свободного ума, в этот период нетерпимости переживала полный упадок.

Война, жесточайшая теология и обычные человеческие пороки — вот из чего слагалась жизнь Византии того времени. Она была красочна, она была романтична, но давала мало радости и света. Когда Византия и Персия не воевали с северными варварами, они истощали Малую Азию и Сирию тяжелыми и разрушительными междуусобицами. Даже при условии тесного союза, отражение варваров и восстановление собственного благосостояния

оказалось бы для обеих этих империй слишком трудной задачей. Турки или татары впервые появляются в истории в качестве союзников — сначала одной державы, затем другой. В VI веке двумя главными противниками были Юстиниан и Хосров I; в начале VII века император Ираклий боролся с Хосровом II (580).

Сначала, до того, как Ираклий стал императором (610), Хосров II одерживал блестящие победы. Он взял Антиохию, Дамаск и Иерусалим, и его армии достигли Халкедона, лежавшего в Малой Азии, напротив Константинополя. В 619 г. он завоевал Египет. Затем Ираклий произвел контрнападение на неприятельскую страну и разбил персидскую армию при Ниневии (627), несмотря на то, что в это время в Халкедоне еще находились персидские войска. В 628 г. Хосров II был низложен и убит своим сыном Кавадхом, и между обеими истощенными империями был заключен непрочный мир.

В последний раз воевали между собой Византия и Персия. Но мало еще кому снилась та буря, которая уже поднималась из пустыни и должна была положить конец этой бесцельной, хронической борьбе. В то время, как Ираклий восстанавливал порядок в Сирии, до него дошло одно известие. Оно было доставлено на императорский аванпост в Бостре, к югу от Дамаска. Послание было написано по-арабски, на неизвестном семитическом языке жителей пустыни, и было прочитано императору, если оно вообще дошло до него, переводчиком. Оно было послано кем-то, кто называл себя «Мухаммедом, пророком божьим», и призывало императора признать единого истинного Бога и служить ему. Что

ответил император, об этом умалчивается. Подобное послание дошло и до Кавадха, находящегося в Ктесифоне. Он рассердился, разорвал письмо и приказал посланцу удалиться. Оказалось, что Мухаммед был вождем бедуинов; его стоянка находилась в Медине, жалком маленьком городке посреди пустыни. Он проповедовал новую религию, веру в единственного истинного Бога. — Если так, о, Господи, — сказал он, — отторгни от Кавадха его царство.

ГЛАВА 4. ДИНАСТИИ СУН И ТАН В КИТАЕ

В течение V, VI, VII и VIII столетий становится заметным упорное стремление монголов на запад. Гунны Аттилы были только предшественниками этого наступления, которое, в конце концов, привело к расселению монголов в Финляндии, Эстонии и Венгрии, где до сих пор живут их потомки, говорящие на языках, напоминающих тюркский. Болгары также тюркского происхождения, но они говорят на языке арийского корня. Монголы сыграли по отношению к арианизированной цивилизации Европы, Персии и Индии ту же роль, которую, несколькими столетиями раньше, сыграли арийцы по отношению к эгейской и семитической.

В Центральной Азии тюркские народы укоренились в нынешнем Западном Туркестане, и Персия уже держала у себя на службе многих тюркских чиновников и тюркских наемников. Парфяне, поглощенные господствующим населением Персии, исчезли из истории. В Центральной Азии больше не оставалось арийских

Китайский генерал эпохи Тан

кочевников, их заменили монгольские племена. Азия от Китая до Каспийского моря попала под власть тюрков. Такая же небывалая по своим размерам эпидемия чумы, которая в конце II столетия после Р. Х. обессилила Римскую империю, способствовала свержению династии Хань.

Затем в Китае наступил период разделения и гуннского владычества, после которого Китай вновь воспрянул, обновленный, быстрее и полнее, чем это было суждено Европе. Перед концом VI столетия Китай объединился под владычеством династии Сун, уступившей, ко времени царствования Ираклия, место династии Тан, правление которой отмечает собой для Китая новый продолжительный период благоденствия.

В течение VII, VIII и IX столетий Китай был самой спокойной и цивилизованной страной в мире. При династии Хань его границы значительно расширились к северу; династии Сун и Тан распространили китайскую культуру на юг, и Китай начал принимать те размеры, которые сохранил и по сие время. В Центральной Азии его владения были даже обширнее, чем теперь, так как, в конце концов, они распространялись, благодаря подчинению тюркских племен, до самой Персии и берегов Каспийского моря.

Вновь возродившийся после гуннских нашествий Китай был совсем другой страной, чем старый Китай, времен династии Хань. В нем появилась новая, более жизненная литературная школа, началось великое возрождение поэзии; в философском и религиозном мышлении произошел, под влиянием буддизма, переворот. Большой шаг вперед был сделан в отношении искусства, техники и всего, что касалось украшения жизни. Впервые вошел в употребление чай, стала изготавливаться бумага, началось печатание с деревянных досок. Миллионы людей в Китае вели правильный, изящный и приятный образ жизни, тогда как убавившееся население Европы и Западной Азии ютилось в хи-

жинах, маленьких, огражденных стенами городках или мрачных разбойничьих крепостях. В то время, как на Западе деятельность разума затемнялась теологическим наваждением, в Китае господствовали философские учения, отличавшиеся свободой, терпимостью и пытливостью.

Одним из первых монархов династии Тан был Тай-цзун, вступивший на престол в 627 г., в год победы Ираклия при Ниневии. Ираклий, искавший, по-видимому, союзников в тылу у Персии, отправил к нему посольство. Из самой Персии тоже прибыла партия христианских миссионеров (635). Им разрешено было изложить основы своей веры перед Тай-цзуном, который даже согласился рассмотреть китайский перевод этих посланий. Он объявил эту чужую религию приемлемой и дал им разрешение построить церковь и монастырь. В 628 г. к этому монарху прибыли также посланцы от Магомета. Они прибыли в Кантон на торговом корабле, совершив весь путь из Аравии по морю вдоль берегов Индии. В противоположность Ираклию и Кавадху, Тай-цзун благосклонно выслушал этих посланцев. Он выразил интерес к их теологическим идеям и помог им построить мечеть в Кантоне — мечеть, которая сохранилась и поныне и является, как уверяют, самой древней мечетью в мире.

ГЛАВА 5. МАГОМЕТ И ИСЛАМ

Если бы в начале VII столетия нашелся любитель истории, склонный делать предсказания на будущее, он мог бы, сделав обозрение всего тогдашнего мира, с полным

основанием решить, что подчинение всей Европы и Азии монгольскому владычеству является вопросом лишь нескольких столетий.

В Западной Европе не было никаких признаков порядка и объединения, а византийская и персидская монархии явно стремились к взаимному уничтожению. Индия была также разделена и опустошена. С другой стороны, Китай неуклонно расширялся и, вероятно, в то время превосходил всю Европу численностью населения, а тюркские племена, усилившиеся в Центральной Азии, обнаруживали намерение действовать в согласии с Китаем. И такое пророчество не было бы вполне ложным.

В XIII столетии действительно настало время, когда от Дуная до Тихого океана властвовал монгольский вождь, а в византийской и персидской монархиях, в Египте и большей части Индии царствовали тюркские династии.

В чем наш предсказатель, скорее всего, ошибся бы — это в недостаточной оценке способности латинской части Европы к возрождению и в непонимании таившихся в аравийской пустыне сил. Аравия показалась бы ему тем, чем она была с незапамятных времен, — убежищем мелких, разрозненных кочевых племен. В течение уже более тысячи лет ни один семитический народ не сумел основать государства.

Затем внезапно, на одно краткое, полное блеска, столетие вспыхнула ярким светом звезда бедуинов. Они распространили свои законы и свой язык от Испании до границ Китая. Они дали миру новую культуру. Они

создали религию, которая осталась до сегодняшнего дня одной из главных действующих в мире.

Человек, который зажег это пламя в душе арабов, — Магомет, — появляется в истории сначала в качестве молодого супруга вдовы одного из богатых купцов города Мекки. До сорока лет он ничем не выделялся. Он, по-видимому, довольно сильно интересовался религиозными спорами. Мекка была в то время языческим городом, где главным предметом почитания служил черный камень, Кааба; она пользовалась большой известностью во всей Аравии как центр паломничества; но в стране было большое количество евреев — в сущности, вся южная часть Аравии исповедовала еврейскую веру, — а в Сирии были христианские церкви. К сорока годам Магомет начал проявлять пророческий дар, подобный тому, которым, за двенадцать столетий до него, обладали еврейские пророки. Он говорил о едином истинном Боге, о наградах и наказаниях, добродетели и пороке сначала своей жене. На его мысль, несомненно, оказывали сильное влияние еврейские и христианские идеи. Он собрал вокруг себя небольшой кружок верующих и вскоре начал проповедовать в городе против господствующего идолопоклонства, вследствие чего он сделался в высшей степени непопулярным среди сограждан, так как паломничество в Мекку было главным источником благосостояния этого города. Но он стал еще смелее и определеннее проповедовать свое учение, объявив себя последним избранным пророком Божьим, на которого возложена миссия: усовершенствовать религию. Он заявил, что Авраам и Иисус Христос были его предтечами. Он же избран для

того, чтобы дополнить и усовершенствовать Божественные откровения.

Он показывал изречения, переданные ему, по его словам, ангелом, и у него было необычайное видение, во время которого он был взят к Богу на небеса и наставлен в своей миссии.

По мере того как приобретало силу его учение, увеличивалась и враждебность его сограждан. В конце концов, был составлен заговор, чтобы его убить, но он бежал со своим верным другом и учеником, Абу-Бекром, в дружественный город Медину, принявший его учение. Между Меккой и Мединой началась вражда, в конце концов, завершившаяся соглашением. Мекка обязалась принять веру в единого истинного Бога и признать Магомета его пророком, но приверженцы новой религии должны были по-прежнему совершать паломничества в Мекку, как во времена язычества. Так Магомет установил в Мекке почитание единого истинного Бога, не повредив ее экономическим интересам, связанным с паломничеством. В 629 г. Магомет вернулся в Мекку в качестве ее властелина, а год спустя он отправил своих послов к Ираклию, Тай-цзуну, Кавадху и ко всем правителям мира. После этого, в течение четырех лет, до самой своей смерти, последовавшей в 632 г., Магомет продолжал распространять свою власть на всю остальную Аравию. На склоне лет он взял себе множество жен, и вся его жизнь, с современной точки зрения, в общем, мало поучительна. По-видимому, он был человеком, в котором соединялись значительная доля тщеславия, алчность, хитрость, самовнушение и вполне искренний религиозный фанатизм.

Он продиктовал книгу предписаний и толкований — Коран, объявив, что она является откровением, полученным им от Бога.

Все же надо признать, что за вычетом явных несовершенств в жизни и творениях Магомета, в исламе, религии, данной им арабам, остается много силы и вдохновения. В исламе необходимо отметить, во-первых, его непоколебимый монотеизм, его простую, полную энтузиазма веру в законы и отеческую власть Бога при полном отсутствии всяких теологических ухищрений; во-вторых, его безусловное отрешение от жречества и храмов жертвенных религий. Это религия, всецело основанная на пророчестве, защищенная от возможности возвращения к кровавым жертвоприношениям. В Коране ограниченный и обрядовый характер паломничества в Мекку установлен с точностью, не допускающей возможности споров, и Магомет принял все меры, чтобы предотвратить обожествление его личности после смерти. Третий элемент силы этой религии заключается в подчеркивании исламом полного равенства и братства перед Богом всех верующих, независимо от цвета их кожи, происхождения и положения.

Вот благодаря каким условиям ислам сделался могущественным фактором в мировой истории. Некоторые утверждают, что настоящим основателем магометанского владычества был не столько Магомет, сколько его друг и помощник Абу-Бекр. Если Магомет, благодаря своему изворотливому характеру, являлся душой и творцом примитивного ислама, то Абу-Бекр играл роль его совести и воли. Как только на Магомета нападали сомне-

ния, Абу-Бекр поддерживал его. После смерти Магомета Абу-Бекр стал его калифом (преемником) и принялся просто и здраво, с той верой, которая сдвигает горы, за организацию покорения всего мира Аллаху, причем он действовал посредством небольших отрядов, численностью в 3 000 или 4 000 человек, состоявших из арабов. Он стремился выполнить предсказания, которые пророк сделал в своих посланиях, отправленных им в 628 г. из Медины монархам всего мира.

ГЛАВА 6. ЭПОХА МОГУЩЕСТВА АРАБОВ

Теперь перейдем к повести о самом изумительном из всех завоеваний, известных в истории нашей расы. Византийская армия была разбита в сражении при Ярмуке (притоке Иордана) в 634 г. Энергия императора Ираклия, страдавшего водянкой, была подорвана; его средства были истощены войной с Персией, и ему пришлось увидеть, как вновь завоеванные им в Сирии города: Дамаск, Пальмира, Антиохия, Иерусалим и прочие — сдались мусульманам почти без сопротивления. Большая часть их населения приняла ислам.
Тогда мусульмане двинулись на восток. Персы нашли талантливого полководца в лице Рустама; у них было большое войско, с множеством слонов; они три дня сражались с арабами при Кадессии (637) и были, в конце концов, разбиты наголову.
За этим последовало завоевание всей Персии, и мусульманское владычество продвинулось далеко вперед в Западном Туркестане, а затем еще дальше к востоку, пока

арабы не встретились с китайцами. Египет сдался почти без сопротивления новым завоевателям, которые, исполненные фанатичной веры в беспорное значение Корана, уничтожили Александрийскую библиотеку, в которой еще переписывали книги.

Поток завоевателей разлился вдоль северного берега Африки и достиг Гибралтарского пролива и Испании. Испания была завоевана в 710 г., а Пиренеи заняты в 720 г. В 732 г. арабы в своем продвижении достигли Центральной Франции, но здесь, в битве при Пуатье, они были решительно остановлены и отброшены назад к Пиренеям. Завоевание Египта дало арабам морскую базу, и одно время казалось, что они возьмут Константинополь. Между 672 и 718 гг. они несколько раз нападали на него с моря, но великий город устоял.

Но арабы не отличались государственными способностями. У них отсутствовал государственный опыт, и потому этой великой империи, имевшей столицу в Дамаске и простиравшейся от Испании до Китая, было суждено очень быстро распастъся. С самого начала единство ее подрывалось различиями вероисповеданий ее подданных. Но нас, главным образом, интересует не история ее политического разложения, а влияние ее на развитие человечества и на общую судьбу нашей расы. Вступление арабской духовной культуры на мировую арену отличалось еще большей внезапностью и драматизмом, чем возникновение греческой тысячелетием раньше.

Духовный подъем во всех странах, лежавших к западу от Китая, разрыв со старыми понятиями и развитие новых — все это приняло огромные размеры.

В Персии эта обновленная и активная арабская философия вошла в соприкосновение не только с учениями манихеев, зороастризмом и христианством, но и с научной греческой литературой, сохранившейся не только на греческом языке, но и в сирийских переводах. С греческой наукой она столкнулась также и в Египте. Повсюду, главным образом, в Испании, она застала полные жизни еврейские традиции, иудейскую философию и толкование Библии. В Центральной Азии она познакомилась с буддизмом и с достижениями Китая в области материальной культуры. У китайцев арабы переняли способы изготовления бумаги, что впоследствии сделало возможным книгопечатание. И, наконец, арабская мысль вошла в соприкосновение с индийской математикой и философией. Нетерпимое, полное самодовольства, отношение, господствовавшее в период возникновения новой веры и признававшее Коран единственной допустимой книгой, было очень быстро отброшено.

Повсюду, где ступила нога завоевателей-арабов, расцветала наука. В VIII веке создалась научная организация, охватившая весь «арабизированный» мир. В IX столетии ученые из школ Кордовы в Испании переписывались с учеными в Каире, Багдаде, Бухаре и Самарканде. Еврейская мысль очень легко ассимилировалась с арабской, и некоторое время обе семитические расы работали совместно, пользуясь арабским языком. Это духовное общение народов, говоривших по-арабски, продолжалось еще долго после политического распада и ослабления арабов. Даже в XIII веке оно давало значительные результаты.

Таким образом, систематическое накопление и анализ фактов, начавшиеся в Греции, были продолжены в эпоху этого изумительного возрождения семитического мира. Семена, брошенные Аристотелем и Александрийским музеем, долго остававшиеся в бездействии и пренебрежении, теперь пустили ростки и готовились дать плоды. Очень большие успехи были достигнуты в математике, медицине и физике. Неуклюжая римская нумерация была заменена арабскими цифрами, которыми мы пользуемся до сих пор, и впервые вошел в употребление знак нуля. Самое название «алгебра» — арабское, так же, как и слово «химия». Названия звезд — Алголь, Альдебаран и Боэтес — сохранили в небесах память об арабских победах.

Их философии суждено было возродить средневековую философию Франции, Италии и всего христианского мира.

Арабские химики, производившие опыты, назывались алхимиками и были еще настолько варварами по духу, что старались по мере возможности сохранять в тайне свои методы и их результаты. С самого начала они поняли, какое огромное преимущество могут им дать их возможные открытия и какое важное значение эти открытия будут иметь в человеческой жизни. Многие величайшие изобретения в области металлургии и техники: различные сплавы, краски, дистилляция, тинктуры и эссенции, оптические стекла — были сделаны ими. Но двух главных результатов, к которым они стремились, они так и не добились. Одним из них было нахождение «философского камня», способного превращать один

металл в другой и, таким образом, производить искусственное золото, другой — «elixir vitae» — эликсир жизни, возбуждающее средство, которое должно было уничтожить старость и продлить жизнь до бесконечности. Упорные, терпеливые опыты этих арабских алхимиков стали известны и в христианском мире. Опыты эти имели большую притягательную силу, и потому они получили широкое распространение. Постепенно деятельность этих алхимиков стала принимать более общественный характер и допускать возможность совместной работы. Арабские ученые нашли, что выгоднее обмениваться идеями и сравнивать их. Путем незаметных переходов последний алхимик стал первым экспериментальным философом.

Древние алхимики искали философский камень, который должен был превращать низшие металлы в золото, и эликсир бессмертия; они положили начало методам новой экспериментальной науки, которая обещает дать человечеству в будущем безграничную власть над миром и над собственной его судьбой.

ГЛАВА 7. РАЗВИТИЕ ЛАТИНСКОГО ХРИСТИАНСТВА

Интересно отметить, какая небольшая по площади часть земного шара оставалась в VII и VIII веках под влиянием арийцев. За тысячу лет до того во всех цивилизованных странах, лежавших к западу от Китая, господствовали народности, говорившие на арийских наречиях. Теперь же, монголы добрались до пределов Венгрии,

в Азии не осталось арийских земель, кроме византийских владений в Малой Азии; арийцы утратили всю Африку и почти всю Испанию. Великий эллинский мир сузился до небольшой территории вокруг главного ядра, торгового города Константинополя, а память о Римской империи сохранилась лишь в латинском языке западного христианского духовенства. Наоборот, семитская традиция, в ярком контрасте с этой картиной упадка, вновь восстала, после тысячелетия тьмы, из подчинения и мрака. Но жизненные силы северных народов еще не были истощены. Ограниченные теперь пределами Средней и Северо-Западной Европы, переживая ужасный сумбур социальных и политических идей, они все же постепенно и упорно создавали новый социальный порядок и бессознательно готовились опять к принятию власти, еще более обширной, чем прежняя.

Мы уже говорили, что в начале VI века в Западной Европе не оставалось никакого центрального правительства. Эта область была разделена между множеством местных правителей, которые старались, как умели, удержать свою власть. Это положение вещей было слишком ненадежным, чтобы продолжаться долго; из этого беспорядка выросла система сотрудничества и ассоциации; это так называемая феодальная система, следы которой до сих пор сохраняет наша жизнь. Эта феодальная система являлась основой объединения общества вокруг власти. Одинокий человек повсюду чувствовал себя беззащитным и был готов променять некоторую долю своей свободы на поддержку и покровительство. Он выбирал более сильного человека своим господином и покрови-

телем; он воевал за его интересы и платил ему налоги, а в награду за ним утверждалось право собственности. Его господин в свою очередь искал безопасности в вассальной зависимости от еще более могущественного сюзерена. Города также находили для себя феодальных покровителей; монастыри и церковные имения связали себя такими же узами. Без сомнения, во многих случаях подчинение бывало вынужденное, а не добровольное: система разрасталась сверху вниз так же, как и снизу вверх. Таким путем выросла система в виде пирамиды, со значительными отличиями в зависимости от местности; эта система вначале открывала обширное поле насилию и междоусобным войнам, но она все же неуклонно вела к порядку и новой эпохе законности. Пирамиды разрастались так, что в некоторых из них уже можно было признать королевства. Уже в начале VI века на месте нынешней Франции и Нидерландов существовало франкское королевство под властью его основателя Хлодвига; а вскоре образовались вестготское, ломбардское и готское королевства.

Мусульмане, перейдя в 720 г. Пиренеи, застали это франкское королевство под фактическим управлением Карла Мартела, мажордома одного из выродившихся потомков Хлодвига, и потерпели от него решительное поражение при Пуатье (732). Этот Карл Мартел был фактическим властелином части Европы, расположенной к северу от Альп, между Пиренеями и Венгрией. Он властвовал над множеством подчиненных ему правителей, говоривших на франко-латинском и верхне- и нижнегерманском наречиях. Его сын Пипин истре-

бил последних потомков Хлодвига, принял королевское звание и все присущие этому званию знаки отличия. Его внук, Карл Великий, вступивший на престол в 768 г., оказался правителем столь обширного государства, что мог даже подумать о возрождении титула латинского императора. Он завоевал Северную Италию и овладел Римом.

Рассматривая, как мы это делаем, историю Европы под более широким углом зрения, как часть всемирной истории, мы можем представить себе более ясно, чем люди, изучающие историю одной страны, какое вредное и стесняющее дальнейшее развитие влияние оказало желание возродить Священную Римскую империю. В течение целого тысячелетия мелкая, но упорная борьба за осуществление этой призрачной идеи поглощала силы всей Европы. Не одно столетие шла борьба, поддерживаемая неистребимой ненавистью между европейскими правителями; борьба эта овладела их умами, как навязчивая идея рассудком душевнобольного. Одним из ее факторов было честолюбие победоносных правителей, типичным представителем которых является Карл Великий, и стремление их добиться титула цезаря. Держава Карла Великого представляла собой конгломерат германских феодальных государств, находившихся на различных ступенях варварства. К западу от Рейна, большинство из этих германских народностей научились говорить на различных латинизированных диалектах, которые, в конце концов, слились воедино, образовав французский язык. К востоку от Рейна германские народности той же расы не утратили своего германского

языка. По этой причине сношения между этими двумя группами варваров-победителей были затруднены, что способствовало расколу. А раскол этот облегчался еще и тем, что разделить империю Карла Великого между его сыновьями после его смерти казалось, согласно франкскому обычаю, вполне естественным. Поэтому одна сторона истории Европы, начиная с Карла Великого, рисуется нам в следующем виде: сначала один какой-нибудь монарх, а с ним вместе и вся его семья, а затем другой, борются изо всех сил ради призрачного главенства над королями, князьями, герцогами, епископами и городами Европы. Борьба эта способствует развитию постепенно усиливающегося антагонизма между французской и немецкой частями империи. При избрании каждого императора должны были соблюдаться известные формальности, и завершением мечтаний всех этих честолюбцев являлись борьба за обладание этой истощенной, неудачно расположенной столицей, Римом, и коронование в нем.

Вторым фактором, сыгравшим большую роль в политическом разладе в Европе, было твердое решение римской церкви не допускать кого-либо из светских князей к занятию императорского престола: фактически императором должен был быть сам Римский папа, он уже был «pontifex maximus». Он уже, в сущности, управлял разрушающимся городом, хотя у него не было войск, но зато в его распоряжении находилась, в лице духовенства, обширная армия пропагандистов, рассеянная по всему, исповедовавшему католичество, миру. Хотя у него не было власти над телом людей, но зато он хранил, по их понятиям, клю-

чи от ада и от рая и мог оказывать сильное влияние на их души. Таким образом, в течение всех Средних веков, в то время как один князь боролся с другим, сначала чтобы достичь одинакового с врагом положения, потом, чтобы превзойти его и, наконец, чтобы получить главный приз, — Римский папа, действуя иногда смело, иногда коварно, иногда кратковременно (ибо папами делались обычно уже пожилые люди, и пребывание каждого на престоле не превышало в среднем двух лет), добивался подчинения всех князей себе как верховному главе христианской церкви.

Но этим антагонизмом, существовавшим между отдельными правителями, а также между императорами и папой, ни в коем случае не исчерпываются все причины неурядиц в Европе. В Константинополе все еще был император, при дворе которого господствовал греческий язык и который требовал от Европы признания своей власти. Когда Карл Великий силился возродить империю, он имел в виду только ее западную половину. Вполне естественно, что между латинской и греческой империями очень быстро возникло соперничество. И еще быстрее стало развиваться соперничество между христианством греческого образца и более новым — латинского толка. Римский папа претендовал на звание преемника св. Петра, главы христовых апостолов, и на верховную власть над всеми христианскими общинами. Ни император, ни патриарх в Константинополе не соглашались признать это требование. Спор по поводу неясного пункта в догмате о св. Троице привел, после целого ряда разногласий, к окончательному разрыву

в 1054 г. С тех пор латинская и греческая церкви так и остались разъединенными, открыто враждебными друг другу. Этот новый конфликт следует добавить к прочим в нашем списке столкновений, обессиливавших западное христианство в Средние века.

На разъединенный христианский мир сыпались удары трех враждующих сторон. Вокруг Балтийского и Северного морей осталось несколько северных племен, которые весьма медленно и неохотно обращались в христианскую веру. Это были норманны. Они занимались мореплаванием и морским разбоем и совершали нападения на прибрежные территории, принадлежавшие христианским странам, вплоть до Испании. Они продвинулись вверх по русским рекам, достигая ненаселенных земель средней полосы, где волоком перетаскивали свои суда в реки, текущие на юг. Они становились пиратами в Каспийском и Черном морях, создали княжества на Руси и были первыми людьми, получившими название русских. Этим русским норманнам несколько раз едва не удалось захватить Константинополь.

Англия в начале IX века была уже христианской страной, с населением, принадлежавшим к нижнегерманской ветви народностей; она находилась под управлением короля Эгберта, вассала и ученика Карла Великого. Норманны отторгли половину королевства у его преемника, Альфреда Великого (886), и, наконец, при Кануте (1016) завладели всей страной. В царствование Рольфа Предводителя (912) другая шайка норманнов покорила одну из северных областей Франции, которая стала с тех пор называться Нормандией.

Канут властвовал не только над Англией, но и над Норвегией и Данией. Его недолговечная держава после его смерти распалась на части; это произошло вследствие политической ошибки, в которую всегда впадали варварские народы, — сыновья Канута разделили между собой его земли. Интересно сделать предположение, что произошло бы, если бы этот временный союз норманнов продержался. Это был народ, отличавшийся изумительной смелостью и энергией. На своих судах они доплывали даже до Исландии и Гренландии. Первые европейцы, высадившиеся на американской земле, были норманны. Впоследствии норманнские авантюристы отбили Сицилию у сарацин и разгромили Рим. Какая захватывающая картина развернется перед нами, если мы себе представим, в какую великую морскую державу, простиравшуюся от Америки до России, могло бы превратиться царство Канута!

К востоку от германцев и романизированных европейцев обитали смешанные славянские и тюркские племена. Наиболее замечательными из них являются мадьяры, или венгры, которые в течение VIII и IX веков постепенно передвигаются на запад. Карл Великий временно покорил их, но после его смерти они заняли нынешнюю Венгрию и, по примеру своих, родственных им по крови, предшественников, гуннов, стали каждое лето вторгаться в соседние страны Европы. В 938 г. они прошли всю Германию и достигли Франции, а оттуда перешли через Альпы в Северную Италию и затем вернулись восвояси, сжигая, грабя и разрушая все на своем пути.

Наконец, на юге сарацины усиленно наносили удары по последним остаткам Римской империи. Они в значительной степени овладели южными морями; их единственными опасными соперниками на море были норманны, как русские, господствовавшие на Черном море, так и норманны из Западной Европы.

Окруженные этими более сильными и агрессивными племенами, борясь против сил, недоступных их пониманию, живя среди опасностей, которых они не могли оценить, Карл Великий, а за ним и другие многочисленные честолюбцы разыгрывали пустую комедию восстановления западной империи под названием «Священная Римская империя». Начиная с Карла Великого, эта идея является господствующей в политической жизни Западной Европы, между тем как на востоке греческая половина римского государства разрушалась и погибала, пока от нее ничего не осталось, кроме окончательно прогнившего торгового города Константинополя, с территорией в несколько миль в окружности. В политическом отношении Европа в течение целого тысячелетия, начиная со смерти Карла Великого, слепо следовала древним традициям и не сумела создать ничего нового.

Имя Карла Великого занимает одно из главенствующих мест в истории Европы, но его личность остается как бы в тумане. Он не умел ни читать, ни писать, но относился с большим уважением к науке; он любил, чтобы ему читали вслух за обедом, и питал слабость к богословским спорам. В своих зимних резиденциях, Ахене или Майнце, он собирал вокруг себя множество ученых и умел почерпнуть многое из их разговоров. Летом он

воевал или с испанскими сарацинами, или со славянами, а также с мадьярами, саксами и другими еще пребывавшими в язычестве германскими племенами. Нельзя определенно сказать, пришла ли ему мысль стать цезарем и преемником Ромула Августула еще до завоевания Северной Италии, или же эта мысль была ему внушена папой Львом III, жаждавшим сделать латинскую церковь независимой от Константинополя.

В Риме папа и будущий император прибегали к самым необычайным уловкам, чтобы делать или, наоборот, не делать вид, будто император принимает корону из рук папы. Папе удалось короновать своего гостя и победителя, застигнув его врасплох в день Рождества Христова в соборе Св. Петра (в 800 после Р. Х.). Он достал корону, возложил ее на голову Карла Великого и провозгласил его Цезарем и Августом. В толпе раздались громкие аплодисменты. Карл Великий совсем не был доволен оборотом, который приняло дело; для него это было равносильно поражению, и он оставил своему сыну самое подробное наставление о том, чтобы тот не допустил папу короновать себя императором. Он должен был взять корону и собственноручно возложить ее себе на голову. Итак, на самой заре восстановления императорской власти мы видим начало многовековой борьбы императора и папы за первенство. Но Людовик Благочестивый, сын Карла Великого, пренебрег отцовскими наставлениями и вполне подчинился папе.

Империя Карла Великого распалась после смерти Людовика Благочестивого. Разлад между франками, говорившими по-французски, и франками, говорившими

по-немецки, усилился. Следующим императором был Оттон, сын Генриха Птицелова, саксонца, избранного германским королем собранием немецких князей и прелатов в 919 г. Оттон отправился в Рим и был там коронован в 962 г. Эта саксонская династия прекратилась в начале XI века и уступила место другим германским правителям.

Феодальные князья и дворяне западной части империи, говорившие на различных наречиях французского языка, перестали признавать власть этих германских императоров после того, как прекратилась династия Каролингов — династия, происходившая от Карла Великого. В состав Священной Римской империи также не входила ни Британия, ни какая-либо ее часть. Герцоги Нормандии, короли Франции и множество менее значительных феодальных властителей также никогда не подчинялись ей.

В 987 г. французское королевство перешло от династии Каролингов в руки Гуго Капета, потомки которого правили еще в XVIII столетии. В эпоху Гуго Капета король Франции владел лишь сравнительно небольшой территорией вокруг Парижа. В 1066 г. на Англию напали почти одновременно норвежские норманны, во главе с королем Гаральдом Гардрадом, и романизированные норманны, под предводительством герцога Нормандии. Гарольд, король Англии, победил первого в битве при Стамфордбридже, но в свою очередь был побежден вторым при Гастингсе. Англия была завоевана норманнами; это обстоятельство совершенно отрезало ее от скандинавских, тевтонских и русских стран и при-

нудило вступить в самую тесную связь, нередко прерываемую конфликтами, с Францией. В течение следующих четырех столетий англичане были вовлечены в междоусобицы французских феодальных князей и гибли на полях Франции.

ГЛАВА 8. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И ЭПОХА ПАПСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Интересно отметить, что Карл Великий переписывался с калифом Гаруном аль-Рашидом, тем самым Гаруном аль-Рашидом, о котором говорится в «Тысяче и одной ночи». Передают, что Гарун аль-Рашид отправил посольство из Багдада — заменившего Дамаск в качестве столицы мусульманства, — с роскошным шатром, водяными часами, слоном и ключами от гроба Господня. Этот последний подарок был прекрасно рассчитан на то, чтобы противопоставить Византийскую империю и новую Священную Римскую империю при решении вопроса, кто из них является законным покровителем христиан в Иерусалиме.

Эти подарки напоминают нам о том, что пока Европа в IX веке все еще представляла собой арену беспорядочных войн и разбоя, в Египте и Месопотамии процветала великая Арабская империя, гораздо более культурная, чем любая страна в Европе. Здесь все еще существовали наука и литература, процветало искусство, человеческая мысль могла развиваться, не сдерживаемая страхом или суеверием. И даже в Испании и в Северной Африке, где в сарацинских владениях

начинались политические смуты, кипела духовная жизнь. В течение долгих столетий, пока в Европе господствовал мрак Средневековья, эти евреи и арабы читали сочинения Аристотеля. Они сберегали забытые семена науки и философии.

К северо-востоку от владений калифа обитали различные тюркские племена. Они обратились в ислам и исповедовали эту веру более ревностно и с большей непосредственностью, чем высококультурные арабы и персы на юге.

В X веке турки становились все сильнее и могущественнее, между тем как арабская держава распадалась и разрушалась. Отношение турок к империи калифов стало сильно напоминать отношения мидян к последнему Вавилонскому царству четырнадцатью веками раньше. В XI столетии в Месопотамии появилась группа тюркских племен, турки-сельджуки; номинально они приняли подданство калифа, на самом же деле превратили его в пленника и в свое орудие. Они завоевали Армению, а затем ударили по остаткам византийских владений в Малой Азии. В 1071 г. в битве у Меласгирда византийская армия была разбита наголову, турки стали продвигаться вперед, и вскоре в Азии не осталось и следа от византийского владычества. Они взяли крепость Никею, стоявшую напротив Константинополя, и приготовились к нападению на этот город.

Византийский император Михаил VII совершенно обезумел от страха. Он уже вел войну с шайкой норманнских авантюристов, которые захватили Дураццо, а кроме того еще воевал со свирепым тюркским

народом, печенегами, разбойничавшими по Дунаю. Находясь в безвыходном положении, он начал искать помощи, где только мог; интересно отметить, что он обратился не к западному императору, но к римскому папе как к главе западного христианства. Он обратился с посланием к папе Григорию VII, а его преемник Алексей Комнин еще более настойчиво просил поддержки у Урбана II.

А между тем не прошло еще и четверти века со времени разрыва между латинской и греческой церквами. Этот раскол был еще свеж в памяти людей, и бедствие, постигшее Византию, должно было представиться папе как весьма удобный случай восстановить главенство латинской церкви над отпавшими от нее греками. Кроме того, это обстоятельство открывало папе возможность справиться с двумя другими проблемами, вносившими крайний беспорядок в жизнь Запада.

Это были, во-первых, «частные войны», расстраивавшие общественную жизнь, и, во-вторых, чрезмерная воинственность нижнегерманских и норманнских народов, уже принявших христианство, в особенности же франков и западных норманнов. Поэтому стали проповедовать необходимость религиозной войны, крестового похода, войны во имя священного креста с турками, захватившими Иерусалим, а между всеми христианами (в 1095) было объявлено перемирие. Целью этой войны было освобождение гроба Господня от неверных. Некий Петр Пустынник вел на широких демократических началах пропаганду среди народа по всей Франции и Германии. Он разъезжал на осле, в грубой одежде, босиком, с огромным крестом

в руках, обращался с речами к толпе на улице, на рынках или в церквах. Он говорил о жестоких преследованиях, которым турки подвергали христианских пилигримов, и о том, какой позор, что гроб Господень находится не в руках христиан.

Отклик народа на его проповеди явился результатом многовекового воспитания в христианском духе. Могучая волна энтузиазма охватила весь западный мир, обнаружился христианский народный дух.

Этот подъем народных масс во имя идеи был совершенно новым явлением в истории нашей расы. Ни в истории Римской империи, ни в истории Индии или Китая мы не найдем ничего подобного. Встречались подобные движения лишь среди еврейского народа после его освобождения из вавилонского пленения, но в меньшем масштабе, а впоследствии и ислам должен был проявить ту же способность к коллективным переживаниям.

Подобные движения, несомненно, находились в связи с новым духом, вошедшим в жизнь вследствие развития проповеднических религий. Еврейские пророки, Иисус Христос со своими учениками, Мани, Магомет — все они обращались к индивидуальности, к душе человека. Они поставили личную совесть лицом к лицу с Богом. До тех пор религия являлась скорее фетишизмом, псевдонаукой, чем делом совести. Религии древности вращались вокруг храма, посвященного жреца и мистического жертвоприношения, и действовали на обывателя, как на раба, страхом. Религии нового времени сделали из него человека.

Первое выступление народных масс, известное в истории Европы, было вызвано проповедью о первом кре-

стовом походе. Быть может, мы выразимся чересчур сильно, если примем это событие за дату нарождения современной демократии, но все же является несомненным, что современная демократия в ту пору впервые зашевелилась. Вскоре мы увидим, как она восстала, подняв на этот раз самые тревожные социальные и религиозные вопросы.

Без сомнения, эта первая попытка демократии проявить себя окончилась крайне жалким и грустным образом. Многочисленные отряды простого народа, скорее толпа, чем войско, выступили из Франции, из Рейнской долины и Средней Европы на восток, на освобождение гроба Господня, не дождавшись ни вождей, ни необходимого снаряжения. Это был «народный крестовый поход». Два больших отряда случайно забрели в Венгрию, приняли недавно обращенных мадьяр за язычников, зверски с ними расправились и были истреблены. Третья толпа, представления которой отличались такой же запутанностью, устроила крупный погром евреев в Рейнской долине, а оттуда направилась на восток и также была уничтожена в Венгрии. Два других огромных отряда, под предводительством самого Петра Пустынника, достигли Константинополя, переплыли Босфор и были скорее перебиты, чем побеждены, турками-сельджуками. Так началось и так закончилось первое выступление народных масс как таковых в Европе.

В следующем, 1097 г., через Босфор переправилось уже настоящее войско. Его можно назвать норманнским, как по национальности его предводителей, так и по духу воинов. Это войско взяло приступом Никею и двинулось

в Антиохию, следуя почти по тому же пути, по которому, четырнадцатью столетиями раньше, шел Александр. Осада Антиохии задержала их на целый год, а в июне 1099 г. они окружили Иерусалим, который и был ими взят после месячной осады. Побоище было ужасное. Всадники на конях были обрызганы кровью, наполнявшей улицы. С наступлением ночи 15-го июля крестоносцы пробили себе путь в храм «Гроба Господня» и преодолели сопротивление запершегося там неприятеля; окровавленные, изнеможенные и, «рыдая от избытка радости», они опустились на колени и начали молиться.

Тут же немедленно снова обнаружилась вражда между латинянами и греками. Крестоносцы были слугами латинской церкви, и греческий патриарх Иерусалима чувствовал себя гораздо хуже под властью торжествующих латинян, чем при турках.

Крестоносцы оказались между Византией и турками и в войне с обоими. Византийская империя вернула себе большую часть Малой Азии. Латинским князьям, чтобы они служили буфером между турками и греками, отдали Иерусалим и несколько небольших княжеств в Сирии, из которых одним из самых значительных была Эдесса. Но их власть даже над этими владениями была непрочной, и в 1144 г. Эдесса отошла к мусульманам, что и привело к неудачному второму Крестовому походу. Эдессу вернуть не удалось, но зато Антиохия была спасена от подобной же участи.

В 1169 г. все силы ислама вновь объединились под предводительством курдского авантюриста по имени Саладин, завладевшего Египтом. Он начал проповедовать

священную войну против христиан и в 1187 г. вновь захватил Иерусалим — обстоятельство, вызвавшее третий Крестовый поход. Крестоносцам не удалось взять Иерусалим. Четвертый Крестовый поход (1202–1204) латинской церковью был открыто направлен против Греческой империи. Крестоносцы даже не пытались делать вид, будто идут воевать с турками. Они отправились из Венеции и в 1204 г. штурмовали Константинополь.

Во главе этого предприятия стоял могущественный торговый город Венеция, и большая часть прибрежных земель и островов Византийской империи были аннексированы венецианцами.

В Константинополе был водворен «латинский» император (Балдуин Фландрский), вслед за тем было объявлено, что латинская и греческая церкви воссоединены. Латинские императоры правили в Константинополе с 1204 до 1261 гг., когда греческий мир снова стряхнул с себя римское иго. XII век и начало XIII были эпохой папского владычества, так же, как XI был веком власти сельджукских турок, а X — веком норманнского могущества. Соединение всех христиан под властью папы было тогда ближе к осуществлению, чем когда-либо в предыдущие или последующие времена.

В эту эпоху христиане верили искренно, глубоко, и христианская вера была широко распространена в Европе. Рим, правда, пережил несколько темных, позорных периодов. Трудно найти писателя, который оправдывал бы жизнь пап Иоанна XI и Иоанна XII в X веке. Это были ужасные личности, но основа и дух латинского христи-

анства остались строгими и простыми; большинство низшего духовенства, монахов и монахинь вели примерный и подобающий их сану образ жизни. На глубоком доверии, которое вызывала жизнь таких людей, и держалась власть церкви. В числе великих пап прошлых времен были: Григорий Великий, Григорий I (590–604) и Лев III (795–816), предложивший Карлу Великому стать цезарем и короновавший его против его желания. В конце XI века появился великий религиозно-политический деятель Гильдебранд, окончивший свою жизнь под именем папы Григория VII (1073–1085). Его вторым преемником был Урбан II (1087–1099), бывший папой во время первого крестового похода. Оба они положили основание последовавшему за тем периоду папского могущества, в течение которого папы подчинили себе императоров. От Болгарии до Ирландии, от Норвегии до Сицилии распространялась верховная власть папы. Григорий VII принудил императора Генриха IV прийти к нему в Каноссу с покаянием и ожидать его прощения во власянице, босиком на снегу в течение трех дней и трех ночей во дворе замка. В 1176 г. в Венеции император Фридрих (Фридрих Барбаросса) преклонил колена перед папой Александром III и принес ему присягу в верности.

Могущество церкви в начале XI века опиралось на волю и совесть людей. Ей не удалось сохранить моральный престиж, основу своей власти. В первые десятилетия XIV века стало заметно, что власти пап на деле уже больше не существует. Что же до такой степени разрушило наивное доверие простого народа к церкви, так что он

больше не соглашался сплотиться по ее призыву и служить ее целям?

Первой причиной, несомненно, было накопление церковью огромных богатств. Церковь сама никогда не умирала, а между тем часто случалось, что люди, умиравшие бездетными, завещали ей свои земли. Кающихся грешников побуждали так поступать. Вследствие этого во многих европейских странах четвертая часть всей земли отошла к церкви. Жажда собственности разрастается по мере накопления. Уже в XIII веке повсюду говорилось, что духовенство ведет себя недостойно, все время охотится за деньгами и завещаниями.

Королям и князьям очень не нравилось это отчуждение собственности. Их земли оказывались в руках не феодальной аристократии, способной оказывать военную поддержку, а во владении аббатов, монахов и монахинь. В сущности, эти земли находились под чужеземной властью. Еще до папы Григория VII между сеньорами и папами началась борьба из-за вопроса об «инвеституре», т. е. вопроса о том, кто должен назначать епископов. Там, где это право принадлежало папе, а не королю, последний лишался влияния не только над совестью своих подданных, но и терял власть над значительной долей своих доходов, ибо духовенство требовало еще освобождения от налогов. Оно уплачивало налоги Риму. И, не довольствуясь этим, церковь также настаивала на праве взимать с мирян одну десятую их доходов, сверх всех налогов, уплачиваемых ими правителю.

В истории почти каждой католической страны в XI веке мы находим одно и то же положение: везде происходит борьба между монархом и папой по поводу инвеституру-

ры, причем победа, по большей части, остается за папой. Папа утверждал, что он имеет право отлучать от церкви правителей, освобождать их подданных от присяги и назначать им преемников. Он утверждал, что имеет право наложить «интердикт» на целый народ и что в таких случаях духовенство должно прекратить все свои функции и может только совершать таинства крещения, конфирмации и покаяния. Священники не могли ни отправлять ежедневную службу, ни венчать, ни хоронить умерших. Посредством этих двух орудий папам XII века удавалось смирять самых непокорных князей и устрашать самые беспокойные народы. Это были могучие средства, а могучие средства следует употреблять только в исключительных случаях. Папы, в конце концов, так часто злоупотребляли этими средствами, что они перестали производить впечатление. В течение тридцати лет, в конце XII века, мы находим Шотландию, Францию и Англию поочередно под интердиктом. Папы также не могли противостоять искушению проповедовать Крестовые походы против провинившихся князей и, наконец, добились того, что угас самый дух Крестовых походов.

Если бы римская церковь боролась исключительно с князьями и старалась сохранить свое влияние на общественную совесть, то возможно, что она достигла бы прочной власти над всем христианским миром. Но высокие требования пап отражались в вызывающем поведении духовенства. До XI века римские священники имели право вступать в брак; они были тесно связаны с народом, среди которого жили; они, по сути говоря,

были частью этого народа. Григорий VII ввел безбрачие; он отдалил духовенство от мирян, чтобы теснее связать их с Римом, но, на самом деле, открыл пропасть между церковью и обществом. У церкви были свои особые суды. Дела, касавшиеся не только священников и монахов, но и студентов, крестоносцев, вдов, сирот, инвалидов, были подсудны духовным судам. Также им были подсудны все вопросы, касавшиеся завещаний, браков, клятв, все случаи колдовства, ереси и богохульства. Когда мирянин вступал в тяжбу со священником, ему приходилось иметь дело с духовным судом. Все тяготы, как мирного, так и военного времени, ложились бременем только на его плечи, духовенство же было от них освобождено. Неудивительно, что среди мирян выросла зависть и ненависть к духовенству.

Рим, по-видимому, никогда не сознавал, что его власть зависит от признания народных масс. Он боролся против религиозного энтузиазма, который мог быть его лучшим союзником, и силой навязывал догматическую правоверность искренне сомневавшимся и заблуждавшимся. Когда церковь вмешивалась в вопросы морали, простолюдин шел за ней, но когда речь шла о догматах, он не соглашался следовать за ней. Когда на юге Франции Вальдо учил о возвращении к простоте Христовой, как в верованиях, так и в жизни, Иннокентий III стал призывать к Крестовому походу против последователей Вальдо, так называемых вальденсов, и допустил их истребление огнем, мечом, разбоем и самыми чудовищными жестокостями. Когда же св. Франциск Ассизский (1181–1226) стал проповедовать подражание Христу и жизнь в бедности и труде,

его последователей, францисканцев, начали преследовать, наказывать плетьми, заключать в тюрьмы и разгонять. В 1318 г. четверо из них были сожжены живыми в Марселе. С другой стороны, орден неистовых правоверных доминиканцев, основанный св. Домиником (1170–1221), нашел сильную поддержку в Иннокентии III, который с его помощью создал организацию (инквизицию), имевшую целью преследование ереси и подавление всякой свободной мысли. Таким образом, церковь своими чрезмерными требованиями, несправедливыми привилегиями и неразумной нетерпимостью разрушила свободную веру простого народа, главный источник своей власти. История ее падения постоянно указывает нам не на равных ей по силе внешних врагов, а на внутреннее ее разложение.

ГЛАВА 9. НЕПОКОРНЫЕ КНЯЗЬЯ И ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

Одно из наиболее слабых мест римской церкви в ее борьбе за достижение главенства над всем христианством — порядок избрания папы.

Если папство действительно хотело осуществить свое явное стремление установить один закон и общий мир для всех христиан, то для него являлась насущной необходимостью сильная, твердая и постоянная власть. В эти великие дни, когда для папства открывались большие возможности, прежде всего, необходимо было, чтобы папами были избраны способные люди в расцвете сил, чтобы каждый из них имел заранее назначенно-

го преемника, с которым он мог бы обсудить политику церкви. Необходимо было, чтобы формы и порядок избрания оставались раз и навсегда ясно установленными, неизменными и неоспоримыми. К сожалению, ничего этого не было достигнуто. Не ясно было даже, кто имел право голоса в деле избрания папы и, в частности, принадлежало ли это право императорам Византийской и Священной Римской империи. Великий государственный деятель папства Гильдебранд (папа Григорий VII, 1073—1085) много сделал для того, чтобы упорядочить выборы. Он дал право голоса одним римским кардиналам и ограничил участие императора в выборах, оставив ему лишь право давать свое согласие, посредством выработанной церковью определенной формулы. Но он не сделал распоряжений относительно назначения преемника, не лишил кардиналов возможности оставлять престол вакантным вследствие несогласия друг с другом, и потому бывали случаи, что он действительно оставался вакантным в течение года и больше.

Последствия недостатка твердых установлений можно проследить через всю историю папства вплоть до XVI века. С самых давних времен бывали случаи спорных выборов, когда двое или большее число претендентов настаивали на своем праве быть папой. Церковь тогда должна была подвергать себя унижению и обращаться к императору или другому постороннему посреднику, чтобы решить спор. Карьера каждого из великих пап заканчивалась вопросительным знаком. С его смертью церковь могла остаться без главы и настолько же бездеятельной, как обезглавленное тело. Или его мог заменить какой-нибудь

прежний соперник, стремившийся только опорочить его и разрушить все, им сделанное. Или же ему мог наследовать расслабленный старик, стоящий на краю могилы.

Эта своеобразная слабая сторона организации папства неизбежно должна была способствовать вмешательству различных германских князей, королей Франции, норманнских и французских королей, правивших Англией. Все они должны были стараться повлиять на выборы и стремиться посадить на трон в Латеранском дворце в Риме человека, который защищал бы их интересы. И чем больше росло значение и могущество папы в делах Европы, тем упорнее становилось это вмешательство. При подобных условиях неудивительно, что многие из пап оказались слабыми и ничтожными людьми. Поразительно то, что среди них все-таки находилось много способных и смелых людей.

Одним из самых сильных и интересных пап этого великого периода был Иннокентий III (1198—1216), которому посчастливилось стать папой в тридцать семь лет. Он и его преемники столкнулись с еще более неординарной личностью, с императором Фридрихом II. «Stupor mundi» — называли его (Удивление мира). Борьба этого монарха с Римом является поворотным пунктом в истории.

В конце концов, Рим победил и прекратил его династию, но он нанес престижу церкви и папы тяжелые раны, которые так и не зажили, в конечном итоге приведя к разложению папства. Фридрих был сыном императора Генриха VI, а матерью его была дочь Роджера I, норманнского короля Сицилии. Четырехлетним ребенком

он унаследовал это королевство. Иннокентий III был назначен его опекуном. Сицилия была еще недавно завоевана норманнами; двор был наполовину восточный и состоял из высокообразованных арабов. Некоторые из них приняли участие в воспитании молодого короля. Они, без сомнения, постарались внушить ему свои взгляды.

На христианство он смотрел с мусульманской точки зрения, а на ислам — с христианской, и печальным результатом этой двойной системы воспитания было убеждение, исключительное в эту эпоху торжества веры, что все религии — обман.

Он свободно выражал свое мнение по этому вопросу. Его ереси и богохульства получили известность.

Когда молодой человек вырос, ему пришлось вступить в конфликт с опекуном. Иннокентий III, в общем, предъявил к своему воспитаннику слишком большие требования. Когда Фридрих получил возможность унаследовать императорскую корону, папа высказал ему свои условия. Фридрих должен был обещать, что он будет беспощадно подавлять ересь в Германии. Кроме того, он должен был отказаться от короны Сицилии и Южной Италии, ибо иначе он оказался бы чересчур могущественным для папы. Кроме того, германское духовенство должно было быть освобождено от всех налогов. Фридрих согласился, отнюдь не намереваясь сдержать свое слово. Папа уже побудил французского короля пойти войной на своих подданных во Франции, затеять жестокий, кровавый крестовый поход против вальденсов. Он хотел, чтобы Фридрих проделал то же са-

мое в Германии. Но Фридрих, гораздо более серьезный еретик, чем кто-либо из наивных пиетистов, навлекших на себя вражду папы, не чувствовал в себе призвания сделаться крестоносцем. Когда Иннокентий призывал его пойти Крестовым походом против мусульман и освободить Иерусалим, он также быстро согласился, но опять начал медлить с исполнением обещания.

Обеспечив себя императорской короной, Фридрих II остался в Сицилии, которая, как резиденция, нравилась ему гораздо больше Германии, и ничего не сделал, чтобы исполнить хоть одно из обещаний, данных им Иннокентию III. В 1216 г. папа умер, потерпев полное поражение.

Гонорий III, преемник Иннокентия, также ничего не добился от Фридриха, и Григорий IX (1227) взошел на папский престол с явным намерением во что бы то ни стало свести счеты с молодым императором. Он отлучил его от церкви. Фридрих II был лишен всех утешений религии. Среди полуарабского двора Сицилии это наказание произвело, однако, удивительно мало впечатления. Тогда же папа обратился публично с письмом к императору, перечисляя все его пороки (вполне несомненные), его ереси и все его недостойное поведение. На это Фридрих ответил посланием, в котором сказалась чисто дьявольская хитрость. В нем он обращался к правителям всех стран Европы, впервые ясно указав на выход из создавшихся отношений между папой и князьями. Он сделал жестокий выпад против явно честолюбивого стремления папы стать самодержавным властителем всей Европы. Он предложил основать

союз всех правителей против этой узурпации власти. Он направил внимание монархов, в особенности, на богатства церкви.

Выпустив эту смертоносную стрелу, Фридрих решил выполнить обещание, данное им двенадцать лет тому назад, и отправиться в Крестовый поход. Это был шестой Крестовый поход (1228). Как поход, он носил характер фарса. Фридрих II отправился в Египет, где встретился с султаном и обсуждал с ним разные дела. Эти два господина, оба большие скептики, вполне сошлись во взглядах и заключили торговый договор к обоюдной выгоде, причем султан согласился передать Фридриху Иерусалим. Это был, действительно, Крестовый поход совершенно нового типа, Крестовый поход по частному договору. Теперь победители уже не были залиты кровью неверных, они не «плакали от избытка радости». Так как этот изумительный крестоносец был отлучен от церкви, то ему пришлось удовлетвориться чисто светским обрядом коронования, когда он вступил на Иерусалимский престол; ему пришлось собственными руками взять корону с алтаря, так как все представители духовенства обязаны были его сторониться. После этого он вернулся в Италию, прогнал папские войска, занявшие его владения, обратно на их территорию и принудил папу снять с него отлучение.

Вот как поступали в XIII веке императоры с папами! И при этом не поднялась буря народного возмущения, чтобы отомстить за папу; настали другие времена.

В 1239 г. Григорий IX возобновил свою борьбу с Фридрихом, вторично отлучив его от церкви. Снова начались

публичные обличения, от которых папство уже однажды так серьезно пострадало. Борьба возобновилась после смерти Григория IX, при папе Иннокентии IV. Фридрих снова написал против церкви уничтожающее послание, которое не могло не остаться в памяти людей. Он обвинял духовенство в гордости и неверии, приписывал всю развращенность эпохи его заносчивости и богатству. Он предложил всем монархам произвести всеобщую конфискацию церковного имущества ради блага самой же церкви. Эту идею монархи Европы навсегда сохранили в уме.

Мы не будем здесь говорить о последних годах его жизни. Отдельные случаи из нее гораздо менее показательны, чем общий ее дух. Возможно, удастся составить себе некоторое понятие о жизни при его дворе в Сицилии. Он жил роскошно, любил красивые вещи. Утверждают, что он был развратен. Но вместе с тем он, несомненно, обладал большой любознательностью и пытливым, деятельным умом. Он привлек к своему двору еврейских и мусульманских философов наряду с христианскими, очень много сделав для того, чтобы сарацинское влияние проникло в мышление итальянцев. Благодаря ему, христианских студентов ознакомили с арабскими цифрами и алгеброй. При его дворе, среди других философов, находился Михаил Скотт, который перевел часть сочинений Аристотеля и комментарии к ним знаменитого арабского философа Аверроеса из Кордовы.

В 1224 г. Фридрих основал в Неаполе университет. Кроме того, он расширил и обогатил знаменитую ме-

дицинскую школу при Салернском университете. Он также создал зоологический сад. Он оставил книгу о соколиной охоте, в содержании которой отразилась острая наблюдательность по отношению к жизни птиц, он был одним из первых итальянцев, писавших итальянские стихи. Итальянская поэзия действительно зародилась при его дворе. Талантливый писатель назвал его «первым человеком нового времени», и это название отлично характеризует его беспристрастное свободомыслие.

Еще более резкие признаки упадка жизненности и силы сопротивления папства проявились, когда папы, некоторое время спустя, вступили в борьбу с французскими королями, могущество которых постепенно возрастало. При жизни императора Фридриха II Германия стала распадаться, и французский король начал играть роль охранителя, защитника и соперника папы, которая до тех пор принадлежала императорам из династии Гогенштауфенов.

Целый ряд пап следовали политике поддержки французских монархов. На троны Сицилии и Неаполя, при поддержке и одобрении Рима, были возведены французы. Перед французскими королями открывалась даже возможность восстановить и подчинить себе империю Карла Великого. Однако, когда в Германии окончилось междуцарствие, последовавшее за смертью Фридриха II, последнего из Гогенштауфенов, и Рудольф Габсбургский был избран императором (1273), Рим начал колебаться между Францией и Германией, меняя свою политику соответственно симпатиям каждого нового папы. На Вос-

токе греки в 1261 г. снова отобрали Константинополь у латинских императоров, и основатель новой греческой династии, Михаил VIII Палеолог, после нескольких неискренних попыток примирения с папой, окончательно порвал все сношения с Римом, вследствие чего, а также благодаря падению латинских королевств в Азии, власти папы на Востоке пришел конец.

В 1294 г. папой стал Бонифаций VIII. Это был итальянец, враждебный французам, исполненный сознания великих традиций и миссии Рима. Некоторое время он держался крайне гордо и заносчиво. В 1300 г. он праздновал юбилей, и в Рим стеклось громадное количество пилигримов. «Приток денег в папскую сокровищницу был так велик, что двое помощников были приставлены со скребками, чтобы собирать подношения, сложенные у гроба св. Петра». Но это празднество было обманчивым торжеством. Бонифаций вступил в борьбу с французским королем в 1302 г., а в 1303 г., когда он собирался вынести этому монарху приговор отлучения от церкви, он сам был захвачен врасплох и арестован Гильомом де Ногаре в своем собственном родовом замке в Ананьи.

Этот вассал французского короля силой ворвался во дворец, пробил себе дорогу в спальню перепуганного папы — он лежал в кровати с крестом в руках — и начал осыпать его угрозами и оскорблениями. Через день или два папа был освобожден городскими жителями и вернулся в Рим; но здесь его снова захватила и подвергла заключению семья Орсини, и потрясенный и разочарованный старик умер спустя несколько недель в плену у Орсини.

Жителей Ананьи возмутило оскорбление, нанесенное французами, и они восстали против Ногаре, чтобы освободить Бонифация, но не нужно забывать, что Ананьи был родиной папы. Следует отметить важный факт: французский король, грубо обошедшийся с главой христианства, действовал при полном одобрении своего народа. Он созвал Генеральные штаты (аристократию, духовенство и третье сословие) и добился их согласия, прежде чем приступил к крайним мерам. Ни в Италии, ни в Германии, ни в Англии не произошло никаких народных манифестаций против этого бесцеремонного обращения с главой католической церкви. Идея вселенского христианства давно разрушалась и, наконец, потеряла власть над человеческими душами.

В течение всего XIV века папство ничего не предпринимало, чтобы вернуть свое духовное влияние.

Следующим папой был Климент V, француз, избранный по желанию французского короля Филиппа. Он так и не появился в Риме.

Он перенес свою резиденцию в город Авиньон, который в то время принадлежал не Франции, а папскому престолу, хотя и находился на французской территории, и здесь его преемники оставались до 1377 г., когда папа Григорий XI вернулся в Ватиканский дворец в Риме. Но Григорий XI не мог привлечь к себе симпатий всего духовенства. Многие кардиналы были французского происхождения, привычки и связи тесно привязывали их к Авиньону. Когда в 1378 г. скончался Григорий XI и был избран итальянец, Урбан VI, эти недовольные кардиналы объявили выборы недей-

ствительными и избрали другого папу — антипапу — Климента VII. Этот раскол получил название великого раскола. Папы оставались в Риме, и все антифранцузские державы, император, Англия, Венгрия, Польша и вся Северная Европа остались верны им. Антипапы, со своей стороны, продолжали жить в Авиньоне, причем их поддерживали король Франции, его союзник шотландский король, короли Испании, Португалии и различные германские князья. Каждый папа отлучал от церкви и проклинал приверженцев своего соперника (1378–1417).

Можно ли после этого удивляться, что во всей Европе люди начали самостоятельно мыслить в вопросах религии?

Начинания францисканцев и доминиканцев, отмеченные нами в предыдущих главах, были только двумя очередными движениями среди многих других, возникавших в христианском мире с целью поддержать или расшатать церковь. Эти два ордена церковь сумела ассимилировать и использовать, не без некоторого насилия по отношению к первому. Но были и другие организации, явно более непокорные и критически настроенные. Ста пятьюдесятью годами позже появился Виклиф (1320–1384). Это был ученый доктор из Оксфорда. На склоне лет он стал известен рядом критических выступлений против развращенности духовенства и безрассудства церковной политики. Вокруг него объединилось некоторое количество бедных священников, виклифцев, для распространения его идей в Англии; и для того, чтобы люди могли рассудить его с церковью,

он перевел Библию на английский язык. Он был человеком более ученым и гораздо более даровитым, чем св. Франциск или св. Доминик. У него были покровители среди высокопоставленных лиц, нашлось много последователей в народе, и, несмотря на то, что Рим громил его и приказал заключить в тюрьму, он умер на свободе.

Но старинный, темный дух, который вел католическую церковь к гибели, не дал его костям успокоиться в гробу. Вследствие постановления собора в Констанце в 1415 г., его останки были вырыты и сожжены. Этот приказ был приведен в исполнение, согласно повелению папы Мартина V, епископом Флемингом в 1428 г. Это кощунство не было поступком отдельного фанатика, оно было официальным актом церкви.

ГЛАВА 10. МОНГОЛЬСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

В XIII веке, в то время как в Европе шла эта странная и, в конце концов, неудачная борьба за объединение всего христианского мира под властью папы, на обширной азиатской арене происходили гораздо более знаменательные события. Тюркское племя, из страны к северу от Китая, неожиданно заняло выдающееся место в мире и одержало ряд побед, подобных которым не знает история.

Это были монголы. В начале XIII века они представляли собой орду кочевых наездников, образом жизни сильно напоминавших своих предшественников, гуннов; они питались, преимущественно, мясом и ко-

быльим молоком и жили в палатках из шкур. Они стряхнули с себя китайское иго и заключили военный союз с другими тюркскими племенами. Их главный лагерь находился в Монголии, в Каракоруме.

В то время Китай находился в состоянии распада. К X столетию великая династия Тан пришла в упадок и, после раздела страны на несколько враждовавших между собой государств, образовались три крупные империи — государство Цзинь на севере, со столицей в Пекине, Сун на юге, со столицей в Нанкине, и в центре — Ся.

В 1214 г. Чингисхан, предводитель монгольского союза, объявил войну империи Цзинь и взял Пекин (1214). Затем он повернул на запад и завоевал Западный Туркестан, Персию, Армению, Индию вплоть до Лахора и Южную Россию до Киева. Он умер властителем обширной империи, простиравшейся от Тихого океана до Днепра.

Его преемник, Угэдей-хан, продолжал его изумительные завоевания. Его войска были великолепно организованы; они пользовались новым китайским изобретением, порохом, которым они заряжали небольшие полевые орудия. Он завершил покорение империи Цзинь, потом провел свои войска прямо через Азию, в Россию; это был удивительный поход. Киев был разорен в 1240 г., и почти вся Русь подпала под власть монголов. Польша была опустошена. Смешанная армия поляков и немцев была уничтожена в битве при Лигнице, в Нижней Силезии, в 1241 г. Император Фридрих II, по-видимому, не приложил больших усилий, чтобы остановить надвигающийся поток.

Чингисхан — основатель и великий хан Монгольской империи

«Лишь недавно, — говорит Бэри в своих заметках к "Упадку и разрушению Римской империи" Гиббона, — европейские историки начали понимать, что успехи монгольской армии, наводнившей Польшу и занявшей Венгрию весной 1241 г. после Р. Х., были достигнуты благодаря вполне разработанному стратегическому плану, а не зависели исключительно от подавляющего превосходства сил. Но это обстоятельство еще не стало общеизвестным. До сих пор преобладает ходячее мнение, представляющее татар в виде дикой орды, сметавшей все на своем пути лишь благодаря своей числен-

ности и мчавшейся по Восточной Европе без стратегического плана, натыкаясь на препятствия и опрокидывая их своей тяжестью...».

«Поразительно, до чего точно и удачно был выполнен весь план посредством операций, проведенных на пространствах от Нижней Вислы до Трансильвании. Такая кампания совершенно не была под силу ни одной из европейских армий того времени; она выходила за пределы кругозора европейских военачальников. Во всей Европе не нашлось полководца, который не оказался бы новичком в стратегии по сравнению с Субудаем. Надо также заметить, что монголы затеяли это предприятие с полным знанием политического положения Венгрии и условий, в которых находилась Польша; они постарались получить об этом сведения путем хорошо организованной системы шпионажа. С другой стороны, венгры и прочие христианские державы, подобно не вышедшим из детства варварам, ничего не знали о своих врагах...».

Но хотя монголы и одержали победу при Лигнице, они не стали продолжать движение на запад. Они очутились бы в лесистых и холмистых местностях, неудобных для применения их тактических приемов, поэтому они повернули на юг и предпочли расположиться в Венгрии, убивая или ассимилируя родственных мадьяр так же, как последние прежде истребляли и ассимилировали смешанные племена скифов, аваров и гуннов. Из Венгерской равнины они, вероятно, стали бы совершать набеги на запад и на юг, как это делали в IX веке венгры, в VII и VIII — авары, а в V — гунны. Но Угэдей внезапно скончался, и в 1242 г.

произошли смуты из-за престолонаследования. Отозванные этим обстоятельством, непобежденные монгольские войска потекли обратно на восток через Венгрию и Румынию. После этого внимание монголов сосредоточилось на азиатских завоеваниях.

В середине XIII века они покорили империю Сун. В 1251 г. Мункэ-хан наследовал Угэдей-хану в звании Великого Хана и назначил своего брата, Хубилай-хана, правителем Китая. В 1280 г. Хубилай-хан был официально провозглашен китайским императором и основал таким образом династию Юань, продержавшуюся до 1368 г. Пока в Китае разрушались последние остатки власти династии Сун, другой брат Мункэ, Хулагу, покорял Персию и Сирию.

Монголы в то время яростно ненавидели ислам и не только истребили население Багдада, когда захватили этот город, но принялись за разрушение оросительной системы, существовавшей с незапамятных времен и поддерживавшей благосостояние и численность населения Месопотамии, начиная со времен шумеров. С тех пор и до нашего времени Месопотамия представляет собой усеянную развалинами пустыню, способную прокормить лишь весьма скудное население. В Египет монголы так и не проникли; египетский султан нанес в 1260 г. армии Хулагу решительное поражение в Палестине.

После этого разгрома поток монгольских завоеваний пошел на убыль. Владения Великого Хана распались на множество отдельных государств. Восточные монголы сделались буддистами, как китайцы. Западные монголы приняли магометанство.

Китайцы скинули с себя иго династии Юань в 1368 г. и возвели на престол национальную династию Мин, процветавшую с 1368 до 1644 гг. Русские оставались данниками татарской орды, поселившейся в юго-восточных степях, вплоть до 1480 г., когда великий князь московский отказался от этой зависимости и положил основание современной России.

В XIV веке при Тамерлане (Тимуре), потомке Чингисхана, произошло мимолетное возрождение монгольского могущества. Он обосновался в Западном Туркестане, присвоил себе титул Великого Хана и распространил свои завоевания от Сирии до Дели. Он был самым диким и разрушительным из всех завоевателей-монголов. Он основал царство ужаса, распавшееся тотчас после его смерти. В 1505 г. потомок этого Тимура, искатель приключений по имени Бабур, собрал войско и пушки и ворвался на равнины Индии. Его внук, Акбар (1556–1605), завершил его завоевания, и его монгольская (или могольская, как ее называли арабы) династия управляла из Дели большей частью Индии вплоть до XVIII века. Одним из последствий первых обширных завоеваний монголов в XIII веке было продвижение одного из тюркских племен — оттоманских турок — из Туркестана в Малую Азию. Они расширили и укрепили свою власть в Малой Азии, переплыли Дарданеллы и завоевали Македонию, Сербию и Болгарию, так что Константинополь, в конце концов, остался, как островок среди оттоманских владений. В 1453 г. оттоманский султан Магомет II завоевал Константинополь, напав на него с европейской стороны и направив на

него множество пушек. Это событие вызвало громадное возбуждение в Европе, заходила даже речь о Крестовом походе, но время Крестовых походов уже миновало.

В течение XVI столетия султаны Оттоманской империи завоевали Багдад, Венгрию, Египет и большую часть Северной Африки. Благодаря своему флоту, они стали господствовать на Средиземном море. Они чуть было не взяли Вену и потребовали дань от императора. Только два события возместили общую убыль могущества христиан в XV веке. Это было, во-первых, восстановление независимости Московского государства (1480) и, во-вторых, постепенное завоевание Испании христианами. В 1492 г. Гренада, последнее мусульманское владение на полуострове, досталась королю Фердинанду Арагонскому и его супруге, королеве Изабелле Кастильской.

Но лишь в 1571 г. морская битва при Лепанто сломила гордость оттоманов и вернула христианам преобладание на Средиземном море.

ГЛАВА 11. ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

В течение XII века появилось множество признаков, указывающих на то, что человеческая мысль в Европе становится смелее и свободнее. Заметно стремление продолжать работу, начатую учеными Древней Греции, и проявляется новый интерес к размышлениям в духе итальянца Лукреция, автора трактата «О природе вещей».

Это возрождение объяснялось множеством сложных причин. Прекращение частных, феодальных войн, улучшение условий жизни и большая безопасность, наступившие после крестовых походов, толчок, данный человеческому уму впечатлениями, вынесенными из этих походов, несомненно, подготовили для этого почву. Возрождалась торговля, в городах вновь росло благосостояние жителей, они почувствовали себя в безопасности. Повышался уровень образования духовенства, и знания распространялись среди мирян.

XIII и XIV века были периодом роста вольных или полунезависимых городов, как, например, Венеции, Флоренции, Генуи, Лиссабона, Парижа, Брюгге, Лондона, Антверпена, Гамбурга, Нюрнберга, Новгорода, Висби и Бергена. Все это были торговые города, жители их много путешествовали, а когда люди занимаются торговлей и путешествуют, им приходится говорить и думать. Полемика между папами и светскими властителями, явное зверство и жестокость в преследованиях еретиков побуждали людей сомневаться в авторитете церкви, задумываться над основными жизненными вопросами и подвергать их пересмотру. Мы видели, как при посредстве арабов сочинения Аристотеля вновь стали достоянием Европы и как Фридрих II сыграл роль проводника, с помощью которого арабская философия и наука повлияли на возрождающуюся европейскую мысль. Еще большее влияние на движение человеческих идей оказывали евреи. Самое их существование являлось вопросительным знаком по отношению к притязаниям церкви. И, наконец, полные таинственности

и притягательности опыты алхимиков получили широкое распространение и побуждали людей возобновить занятия экспериментальной наукой. Занятия эти, правда, были сначала кратковременны и бессистемны, но все же они давали известные результаты.

И это новое движение человеческой мысли отнюдь не ограничивалось обеспеченными и образованными классами. В этот период ум простолюдина работал, как никогда еще в истории человечества. Несмотря на влияние духовенства и на преследования, христианство, по-видимому, вносило элементы духовного брожения повсюду, куда проникало его учение. Оно устанавливало прямую связь между личной человеческой совестью и богом справедливости, так что теперь, в случае надобности, у человека появлялась смелость составить собственное мнение относительно своего государя, или высшего духовенства, или даже догмата веры. Уже в XI столетии в Европе возродились философские диспуты; в Париже, Оксфорде, Болонье и других центрах появились крупные университеты, которые постепенно расширялись. Там средневековые схоластики снова подняли и стали разбирать ряд вопросов о ценности и значении слов; это было нужной предварительной работой для установления ясности мышления, столь необходимого в течение последовавшей затем эпохи развития науки. Среди всех этих схоластиков стоит особняком, в силу своего исключительного гения, Роджер Бэкон (прибл. от 1210 до 1293), францисканец из Оксфорда, отец современной экспериментальной науки. Его имя заслуживает выда-

ющегося места в истории, уступая в этом отношении одному Аристотелю.

Его сочинения являются сплошной длинной тирадой против невежества. Он сказал своей эпохе, что она невежественна, — невероятно смелый поступок в те времена. В наши дни человек может, не подвергаясь физической опасности, сказать человечеству, что его глупость равняется его самомнению, что все его методы — детски-неуклюжи, а все его догмы — младенческая игра мысли. Но в Средние века люди, как только им давали немного вздохнуть от массовых избиений, от голода и чумы, были страстно убеждены в разумности, совершенстве и окончательной истинности своих верований, а всякую критику считали тяжким оскорблением. Сочинения Роджера Бэкона являются словно лучом света в глубоком мраке. К нападкам на невежество своей эпохи он присоединил множество указаний, каким путем можно увеличить знание. В страстной настойчивости, с которой он много раз говорит о необходимости опыта и накопления знаний, чувствуется возродившийся дух Аристотеля.

«Опыт, опыт!» — вот лейтмотив сочинений Роджера Бэкона.

Но Бэкон отрекся и от самого Аристотеля. Он отрекся от него, потому что люди, вместо того, чтобы смело обращаться к фактам, сидели взаперти и корпели над плохими латинскими переводами Аристотеля, по которым в те времена только и можно было познакомиться с сочинениями великого учителя. «Если бы я мог поступить по-своему, — писал Бэкон, как всегда, несдержанно, —

я сжег бы все книги Аристотеля, так как изучение их может только привести к потере времени, вызвать заблуждение и увеличить невежество». Аристотель, вероятно, разделил бы это чувство, если бы мог вернуться в мир, где его произведения не столько читались, сколько обожествлялись, да к тому же, как указал Роджер Бэкон, в отвратительных переводах.

Во всех своих сочинениях Роджер Бэкон взывал (правда, в несколько скрытой форме, в силу необходимости притворяться правоверным, во избежание тюрьмы или чего-нибудь более худшего) ко всему человечеству: «Перестаньте подчиняться догматам и авторитетам, научитесь глядеть на мир!» Он указал на четыре главных источника невежества: преклонение перед авторитетом, обычай, стадность невежественной толпы и нашу тщеславную гордость, не поддающуюся обучению. Стоит лишь победить их, и людям откроется целый мир могущества.

«Возможны аппараты для навигации без гребцов, даже большие суда, речные или океанские, которые будут двигаться быстрее, управляемые одним человеком, чем если бы они были полны людьми. Также можно создать повозки без живой тяги, которые будут двигаться, подобно снабженным лезвиями колесницам, на которых сражались в древности. Возможны также летательные машины, посередине которых будет сидеть человек, вращая какой-нибудь винт, вследствие чего искусственные крылья будут рассекать воздух наподобие летающей птицы».

Так писал Роджер Бэкон, но три столетия должны были пройти, прежде чем люди приступили к систематиче-

ским попыткам по исследованию скрытых источников силы, присутствие которых он так ясно различал под тусклой поверхностью человеческой жизни.

Но христианский мир обязан арабам не только толчком, который дали его умственной деятельности работы арабских философов и алхимиков; он обязан им также и знакомством с бумагой. Можно без преувеличения сказать, что духовное возрождение Европы сделала возможным бумага. Бумага была изобретена в Китае, где она вошла в употребление, вероятно, во II столетии до Р. Х. В 751 г. китайцы напали на арабских мусульман в Самарканде; они были отбиты, но среди захваченных пленников оказались несколько искусных мастеров бумажного дела; арабы переняли от них это искусство. Сохранились до сих пор арабские бумажные рукописи IX века. Умение выделывать бумагу проникло в христианский мир или через Грецию, или благодаря захвату у мавров бумажных фабрик во время освобождения Испании от мавританского владычества. Но испанские христиане не смогли поддерживать работу этих фабрик, и производство бумаги практически прекратилось. Хорошая бумага стала изготавливаться в христианской Европе не раньше конца XIII века; тогда во главе этого дела стояла Италия. Это производство дошло до Германии только в XIV веке, но лишь к концу этого столетия настолько разрослось и удешевилось, что печатание книг сделалось выгодным предприятием. Вслед за этим, в силу естественной необходимости, стало развиваться книгопечатание, так как оно отвечало самым очевидным нуждам. И духовная жизнь человечества вошла в новую, гораздо более яркую

фазу своего развития. Из маленькой струйки, просачивавшейся из одного ума в другой, она превратилась в широкий поток, в который вливались тысячи, а вскоре и десятки и сотни тысяч умов.

Одним из ближайших последствий развития книгопечатания было появление громадного количества Библий. Другим — удешевление учебников, и грамотность стала быстро распространяться. Но как только значительно увеличилось количество книг в мире, то и шрифт их стал яснее, и потому их легче стало понимать. Теперь уже не приходилось сначала разбирать непонятный шрифт, а потом задумываться над значением текста; читатели могли беспрепятственно усваивать смысл его во время самого процесса чтения. С упрощением чтения возросло и количество читающей публики. Книга перестала быть богато разукрашенной игрушкой или достоянием ученого. Начали писать книги, которыми обыкновенные смертные могли не только любоваться, но которые они могли также читать. Стали писать обыденным языком, а не по-латыни. С XIV века начинается настоящая история европейской литературы.

До сих пор мы касались участия в умственном возрождении Европы только арабов. Обратимся теперь к влиянию монгольских завоеваний. В течение некоторого времени, в пору владычества великого хана, между Азией и Западной Европой установилось свободное сообщение; все дороги были временно открыты, и при дворе в Каракоруме стали появляться представители всех народов. Преграды, которые поставила между Европой и Азией религиозная борьба христианства с исламом, рушились.

Папы начали питать большие надежды на обращение монголов в христианство. Единственной религией монголов было до тех пор шаманство, весьма примитивная форма язычества. Папские послы, буддистские монахи из Индии, парижские, итальянские и китайские ремесленники, византийские и армянские купцы сталкивались при монгольском дворе с арабскими чиновниками и персидскими и индийскими астрономами и математиками. История слишком много повествует о войнах и жестокостях монголов и совершенно умалчивает об их любознательности и интересе к науке. Если не в качестве творческого народа, то, во всяком случае, в роли посредников по передаче знания и методов, они оказали на мировую историю сильное влияние. И все, что можно уловить в туманных и романтических образах Чингисхана и Хубилая, подтверждает впечатление, что это были монархи, одаренные не меньшим пониманием и творческой способностью, чем блестящая, но эгоистическая личность Александра Великого, или чем этот, пытавшийся воскресить политических призраков, — энергичный, но малограмотный богослов Карл Великий.

Одним из самых интересных посетителей монгольского двора был некий венецианец Марко Поло, описавший впоследствии свою жизнь. Он отправился в Китай около 1272 г. вместе с отцом и дядей, совершившими уже один раз это путешествие. Старшие Поло произвели сильное впечатление на Великого Хана; это были первые люди из «латинского» племени, виденные им; он отослал их обратно, чтобы навести справки об учителях и ученых, которые взялись бы растолковать ему христианскую веру,

а также множество других явлений из европейской жизни, возбудивших его любопытство. Их путешествие с Марко было уже вторым.

Трое Поло направили свой путь через Палестину, а не через Крым, как при первой экспедиции. У них был золотой ярлык и другие знаки от Великого Хана, вероятно, значительно облегчившие их путешествие. Великий Хан просил их привезти ему масла из лампады, горевшей у святого гроба в Иерусалиме, поэтому они, прежде всего, направились туда, а потом через Киликию в Армению. Они забрались так далеко на север потому, что египетский султан в это время вторгся в монгольские владения. Им пришлось таким образом пробираться через Месопотамию в Ормуз, к берегу Персидского залива, словно они собирались плыть дальше морем. В Ормузе они встретились с индийскими купцами. По некоторым причинам они не пустились в плавание, а вместо того повернули на север через Персидскую пустыню, прошли через Балк, перевалили через Памир и добрались до Кашгара; отсюда через Котан и Лобнор они попали в долину Хуанхэ и в Пекин. В Пекине находился Великий Хан, принявший их очень радушно.

Марко в особенности понравился хану: он был молод, умен и, по-видимому, вполне овладел татарским языком. Он занял официальное положение, и его часто посылали с различными поручениями, главным образом, в Юго-западный Китай. Его рассказы о широко раскинувшейся приветливой, цветущей стране, где на всем пути встречались «отличные гостиницы для проезжа-

ющих» и «великолепные виноградники, поля и сады», о «множестве монастырей» буддистских монахов, о фабриках «шелка, парчи и тонкой тафты», о «множестве городов и сел», и так далее, — сначала вызвали недоверие, а затем воспламенили воображение всей Европы. Он рассказал о Бирме, об имеющихся там огромных войсках с сотнями слонов и о том, как отряды этих животных были разбиты монгольскими лучниками, а также о завоевании Пегу монголами. Он упомянул о Японии, причем сильно преувеличил количество золота, имевшееся в этой стране. Марко три года управлял городом Яньчжоу в качестве губернатора. Китайскому населению он, вероятно, казался таким же чужеземцем, каким казался им любой татарин. Возможно, что ему также была дана миссия в Индию. Китайские летописи упоминают о каком-то Поло, причисленном к императорскому совету в 1277 г.; это очень ценное подтверждение правдивости рассказов Поло.

Издание описания путешествий Марко Поло произвело глубокое впечатление на воображение европейцев. В европейской литературе XV века, в особенности в романах, постоянно повторяются различные названия из сочинения Марко Поло.

Двумя столетиями позже в числе читателей «Путешествий Марко Поло» оказался некий генуэзский мореплаватель, Христофор Колумб, у которого зародилась блестящая мысль предпринять кругосветное плавание в Китай, держа все время путь на запад. В Севилье имеется экземпляр «Путешествий Марко Поло» с отметками на полях, сделанными Колумбом. Существовало множе-

ство причин, в силу которых мысль генуэзца могла работать в этом направлении. До взятия турками в 1453 г. Константинополь был нейтральным торговым городом, служившим местом встреч Запада с Востоком; всех людей, к какому бы народу они ни принадлежали, встречали одинаково радушно, и генуэзцы свободно в нем торговали. Но венецианцы, ярые соперники генуэзцев, были союзниками и помощниками турок против греков, и потому, со времени перехода Константинополя к туркам, там стали взирать на торговлю генуэзцев неблагосклонно. А между тем давно забытое открытие, что Земля имеет форму шара, стало постепенно овладевать человеческими умами. Поэтому мысль достигнуть Китая, держа все время путь на запад, была вполне естественной. Выполнению ее способствовали два обстоятельства: первым было изобретение компаса, благодаря которому мореплаватель мог, не дожидаясь непременно ясной, звездной ночи, определить курс корабля; кроме того, норманнам и каталонцам, генуэзцам и португальцам уже удалось проникнуть в Атлантический океан вплоть до Канарских островов, Мадейры и Азорских островов.
Однако Колумбу пришлось преодолеть много затруднений, прежде чем он нашел корабли для осуществления своей идеи. Он обращался к разным европейским дворам. Наконец, в Гренаде, только что отвоеванной у мавров, он заручился покровительством Фердинанда и Изабеллы и получил возможность отправиться на трех небольших кораблях в плавание по неведомому океану. После двух месяцев и девяти дней плавания он добрался до земли, которую принял за Индию; в действительности же это

был новый материк, о существовании которого не подозревал Старый Свет. Он вернулся в Испанию с золотом, хлопком, неведомыми зверями и птицами и двумя испуганными татуированными индейцами, которых собирался окрестить. Их назвали индейцами, потому что Колумб до конца своих дней считал открытую им землю — Индией. Только несколько лет спустя люди начали понимать, что к доселе известному миру прибавился целый новый материк — Америка.

Успех Колумба дал громадный толчок морским путешествиям. В 1497 г. португальцы приплыли в Индию, обогнув Африку, а в 1515 г. португальские корабли появились на Яве. В 1519 г. Магеллан, португалец, состоявший на испанской службе, с пятью кораблями отплыл из Севильи на запад, причем один из этих кораблей, «Виктория», вернулся в Севилью в 1522 г.: это был первый корабль, совершивший кругосветное путешествие. На борту его находился тридцать один человек. Это были те, кто остался в живых из экипажа в двести восемьдесят человек, отправившихся в путь. Сам Магеллан был убит на Филиппинских островах.

Книги, напечатанные на бумаге, новые понятия о земном шаре, доступном людям на всем его пространстве, новые представления о чужих землях, неведомых доселе зверях, растениях, чужеземных привычках и обычаях, открытия на морях, в небесах и в жизненном обиходе — все это раскрылось перед умственными взорами Европы.

Греческие классики, давно забытые и похороненные, стали поспешно печататься и изучаться. Они воспиты-

вали человеческий ум в духе мечтаний Платона, традиций республиканской свободы и уважения к человеческой личности. Римское владычество впервые водворило в Западной Европе законность и порядок. Латинская церковь восстановила их, но Рим, как языческий, так и католический, ставил организованный порядок выше любознательности и всяких нововведений. Владычество латинского духа приближалось к концу.

Между XIII и XVI веками арийцы в Европе, благодаря влиянию семитов, монголов и вновь открытых греческих классиков, освободились от власти латинской традиции и воспряли, чтобы встать во главе духовного и материального прогресса человечества.

ГЛАВА 12. РЕФОРМА ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВИ

Сама латинская церковь была сильно затронута этим духовным возрождением. Она была расчленена; даже та часть ее, которая сохранилась, подверглась широкому обновлению.

Мы уже говорили о том, как церковь в XI и XII веках достигла почти самодержавной власти над всем христианским миром и как в XIV и XV ее влияние над человеческими умами и в политике начало падать. Мы говорили также о том, как религиозный энтузиазм народа, вначале бывший поддержкой и главной силой церкви, обратился против нее из-за ее высокомерия, преследований и централизации и как коварный скептицизм Фридриха II посеял семена возрастающей непокорности светских властителей. Великий раскол довел религиозный

и политический престиж церкви до самых ничтожных размеров. А теперь ей стали со всех сторон наносить удары различные восставшие против нее философы и реформаторы.

Учение англичанина Виклифа широко распространилось по всей Европе. В 1398 г. ученый чех, Иоанн (Ян) Гус, прочел ряд лекций об учении Виклифа в Пражском университете. Это учение быстро распространилось за пределы образованного класса и вызвало громадный народный энтузиазм.

В 1414–1418 гг. для решения вопроса о великом расколе был созван в Констанце собор из представителей всей католической церкви.

Гус был приглашен на этот собор, причем ему была обещана и дана охранная грамота от императора; однако, несмотря на это, его схватили, судили как еретика и сожгли живым на костре (1415). Но это не только не успокоило чехов, а, наоборот, привело к восстанию гуситов в Богемии, положившему начало целому ряду религиозных войн, ознаменовавших собой начало упадка римской церкви. Папа Мартин V, избранный в Констанце новым главой объединившейся церкви, выступил с проповедью Крестового похода против восставших.

Целых пять Крестовых походов было организовано против этого маленького стойкого народа, но все потерпели неудачу. Все оставшиеся без дела шайки наемников из всех стран Европы были брошены в XVII веке на Богемию, как в XIII веке на вальденсов. Но чехи повели себя иначе, чем вальденсы; они верили в силу вооруженного

сопротивления. Заслышав издали грохот гуситских обозов и идущие с пением войска, крестоносцы бежали с поля битвы, даже не дождавшись боя (битва при Домажлицах, 1431). В 1436 г. новый церковный собор в Базеле заключил соглашение с гуситами, причем были сделаны уступки по многим вопросам, касавшимся обрядов латинской церкви.

В XV столетии жестокая эпидемия чумы вызвала значительную социальную дезорганизацию по всей Европе. Народ голодал и испытывал крайнюю нужду. Это вызывало недовольство в массах; в Англии и во Франции крестьяне восставали против помещиков и богачей. После гуситских войн эти крестьянские восстания усилились и в Германии, приняв религиозный характер. На это движение также оказало влияние книгопечатание. В середине XV столетия в Голландии и Рейнской области существовали уже печатни с подвижным шрифтом. Отсюда это искусство перешло в Италию и Англию, где Какстоном была основана книгопечатня в Вестминстере в 1477 г. Немедленным последствием этого усовершенствования было увеличение количества Библий и усиленное распространение их в народе; это способствовало быстрому распространению новых идей. Европа начала читать так много, как еще никогда не читали на свете.

Массы получили возможность питать свой ум новыми, свежими идеями. Широкое распространение сведений и знаний произошло как раз в то время, когда церковь была охвачена смутой и расколом и не могла успешно защищаться. Тогда многие европейские

государи искали только случая, чтобы вырвать у нее огромные богатства, на которые она накладывала руку в их владениях.

В Германии все, кто хотел обновления церковных устоев и был враждебен церкви, сгруппировались вокруг личности бывшего монаха Мартина Лютера (1483–1546), появившегося в Виттенберге в 1517 г., с предложением провести диспут относительно различных догматов и обрядов ортодоксальной церкви. Сначала он вел эти диспуты на латинском языке, по обычаю схоластиков. Но вскоре воспользовался новейшим орудием — печатным словом — и стал писать на немецком языке, обращаясь к простому народу, вследствие чего его взгляды получили широкое распространение. Была сделана попытка уничтожить его, как Гуса, но печать изменила условия жизни, и у него было слишком много явных и тайных друзей среди германских князей; благодаря этому он избег судьбы Гуса.

Дело в том, что в этот период развития мысли и ослабления веры многие правители считали для себя выгодным порвать нити, связывавшие их народы с Римом. Они стремились ввести у себя религии национального характера, главой которых они могли бы стать сами. Англия, Шотландия, Швеция, Норвегия, Дания, Северная Германия и Богемия, одна за другой, отделились от Римской церкви и так и не вернулись с тех пор в ее лоно.

Все эти государи, о которых идет теперь речь, очень мало заботились о нравственности и освобождении умов подвластных им народов. Они воспользовались религиозными сомнениями и возмущениями своих

подданных для того, чтобы самим усилиться за счет Рима; но они постарались накинуть узду на народное движение, как только завершился раскол и образовалась национальная церковь, возглавляемая государем. В учении Христа всегда была особая жизненная сила, прямой призыв к правде и человеческому достоинству, вследствие чего оно всегда одерживало верх над верноподданическими чувствами и над всяким подчинением, духовного или светского характера. Ни одной из этих государственных церквей не удалось порвать с Римом без того, чтобы от нее самой не откололись различные секты, представители которых не допускали никакого посредника между человеком и Богом — ни папы, ни государя. В Англии и Шотландии образовались несколько сект, твердо державшихся за Библию как за единственную путеводную нить в жизни и вере. Они отвергали учение о государственной церкви. Таковыми в Англии были нонконформисты, сыгравшие большую роль в политической жизни Англии XVII и XVIII столетий. Их нежелание иметь короля главой церкви дошло до того, что они обезглавили Карла I (1649) и в течение одиннадцати счастливых лет Англия была республикой под управлением нонконформистов.

Отход большей части Северной Европы от Римской церкви обыкновенно называется реформацией. Но потрясение и урон, испытанные при этом католической церковью, вызвали глубокие перемены и внутри ее. Церковь была реорганизована, и в ней проснулся новый дух. Одним из выдающихся деятелей этого возрождения был молодой испанский солдат, Иниго Лопес де

Мартин Лютер

Рекальде, более известный миру под именем св. Игнатия Лойолы.

После нескольких приключений, которые могли служить сюжетами для романов, он сделался священником (1538) и получил разрешение основать общество Иисуса; это была прямая попытка использовать благородные рыцарские традиции военной дисциплины для служения религии. Общество Иисуса, члены которого назывались иезуитами, стало одним из самых крупных

проповеднических и миссионерских орденов в мире. Оно насаждало христианство в Индии, Китае и Америке, остановило быстрое разложение Римской церкви и подняло уровень образования во всем католическом мире, повсюду дав толчок католическим умам и пробудив совесть католиков; оно побуждало соперничавшую протестантскую Европу к подобным же улучшениям в области воспитания юношества. Могущественная и воинствующая католическая церковь наших дней в значительной степени является продуктом иезуитской системы обновления.

ГЛАВА 13. ИМПЕРАТОР КАРЛ V

Священная Римская империя достигла своего апогея в царствование императора Карла V. Он был одним из самых замечательных монархов, когда-либо царствовавших в Европе. Одно время могло показаться, что он даже величайший государь из всех после Карла Великого.

Своим величием он не был обязан исключительно себе самому. В значительной степени оно является созданием его деда, императора Максимилиана I (1459–1519). Некоторые роды пробивали себе путь к могуществу войной, другие — интригами. Габсбурги же возвышались благодаря удачным бракам. Максимилиан в начале своей карьеры владел Австрией, Штирией, частью Эльзаса и некоторыми другими областями, исконным наследием Габсбургов; он взял за женой — ее имя не представляет для нас интереса — Нидерланды и Бургундию.

Большая часть Бургундии ускользнула от него после смерти его первой жены, но Нидерланды он удержал за собой. Затем он сделал неудачную попытку заключить брак с Бретанью. От своего отца, Фридриха III, он унаследовал императорскую корону и в 1493 г. приобрел путем брака Миланское герцогство. Наконец, он женил своего сына на слабоумной дочери Фердинанда и Изабеллы, покровителях Колумба, которые царствовали не только над вновь объединенной Испанией, Сардинией и королевством обеих Сицилий, но и над всей Америкой к западу от Бразилии. Таким образом, его внук, Карл V, унаследовал большую часть материка Америки и около трети или половины того, что турки оставили от Европы. В 1506 г. он унаследовал Нидерланды. Когда его дед, Фердинанд, скончался в 1516 г., он фактически стал королем испанских владений, так как его мать была слабоумной, а после смерти его деда Максимилиана, последовавшей в 1519 г., он был избран императором (1520). Ему было в это время всего только двадцать лет.

Это был белокурый юноша с не особенно умным лицом, толстой верхней губой и длинным, неуклюжим подбородком. По восшествии на престол он оказался в среде молодых и энергичных людей. Это был век блестящих молодых монархов. Франциск I унаследовал в 1515 г. французский престол, имея двадцать один год от роду. Генрих VIII стал английским королем в 1509 г., в восемнадцать лет. Это был век, когда в Индии царствовал Бабур (1526–1530), а в Турции — Сулейман Великолепный (1520). Оба они были исключительно даровитыми монархами, а папа Лев X (1513) был также выдающимся

папой. Папа и Франциск I сделали попытку помешать избранию Карла императором, так как боялись слишком большего могущества в руках одного человека. И Франциск I, и Генрих VIII — оба выставили свои кандидатуры на императорский престол. Но уже давно установилась традиция выбирать императоров из дома Габсбургов (1273), и несколько энергичных подкупов обеспечили избрание Карлу.

Сначала этот молодой человек был только великолепной куклой в руках своих министров. Но он постепенно начал проявлять себя и брать управление делами в свои руки. Он начал давать себе отчет в опасностях и осложнениях, являвшихся спутниками его слишком высокого положения. Положение это было столь же непрочно, сколь оно было блестяще.

С самого начала царствования перед Карлом V встал вопрос о положении, создавшемся в стране благодаря проповеди Лютера. У императора была лишь одна причина встать на сторону реформаторов, а именно противодействие, которое оказывал папа его избранию. Но он был воспитан в Испании, наиболее преданной католицизму стране в мире, и он пошел против Лютера. Таким образом, он вступил в конфликт с протестантскими государями, в особенности же с курфюрстом Саксонским. Он оказался перед трещиной, грозившей расколоть обветшалое здание христианской церкви на два враждебных лагеря. Его усиленные попытки перекинуть через эту пропасть мост оказались, несмотря на их искренность, недейственными. В Германии ширилось крестьянское восстание, примешивавшееся к прочим политическим

Медаль с изображением Карла V, выпущенная миланским сенатом

и религиозным волнениям. И эти внутренние неурядицы осложнялись нападениями на империю внешних врагов с востока и запада. На западе находился отважный соперник Карла, Франциск I; на востоке все ближе и ближе надвигались турки, которые уже захватили Венгрию; они заключили союз с Франциском и требовали каких-то недоимок по дани, уплачиваемой им с австрийских владений. В распоряжении Карла были казна и войска Испании, но было чрезвычайно трудно получить серьезную денежную поддержку от Германии. Социальные и политические смуты осложнялись финансовыми затруднениями. Карл был принужден прибегнуть к разорительным займам.

В конце концов, Карл, в союзе с Генрихом VIII, одержал победу над Франциском I и турками. Главным полем сражения была Северная Италия. Вожди обеих сторон действовали вяло, их наступления и отступления зависели главным образом от прибытия подкреплений. Гер-

манская армия вторглась во Францию, но ей не удалось взять Марсель, и она вернулась в Италию, где потеряла Милан и была осаждена в Павии. Франциск I долго, но неудачно, осаждал Павию, был окружен свежими германскими силами, ранен и взят в плен. Но тут против Карла объединились папа и Генрих VIII, уже опасавшиеся, что он достиг чрезмерного могущества. Германские войска в Милане, под предводительством коннетабля Бургундского, не получая жалованья, уже не подчинялись своему вождю, а наоборот, сами заставили его вести их на Рим. Они взяли город приступом и разграбили его (1527). Пока в городе шли грабежи и резня, папа нашел убежище в замке Св. Ангела. В конце концов, он откупился от германского войска, уплатив ему четыреста тысяч дукатов. Десять лет такой разрушительной борьбы разорили всю Европу. В конце концов, император одержал победу в Италии. В 1530 г. папа короновал его в Болонье. Он был последним германским императором, над которым обряд коронования был совершен папой.

Турки, между тем, продвинулись вперед, в Венгрию. Они победили и убили венгерского короля в 1526 г.; Будапешт был в их руках, а в 1529 г. Сулейман Великолепный чуть было не взял Вену. Император был сильно озабочен этим наступлением и сделал все возможное, чтобы отогнать турок назад, но он встретил громадные затруднения в своем стремлении объединить германских князей, даже несмотря на то, что грозный враг стоял уже почти у самых их границ. Франциск I оставался некоторое время непоколебимым, и Карл начал новую войну с Францией.

В 1538 г. Карлу, после того, как он опустошил Южную Францию, удалось склонить своего соперника к более дружественной позиции. Тогда Франциск и Карл заключили союз против турок. Но протестантские и германские князья, решившие порвать всякие отношения с Римом, также создали союз (так называемую Шмалькальденскую лигу) против императора. Вместо того, чтобы начать большую кампанию для возвращения Венгрии под власть христиан, Карлу пришлось обратить свое внимание на внутреннюю борьбу в Германии. Но ему суждено было увидеть лишь начало этой борьбы — войну, которой она началась. Эта борьба — кровожадные, неразумные распри князей из-за верховенства — то разгоралась в настоящую войну, то снова опускалась до интриг и дипломатических ходов. Это был змеиный клубок княжеских козней, которому суждено было неудержимо извиваться вплоть до XIX века, снова и снова опустошая и разоряя Среднюю Европу.

Император, по-видимому, никогда совершенно отчетливо не понимал истинную сущность сил, вызвавших эти надвигавшиеся смуты. Для своего времени и положения это был исключительно благородный человек, по-видимому, считавший, что религиозные распри, раздиравшие Европу на враждующие между собой части, действительно вызваны несогласием в вере. Он созывал съезды и соборы, делая тщетные попытки примирения несогласных.

Прибегали к выработке различных формул и исповеданий веры. Человек, изучающий историю Германии, должен был теперь с трудом разбираться в подробно-

стях религиозного мира, заключенного в Нюрнберге, в постановлениях съезда в Ратисбоне, в параграфах Аугсбургского перемирия и так далее. Здесь мы упоминаем о них, лишь как о подробностях беспокойной жизни этого, достигшего апогея власти, императора. На самом же деле, вряд ли хоть один из многочисленных государей и правителей Европы, затевая эти распри, много думал о Боге. Широко распространившаяся в мире религиозная смута, жажда правды и социальной справедливости у народа, развитие науки — на все эти явления государи смотрели только как на козыри в своей игре. Генрих VIII Английский, начавший свою деятельность изданием сочинения против ереси и награжденный папой титулом «Защитника веры», желая развестись со своей первой женой ради молодой дамы по имени Анна Болейн и также намереваясь захватить обширные церковные богатства в Англии, в 1530 г. последовал примеру других, отошедших от католической веры государей. Швеция, Дания и Норвегия уже раньше перешли на сторону протестантов.

Религиозная война в Германии началась в 1546 г., через несколько месяцев после кончины Мартина Лютера. В подробности этой кампании мы входить не будем. Протестантская саксонская армия потерпела крупное поражение при Лохау. В силу некоторых обстоятельств, весьма похожих на измену, Филипп Гессенский, главный из оставшихся противников императора, был захвачен и предан заключению. От турок откупились обещанием вносить им ежегодную дань. В 1547 г., к большому облегчению для императора, скончался Франциск I. Таким

образом, в 1547 г. Карл добился какого-то соглашения и сделал последние попытки водворить мир там, где мир был невозможен.

В 1552 г. вся Германия вновь была охвачена войной, и только стремительное бегство из Инсбрука спасло Карла от плена. После договора в Пассау настал новый период неустойчивого равновесия...

Таков краткий обзор европейской политики за тридцать два года. Интересно отметить, как сильно были поглощены в это время все умы борьбой за преобладание в Европе. Ни один народ: ни турки, ни французы, ни англичане, ни немцы — не проявили еще никакого политического интереса к огромному материку Америки; никто еще не понимал значения нового морского пути в Азию. А в Америке совершались великие события. Кортес с кучкой людей завоевал для Испании обширное неолитическое государство—Мексику, Писарро перешел через Панамский перешеек (1530) и покорил другую сказочную страну, Перу. Но в ту пору Европа видела только один результат этих событий: выгодный и ожививший торговлю приток серебра в испанскую казну.

Лишь после заключения договора в Пассау начал резко проявляться оригинальный склад ума Карла. Его величие внушало ему теперь лишь скуку и разочарование. Он проникся сознанием нестерпимой суетности всех этих европейских соперничеств. Он никогда не обладал крепким здоровьем, от природы был ленив и сильно страдал от подагры. Поэтому отрекся от престола и передал все свои суверенные права на Германию своему брату Фер-

динанду, а Испанию и Нидерланды уступил своему сыну Филиппу. Затем он, с великолепным жестом презрения, удалился в монастырь Св. Юста, который стоял среди дубовых и ореховых лесов, на холмах к северу от долины Тахо. Здесь он и скончался в 1558 г.

Много писалось в сентиментальном духе об этом уходе, отречении от мира утомленного, величественного титана, уставшего от света, искавшего в строгом уединении примирения с Богом. Но его убежище вовсе не было уединенным, и никакой строгости там не соблюдалось. При Карле было около полутораста человек свиты; во всей обстановке сохранялись роскошь и удобства двора, но без связанных с ним утомительных забот, а Филипп II был почтительным сыном, считающим советы отца приказаниями.

И если Карл потерял живой интерес к европейской политике, то были другие, более волновавшие его вопросы. Прескотт говорит: «Во всей, ведшейся почти ежедневно переписке между Квиксадой или Гастелу и государственным секретарем в Вальядолиде, едва ли найдется письмо, содержание которого не вертелось бы в большей или меньшей степени вокруг кушаний императора или его болезни. Одно, как бы естественно, вытекает из другого и объясняется им. Без сомнения, государственным департаментам не часто приходилось переписываться на подобные темы. Секретарю, вероятно, не легко было сохранять серьезный вид, когда ему приходилось просматривать депеши, где так своеобразно переплетались политика и гастрономия. Курьеру, ездившему из Вальядолида в Лиссабон, было приказано делать каждый раз

крюк, чтобы заезжать в Джарандиллу по пути и привозить оттуда припасы для царского стола. По четвергам он должен был привозить рыбу, которая подавалась в пятницу (постный день). Местную форель Карл находил слишком мелкой, поэтому из Вальядолида должен был присылаться другой сорт, покрупнее. Он любил всякую рыбу, так же, как и все, что по природе своей или по привычкам походило на рыбу. Угри, лягушки, устрицы занимали почетное место в царском меню. Рыбные маринады, в особенности анчоусы, ему чрезвычайно нравились, и он жалел, что не захватил с собой больших запасов из Нидерландов. Он в особенности восторгался паштетом из угря...»

В 1554 г. Карл получил от папы Юлия III буллу, освобождавшую его от соблюдения поста и позволявшую ему есть рано утром, даже перед причастием.

Еда и лечение! Какое возвращение к элементарной жизни! Он никогда не был особенным любителем чтения, но желал, чтобы ему читали вслух за обедом, как Карлу Великому; при этом он делал, по словам одного повествователя, «сладостные и благочестивые комментарии». Он также развлекался механическими игрушками, слушанием музыки, проповедей и занятиями государственными делами, все еще притекавшими к нему. Смерть императрицы, к которой он был сильно привязан, направила его помыслы к религии, вылившейся у него в мелочную и обрядовую формальность. Каждую страстную пятницу он, вместе с прочими монахами, усердно бичевал себя, даже до крови. Благодаря подобным упражнениям, а также страданиям

от подагры, у Карла начал проявляться фанатизм, до того сдерживаемый политическими соображениями. Появление протестантских проповедников в окрестностях Вальядолида вызвало в нем ярость. «Передайте от меня великому инквизитору и его совету, чтобы они твердо стояли на своем посту и в корне уничтожили бы зло, раньше, чем оно успеет разрастись дальше»... Он даже спрашивал, не лучше ли было бы в таком «черном» деле не придерживаться обычной судебной процедуры и не давать пощады, «чтобы прощеный преступник не получил бы возможности вновь согрешить». Он рекомендовал, в виде примера, свой собственный образ действия в Нидерландах, «где упорствовавшие сжигались живыми, а допущенным к покаянию отрубали головы».

Необычайное его пристрастие к похоронам носит какой-то символический характер, если вспомнить, в какую эпоху он жил и какую сыграл в истории роль. Он словно инстинктивно чувствовал, что умерло нечто великое в Европе, настоятельно нуждавшееся в погребении, под чем необходимо было начертать слово «Finis» — срок истек. Он не только присутствовал на всех похоронах в монастыре Св. Юста, но заказывал заупокойные обедни для отсутствовавших покойников и, в конце концов, устроил свои собственные похороны.

«Часовня вся была завешена черным, и пламя сотен восковых свечей было едва достаточным, чтобы рассеять мрак. Братья в своих монашеских одеждах и весь штат императорской прислуги в глубоком трауре собрались вокруг огромного катафалка, также задрапированного

черным и поставленного на возвышении посреди часовни. Было совершено отпевание и, среди скорбных воплей монахов, вознеслись молитвы по отошедшей душе, дабы она была принята в обитель праведников. Опечаленная свита разразилась слезами, живо представив себе смерть своего господина, — или же их, быть может, охватило сострадание — при виде столь жалкого проявления слабости. Карл, закутанный в темный плащ, с зажженной свечой в руке, сам стоял в толпе своих домочадцев, присутствуя на собственных похоронах. Печальная церемония закончилась тем, что он передал свечу в руки священника в знак того, что он предает дух свой всемогущему».

Через два месяца после этой комедии он умер. И с ним вместе умерло кратковременное могущество Священной Римской империи. Его государство уже было разделено между братом и сыном. Священная Римская империя продолжала влачить жалкое существование вплоть до эпохи Наполеона, но лишь как болезненное, отмирающее явление. Однако еще не зарытое в землю воспоминание о ней до сих пор продолжает отравлять политическую атмосферу.

ГЛАВА 14. ВЕК ПОЛИТИЧЕСКИХ ОПЫТОВ, ВЕЛИКОЙ МОНАРХИИ, ПАРЛАМЕНТОВ И РЕСПУБЛИКАНИЗМА В ЕВРОПЕ

Римская церковь раскололась, Священная Римская империя была в полном упадке. История Европы с начала XVI столетия представляет собой историю наро-

дов, нащупывающих во тьме пути к образу правления, более приспособленному к вновь возникающим условиям. В древности, за длинный период времени, бывали перемены династий, перемены правящих рас и господствующих языков, но форма правления — через монарха и церковь — оставалась вполне устойчивой, и еще более устойчив был повседневный быт. Начиная с XVI столетия, перемены династий в Европе не имеют уже большого значения, и интерес истории лежит в широком и увеличивающемся разнообразии опытов политического и социального устройства.

Политическая история мира с XVI столетия была, как сказано, усилием (в значительной степени бессознательным усилием) человечества приспособить свои политические и социальные методы к некоторым, вновь возникшим условиям. Усилия, направленные к этому приспособлению, осложнялись тем, что самые условия менялись с упорной, все увеличивавшейся быстротой. Приспособление, большей частью бессознательное и почти всегда неохотное, так как человек вообще не склонен к добровольной перемене, все более и более отставало от изменений в условиях жизни. Начиная с XVI столетия, дальнейшая история человечества является историей политических и социальных учреждений, которые становятся воочию все менее и менее пригодными, менее и менее удобными и все более стесняющими, — историей медленного и неохотного признания необходимости планомерного и решительного переустройства всей системы человеческих обществ перед лицом нужд и возможностей,

новых с точки зрения всего прежнего жизненного опыта.

Какие же это были перемены в условиях человеческой жизни, нарушившие равновесие между государством, священником, крестьянином и торговцем, равновесие, которое, периодически обновляемое завоеваниями варваров, более ста столетий поддерживало человеческое существование в старом мире в состоянии какого-то рабочего ритма? Они многочисленны и разнообразны, ибо дела людские разнообразны и сложны, но большая часть перемен вращается, по-видимому, вокруг одной основной причины, а именно роста и распространения познания природы вещей. Это знание, зародившись сначала в небольших группах интеллигентных людей, распространяется в первое время медленно, а за последние пятьсот лет очень быстро во все более и более широких кругах населения.

Но большая перемена в условиях человеческого быта произошла также от перемены, которую претерпел руководящий человеком дух. Эта перемена шла рука об руку с ростом и распространением знания и тесно с этим распространением связана. Жизнь, основанная на простых и элементарных потребностях и удовольствиях, все менее удовлетворяла людей, и люди начали искать более близкого отношения к жизни, служения ей и широкого в ней участия. Такова общая характеристика всех религий, распространившихся на земном шаре за последние двадцать с чем-то столетий, — буддизма, христианства и ислама. Им пришлось считаться с духом человека так, как не считались с ним старые религии.

Это силы — совершенно отличные по своей природе и результатам от старых фетишистских религий с кровавыми жертвоприношениями, религий жреца и храма, которые они частью изменили, а частью устранили совсем. Новые религии постепенно развили в человеке чувства самоуважения и ответственности, желание участвовать в общих делах человечества — чувства, не существовавшие у народов прежних цивилизаций.

Первой значительной переменой в условиях политической и социальной жизни в старых цивилизациях было упрощение и расширение употребления письменности, благодаря чему стало возможным и неизбежным образование более крупных государств и более широких политических сношений. Следующим шагом было введение в употребление лошади и, позднее, верблюда, как средств передвижения, затем колесных повозок, распространение дорог и рост военного могущества, вызванный использованием найденного в земле железа. За этим последовало глубокое экономическое потрясение, вызванное, изобретением звонкой монеты и изменениями в юридической природе долга, собственности и торговли, обусловленное этим удобным, но опасным изобретением. Государства увеличивались территориально, и значение их в жизни человека росло, сообразно с этим, росли человеческие идеи. Исчезли местные боги, наступила эпоха теократии и проповедь великих мировых религий. Положены были также начала толкования истории и географии, первого признания человеком своего глубокого невежества и первого систематического шага к поиску знаний.

Процесс развития науки, так блистательно начавшийся в Греции и в Александрии, временно приостановился. Набеги тевтонских варваров, передвижения на запад монгольских племен, судорожное религиозное переустройство, сильные эпидемии чумы наложили оковы на политическое и социальное устройство. Когда цивилизация снова вынырнула из этого фазиса борьбы и разрухи, рабство уже не составляло основы экономической жизни, и первые бумажные фабрики приготовляли нового посредника для взаимного осведомления людей и взаимного их сотрудничества. Постепенно, там и здесь, поиски знания, систематический научный процесс ожили вновь.

И таким образом с XVI столетия начался, как неизбежный побочный продукт систематической мысли, постоянно увеличивающийся рост изобретений и открытий, которые способствовали все большему общению и взаимодействию между людьми. Все эти открытия и изобретения вели к более широкому полю действий, к более значительной взаимной пользе или вреду, к усилению сотрудничества — и они возникали все чаще и чаще.

Людские умы не были подготовлены ни к чему подобному, и до тех пор, пока великие катастрофы в начале XX столетия не оживили человеческих умов, историк не может указать на какую-нибудь разумно задуманную попытку подготовиться к новым условиям, которые создавались этим растущим потоком изобретений. История человечества за последние четыре столетия похожа на историю спящего в тюрьме узника, неловко и с

трудом переворачивающегося, в то время, как тюрьма, в которую он заключен и одновременно дающая ему пристанище, уже загорелась; он не просыпается, но соединяет в тяжелой дреме в одно целое треск и жар от пожара с прежними нелепыми своими сновидениями. Это скорее история такого сони, чем человека, сознательно готового встретить как опасность, так и удобный случай к спасению.

Так как история есть рассказ не об отдельных человеческих жизнях, а о коллективах, понятно, что изобретения, о которых больше всего говорится в исторической летописи, принадлежат к изобретениям, относящимся к облегчению общения. Главные новшества, которые можно отметить в XVI столетии, — это книгопечатание и введение в употребление на океанских парусных судах вновь изобретенного морского компаса. Книги дешевели и, распространяясь, совершенно изменили методы преподавания, методы осведомления общества, споры и толкования, а также основные процессы в политической деятельности. Компас сделал земной шар одним целым. Но почти столь же важно было распространение и усовершенствование пушек и пороха, впервые привезенных с востока в XIII столетии монголами. Это практически уничтожало уверенность баронов в неприступности их укрепленных замков и обнесенных стенами городов. Пушки уничтожили феодализм. Константинополь пал перед пушками. Мексика и Перу пали от страха перед испанскими пушками.

XVII столетие увидело развитие систематической научной печатной литературы — нововведение менее

заметное, чем пушки, но гораздо более по своим последствиям плодотворное. Заметной фигурой среди людей, возглавивших это великое начинание, был сэр Френсис Бэкон, впоследствии лорд Веруламский, лорд-канцлер Англии (1561–1626). Он был учеником и, быть может, выразителем мыслей другого англичанина, доктора Джильберта, экспериментального философа из Кольчестера (1540–1603). Этот второй Бэкон, как и первый, проповедовал наблюдение и опыт. Для выражения своей мечты о великой пользе научных изысканий он прибегнул к вдохновенной и увлекательной форме утопического рассказа «Новая Атлантида».

Вскоре возникло Лондонское королевское общество, Флорентийское общество, а позднее и другие национальные общества для поощрения изысканий, печатания научных трудов и обмена знаниями. Эти европейские научные общества сделались источниками не только бесчисленных изобретений, но также и разрушительной критики нелепой теологической истории мира, которая господствовала в течение многих веков и уродовала человеческую мысль.

Ни в XVII, ни в XVIII веках не появилось других нововведений, так изменивших условия человеческой жизни, как книгопечатание и океанское судоходство, но в течение этих двухсот лет происходило постепенное накопление знаний и научной энергии, которое должно было принести свои плоды в XIX веке. Шло обследование и занесение на карту различных стран земного шара. На карте появились Тасмания, Австралия, Новая Зеландия.

В Великобритании в XVIII веке стали употреблять в металлургии каменный уголь, что привело к значительному удешевлению железа и возможности применения его в более широких пределах, чем прежде, когда его плавили на древесном угле. Стали появляться новые машины — зачатки современных.

Как листья на деревьях небесного града, наука непрерывно и одновременно приносит бутоны, цветы и плоды. С наступлением XIX века начался настоящий сбор плодов, который уже не прекратится. Прежде всего, появились пар и сталь, железные дороги, крупные суда, большие постройки и мосты, машины почти неограниченной силы, возможность щедрого удовлетворения всякой людской потребности, а затем, самое удивительное — скрытые сокровища науки об электричестве открылись перед человеком...

Мы сравнили политическую и социальную жизнь человечества от XVI столетия и далее с жизнью узника, который лежит и спит, пока его тюрьма горит вокруг него. В XVI столетии европейский ум все еще находился под влиянием грез о Священной Римской империи, объединенной под главенством католической церкви. Но как подчас не поддающаяся контролю стихия упорно вносит в наши грезы самые непредсказуемые и разрушительные изменения, так мы видим введенными в эту грезу сонное лицо и ненасытное брюхо императора Карла V, в то время как английский король Генрих VIII и Лютер разрывали единство католицизма в клочья.

В XVII и XVIII столетиях греза спящего обратилась в сторону самодержавия. История почти всей Европы в этот период указывает, с некоторыми изменениями, с одной стороны, на попытки укрепить монархию, сделать неограниченной и распространить ее власть на более слабые соседние страны, а с другой — на твердое сопротивление захватам и вмешательству короны сначала землевладельцев, а затем — по мере расширения иностранной торговли и отечественной промышленности — нарождающихся торгового и капиталистического классов. Полной победы нет ни на одной стороне. В одном месте король одерживает верх, а в другом частный собственник побеждает короля. В одном случае мы видим короля, который делается солнцем и центром своего народа и национального мира, а рядом с его границами мужественный торговый класс учреждает республику. Такая широкая шкала разнообразных форм правления указывает, что в этот период в различных государствах они возникали в результате эксперимента и учитывали местные особенности.

Обычной фигурой в этих национальных драмах является королевский духовник, во всех еще оставшихся католических странах — прелат, который стоит за королем, служит ему и властвует над ним, оказывая ему необходимые услуги.

Здесь, в определенных нам границах, нет возможности подробно описать эти разнообразные национальные драмы. Торговый народ Голландии перешел в протестантизм и учредил республику, сбросив иго Филиппа II Испанского, сына императора Карла V. В Англии Ген-

рих VIII и его министр Уолси, королева Елизавета и ее министр Берлэй подготавливали основание для самодержавия, которое было погублено безрассудством Якова I и Карла I. Карл I был обезглавлен за измену своему народу (1649) — новый поворот политической мысли в Европе. В течение двенадцати лет (до 1660) Британия была республикой, королевская власть была неустойчивой. Ее затмевал парламент до тех пор, пока Георг III (1760–1820) не сделал смелой, отчасти удавшейся попытки вернуть короне первенство. Король Франции был счастливее всех остальных европейских королей в деле устроения монархии. Два великих министра, Ришелье (1585–1642) и Мазарини (1602–1661), подняли королевскую власть в этой стране, чему способствовали долгое царствование и значительные способности короля Людовика XIV, «великого монарха».

Людовик XIV был, действительно, образцом европейского короля. В положенных ему пределах он был замечательным королем. Его честолюбие было сильнее его более низких страстей, и он вел свою страну к банкротству через осложнения, вызванные смелой внешней политикой, со спокойным достоинством, до сих пор вызывающим наше удивление. Его желанием было укрепить и расширить Францию от Рейна до Пиренеев и поглотить испанские Нидерланды. В ближайшем будущем он видел французских королей на троне Карла Великого во вновь восстановленной Священной Римской империи. Подкуп он возвел в систему, считая его средством более действенным, чем война. Карл II Английский был у него на жаловании, так же, как и боль-

шинство польского дворянства, о котором речь будет идти ниже. Его деньги, или, скорее, деньги податного сословия Франции разбрасывались повсюду, но главным его занятием было блистать. Его большой дворец в Версале с залами, коридорами, зеркалами, террасами, фонтанами, парками и аллеями был предметом зависти и удивления всего света.

Ему подражали все. Каждый король и князек в Европе начал строить свой Версаль, причем каждый выходил из своего бюджета настолько, насколько ему это дозволяли подданные и размеры кредита. Дворянство также везде перестраивало и расширяло свои замки по новому образцу. Развилось новое производство — выделка красивых художественных материй и мебели. Всюду процветала художественная роскошь, везде появились статуи, фаянс, позолоченные деревянные и металлические изделия, тисненая кожа, музыкальные произведения, чудная живопись, великолепно напечатанные и переплетенные книги, роскошная посуда, деликатесы, тонкие вина. Среди зеркал и великолепной мебели двигалась странная порода мужчин в высоких напудренных париках, шелках и кружевах, сохранявших равновесие на высоких красных каблуках и опиравшихся на удивительные трости. Еще удивительнее были дамы под башнями напудренных волос, носившие на себе громадное количество шелка и атласа, укрепленного на проволоке. Среди всего этого красовался великий Людовик, солнце своего мира, не подозревавший, что из смрадной темноты, куда не проникал свет его лучей, за ним следили худые, мрачные и озлобленные лица.

В этот период монархий и опытов введения нового образа правления германские народы оставались политически разделенными, и множество герцогских и княжеских дворов в различном масштабе подражали версальскому великолепию. Тридцатилетняя война (1618—1648), опустошительная распря между германцами, шведами и чехами из-за переменчивых политических преимуществ, подкосила силы Германии на целое столетие. Только на карте видны бессмысленные заплаты, явившиеся результатом этой борьбы. На карте Европы после Вестфальского мира (1648) виден хаос княжеств, герцогств, свободных городов и так далее, частью входивших, частью не входивших в состав империи. Шведская рука далеко протянулась в глубь Германии, а Франция, за исключением нескольких земель, вкрапленных, как островки, в территорию империи, все еще была далеко от Рейна. Среди этих лоскутов Прусское королевство — оно стало королевством в 1701 г. — неуклонно возвышалось и провело несколько удачных войн. Прусский король Фридрих Великий (1740—1786) имел свой Версаль в Потсдаме, где при его дворе говорили по-французски, читали по-французски и соперничали в культурности с французским королем.

В 1714 г. курфюрст Ганноверский сделался королем Англии, прибавив к числу государств, находившихся наполовину внутри, наполовину вне империи, еще одно.

Австрийская ветвь потомков Карла V удержала за собой титул императора. Испанская ветвь удерживала Испанию. Но теперь и на востоке был император. После падения Константинополя (1453) великий князь москов-

ский Иван Великий (1462–1505) предъявил свои права на наследование византийского трона и присоединил византийского двуглавого орла к своему гербу. Его внук Иван IV, Иоанн Грозный (1533–1584), присвоил себе императорский титул цезаря (царя). Но только во второй половине XVII столетия Россия перестала быть в глазах Европы отдаленной азиатской страной. Царь Петр Великий (1682–1725) ввел Россию в сферу интересов Запада. Он построил на реке Неве новую столицу для своей империи, Петербург, служившую окном из России в Европу, устроил в восемнадцати верстах от нее, в Петергофе, свой Версаль, призвав для этого французского архитектора, который соорудил ему террасы, фонтаны, водопады, картинную галерею, парк и все прочие признанные атрибуты великой монархии. В России, как и в Пруссии, при дворе вошел в употребление французский язык.

Между Австрией, Россией и Пруссией неудачно расположилось Польское королевство — весьма плохо организованная страна крупных землевладельцев, которые так ревниво относились к собственному величию, что позволяли избираемому ими королю быть королем только по имени. Судьба Польши закончилась разделом ее между тремя соседями, несмотря на усилия Франции спасти ее и удержать как независимую союзницу. Швейцария в то время представляла группу республиканских кантонов; Венеция была республикой; Италия, как и Германия, была разделена на множество второстепенных герцогств и княжеств. В папских владениях папа правил, как светский государь. Он слишком боялся лишиться поддерж-

ки остававшихся верными ему католических государей и потому не вмешивался в их отношения с подданными и не напоминал миру о единении всех христиан. В сущности, в Европе не существовало более объединяющей и единой политической идеи. Европа была предана разъединению и различию.

Все эти суверенные государи и республики постоянно замышляли увеличить свои владения один за счет другого. «Иностранная политика» каждого государя или республики заключалась в нападениях на соседей и заключении наступательных союзов. Мы, европейцы, сейчас доживаем последнюю фазу этого периода существования разнообразных суверенных государств и все еще продолжаем страдать от порожденных ими ненависти, вражды и подозрительности. История этой эпохи все более и более явно превращается в «сплетни», делающиеся все более и более бессмысленными и утомительными для современного ума. Вам объясняют, что такая-то война была вызвана возлюбленной такого-то короля, а причиной второй была зависть одного министра к другому. Россказни о подкупах и соперничестве вселяют отвращение в разумном человеке, когда он берется за изучение этой эпохи. Самым выдающимся, самым значительным фактом ее является то, что, несмотря на все препятствия в виде множества границ, чтение и мышление продолжали делать успехи и распространяться, а изобретения — умножаться. XVIII век увидел появление литературных произведений явно скептического характера или же содержавших критику на придворную жизнь

и политические приемы эпохи. В сочинении Вольтера «Кандид» мы находим выражение бесконечного утомления и разочарования в бессмысленном хаосе, который представляла собой Европа.

ГЛАВА 15. НОВЫЕ АЗИАТСКИЕ И ЗАМОРСКИЕ ИМПЕРИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ

В то время как Центральная Европа продолжала находиться в состоянии разделения и неустройства, западные европейцы, а в частности голландцы, скандинавы, испанцы, португальцы, французы и англичане, расширяли арену борьбы и переносили ее на моря всего земного шара. Книгопечатание растворило политические идеи Европы до степени обширного и сначала неопределенного брожения, но следующее великое нововведение, океанское парусное судоходство, неудержимо увлекло европейцев и заставило их расширить поле деятельности вплоть до самых отдаленных пределов.

Первые заокеанские поселения голландцев и северных европейцев преследовали цели не колонизации, а торговли и эксплуатации недр земли. Испанцы вышли первыми на поле и потому претендовали на господство над всем Новым Светом — Америкой. Но португальцы вскоре также пожелали иметь свою долю. Папа — и это было одно из последних действий Рима, в качестве владыки мира — разделил новый материк между этими двумя первыми пришельцами, дав Португалии Бразилию и все, что находилось восточнее линии, проходящей

на 370 миль западнее островов Зеленого Мыса, и предоставив все остальное Испании (1494). Португальцы в это время усиленно продвигались на юг и на восток. В 1497 г. Васко да Гама отплыл из Лиссабона, обогнул мыс Доброй Надежды и дошел до Занзибара, а оттуда проник в Индию, в Калькутту. В 1515 г. португальские суда уже появились на Яве и на Молуккских островах, и португальцы строили и укрепляли торговые пункты вокруг и около берегов Индийского океана. Мозамбик, Гоа, две небольшие территории в Индии, Макао в Китае и часть Тимора до сих пор находятся во владении Португалии. Народы, исключенные постановлением папы из доли в захвате Америки, обращали мало внимания на права Испании и Португалии. Англичане, датчане, шведы, а затем и голландцы вскоре завладели различными территориями в Северной Америке и Вест-Индии, а его католическое величество, король Франции, так же мало обращал внимания на папское повеление, как любой протестант. Войны, ограничивавшиеся до того Европой, теперь были перенесены в эти новые владения.

В конце концов, главный успех в этой схватке за заморские владения выпал на долю Англии. Датчане и шведы были слишком глубоко втянуты в запутанные дела Германии, чтобы иметь возможность как следует поддерживать заграничные экспедиции. Швеция была истощена продолжительной борьбой в Германии, которую вел великолепный король Густав Адольф, протестантский «Северный Лев». Небольшие поселения, основанные шведами в Америке, были унаследованы голландцами,

но голландцы слишком опасались Франции, чтобы иметь возможность противиться Англии. На Дальнем Востоке главными соперниками за новые империи были англичане, французы и испанцы. Англичане имели огромное преимущество в виде морской границы — «серебряного пояса» Ла-Манша, отделяющего их от Европы и физически, и политически.

Франция всегда была слишком занята европейскими делами. В продолжение всего XVIII века она пропускала все случаи расширить свои владения на Западе и на Востоке ради господства над Испанией, Италией и находившейся в состоянии хаоса Германией. Религиозные и политические разногласия, возникшие в Англии в XVII веке, заставили многих англичан переселиться навсегда в Америку. Они пустили там корни, расплодились и размножились, и это дало англичанам большие преимущества в борьбе за Америку. В 1756 и 1760 гг. французам пришлось отдать Канаду англичанам и их американским колонистам, а несколько лет спустя английское торговое общество вполне подчинило себе французские, голландские и португальские владения на полуострове Индостан. Великое монгольское царство Бабура, Акбара и их наследников пришло в большой упадок, и история его захвата лондонским торговым обществом — британской Ост-Индской компанией — является одним из самых удивительных эпизодов во всей истории завоеваний.

Эта Ост-Индская компания была первоначально, при своем возникновении в царствование королевы Елизаветы, ни более, ни менее, как группой морских искателей приключений. Постепенно они вынуждены были

набирать войско и вооружать свои суда. И вот оказалось, что это-то торговое общество, единственным занятием которого была нажива, начало торговать не только пряностями, красками, чаем и драгоценными камнями, но и доходами и территориями туземных владык и даже судьбами Индии. Оно явилось в Индию, чтобы покупать и продавать, а между тем совершило страшнейший грабеж. Некому было протестовать против его поступков. Мудрено ли, что его генералы, заправилы, чиновники и даже их писцы и простые рядовые воины вернулись в Англию, нагруженные богатой добычей.

При таких обстоятельствах люди, видя, что в их руках огромная и богатая страна, никак не могли решить, что дозволено и что не дозволено. Для них это была чужая страна, лежащая под чужим им солнцем, ее темнокожее население казалось особенной расой, находившейся вне сферы их сочувствия.

В Англии были смущены, когда все эти генералы и должностные лица вернулись и начали выставлять друг против друга темные обвинения в вымогательствах и жестокостях. Клайву парламент вынес вотум недоверия. Он покончил жизнь самоубийством в 1774 г. В 1788 г. Уоррэн Гастингс, второй великий администратор Индии, был оправдан и освобожден. Создалось странное, небывалое в мировой истории положение. Английский парламент управлял лондонской торговой компанией, господствовавшей в свою очередь над страной, которая была несравненно обширнее и многолюднее всех остальных владений английской короны. Для большинства англичан Индия была отдаленной, фантастической, почти

недоступной страной, куда отправлялись бедные, но предприимчивые молодые люди, и откуда они возвращались много лет спустя очень богатыми и желчными стариками. Англичанам очень трудно было себе представить, какова была жизнь бесчисленных миллионов смуглокожих людей, живших под этим восточным солнцем. Их воображение отказывалось воспроизвести эту картину. Индия оставалась романтической, нереальной страной. Поэтому англичане не могли должным образом надзирать за действиями компании и контролировать их.

А между тем как западноевропейские державы боролись на всех океанах за обладание фантастическими заморскими странами, в Азии происходило с двух сторон завоевание обширных территорий. В 1360 г. Китай сбросил с себя монгольское иго и, вплоть до 1644 г., процветал под правлением великой туземной династии Мин. Затем другое монгольское племя, маньчжуры, вновь завоевали Китай и владели им до 1912 г. Тем временем Россия продвигалась на восток и становилась крупной величиной в мировой политике. Возвышение этой центральной державы Старого Света, которая не принадлежит определенно ни к Востоку, ни к Западу, имело величайшее значение для судьбы человечества. Россия в значительной степени обязана своим расширением появлению живших в ее степях казаков, защищавших ее от феодальной Польши и Венгрии на западе и от татар на востоке. Казаки были диким Востоком Европы, но во многих отношениях походили на Дикий Запад Соединенных Штатов в середине XIX столетия.

Все те, кому нельзя было оставаться в России: преступники, невинно преследуемые, беглые крепостные, сектанты, воры, бродяги, убийцы — искали пристанища в южных степях, там начинали новую жизнь и боролись за существование и свободу против поляков, русских и татар. Несомненно, что к казакам примешивалось множество беглых татар. Понемногу эти пограничные жители были привлечены на службу русскому государству, подобно тому, как шотландские горные племена превращены были английским правительством в полки. Им были предложены новые земли в Азии. Они сделались оружием против исчезавшего могущества монгольских кочевников сначала в Туркестане, а затем в Сибири, вплоть до самого Амура.

Трудно объяснить, чем был вызван упадок энергии монголов в XVII и XVIII столетиях. Через два или три столетия после Чингисхана и Тамерлана Центральная Азия, перед этим находившаяся на вершине могущества, внезапно впала в полное политическое бессилие. Быть может, в этом упадке народов Центральной Азии, который с точки зрения всемирной истории может оказаться лишь временным, сыграли роль перемены в климате, неведомые нам эпидемии чумы или малярийных заболеваний. Некоторые авторитеты полагают, что распространение среди них буддизма также имело на них умиротворяющее влияние. Как бы то ни было, но в XVI веке монгольские татары и тюркские племена уже прекратили свой натиск на соседей и, наоборот, сами подверглись нападению, были покорены и отброшены христианской Россией на западе и Китаем на востоке.

В течение всего XVII столетия казаки продвигались на восток от Европейской России и селились всюду, где находили удобные условия для земледелия. Кордон фортов и постов составлял как бы границу этих поселений и отделял их с юга от туркменов, сохранивших еще силу и способность действовать. На северо-востоке Россия не имела естественных границ, пока она не достигла Тихого океана.

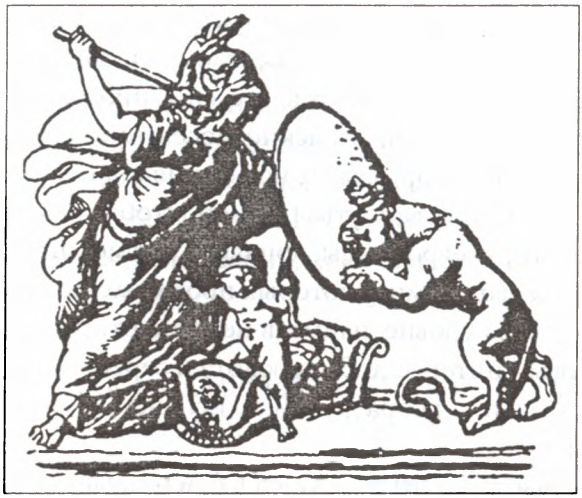
ГЛАВА 16. АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Таким образом, третья четверть XVIII столетия увидела замечательное явление неустойчивого равновесия в Европе. Все государства ее находились в разладе, и она более не имела объединявшей ее раньше политической и религиозной идеи, но все же еще могла, благодаря огромному толчку, данному воображению людей печатной книгой, печатными географическими картами и развитием мореходства, распространить свою власть на побережья всех океанов земного шара. Правда, это распространение носило неплановомерный и порывистый характер. Это был скорее бессвязный, лишенный всякой преднамеренности взрыв, вызванный временными и почти случайными преимуществами европейцев перед остальным человечеством. В силу этих преимуществ новый, все еще пустынный материк Америки был заселен, главным образом, пришельцами из Западной Европы.

Мотив, заставивший Колумба отправиться в Америку, а Васко да Гама в Индию, был тот же вековечный мо-

тив всех моряков от начала мира — торговля. Но в то время, как причиной путешествий на многолюдный и богатый товарами Восток все еще продолжала служить торговля, и европейские поселения, возникшие там, оставались торговыми поселениями, откуда европейцы надеялись вернуться домой, чтобы там тратить свои деньги, — европейцы, попавшие в Америку и имевшие дело с народами, у которых производство стояло на очень низком уровне, нашли в недавно открытом материке новый интерес: добычу золота и серебра. Особенно много давали серебра рудники испанских владений в Америке.

Европейцы стали отправляться в Америку не только как вооруженные купцы, но и как золотоискатели, рудокопы, добыватели естественных богатств, а затем остались там в качестве плантаторов. На севере они добывали меха. Рудники и плантации требовали постоянных мест для жительства. Они вынуждали людей переселяться за море на продолжительное время. Наконец, в некоторых случаях, люди откровенно переселялись навсегда. Так, например, в начале XVII столетия английские пуритане переселились в Новую Англию, чтобы избежать религиозных преследований; в XVIII столетии Огльторп сослал арестантов из английских долговых тюрем в Джорджию, а в конце XVIII века голландцы отправили сирот на мыс Доброй Надежды. В XIX столетии и, в особенности, после появления пароходов поток европейской эмиграции на новые, пустовавшие земли Америки и Австралии возрос в течение нескольких десятков лет до грандиозного переселения.



Аллегорическое изображение победы США в войне за независимость

Таким образом, во внеевропейских странах выросло постоянное население из европейцев, и европейская культура была перенесена на более обширную территорию, чем та, на которой она развивалась. Эти новые общины, принесшие с собой в новые страны новую цивилизацию, развивались свободно, никем не замеченные. Правительства Европы проглядели их и совершенно не подготовились к тому, как с ними обращаться. Европейские политические деятели и министры продолжали рассматривать их как исключительно экспедиционные поселения, источники доходов, как «владения» и «колонии» еще долго после того, как в их населении уже развилось могучее сознание своей независимости, совершенно отдельного национального бытия. Европейцы продолжали

смотреть на переселенцев как на своих граждан, неразрывно связанных с метрополией, долгое время спустя после того, как колонисты расселились внутри страны, вне досягаемости карательных экспедиций с моря.

Не надо забывать, что вплоть до XIX столетия единственной связью между этими заморскими государствами и Европой были океанские парусные суда. На суше самым быстрым средством передвижения была лошадь; связь и единство политической системы на суше зависели от быстроты этого способа сообщения.

К концу третьей четверти XVIII столетия две трети севера Северной Америки находились под властью Англии. Франция ушла из Америки. За исключением Бразилии, принадлежавшей Португалии, и одного или двух островов и небольших территорий, находившихся в руках французов, англичан, датчан и голландцев, Флорида, Луизиана, Калифорния и вся Америка к югу от них принадлежали Испании. Британские колонии к югу от Мэна и озера Онтарио первыми доказали, насколько недейственно парусное сообщение для поддержания связи, которая соединяла бы в одно политическое целое страны, отделенные друг от друга морями.

Эти британские колонии были крайне разнообразны, как по своему происхождению, так и по своему характеру. Наряду с британскими поселениями были и французские, шведские и голландские; в Мэриленде были колонии англичан-католиков, а в Новой Англии — ультра-протестантов. Между тем как жители Новой Англии сами обрабатывали свои земли и порицали рабство, в Виргинии и на юге плантаторы держали громадное

количество вывезенных из Африки рабов-негров. Между этими штатами не могло быть общей естественной связи. Переехать из одного в другой означало обречь себя на длинное путешествие вдоль берега, не менее утомительное, чем переезд через Атлантический океан. Но этот союз между английскими американцами, которому противоречила разница происхождения и естественных условий, был им навязан эгоизмом и тупостью английского правительства в Лондоне. С них брали налоги, но они не имели права голоса в распределении этих налогов. Их торговые интересы приносились в жертву английским интересам. Крайне выгодная торговля невольниками пользовалась поддержкой британского правительства, несмотря на оппозицию виргинцев, которые сами охотно держали невольников и пользовались их трудом, однако боялись все увеличивавшегося наплыва диких чернокожих.

Англия в то время понемногу шла к более самодержавной форме монархии, и личное упрямство Георга III (1760–1820) сильно содействовало возникновению борьбы между правительством метрополии и колониями.

Конфликт был ускорен тем, что были изданы законы, покровительствовавшие лондонской Ост-Индской компании в ущерб американским судовладельцам. Груз трех кораблей, груженных чаем и введенных в Бостонскую гавань на основании нового закона, был выброшен за борт шайкой людей, наряженных индейцами (1773). Но военные действия начались только в 1775 г., когда английское правительство попыталось арестовать в Лексингтоне, близ Бостона, двух вождей американцев.

Первые выстрелы были сделаны англичанами в Лексингтоне, первое сражение произошло в Конкорде.

Так началась американская война за независимость. Более года колонисты выказывали большое нежелание порвать связь с отечеством. Лишь в середине 1776 г. конгресс восставших штатов выпустил «Декларацию о независимости». Джордж Вашингтон, обучившийся, подобно многим выдающимся колонистам того времени, военному искусству во время войны против французов, был избран главнокомандующим. В 1777 г. английский генерал Бергойн, пытавшийся пройти в Нью-Йорк через Канаду, был разбит при Фриманс-Фарме и вынужден сдаться в Саратоге. В том же году французы и испанцы объявили войну Великобритании, сильно затрудняя этим ее морские сообщения. Другая английская армия под командованием генерала Корнуэльса была окружена на Йорктаунском полуострове в Виргинии и вынуждена была капитулировать в 1781 г. В 1783 г. в Париже был заключен мир, и тринадцать колоний от Мэна до Джорджии превратились в союз независимых самостоятельных государств. Так возникли Северо-Американские Соединенные Штаты. Канада осталась верна Англии.

В течение четырех лет эти Штаты имели лишь весьма слабое центральное правительство, функционировавшее на основании соглашения о конфедерации. Казалось, что им суждено распасться на отдельные независимые общины. Но этот процесс был отсрочен вследствие вражды с Англией и некоторой агрессивности со стороны Франции. Это заставило американцев понять, как опасно в такое время разъединение. В 1788 г. была составлена

и утверждена конституция, устанавливающая более сильную власть федерального правительства во главе с президентом, имевшим значительные полномочия, а слабое чувство национального единства окрепло вследствие второй войны с англичанами в 1812 г. Однако же, территория, занимаемая Штатами, была так обширна, и их интересы в то время столь различны — особенно если принять во внимание тогдашние способы сообщения — что распад союза на отдельные независимые штаты, по территории не больше европейских государств, являлся лишь вопросом времени. Сенаторам и членам конгресса из дальних округов приходилось совершать в Вашингтон на заседания длинное, утомительное и небезопасное путешествие; практически невозможно было преодолеть чисто физические препятствия, мешавшие распространению общности методов воспитания, литературы и идей.

Но были в мире силы, работавшие для приостановления распада. Появились речное пароходство, за ним железные дороги и телеграф, избавившие Соединенные Штаты от распадения на части и крепко спаявшие разъединенных американцев в одну великую нацию, занявшую среди современных народов первое место.

Двадцать два года спустя испанские колонии в Америке последовали примеру «Тринадцати» и порвали связь с Европой. Но так как они были разбросаны по всему материку, а к тому же отделены друг от друга горными хребтами, пустынями, лесами и португальской империей — Бразилией, они не могли образовать союза. Они превратились в созвездие республиканских государств

и на первых порах проявляли сильную склонность к борьбе между собой и к революциям.

Бразилия пришла к неизбежному отделению от метрополии иным путем. В 1807 г. французская армия, под начальством Наполеона, заняла Португалию, и королевская семья бежала в Бразилию. С этого времени, до самого момента отделения, не Бразилия была в зависимости от Португалии, а скорее Португалия от Бразилии. В 1822 г. Бразилия объявила себя отдельным государством под управлением Педро I, сына португальского короля. Но Новый Свет не являлся благоприятной почвой для монархии. В 1889 г. бразильский император был преспокойно отвезен в Европу, и Соединенные Штаты Бразилии сравнялись с остальной республиканской Америкой.

ГЛАВА 17. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ МОНАРХИИ ВО ФРАНЦИИ

Не успела еще Англия лишиться тринадцати колоний в Америке, как внутри великой монархии произошел сильный социальный и политический взрыв, живо напомнивший Европе о непрочности всякого политического строя.

Мы уже говорили о том, что из всех государств Европы французской монархии удалось наиболее успешно провести принцип абсолютизма. Она была предметом зависти и образцом для множества соперничавших с ней небольших дворов. Но процветание ее было создано на базе несправедливости, что и привело к ее

полному трагизма концу. Блестящая и агрессивная французская монархия бесплодно расточала жизнь и средства простого народа. Духовенство и дворянство были избавлены от налогов системой льгот, которые взваливали все государственные тяготы на средний и низший классы. Крестьяне были обременены налогами, а средний класс терпел под господством дворян всяческие унижения.

В 1787 г. французская монархия почувствовала себя банкротом и вынуждена была созвать представителей всех сословий королевства на совещание по вопросу о недостаточности доходов и чрезмерности расходов. В 1789 г. Генеральные штаты, т. е. собрание дворянства, духовенства и третьего сословия — грубое подражание английскому парламенту в первоначальной его форме, — были созваны в Версале. Штаты не собирались с 1610 г. Все это время Франция была неограниченной монархией. И вот теперь народ нашел способ высказать свое, давно накипевшее, недовольство. Сразу же между тремя сословиями возникла распря, вследствие намерения непривилегированного третьего сословия взять верх в собрании. Победу одержало третье сословие, и Генеральные штаты превратились в Национальное собрание, твердо решившее контролировать действия короля, как это делал английский парламент по отношению к английским королям. Король (Людовик XVI) приготовился к сопротивлению и вызвал войска из провинций. Тогда Париж и вся Франция восстали.

Падение неограниченной монархии совершилось очень быстро. Народ взял штурмом грозную Бастилию, и вос-

Санкюлоты — название революционно настроенных бедных людей в Париже во время Великой Французской революции

стание распространилось по всей Франции. В восточных и северо-западных провинциях множество замков, принадлежавших дворянам, было сожжено крестьянами, жалованные грамоты тщательно уничтожены, а владельцы или умерщвлены, или изгнаны. Не прошло и месяца, как обветшалая аристократическая система старо-

го порядка рухнула. Многие члены королевской семьи и придворные из партии королевы бежали за границу. Создалось временное правительство в Париже и во многих других больших городах, и этими муниципальными органами была организована новая боевая сила, Национальная гвардия, первоначально предназначавшаяся для оказания сопротивления королевским войскам. Перед Национальным собранием встала задача создания политического и социального строя, пригодного для новых времен.

Для решения ее собранию пришлось напрячь все свои силы. Все главные несправедливости самодержавного строя были сметены прочь. Налоговые льготы, крепостное право, аристократические титулы и привилегии были уничтожены, и была сделана попытка учредить в Париже конституционную монархию. Король покинул Версаль и его великолепие и, с уменьшенным придворным штатом, переехал во дворец Тюильри в Париже.

В течение двух лет казалось, что Национальное собрание сумеет создать компетентное правительство на современный лад. Многое из его трудов было целесообразно и сохранилось до сих пор, многое носило опытный характер и было впоследствии уничтожено. Многое являлось совершенно нецелесообразным. Был пересмотрен уголовный кодекс и были отменены пытки, произвольное заключение в тюрьму и преследования за ереси. Вместо старинных французских провинций — Нормандии, Бургундии и других — было образовано 80 департаментов. Людям всех классов был открыт доступ к высшим

военным должностям. Была учреждена превосходная и простая система судов, но их достоинство сильно умалялось тем, что судьи выбирались народом на слишком короткий срок. Благодаря этому, толпа являлась как бы последней инстанцией для апелляции, и судьи, как и члены собрания, принуждены были угождать ей. Кроме того, все громадные богатства церкви были взяты под управление государства. Религиозные учреждения, не занимавшиеся воспитанием детей или благотворительностью, были уничтожены, а содержание духовенства было возложено на верующих. Низшее духовенство только выиграло от этого, так как его жалованье было до неприличия мало в сравнении с жалованьем высшего. Но, в довершение всего, должности священника и епископа были сделаны выборными, что в корне подрывало все основы римской церкви, где в центре всего стоял папа и где всякая власть идет сверху вниз. В сущности, Национальное собрание пожелало одним ударом превратить церковь Франции в протестантскую, если не по догматам, то по организации. Везде начались столкновения между духовенством, назначенным Национальным собранием и упорствовавшими (не желавшими присягнуть государству) священниками, оставшимися верными Риму.

В 1791 г. попытка введения конституционной монархии во Франции внезапно пришла к концу благодаря действиям короля и королевы, работавших в согласии со своими заграничными аристократическими и монархическими друзьями. На восточной границе собрались иностранные армии, и в одну июньскую ночь

король, королева и их дети скрылись из дворца Тюильри и бежали, чтобы соединиться с иностранцами и изгнанными аристократами. Они были задержаны в Варенне, привезены обратно в Париж, и вся Франция запылала страстным, полным патриотизма республиканизмом. Была провозглашена республика, последствием чего явилась война с Австрией и Пруссией. В январе 1793 г. короля судили и обезглавили по указанному англичанами примеру — за измену своему народу.

Затем наступил удивительный фазис в истории французского народа. Вспыхнуло сильное пламя энтузиазма и любви к Франции и республике. Народ решил не допускать больше никаких компромиссов, как внутри самой Франции, так и по отношению к соседним странам. Во Франции надо было уничтожить всех роялистов и предательство во всех его видах; за границей Франция должна сделаться покровительницей и помощницей всех революционеров. Вся Европа, весь мир должен был стать республиканским. Французская молодежь хлынула в республиканскую армию. Новая, чудная песнь распространилась по стране, песнь, которая и сейчас волнует кровь, как вино, — марсельеза. Перед этим гимном, перед грозными колоннами французских штыков и перед их страшной, с восторгом обслуживаемой артиллерией, иностранные армии отступили. Еще до конца 1792 г. французские войска совершили подвиги, далеко оставившие за собой величайшие подвиги Людовика XIV. Им удалось вторгнуться на неприятельскую территорию. Они оказались в Брюсселе, они заняли

Савойю, захватили Майнц, отрезали у Голландии Шельду. Но тут французское правительство поступило крайне необдуманно. Раздраженное высылкой из Англии после казни Людовика своего представителя, оно объявило Англии войну. Это был неразумный шаг, потому что революция, давшая Франции новую, полную энтузиазма пехоту и блестящую артиллерию и избавившая эти войска от офицеров-аристократов и многих стеснявших ее развитие условий, вместе с тем разрушила дисциплину во французском флоте, а англичане были сильнейшей нацией на море. Этот вызов объединил против Франции всю Англию, между тем как вначале в Англии замечалось весьма значительное либеральное движение, сочувствовавшее революции.

Мы не можем говорить подробно о борьбе, которую Франция в следующие годы вела против европейской коалиции. Она навсегда изгнала Австрию из Бельгии, учредила в Голландии республику. Голландский флот, замерзший в Текселе, сдался, не выпустив ни одного снаряда. Движение французов на Италию было на некоторое время приостановлено, и только в 1796 г. новый генерал, Наполеон Бонапарт, победоносно прошел с оборванными и голодными республиканскими войсками через Пьемонт до Мантуи и Вероны.

Как говорит К. Ф. Аткинсон: «Больше всего поражала союзников численность и быстрота республиканцев. У этих импровизированных армий не было ничего, что могло бы их задерживать. Палаток нельзя было иметь за недостатком денег и за невозможностью перевозки их, так как потребовалось бы громадное количество

фургонов; да они были и не нужны, ибо отсутствие удобств, которое вызвало бы массовое дезертирство во всякой армии, весело переносилось людьми 1793–1794 гг. Продовольствие для этих армий, неслыханной, по-тогдашнему, величины, нельзя было доставлять обозами, и французы вскоре привыкли жить "за счет страны". Таким образом, в 1793 г. были выработаны новые приемы войны — быстрота передвижения, полное развертывание народных сил, бивуаки, реквизиции и ударность — вместо прежнего осторожного маневрирования малочисленных регулярных армий, палаток, выдачи солдатам полного пайка и мелких стычек. В первом способе проявляется решительный и сильный дух, во втором — стремление рисковать малым ради малого же выигрыша...»

А пока эта оборванная толпа восторженных людей пела марсельезу и боролась за «La France», часто, по-видимому, не вполне ясно сознавая, чем она занята — грабежом или освобождением занятой ею страны, республиканский энтузиазм в Париже выливался в менее славную форму.

Во главе революции в это время стоял Робеспьер. Об этом человеке трудно судить. Но у него было то, что всего нужнее для властвования, — была вера. Он принялся спасать республику, как он это понимал. Оставаться у власти — значило спасти республику. Между тем начались восстания: одно на западе — в Вандее, где руководили дворяне и священники, другое произошло на юге, где поднялись Лион и Марсель и где тулонские роялисты приняли к себе англо-испанский гарнизон.

Заработал Революционный трибунал, начались беспрерывные убийства. Изобретение гильотины было очень удобно для этой цели. Была гильотинирована королева, большинство противников Робеспьера также были гильотинированы.

Преемником его была Директория, состоявшая из пяти человек, которая продолжала вести оборонительную войну за границей и не давала Франции развалиться в течение пяти лет. Директория является любопытной интермедией в этой трагедии, полной бурных перемен. Директория не изменила того, что застала. Стремление широко разнести революционную идею кинуло французские армии в Голландию, Бельгию, Швейцарию, Южную Германию и Северную Италию. Везде изгонялись короли и основывались республики. Но, несмотря на революционное рвение Директории, она допускала, для облегчения финансовых затруднений французского правительства, разграбление казны освобожденных народов. Война, которую вела Франция, из священной войны за свободу превращалась понемногу в обыкновенную войну старого режима. Существовали некоторые традиции великой монархии, с которыми Франция никак не могла расстаться: это были ее традиции в отношении иностранной политики. Во времена Директории они были также полны жизни, словно не произошло никакой революции.

К несчастью для Франции и для всего мира, появился человек, воплотивший в себе национальный эгоизм французов в его самой явной форме. Он подарил стране десять лет славы, а затем подверг ее унижению окончательного

поражения. Это был тот самый Наполеон Бонапарт, который в Италии вел войска Директории от победы к победе.

В течение пяти лет существования Директории он интриговал и работал ради собственного возвышения. Постепенно он добрался до высшей власти. Это был человек крайне ограниченного ума, но беспощадно прямолинейный и с громадной энергией. Он начал свою карьеру как экстремист школы Робеспьера. Первую свою должность он получил от этой партии, но не смог охватить умом новые силы, действовавшие в Европе. Пределом его политических мечтаний была запоздалая и мишурная попытка возродить Западную Империю! Он старался уничтожить остатки прежней Священной Римской империи, чтобы заменить ее новой, центром которой должен был быть Париж. Император в Вене перестал быть императором Священной Римской империи и сделался просто австрийским императором. Наполеон развелся со своей женой француженкой, чтобы жениться на австрийской принцессе.

Еще в 1799 г., получив должность первого консула, он сделался фактически французским монархом, а в 1804 г. он, в прямое подражание Карлу Великому, провозгласил себя императором французов. Он был коронован папой в Париже и, взяв из его рук корону, сам надел ее себе на голову, по примеру Карла. Сын его был коронован королем римским.

В течение нескольких лет царствования армии Наполеона побеждали на поле боя. Он завоевал большую

Наполеон I Бонапарт — император французов в 1804—1815 гг., французский полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства

часть Италии и Испании, разбил Пруссию и Австрию и господствовал во всех странах Европы, к западу от России. Но он никогда не мог отнять у англичан господства на море, и его флот был окончательно разбит английским адмиралом Нельсоном при Трафальгаре (1805).

Испания опять поднялась против него в 1808 г., а британская армия под предводительством Веллингтона медленно оттеснила французов на север и, наконец, заставила их уйти с Пиренейского полуострова. В 1811 г. у Наполеона произошел конфликт с царем Александром I, и в 1812 г. он наводнил Россию огромной сборной армией из 600 000 человек, которая была разбита и большей частью уничтожена русскими солдатами и русской зимой. Против него поднялась Германия, а затем и Швеция. Французские армии были разбиты, а Наполеон отрекся от престола в Фонтенбло (1814). Он был сослан на Эльбу, вернулся во Францию в 1815 г., чтобы сделать еще одно усилие, и был разбит соединенными войсками англичан, бельгийцев и пруссаков при Ватерлоо. Он умер на острове Святой Елены, в плену у англичан в 1821 г.
Освобожденные французской революцией силы были подавлены и замерли. Многочисленный реакционый конгресс победоносных союзников собрался в Вене для того, чтобы восстановить, по возможности, прежний монархический строй, разодранный в клочья этой сильной бурей. В течение сорока лет в Европе господствовало нечто вроде мира — успокоение, вызванное истощением после страшных усилий.

ГЛАВА 18. ПЕРИОД НЕПРОЧНОГО МИРА В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ОТРЕЧЕНИЯ НАПОЛЕОНА

Две причины, главным образом, мешали этому периоду превратиться в период настоящего социального и международного мира и подготовили почву для цикла войн,

ведшихся между 1854 и 1871 гг. Первой из них было стремление заинтересованных королевских дворов восстановить прежние несправедливые привилегии и ограничить свободу мысли, печати и слова. Второй причиной являлась совершенно невозможная система границ, установленная дипломатами Венского конгресса.

Присущая монархиям склонность к возвращению назад, к прежним условиям, раньше и более всего проявилась в Испании. Здесь даже была восстановлена инквизиция. По ту сторону Атлантического океана испанские колонии последовали примеру Соединенных Штатов и восстали против европейской системы великих держав, когда Наполеон посадил на испанский трон своего брата Иосифа в 1810 г. Джорджем Вашингтоном Южной Америки был генерал Боливар. Испания оказалась не в силах подавить это восстание. Оно длилось почти столько же, сколько длилась война за независимость Соединенных Штатов. Наконец, Австрия предложила, согласно принципам священного союза, чтобы все европейские монархи помогли Испании в этой борьбе. В Европе этому воспротивилась Англия, но окончательно разрушило проект монархической реставрации быстрое вмешательство президента Соединенных Штатов Монро в 1823 г. Он заявил, что Соединенные Штаты будут рассматривать всякое распространение европейской системы на западное полушарие как враждебные действия. Таким образом, возникла доктрина Монро, гласящая, что неамериканская власть не должна больше расширять своих владений в Америке. Это почти на сто лет помешало доступу в Америку системы великих

держав и позволило новым испанским государствам Америки устраивать свою жизнь по собственному усмотрению.

Но хотя испанская монархия потеряла свои колонии, она все еще могла, под покровительством европейского конгресса, делать, что ей заблагорассудится, в Европе. Народное восстание в Испании было подавлено французской армией в 1823 г., на основании мандата от европейского конгресса; в то же время Австрия подавила революцию в Неаполе.

В 1824 г. умер Людовик XVIII и ему наследовал Карл X. Карл задался мыслью уничтожить свободу печати и университетов и восстановить неограниченную монархию. Для возмещения дворянству убытков за сожженные замки и секвестры 1789 г. была вотирована сумма в размере миллиарда франков. В 1830 г. Париж восстал против этого короля, являвшегося воплощением старого режима, и заменил Карла Людовиком-Филиппом, сыном того Филиппа Орлеанского, который был казнен во время террора. Остальные континентальные державы не вмешивались в это дело, ввиду открытого одобрения революции Великобританией и могучего либерального движения, возникшего в Германии и Австрии. К тому же ведь Франция все-таки осталась монархией. Людовик-Филипп (1830—1848) в течение восемнадцати лет оставался конституционным монархом Франции.

Таков был период шаткого и непрочного мира, дарованного Европе Венским конгрессом; он постоянно колебался из-за реакционной позиции монархистов. Напряженность, возникшая вследствие того, что ди-

пломаты Венского конгресса провели ряд границ наобум, без всякого научного обоснования, медленно росла и становилась опасной для спокойствия человечества. Чрезвычайно неудобно соединять под одним управлением народы, говорящие на разных языках и, следовательно, имеющие различные литературы и различные национальные идеи, особенно если эти различия являются следствием религиозных разногласий.

Только очень сильный общий интерес, например, необходимость сообща обороняться от врагов, как мы это видим у швейцарских горцев, может оправдать тесное единение народов, говорящих на разных языках и исповедующих различную веру. Но в Швейцарии существует широкая местная автономия. Там же, где, как в Македонии, население является смешанным, и каждая деревня, каждый округ принадлежит различным племенам, — там система кантонов является, безусловно, необходимой. Но если читатель взглянет на карту Европы в том виде, как она была перекроена на Венском конгрессе, то ему покажется, что это перераспределение сделано нарочно для того, чтобы довести местных жителей до максимума раздражения.

Конгресс без всякой надобности уничтожил Голландскую республику, соединил протестантских голландцев с говорящими по-французски католиками прежних испанских (австрийских) Нидерландов и основал Нидерландское королевство. Он передал говорящей по-немецки Австрии не только старинную республику Венецию, но и всю северную часть Италии до Милана. Говорящую по-французски Савойю он соединил с не-

сколькими провинциями Италии, чтобы восстановить Сардинское королевство.

В Австро-Венгрии, и без того уже являвшейся достаточно взрывоопасной смесью из несогласных между собой национальностей — немцев, венгров, чехов, словаков, южных славян, румын и итальянцев, — положение стало еще невыносимее, благодаря утверждению за ней еще и польских владений, приобретенных в 1772 и 1795 гг. Католически и республикански настроенный польский народ был в большей своей части отдан под малокультурное управление православного царя, а значительные округа отданы были протестантской Пруссии. Так же было утверждено приобретение царем совершенно чужой России Финляндии. Крайне несходных между собой шведов и норвежцев соединили под властью одного короля. Германия, как увидит читатель, была оставлена в особенно опасном состоянии хаоса. Пруссия и Австрия лишь частично входили в состав Германской конфедерации, включавшей множество других небольших государств. Датский король входил в конфедерацию вследствие того, что имел небольшие владения в Голштинии, жители которой говорили на немецком языке. Люксембург также был включен в состав Германской конфедерации, хотя его монарх был одновременно и королем Нидерландов, а часть населения говорила по-французски.

В образе действий конгресса сказалось полное пренебрежение к тому факту, что народ, говорящий по-немецки и черпающий свои идеи из немецкой литературы (или же народ, говорящий по-итальянски и черпающий свои

идеи из итальянской литературы, или же народ, говорящий по-польски и черпающий свои идеи из польской литературы), будет лучше себя чувствовать, принесет больше пользы и будет менее вреден для остального человечества, если ему дадут вести свои дела на родном языке. Мудрено ли, что в одной из самых популярных немецких песен того времени поется, что «где говорят по-немецки — там немецкое отечество».

В 1830 г., воодушевленные начавшейся во Франции революцией, говорящие по-французски бельгийцы восстали против соединения их с голландцами в одно общее королевство Нидерландское. Державы, опасаясь образования новой республики или возможного присоединения Бельгии к Франции, поспешили умиротворить бельгийцев, дав им монарха, Леопольда I Саксен-Кобург-Готского. В том же 1830 г. произошли ряд неудачных восстаний в Италии и Германии и еще одно, гораздо более серьезное, в русской Польше. Республиканское правительство в Варшаве продержалось целый год против Николая I (который наследовал Александру в 1825). Наконец, восстание было подавлено с большой жестокостью. Польский язык был изгнан из всех учреждений и школ; православная церковь была объявлена господствующей.

В 1821 г. произошло восстание греков против турок. В течение шести лет они вели отчаянную борьбу, а правительства Европы спокойно взирали на эту картину. Либеральное общественное мнение протестовало против подобного бездействия. Добровольцы из всех европейских государств присоединились к инсургентам, и, наконец,

Россия, Англия и Франция предприняли совместные действия. Турецкий флот был разбит французами и англичанами во время Наваринской битвы (1827), и царские войска вторглись в Турцию. Адрианопольским трактатом (1829) Греция была объявлена свободной, но ей не было дозволено вернуться к ее древним республиканским традициям. Ей подыскали короля-немца, принца Отто Баварского, а в придунайские провинции (теперешняя Румыния) и в Сербию (часть Югославии) были назначены губернаторы-христиане. Много крови должно было еще пролиться, пока не произошло окончательное изгнание турок из этих стран.

ГЛАВА 19. РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ

В течение XVII и XVIII веков и в начале XIX, между тем как на нашем материке происходили конфликты между различными державами и государями, и лоскутная Европа Вестфальского трактата (1648) превращалась, точно в калейдоскопе, в лоскутную Европу Венского трактата (1815), между тем как парусные суда распространяли во всем мире европейское влияние, в Европе и в странах, подражавших Европе, заметно прогрессировал рост знаний. Люди начали понемногу получать ясное понятие о мире, в котором они живут.

Это явление происходило совершенно независимо от политической жизни и не произвело в ней в течение XVII и XVIII столетия никаких заметных и быстрых изменений. Оно не имело также в этот период глубокого влияния на общие идеи. Известное реагирование на успехи нау-

ки началось позднее, но стало особенно сильным лишь во второй половине XIX столетия. Этот процесс совершался преимущественно в тесном кругу состоятельных и свободомыслящих людей. Не будь того, кого англичане называют «частным лицом», т. е. не занятого ни на службе, ни делами человека, научное движение не могло бы начаться в Греции и позднее вновь возникнуть в Европе. Университеты сыграли некоторую, но далеко не главную роль в философском и научном движении этого периода. Субсидируемая наука всегда имеет тенденцию быть застенчивой и консервативной; ей обычно недостает энергии, и она всегда будет противодействовать нововведениям, если только будет лишена общения с независимыми мыслителями.

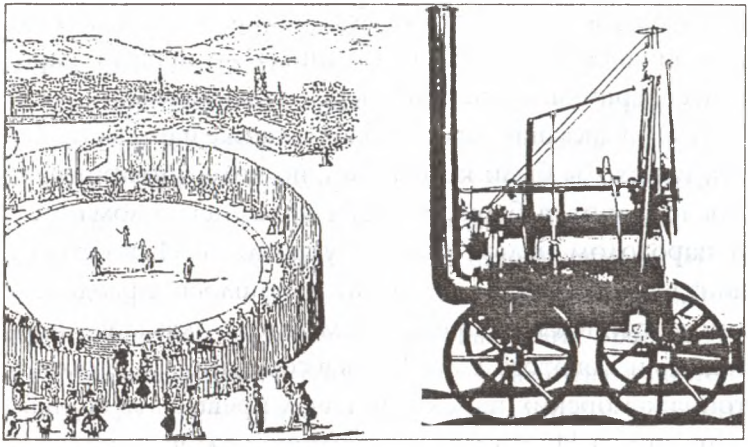
Мы уже отметили возникновение «Королевского общества» в 1662 г. и то, что оно сделало для проведения в жизнь утопий «Новой Атлантиды» Бэкона. В течение XVIII столетия общие представления относительно материи и движения стали гораздо более ясными, двинулась вперед математика, развилось систематическое применение оптических стекол для микроскопов и телескопов, сильно двинулась вперед классификационная отрасль естественных наук, возродилась анатомия. Геология, предугаданная Аристотелем и предсказанная Леонардо да Винчи (1452—1519), принялась за свое великое дело изучения и истолкования летописи земной коры.

Прогресс физики отразился и на металлургии. Усовершенствования в области металлургии сделали возможным более широкое и смелое использование металлов

и других веществ, отразились на изобретениях практического характера. Появились новые машины в небывалом еще количестве, вследствие чего произошел переворот в промышленности.

В 1804 г. Тревитик использовал машину Уатта для целей передвижения и построил первый локомотив. В 1825 г. была открыта первая железная дорога между Стоктоном и Дарлингтоном, и «Рокэт» Стивенсона, таща за собой поезд весом в тринадцать тонн, достиг скорости сорока четырех миль в час. С 1830 г. началась постройка железных дорог. К середине XIX столетия они раскинулись сетью по всей Европе.

Таким образом, внезапно изменилось одно из неизменных с давних пор условий человеческой жизни — скорость передвижения по суше. После русской катастрофы Наполеон проехал из окрестностей Вильно в Париж за 312 часов. Длина пути равнялась приблизительно 1400 милям. Он ехал при наилучших условиях и делал в среднем около 5 миль в час. Обыкновенный путешественник не смог бы проехать это расстояние и за вдвое больший срок. Это был почти тот же максимум скорости, которого достигли римляне в I веке до Р. Х. И вот произошла эта перемена. Железные дороги сократили время этого пути почти до 48 часов для обыкновенного путешественника. Иными словами, они сократили главные расстояния Европы в десять раз. Благодаря ним оказалось возможным управлять из одного центра территориями, в десять раз более обширными, чем раньше. Но Европа даже до сих пор не осознала еще все значение железных дорог. Она и в наши дни все



Паровоз Тревитика

еще стеснена границами, проведенными в эпоху лошадей и шоссе.

В Америке результаты введения железных дорог сказались немедленно. Для Соединенных Штатов, расширявшихся на запад, это означало возможность постоянной связи с Вашингтоном, как бы далеко ни уходила от него граница. Железные дороги сделали возможным тесное единение в масштабах, в которых раньше оно было бы невозможным.

Пароход вначале даже несколько опередил локомотив в ранней фазе его развития. На канале Ферт оф Клэйд в Англии уже в 1802 г. был пароход «Шарлотта Дунди», а в 1807 г. американец Фултон завел на реке Гудзон, выше Нью-Йорка, пароход «Клермонт» с построенной в Англии машиной. Первый вышедший в море пароход «Феникс», который отправился из Нью-Йорка

(Гобокен) в Филадельфию, был также американским. Американской же была «Саванна» — первый пароход, совершивший переход через Атлантический океан (1819) («Саванна» была снабжена также парусами). Все эти пароходы были колесными, но колеса непригодны для плавания в бурю, лопасти колес легко ломаются, и пароходом нельзя больше управлять. Изобретение винта последовало не сразу. Пришлось преодолеть много трудностей, прежде чем винты оказались пригодными для этого дела. Лишь в середине XIX столетия тоннаж морских пароходов начал превышать тоннаж парусников. Но тут уже эта эволюция в морском транспорте пошла быстро. Впервые люди стали переплывать моря и океаны с некоторой уверенностью, что они прибудут на место назначения в определенное время. Переезд через Атлантический океан, бывший прежде делом довольно опасным и длившийся несколько недель, а иногда и несколько месяцев, начал постепенно ускоряться, и, наконец, в 1910 г. быстроходные пароходы стали совершать его в пять дней, заранее определяя время прибытия с точностью до одного часа.

Одновременно с развитием парохода и железных дорог Вольт, Гальвани и Фарадей, исследовавшие различные явления в области электричества, дали человечеству новое поразительное средство для общения друг с другом. Электрический телеграф появился в 1835 г. Первый подводный кабель был проложен в 1851 г. между Францией и Англией. В течение нескольких лет телеграф распространился по всему цивилизованному миру, и известия, раньше медленно распространявшиеся из одного

места в другое, теперь стали узнаваться одновременно во всех пунктах земного шара.

Эти изобретения — паровые железные дороги и электрический телеграф — казались воображению людей середины XIX века самыми удивительными и внезапно сделанными изобретениями, но на деле это были только очевиднейшие и еще неуклюжие плоды гораздо более глубокого процесса. Технические знания развивались необычайно быстро и широко, в сравнении с прогрессом всех предыдущих лет. Гораздо менее заметным, на первый взгляд, в обыденной жизни, но, в конце концов, гораздо более важным было расширение власти человека над различными строительными материалами. До середины XVIII века железо извлекалось из руды посредством древесного угля. Получались лишь мелкие куски железа, которые ковали, чтобы придать им желаемую форму. Эту работу исполняли ремесленники-кустари. Качество и обработка были в большой зависимости от опытности и умения работника, поэтому в XVI веке нельзя было выделывать железные предметы, превышающие весом две или три тонны (это ставило, кстати, очень определенную границу размеру пушек). Доменная печь появилась в XVIII веке и стала совершенствоваться после введения в употребление кокса. Только в XVIII веке мы получили листовое (1728) и брусковое железо (1783). Паровой молот появился лишь в 1838 г.

Древний мир не мог употреблять пара вследствие того, что его металлургия стояла на низком уровне. Паровая машина и даже примитивный насос не могли быть изобретены, пока не было листового железа. Прежние

машины кажутся современному глазу очень жалкими и грубыми кусками металла, но они представляли собой максимум, который могла дать тогдашняя металлургия. В 1856 г. был найден способ Бессемера и, вслед за тем (1864), способ открытого очага, благодаря которому сталь и всякого рода железо могли быть расплавлены, очищены от примесей и вылиты в формы, причем все это производилось в дотоле невиданных размерах и с дотоле невиданным совершенством. В настоящее время в электрических печах можно видеть целые тонны расплавленной стали, кипящей, как молоко в кастрюльке. Ни одно из предыдущих достижений человечества не может равняться по своему значению этому умению обращаться с громадными массами стали и железа, изменять по желанию их состав и качество. Железные дороги и первые машины разных родов были только первым торжеством новых методов металлургии. Вскоре появились суда, сделанные из железа и стали, огромные мосты и постройки из стали — все это в гигантском масштабе. Люди поздно увидели, что железнодорожные пути слишком несовершенны, и что они могли бы организовать транспорт гораздо лучше и в гораздо большем масштабе.

До XIX столетия в мире не было ни одного судна вместимостью более 2000 тонн, теперь же есть пассажирские пароходы, водоизмещение которых равняется 50000 тоннам. Есть люди, смеющиеся над этим прогрессом, называющие его «чисто количественным», но такие насмешки указывают лишь на их умственную ограниченность. Большие суда и железные остовы для постройки

вовсе не являются увеличенным изданием малых судов или малых построек прежнего времени, как они думают. Они совершенно различны по существу, они построены гораздо легче и проще, из лучшего и более крепкого материала; они больше не строятся по готовым образцам или по личному вдохновению, а на основании тонких и сложных выкладок. В здании или судне старого типа строитель рабски подчинялся материи и ее законам. В постройках нового образца материя подчиняется строителю, он ее изменяет, лепит по своему желанию. Подумайте только об угле, железе и песке, извлеченных из гор и ям, разбитых, обработанных, расплавленных, вылитых и превращенных в тонкий блестящий шпиль из стали и стекла, возвышающийся на высоте шестисот футов над скученным городом.

Мы привели эти подробности движения вперед человеческих знаний в области обработки стали и его результаты лишь в виде иллюстрации. То же самое можно было бы сказать об обработке меди, олова и множества других металлов. Назовем хотя бы два — никель и алюминий, — неизвестные до наступления XIX века. И именно в этом великом и все растущем господстве над веществом, над разными сортами стекла, камня, цемента и другими, над красками и тканью проявились главные достижения революции в технике. Однако мы все еще находимся в стадии собирания первых плодов. Мы имеем власть, но должны еще научиться ее употреблять. Часто случалось, что применение научных познаний на практике выходило грубым, мишурным, бестолковым или же ужасным. Художник и ремесленник едва только начали

работать над бесконечным разнообразием материалов, находящихся теперь в их распоряжении.

Параллельно с этим развитием техники росла новая наука об электричестве. Только в восьмидесятых годах XIX века в этой области начали проявляться результаты, поразившие толпу. Затем вдруг появились электрический свет, электрическая тяга, превращение силы. Возможность посылать силу (которая по желанию может превращаться в механическое движение, свет или теплоту) по медной проволоке, как воду по трубе, стала проникать в умы обыкновенных людей.

Вначале англичане и французы шли впереди других народов в отношении успехов в развитии науки. Но вскоре немцы, научившиеся смирению при Наполеоне, выказали такое усердие и такую настойчивость в научных изысканиях, что опередили французов и англичан. Британская наука была в большой степени созданием англичан и шотландцев, работавших вне обычных центров эрудиции.

Британские университеты отличались в то время крайней отсталостью, вызванной педантичным заучиванием в них латинских и греческих классиков. У французов в педагогике также господствовали классические традиции школ иезуитов, вследствие чего немцам нетрудно было организовать кадры исследователей, незначительные, правда, сравнительно с задачей, которую они себе ставили, но очень большие по сравнению с кучкой французских и английских изобретателей и экспериментаторов. И хотя эта научная работа сделала Англию и Францию самыми богатыми и могущественными странами мира,

она не дала богатства и власти ученым и изобретателям. Искренне преданный науке человек всегда бывает, как говорят, «не от мира сего». Он слишком занят своими работами, чтобы строить планы о том, как извлечь из них деньги. Экономическая эксплуатация его открытий очень легко и естественно попадает потому в руки более алчной личности, и мы видим, что богачи, появляющиеся в Великобритании при каждом новом научном или техническом прогрессе, хотя и не выказывают такого страстного желания оскорбить и убить несущего национальные золотые яйца гуся, как представители схоластики и клерикалы, однако спокойно позволяют этим полезным существам голодать. Изобретатели и изыскатели рождаются для того, думают они, чтобы их трудами пользовались умные люди.

В этом отношении немцы оказались немного умнее. Немецкие педанты не выказывали такой сильной ненависти к новой науке. Они допустили ее развитие. Немецкий делец и фабрикант не презирали так человека науки, как делали это его английские соперники. Наука, находили немцы, может дать хорошую жатву, прибыльную для удобрившего почву. Они оказывали, поэтому, некоторую поддержку ученым. Их траты на научные работы были сравнительно велики, и эти траты были обильно вознаграждаемы. Во второй половине XIX века знание немецкого языка стало необходимым благодаря трудам немецких ученых, для всякого, желавшего быть в курсе последних работ по его специальности, в некоторых отраслях, а особенно в химии, Германия значительно опередила своих западных соседей. Научный подъем

шестидесятых и семидесятых годов в Германии начал практически сказываться после восьмидесятых, и Германия сильно превзошла Англию и Францию в развитии техники и промышленности.

В истории изобретений развернулась новая страница, когда в восьмидесятых годах появилась новая машина, в которой двигательная сила взрывчатой смеси заменила двигательную силу пара. Легкие, очень сильные машины, которые таким образом можно было делать, были применены к автомобилям и достигли такой легкости и силы, что сделали полеты по воздуху — долго считавшиеся невозможными — свершившимся фактом. Удачный летательный аппарат — но недостаточно большой, чтобы поднять человека, — был построен профессором Ланглом из Смитсонского института в Вашингтоне в 1897 г. В 1909 г. аэроплан стал средством передвижения для людей. С улучшением железных дорог и автомобильным движением казалось, что в увеличении быстроты передвижения наступила пауза, но с появлением аэроплана действительное расстояние между различными пунктами земного шара еще более сократилось. В XVIII столетии от Лондона до Эдинбурга было восемь дней езды. В 1918 г. британская гражданская комиссия воздушного транспорта сообщила, что путь от Лондона до Мельбурна — полпути вокруг света — через несколько лет будет совершаться в тот же восьмидневный срок.

Не надо придавать слишком большое значение таким поразительным сокращениям расстояния от одного места до другого. Это только указание на более глубо-

кое и более значительное расширение человеческой мощи. Агрономия и агрономическая химия, например, сделали такие же успехи в XIX веке. Люди научились так удобрять почву, что стали получать вчетверо и впятеро большие урожаи, чем получали с той же площади в XVII веке. Еще необычайнее были успехи медицины. Средняя продолжительность жизни человека увеличилась, возросла работоспособность, сократилась смертность от болезней.

Мы имеем теперь дело с крупной переменой в жизни человечества, устанавливающей новый фазис в его истории. Эта революция в технике произошла на протяжении немногим более одного столетия. В это время человек сделал в материальных условиях жизни такой скачок вперед, какого не сделал в длинный период времени от палеолитической эпохи до начала земледелия или от времени царствования Пепи в Египте до Георга III. Создалась новая гигантская материальная основа для людских отношений. Эти изменившиеся условия, очевидно, требуют больших перемен в нашем социальном, экономическом и политическом строе. Но эти перемены по необходимости ждали развития революции в технике, а ныне еще находятся в своей начальной стадии.

ГЛАВА 20. ПЕРЕВОРОТ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

У многих историков наблюдается тенденция смешивать то, что мы здесь назвали «революцией в технике» (т. е. совершенно новое, еще неизвестное человечеству,

явление, возникшее благодаря систематическому развитию науки, новый шаг вперед, подобный изобретению земледелия или открытию металлов) — с обстоятельством совершенно иного свойства и иного происхождения, имевшим уже в истории прецедент, — а именно с тем развитием социальных и финансовых сил, которое известно под названием «переворота в промышленности». Оба процесса шли параллельно, постоянно оказывали друг на друга влияние, но по существу они в корне отличались друг от друга. Даже если бы мир не узнал каменного угля, силы пара, машин, все же в промышленности произошел бы какой-нибудь переворот, но, в таком случае, он наверное явился бы довольно точным воспроизведением социального и финансового развития последних лет Римской республики. Вновь повторилась бы история с обездоливанием свободных земледельцев, с артельным трудом, крупными имениями, огромными, нажитыми спекуляцией, состояниями и разрушительным, в социальном отношении, финансовым процессом. Ведь мануфактуры возникли еще до применения механической рабочей силы и изобретения машин. Мануфактуры явились продуктом не изобретения машин, а «разделения труда». Еще до применения в промышленности даже простого водяного колеса вымуштрованные, занятые тяжким трудом рабочие уже занимались изготовлением различных предметов вроде картонных коробок и мебели, раскрашивали географические карты и иллюстрации для книг. В Риме, при Августе, уже существовали мануфактуры. В мастерских книготорговцев, например, новые книги диктовались целым рядам пере-

писчиков. Человек, внимательно прочитавший сочинения Дефо и политические памфлеты Филдинга, поймет, что мысль сгонять бедняков толпами в помещения, чтобы они там совместно работали и могли прокормиться, пользовалась популярностью в Англии еще до конца XVII века. Намеки на нее встречаются даже в таком старинном сочинении, как «Утопия» Томаса Мора (1516). Это явление социального порядка, независимое от развития техники.

Вплоть до середины XVIII века социальная и экономическая история Западной Европы, в сущности, следовала по тому же пути, по которому шел и Рим в течение трех последних столетий до Р. Х. Но политическая разобщенность Европы, политические возмущения против монархического правления, сопротивление низших классов, а также, быть может, большая способность западных европейцев к технике и техническим изобретениям дали этому процессу совершенно иное направление. Идея о солидарности всех людей была, благодаря христианству, гораздо более широко распространена в новом мире Европы, политическая власть не была сосредоточена в одних руках, и энергичные люди, стремившиеся разбогатеть, охотно поэтому отказывались от рабства и эксплуатации наемного труда в пользу применения механической силы и машин.

Революция в технике (процесс технических изобретений и открытий) была чем-то совершенно новым, еще неизвестным человечеству; она шла, развиваясь дальше, не считаясь с теми социальными, политическими и экономическими последствиями или переменами

в промышленности, которые она могла вызвать. С другой стороны, революция в промышленности, как и большинство дел человеческих, подверглась и продолжает еще подвергаться все более и более глубоким изменениям и отклонениям, вследствие неодинаковости условий человеческой жизни. И существенное различие между накоплением богатств, уничтожением класса мелких арендаторов, мелких торговцев и эрой крупных финансовых предприятий, характерных для Рима последних веков республики, с одной стороны, и весьма схожей концентрацией капитала в XVIII и XIX столетиях — с другой, — это различие кроется в глубоком несходстве характера труда здесь и там, несходстве, явившемся результатом переворота в технике. Рабочей силой Древнего мира являлась человеческая сила: все в конечном итоге зависело от силы человеческих мышц, мышц невежественных, порабощенных людей. В подмогу им изредка пользовались животными, например, волами или лошадьми. Если нужно было поднять тяжесть, ее поднимали люди; где нужно было срыть гору, ее срывали люди; где требовалось вспахать поле, его вспахивали люди и волы; нашим пароходам у римлян соответствовали галеры с рядами гребцов, с которых от тяжких усилий градом струился пот. В древних культурах огромная часть всего человечества была занята тяжелым физическим трудом чисто механического свойства. Вначале и машины, работавшие посредством механической силы, не обещали, казалось, освобождения от этого грубого физического труда. Большие партии рабочих были заняты рытьем каналов, вырубкой лесов, постройкой насы-

пей для железных дорог и тому подобными работами. Число горнорабочих значительно увеличилось. Но по мере того, как приближался к концу XIX век, все яснее и яснее выявлялась логика нового положения дел. Люди стали больше не нужны, как источник физической силы. Что мог механически сделать человек, то могла скорее и лучше сделать машина. Люди стали нужны лишь как таковые. Раб, являвшийся основой всех прежних культур, — существо, знавшее одно лишь послушание, человек, мозг которого был совершенно излишним придатком, — стал совершенно не нужен для благополучия человеческого рода.

И это утверждение правильно не только по отношению к новейшей металлургической промышленности; оно верно и для самых древних производств, таких, как земледелие и горный промысел. Появились быстро работающие машины, могущие пахать, сеять и жать; они заменили труд нескольких десятков людей. Культура Рима была построена на дешевых, лишенных человеческого достоинства, рабах. Современная цивилизация вновь перестраивается на основах дешевой механической силы. За последнее столетие машины постепенно дешевели, а труд — дорожал. Если машинам пришлось в продолжение одного или двух поколений дожидаться применения их в горном деле, то это происходило лишь потому, что в течение некоторого времени люди стоили дешевле, чем машины.

Это была перемена первостепенной важности в жизни человечества. Главной заботой богача и правителя в древних культурах было иметь надлежащее число рабов.

Но чем ближе к концу подходил XIX век, тем яснее стало для руководящих умов, что низшие классы не могли оставаться рабами, им нужно было дать образование, хотя бы для поднятия производительности их труда. Рабочий должен был понимать, что он делает. С первых же дней распространения христианского учения среди народных масс Европы робко засиял, как тлеющий уголек, свет знания. Этот процесс стал заметен везде, где ступил ислам: ведь необходимо было внушить верующему хотя бы слабое представление о вере, через которую он спасался, а также дать ему возможность прочесть кое-что из священных книг, содержащих исповедуемое им учение. Столь излюбленные в Китае диспуты и борьба за приобретение последователей подготовили почву для семян знания. В Англии, например, в тридцатых и сороковых годах XIX столетия полемика между различными сектами и необходимость привлечения последователей, пока они находились еще в юном возрасте, вызвали возникновение целого ряда соперничавших между собой учебных заведений: «национальные» церковные школы, «британские» школы диссидентов и даже римско-католические школы. Вторая половина XIX века является периодом быстрых успехов народного образования на всем пространстве, куда проникла западная культура. Высшие же классы не сделали соответствующего шага вперед, несомненно, они пошли дальше, но далеко не в столь значительной степени, и потому огромная пропасть, до сих пор разделявшая всех людей на грамотных и неграмотных, закрылась и превратилась в едва лишь заметное различие в уровне

образования. А позади этого процесса стоял переворот в технике, на первый взгляд, казалось, не имевший никакого отношения к социальным условиям, а на самом деле настоятельно требовавший уничтожения во всем мире класса неграмотных.

Простонародье в Риме никогда ясно не сознавало экономического переворота, происшедшего при республике. Обыкновенный римский гражданин не видел перемен, которые он переживал, с той ясностью и сознательностью, с которой мы теперь видим их. Но индустриальный переворот по мере того, как он развивался к концу XIX века, становился для низших классов, которые он преимущественно затрагивал, все более и более ясно «видимым», благодаря тому, что они научились читать, обсуждать разные вопросы и делиться мнениями, а также потому, что они могли передвигаться с места на место и видеть многое из того, что раньше им казалось совершенно недоступным.

ГЛАВА 21. РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕЙ

В древних культурах учреждения, обычаи и политические идеи вырастали медленно, век за веком; никто их заранее не предначертал, никто не предвидел, куда они приведут. Только когда настал великий век юности человечества — VI век до Р. Х., — люди начали задумываться над взаимными своими отношениями, впервые стали критиковать установленные верования, законы и способы управления и впервые предложили изменить

и переустроить их. Мы уже говорили о блестящей заре умственной жизни, народившейся в Греции, в Александрии, о том, как это многообещающее начало было вскоре омрачено падением основанных на рабстве культур и черными тучами религиозной нетерпимости и абсолютизма. После этого только в XV и XVI веках мы видим, как сквозь духовный мрак, окутавший Европу, вновь пробивается луч смелой и независимой мысли. Мы старались показать, какую роль в этом постепенном очищении умственного горизонта Европы сыграл великий вихрь арабской и монгольской любознательности. Сначала успехи стала делать прикладная наука. Первыми плодами возродившейся энергии расы были материальные достижения и материальное могущество. Науки, трактующие о человеческих взаимоотношениях, индивидуальная и социальная психология, педагогика и политическая экономия, являются не только более тонкими и сложными сами по себе, но кроме того неразрывно связаны с множеством душевных переживаний. Успехи, сделанные этими науками, были гораздо более медленны и вызвали значительно более сильную критику. Люди могут спокойно выслушивать разные теории о звездах и молекулах, но всякие мысли относительно основ нашей жизни затрагивают всех, кто нас окружает, и отражаются на нас же.

Подобно тому, как в Греции смелые теории Платона появились раньше, чем Аристотель начал свои точные исследования фактов, так и в Европе первые шаги на поприще политических наук вылились в форму «утопических» повестей, являвшихся прямым подражанием «Ре-

спублике» и «Законам» Платона. «Утопия» сэра Томаса Мора — любопытное подражание Платону. Плодом ее явился новый закон о бедных в Англии. «Город солнца» неаполитанца Кампанеллы более фантастичен и дал меньше результатов.

К концу XVII века мы находим в Европе обширную и все более часто появляющуюся литературу по политическим и социальным наукам. Одним из первых, принявшихся за изучение этих вопросов, был Джон Локк, сын англичанина-республиканца, студент Оксфордского университета, вначале занимавшийся химией и медициной. Его сочинения об управлении государством, о веротерпимости и о воспитании юношества доказывают, что он искренно верил в возможность социального переустройства. Наряду с Локком, хотя и немного позже его, француз Монтескье (1689–1755) подверг все социальные, политические и религиозные установления тщательному и основательному анализу. Он сорвал романтический покров с абсолютной монархии во Франции. Ему, наряду с Локком, принадлежит честь уничтожения многих ложных идей, дотоле мешавших сознательным и планомерным попыткам перестроить общество.

Поколение, следовавшее за ним, в середине и конце XVIII века смело стало возводить свои построения на расчищенной им от нравственных и умственных заблуждений почве. Группа блестящих писателей, энциклопедистов, в большинстве своем бывших воспитанниками великолепных школ иезуитов, подняли знамя восстания и задались целью выработать проект обновления мира.

Наряду с энциклопедистами, действовали экономисты, или физиократы, которые смело и резко ставили вопрос о производстве и распределении пищи и товаров. Морелли, автор сочинения «Code de la nature», нападал на институт частной собственности и предложил переустроить общество на коммунистических началах. Он был предшественником той обширной и разнообразной школы мыслителей-коллективистов XIX века, к которым обычно без всякого различия приклеивают этикетку «социалисты».

Что такое социализм? Существуют сотни определений социализма и тысячи социалистических сект. По существу своему, социализм является не более и не менее, как критикой идеи собственности с точки зрения общественной пользы. Сделаем краткий обзор истории этой идеи с момента ее зарождения. Вместе с другой идеей — идеей интернационализма — она является той осью, на которой главным образом вращается наша политическая жизнь.

Идея собственности возникает из воинственного инстинкта вида. Задолго еще до того, как люди стали людьми, их прародитель — обезьяна — уже был собственником. Зверь борется за свою примитивную собственность. Собака и ее кость, тигрица и ее логово, ревущий олень и его стадо — вот яркие примеры собственников. Старшина рода раннего палеолитического периода всегда отстаивал в своем мирке свое право собственности на жен и дочерей, на орудия. Если в его мир врывался другой мужчина, он вступал с ним в борьбу и убивал его, если мог. Род со временем стал разрастаться, как убедительно

доказал Аткинсон в своем «Первобытном законе», вследствие того, что старшина постепенно начал мириться с существованием вокруг него более молодых мужчин, с их правом собственности на жен, захваченных ими на стороне, на орудия и украшения, ими изготовленные, и на убитую ими дичь. Человеческое общество создалось на основании соглашения между одним собственником и другим. Это был компромисс с инстинктом, на который люди принуждены были согласиться ввиду необходимости изгонять со своей территории какое-нибудь другое племя. Если холмы, леса и ручьи не являются ни «моей», ни «твоей» собственностью, то это происходит лишь потому, что они должны, в силу необходимости, быть «нашей» землей. Каждый из нас предпочел бы назвать эту землю своей, но это невозможно. В таком случае те, чужие, уничтожили бы нас. Общественная жизнь поэтому, с самого своего начала является «смягчением права собственности». Чувство собственности у зверя и у первобытного дикаря было гораздо более развито, чем в наше время в цивилизованном мире. Оно коренится скорее у нас в инстинкте, чем в разуме.

Для дикаря и для современного необразованного человека не существует никаких ограничений права собственности. Что человек может завоевать, тем он может и владеть: женщинами, оставленными в живых пленными, пойманными зверями, расчищенным местом в лесу, каменоломней и чем угодно. По мере того, как росла численность общины, установилось нечто вроде закона, запрещавшего междуусобицы, и люди стали вырабатывать разные примитивные приемы для улаживания

всех подобных дел. То, что человек сам изготовил, или же захватил, или на что первый заявил притязание, то и считалось его собственностью. Казалось естественным, чтобы несостоятельный должник становился собственностью своего кредитора. Также естественным казалось, чтобы человек, заявивший свое право на какой-нибудь клочок земли, требовал платы с того, кто хотел ею пользоваться. Лишь понемногу, по мере того, как люди начали сознавать возможность организованной жизни, они почувствовали, что это неограниченное право собственности, распространявшееся решительно на все, превращается в стеснение. Люди почувствовали, что рождаются в мире, где все является частной собственностью и на все уже заявлено право. В настоящее время трудно проследить социальную борьбу в Древнем мире, но уже из того, что мы сообщали о Римской республике, видно, как в римском обществе пробудилось сознание того, что задолженность множества отдельных лиц может превратиться в общественное бедствие и что ее, в таком случае, следует аннулировать. Сознавало оно также, что неограниченное право на владение землей может тоже оказаться большим неудобством. Затем мы видим, что в Вавилоне, под конец его существования, право владения рабами подверглось строгому ограничению. Наконец, в учении великого революционера, Иисуса из Назарета, мы находим дотоле еще неслыханные нападки на частную собственность. Легче, говорит он, верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем владеющему обширными богатствами войти в царствие небесное. По-видимому, за последние двадцать пять или трид-

цать веков в мире происходит постоянное неуклонное критическое обсуждение границ, в которых может быть дозволено право собственности. Мы видим, что девятнадцать веков спустя после Иисуса из Назарета весь признающий христианское учение мир пришел к убеждению, что не может существовать право собственности на человеческие существа. А то положение, что «человек может со своей собственностью делать, что хочет», также оказалось сильно поколебленным по отношению к прочим видам собственности.

Но к концу XVIII столетия мир еще находился в стадии колебания по отношению к вышеуказанному положению. Он не имел никаких ясных, а тем более определенных данных для вынесения окончательного решения. Одним из первых побуждений везде являлось стремление охранить собственность от посягательства алчных и расточительных монархов и эксплуатации знатных авантюристов. Французская революция, в значительной степени, была вызвана желанием охранить частную собственность от налогов. Но провозглашенный революцией лозунг равенства превратил ее в противника того самого института собственности, для защиты которого она началась. Как могут люди быть свободными и равными, когда многие из них не имеют клочка земли, когда им нечего есть, а собственники не хотят им давать ни крова, ни пищи, иначе как за непосильный труд?

На этот вопрос одна значительная политическая группа ответила «всеобщим разделом». Эти деятели хотели сделать собственность более интенсивной и универсальной.

Собственником должно было являться само государство (подразумевалось, конечно, демократическое).

Парадоксальным кажется, что люди, одинаково поставившие себе целью достижение всеобщей свободы и счастья, предлагали: одни — сделать частную собственность абсолютно неотъемлемой, а другие — совершенно уничтожить ее. Но так было на деле. И разгадка этого парадокса кроется в том, что право собственности есть нечто весьма сложное, а отнюдь не простое.

Лишь в течение XIX столетия люди начали давать себе отчет в том, что право собственности не однородно, а включает в себя право на владение множеством совершенно разных ценностей и предметов, что многие вещи (как, например, тело человека, кисть художника, одежда, зубная щетка) являются безусловной и неотъемлемой его собственностью. Но существует целый ряд предметов — железные дороги, различного рода машины, дома, обработанные сады, яхты и лодки для катания, например, вопрос о которых должен быть каждый раз подвергнут тщательному обсуждению, чтобы определить, до какой степени и в каких пределах они могут считаться частной собственностью, или насколько они принадлежат обществу и могут быть взяты под контроль государства и предоставлены во всеобщее пользование в интересах всего народа. Практическая сторона этого вопроса входит в область политики и превращается в задачу создания продуктивной администрации. Вопрос этот также касается области социальной психологии и сталкивается с выводами научной педагогики. Критика института собственности до сих

пор является скорее вопросом личного чувства, чем достоянием науки. С одной стороны, мы имеем индивидуалистов, которые желали бы обеспечить и увеличить нашу настоящую свободу посредством установления права полной собственности на все то, чем мы владеем, а с другой — социалистов, которые хотят во многом урезать нашу собственность и ограничить наши владельческие права. На практике можно найти много градаций между крайним индивидуалистом, который еле соглашается на уплату налога для поддержания правительства, и коммунистом, отрицающим собственность. Обычно современный социалист является т. н. коллективистом; он до известной, довольно значительной, степени признает частную собственность, но считает, что воспитание, транспорт, копи, земля, большинство массовых производств предметов первой необходимости и т. п. должны быть переданы в руки высокоорганизованного государства. Все больше и больше людей приходят к сознанию, что необразованный человек неохотно и неуспешно работает на крупных предприятиях, и что каждый шаг, ведущий к более сложному положению вещей, каждый переход какой-нибудь функции из частных рук в руки государства настоятельно требует соответствующего прогресса в воспитании, в организации надлежащего руководства и контроля. Как печать, так и политические приемы современного государства слишком грубы, чтобы дать возможность развернуться коллективной деятельности.

Враждебный государству индивидуалист враждебен также и таможенным тарифам, государственным границам

и всем стеснениям в свободе действий и передвижений, которые, очевидно, вытекают из установления этих границ. Интересно проследить, как два течения, столь отличные по духу, столь разные по существу, как этот окрашенный классовой борьбой социализм марксистов и индивидуалистическая фритредерская философия английских купцов эпохи королевы Виктории, сходятся, в конце концов, несмотря на различные исходные точки, в необходимости создания нового мирового хозяйства, не считающегося с пределами и ограничениями существующих государств. Логика действительности побеждает логику теории. Мы начинаем выяснять для себя, что имеющие столь далекие друг от друга точки отправления, индивидуалистическое и социалистическое учения, являются лишь двумя видами одного общего искания более широких политических и социальных идей и лучшего применения их, на почве которого могут сойтись все люди для совместной работы; искания, вновь возникшего в Европе и становившегося все интенсивнее по мере того, как в душе людей исчезало доверие к идеям Священной Римской империи и христианства, а век открытий расширял их горизонт и отдавал в их распоряжение, вместо одного бассейна Средиземного моря, весь земной шар.

Довести настоящий очерк возникновения и развития социальных, экономических и политических идей вплоть до современных взглядов мы не можем, так как это значило бы ввести в настоящую книгу слишком спорные вопросы, что не соответствовало бы ни ее объему, ни ее цели. Но если рассматривать эти вопросы так, как мы

их рассматривали здесь, с открывающей широкие горизонты точки зрения мировой истории, то нельзя не признать, что полная переоценка этих руководящих идей человечества все еще не закончена. И мы не можем даже дать себе полного отчета в том, сколько работы нам предстоит в этом направлении. Как будто бы начинают выделяться некоторые пункты, получившие общее признание, влияние их на современные политические события и общественные дела уже становится заметным, но они в настоящее время не являются еще ни достаточно выясненными, ни достаточно убедительными, чтобы принудить человечество ввести их в жизнь. Действия людей колеблются между традициями и новыми веяниями и, в общем, скорее склоняются в сторону традиций. Однако, если мы сравним нынешние взгляды человечества с тем, что было в совсем недавние времена, то, несомненно, увидим, что вырисовываются очертания какого-то нового порядка вещей. Эти очертания еще крайне неясны, а кое-где покрыты мраком; подробности и формулировка положений этого нового порядка постоянно колеблются и меняются, но все же туман, скрывающий его, постепенно рассеивается, и его основные черты проступают все отчетливее и отчетливее.

С каждым годом становится все яснее, что во многих отношениях и в целом ряде вопросов человечество начинает превращаться в одну огромную общину, и что поэтому в подобных делах все больше и больше чувствуется необходимость мирового контроля. Упорно, например, возрастает уверенность в том, что вся наша

планета в экономическом отношении представляет собою одну единицу, что для правильной эксплуатации ее естественных богатств необходим один компетентный руководящий центр. Увеличившееся могущество человеческого труда и расширение области его применения, являющиеся следствием новейших открытий, делают настоящее неорганизованное, частичное и часто противоречивое ведение этой отрасли хозяйства все более и более опасным и хищническим. Всякие финансовые и денежные операции также начинают приобретать мировое значение, и успешное ведение их возможно только в мировом масштабе. Заразные болезни, увеличение народонаселения и массовые переселения также являются, как теперь ясно увидели, явлениями, имеющими международное значение. Благодаря сильно выросшему могуществу человека и расширению сферы его деятельности, чудовищно возросла разрушительность войны и дезорганизация, ею вызываемая, и потому война теперь не может больше считаться действенным, хотя и грубым средством, для улаживания недоразумений между двумя правительствами и народами. Все эти явления настоятельно требуют контроля и власти, более обширной и более вдумчивой, чем все до сих пор существовавшие правительства.

Однако отсюда не следует, что решение этой задачи лежит в образовании какого-нибудь всемирного сверхправительства путем завоеваний или слияния уже существующих правительств. По аналогии с уже известными учреждениями, люди мечтали о парламенте всего человечества, о всемирном конгрессе, о президенте или импе-

раторе земного шара. Наше первое естественное побуждение влечет нас к какому-нибудь заключению в этом роде, но полувековой опыт и обмен мыслями, в общем, привели к признанию неправильности этой первой естественной мысли. Это как раз и есть линия наибольшего сопротивления объединению человечества. Последние теории склоняются, по-видимому, к образованию целого ряда особых комитетов или организаций с всемирными полномочиями, передаваемыми им существующими правительствами для урегулирования определенных дел. Эти учреждения должны будут препятствовать расхищению естественных богатств, содействовать их развитию, ведать уравниванием условий труда, международным миром, денежным обращением, количеством населения, народным здравием и т. д.

Человечество, может быть, откроет, что все его общие дела ведутся так, как бы они составляли одно целое, и в то же время не будет еще сознавать, что существует всемирное правительство. Но раньше, чем будет достигнута даже эта степень объединения, раньше, чем удастся подобным международным учреждениям восторжествовать над национальной подозрительностью и ревностью, необходимо, чтобы все умы прониклись сознанием единства человечества, чтобы представление обо всех людях как о членах одной семьи получило распространение по всей Земле и проникло в сознание каждого.

В течение нескольких десятков веков дух великих всемирных религий стремился укрепить и распространить эту идею о всеобщем братстве людей. Но до сего дня за-

висть, злоба и недоверие, вызываемые племенной, национальной или расовой враждой, препятствуют — и весьма успешно — шире взглянуть на эту проблему и последовать великодушным побуждениям, которые превратили бы каждого человека в слугу всего человечества. Идея о всеобщем братстве в настоящее время борется за власть над душой человека так же, как во время смут и беспорядков VI и VII столетий идея христианства боролась за власть над душой Европы. Распространение и содействие торжеству подобных идей должно стать делом множества бескорыстных и преданных человечеству миссионеров, но ни один современный писатель не может предугадать, насколько далеко зашла уже эта работа, какую она подготовила жатву.

Социальные и экономические вопросы, по-видимому, неразрывно связаны с международными вопросами. Решение их в каждом отдельном случае кроется в обращении к осознанию необходимости служения человечеству, которое нередко проникает в человеческие сердца и воодушевляет их. Недоверие, упорство и эгоизм наций отражают недоверие, упорство и эгоизм каждого отдельного предпринимателя и рабочего при решении вопроса об общем благе и, в свою очередь, отражаются ими. Извращенные чувства собственности в отдельных личностях находят себе параллель в разбойничьей жадности наций и монархов. Оба явления носят идентичный характер, это продукты одних и тех же инстинктивных побуждений, одного и того же невежества, одних и тех же традиций. Интернационализм есть социализм наций. Всякий, кто занимался ре-

шением этих вопросов, чувствует, что для правильного и окончательного решения этих загадок из области человеческих взаимоотношений и совместной работы еще не создано достаточно глубокой и развитой психологической науки, не выработано достаточно планомерного метода воспитания и организации. В настоящее время мы также не можем создать проекта действительно компетентной организации, которая сумела бы обеспечить мир по всей Земле, как не умели люди в 1820 г. составить проект электрической железной дороги; но, быть может, наше желание так же исполнимо и так же близко к осуществлению.

Никто не может перешагнуть пределы своих знаний, ничья мысль не может зайти за пределы современной ей мысли. Нам невозможно угадать или предсказать, скольким поколениям людей придется еще страдать от войн, хищнического способа хозяйствования, отсутствия безопасности и всяких бедствий раньше, чем взойдет заря великой эпохи мира и спокойствия, на наступление которой, по-видимому, указывает вся история, — той эпохи, когда мир будет царить в сердцах по всей Земле, когда рассеется мрак ночи, в котором мы пребываем, бесцельно и неразумно растрачивая нашу жизнь. Предлагаемые решения еще туманны и слишком общи. Их окружают страхи и подозрения. Сейчас происходит огромная работа по смене мировоззрения человечества, но она далеко еще не закончена. Наши понятия становятся яснее и точнее — но насколько быстро или постепенно — сказать трудно. Но чем яснее станут эти понятия, тем больше власти они приобретут над умами и воображением людей.

Нынешнее их бессилие объясняется неуверенностью в их несомненной правильности. Их не понимают, потому что они предлагаются в различных видах и без необходимого порядка. Но, выиграв в точности и определенности, новое мировоззрение приобретет и силу, чтобы заставить себя признать. И сила эта вскоре может начать расти. А как необходимое и логическое последствие подобного, более ясного понимания сути дела, будет предпринята великая работа систематического перевоспитания человечества.

ГЛАВА 22. РАСШИРЕНИЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Ни в одной стране мира не проявились так ярко и быстро последствия новых изобретений в области транспорта, как в Северной Америке. В политическом отношении Соединенные Штаты были воплощением либеральных идей середины XVIII века, которые и выкристаллизовались в их конституции. Эта конституция отрицала монархию, государственную религию, не признавала титулов, ревниво оберегала собственность как ступень к свободе и давала — вначале с небольшими изменениями в каждом штате — право голоса почти каждому совершеннолетнему гражданину мужского пола. Способ голосования был довольно примитивный, и потому политическая жизнь страны вскоре подпала под влияние строго организованных партий, что, впрочем, не помешало недавно освобожденному народу проявить энергию, предприимчивость и дух общественности, далеко

превосходившие подобные качества у всех остальных современных народов.

Затем появилось уже отмеченное нами увеличение скорости передвижения. Любопытно, что Америка, которая больше других стран обязана своим процветанием этой скорости, меньше всего ее чувствовала. Соединенные Штаты ввели у себя железные дороги, речное пароходство, телеграф и т. д. и отнеслись к ним, точно они естественно являлись элементами их роста. А между тем этого не было. Все эти изобретения случайно появились как раз вовремя для сохранения единства Штатов. Нынешние Соединенные Штаты были созданы сначала речным пароходством, а затем — железной дорогой. Без этих изобретений нынешние Соединенные Штаты, эта обширная сухопутная держава, не могли бы существовать. Приток населения на запад был бы гораздо более медленный. Переселенцам, быть может, не удалось бы перебраться через обширные степи центра. Прошло двести лет, прежде чем колонизации удалось пройти путь от моря до Миссури, т. е. меньше половины материка. Первый штат, основанный за рекой, был штат Миссури; основан он был в 1821 г. и существовал исключительно благодаря пароходству. А остальной путь до Тихого океана был пройден в течение нескольких десятков лет.

Если бы мы могли воспользоваться кинематографом, то было бы интересно рассмотреть карту Северной Америки с 1600 г. до нашего времени, год за годом, причем каждую сотню жителей можно было бы обозначать маленькой точкой, а города с населением в сто тысяч человек — отмечать звездочками.

Читатель увидел бы, как эти знаки в течение двух веков медленно ползут вдоль морских побережий и судоходных рек и озер, постепенно распространяясь по всей Индиане, по Кентукки и т. д. Затем около 1810 г. произошла бы перемена, вдоль рек дело пошло бы живее: точки начали бы умножаться и распространяться дальше. Это означало бы, что появились пароходы. Вскоре точки проникли бы в Канзас и Небраску, причем исходной точкой их отправления были бы места стоянок пароходов на больших реках.

Затем, около 1830 г., появились бы черные линии железных дорог, и с этих пор черные точки стали бы уже не расползаться, а прямо разбегаться. Они стали бы появляться так быстро, словно брызги из какого-нибудь пульверизатора. И вдруг кое-где зачернели бы первые звездочки, означающие возникновение первых больших городов с народонаселением в сто тысяч. Сначала один или два города, а затем целое множество городов, каждый из них как узел посреди все возрастающей сети железных дорог.

Рост Соединенных Штатов — процесс, не имеющий прецедента в истории мира: это явление совершенно новое. Подобная община не могла бы возникнуть раньше, а если бы она даже и возникла, то, при отсутствии железных дорог, несомненно, давно развалилась бы. Без железных дорог и телеграфа гораздо легче управлять Калифорнией из Пекина, чем из Вашингтона. Но это огромное население Американских Соединенных Штатов не только чудовищно возросло, но и сохранило свою однородность. Оно даже стало еще более однородным. Житель Сан-

Франциско в настоящее время более похож на жителя Нью-Йорка, чем житель Виргинии — на жителя Новой Англии сто лет тому назад. И процесс ассимиляции все еще продолжается без помех. Железные дороги и телеграф плетут вокруг Соединенных Штатов сеть, которая все больше и больше превращает их в одну огромную единицу, говорящую, думающую и действующую единодушно. Вскоре этому процессу начнет способствовать и авиация.

Эта огромная община Соединенных Штатов есть нечто совершенно новое в истории. Раньше бывали великие державы с населением, превышавшим сто миллионов, но они представляли собой конгломераты различных народов. Подобных размеров еще никогда не достигало ни одно государство с однородным населением. Для этого нового явления мы нуждаемся в новом термине. Мы называем Соединенные Штаты государством так же, как мы зовем государством Францию или Голландию. Но между ними такая же разница, как между автомобилем и пролеткой, запряженной одной лошадью. Они являются созданием различных эпох и различных условий; они работают в разном темпе и совершенно разными способами. Соединенные Штаты в отношении масштаба и перспектив будущего составляют нечто среднее между европейским государством и мировыми соединенными штатами.

Но американскому народу на его пути к нынешнему могуществу и безопасности пришлось пройти через стадию жестокой борьбы. Речные пароходы, железные дороги, телеграф и сопряженные с ними удобства все

же появились слишком поздно, чтобы успеть предотвратить все увеличивавшееся столкновение интересов и взглядов между южными и северными штатами. Во-первых, существовало рабство, во-вторых, все люди были свободны. Железные дороги и пароходы вначале только обострили конфликт, вызванный определенными различиями между обеими частями Соединенных Штатов. Все увеличивавшаяся, благодаря новым способам передвижения, ассимиляция делала вопрос о преобладании духа Севера или духа Юга крайне жгучим. Компромисс вряд ли был возможен. Дух Севера был духом свободы и индивидуализма, а Юг стоял за крупное землевладение и за правление сознательной аристократии над подчиненными ей массами чернокожих рабов. Каждая новая территория, которая, по мере продвижения населения на запад, организовывалась в штат, каждая новая единица, которая включалась в быстро разраставшуюся американскую державу, становилась ареной борьбы между двумя идеями. Нужно было решить, станет ли она штатом свободных граждан, или же в ней получит преобладание система крупных имений и рабства. С 1833 г. американское общество борьбы с рабством не только противодействовало распространению этого института, но агитировало во всей стране за его полную отмену. Спор перешел в открытый конфликт по поводу вопроса о принятии Техаса в союз. Техас вначале входил в состав Мексиканской республики, но его широко колонизировали американцы из рабовладельческих штатов. Он отделился от Мексики, установил свою независимость в 1835 г. и был присоединен

к Штатам в 1844 г. Когда в Техасе действовал мексиканский закон, рабство было там запрещено, но теперь Юг требовал превращения Техаса в рабовладельческий штат. И добился своего.

Между тем развитие океанского пароходства способствовало все возрастающему потоку эмиграции из Европы. Эмигранты увеличивали население северных штатов и способствовали превращению Айовы, Висконсина, Миннесоты и Орегона — земель, обрабатываемых выходцами с севера, — в штаты, что дало антирабовладельческому Северу возможность получить преимущество, как в сенате, так и в палате представителей. Занимавшийся выращиванием хлопка Юг, раздраженный возраставшей угрозой, которую представляло собой аболиционистское движение, и опасавшийся преобладания Севера в конгрессе, начал заводить речь об отделении от союза. Южане начали мечтать об аннексиях, которые они произведут в странах, лежавших к югу от них (Мексике, Вест-Индских островах), о великом рабовладельческом государстве, не соединенном с Севером и доходящем до Панамы. Избрание Авраама Линкольна, противника рабства, в кандидаты на пост президента в 1860 г. заставило Юг отделиться от союза. Южная Каролина издала «декрет об отделении» и начала приготовления к войне. К ней присоединились Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас. В Монтгомери, в штате Алабама, состоялся съезд, на котором Джефферсон Дэвис был избран президентом «американской конфедерации». Была принята конституция, определенно признававшая «институт рабства негров». Авраам Линкольн

оказался типичным представителем тех «новых» людей, которые появились после войны за независимость. Свое детство он провел как частица того огромного потока переселенцев, который постоянно устремлялся на запад. Он родился в Кентукки, в 1809 г., мальчиком был привезен в Индиану, а затем в Иллинойс. Жизнь в лесах Индианы в те дни не отличалась удобствами; дом Линкольна представлял собой простую хижину из бревен в густом лесу, а образование, которое он получил, было скудное и носило случайный характер. Но мать рано научила его читать, и он стал жадно поглощать книги. В семнадцать лет это был высокий, атлетического сложения юноша, очень искусный в борьбе и беге. Некоторое время он служил приказчиком в магазине, затем сам открыл собственное дело, создал компанию вместе с каким-то пьяницей и влез в долги, которые были им окончательно выплачены лишь пятнадцать лет спустя. В 1834 г., когда ему было всего двадцать пять лет, он был выбран членом палаты представителей от штата Иллинойс. В этом штате вопрос о рабстве приобрел особенно острый характер вследствие того, что главой партии за распространение рабства в конгрессе был сенатор Дуглас из Иллинойса. Дуглас отличался прекрасными способностями и пользовался большим авторитетом. В течение нескольких лет Линкольн боролся с ним речами и памфлетами и постепенно превратился в его самого грозного и, в конце концов, победоносного оппонента. Кульминационного пункта их борьба достигла во время предвыборной кампании перед сменой президента в 1860 г. 4 марта 1861 г. Линкольн

был избран. Южные штаты в то время уже отделились от федерального правительства в Вашингтоне и начали военные действия.

Эта гражданская война в Америке велась состоящими из добровольцев армиями, которые постепенно возросли от нескольких десятков тысяч людей до сотен тысяч, и, наконец, федеральные войска стали превышать миллион. Борьба шла на обширном пространстве между Новой Мексикой и океаном на востоке; главными яблоками раздора были Вашингтон и Нью-Ричмонд. Здесь не место говорить о все возраставшей энергии этой чисто эпической борьбы, волна которой перекатывалась взад и вперед по холмам и лесам Теннеси и Виргинии и вниз по Миссисипи. Она сопровождалась чудовищными человеческими потерями: тысячами убитых и раненых. За наступлением тотчас следовало контрнаступление, надежда сменялась отчаянием, вновь возвращалась и вновь исчезала. Временами казалось, что войска конфедерации вот-вот захватят Вашингтон, а федеральная армия приближалась к Ричмонду. Конфедераты, имевшие гораздо более малочисленные войска и меньше средств, сражались под предводительством необычайно талантливого полководца, генерала Ли.

У союзных же войск не было таких способных руководителей. Некоторые генералы были отставлены от должности, на их место были назначены другие, пока, наконец, не настал, при Шермане и Гранте, час победы над обнищавшим и истощенным Югом. В октябре 1864 г. федеральная армия прорвала левый фланг конфедератов, прошла из Теннесси через Джорджию к морю пря-

мо поперек неприятельской территории, а затем повернула через Северную и Южную Каролины и зашла в тыл войск конфедератов. Грант, между тем, удерживал Ли под Ричмондом, пока его не окружил Шерман. 9 апреля 1865 г. Ли и его армия сдались в Аппоматоксе, а через месяц все войска конфедератов уже сложили оружие, и конфедерация прекратила существование.

Эта четырехлетняя борьба потребовала огромного физического и морального напряжения от населения Соединенных Штатов. Принцип автономии отдельных штатов был дорог многим, а Север как будто бы насильственно навязывал Югу отмену рабства. В пограничных штатах родные и двоюродные братья, даже отцы и сыновья, примыкали к разным партиям и оказывались в рядах враждующих между собой армий. Север чувствовал, что его дело правое, но для многих эта правота не являлась безусловной и неоспоримой. У Линкольна подобных сомнений не было. Он стоял за единение, он стоял за широкий мир во всей Америке. Он был против рабства, но рабство он считал вопросом второстепенным. Главная его забота состояла в том, чтобы не дать Соединенным Штатам распасться на две противные и враждующие части.

Когда, в начальной стадии войны, конгресс и генералы федеральных войск стали постепенно освобождать негров, Линкольн воспротивился этому и умерил их пыл. Он стоял за постепенное освобождение рабов с компенсацией. Только в январе 1865 г. вопрос настолько назрел, что конгресс уже мог предложить навсегда отменить рабство посредством внесения поправки в со-

ответствующий параграф конституции, а война уже успела закончиться, когда эта поправка получила санкцию штатов.

По мере того, как тянулась война, первоначальный пыл и энтузиазм стали уменьшаться, и Америке пришлось пройти через все стадии усталости от войны и отвращения к ней. Президент оказался окруженным пораженцами, предателями, уволенными генералами, коварными политическими деятелями различных партий; за ним стоял усталый и сомневающийся в успехе народ, а перед собой он видел неспособных генералов и упавшие духом войска. Его единственным утешением могла быть только мысль, что положение Джефферсона Дэвиса в Ричмонде ничуть не лучше. Правительство Англии вело себя некорректно и позволило агенту конфедерации приобрести три быстроходных капера, из которых больше всего известен «Алабама», они изгоняли суда Соединенных Штатов со всех морей. В Мексике французская армия совершенно игнорировала доктрину Монро. Из Ричмонда приходили коварные предложения прекратить войну, оставить спорные пункты без решения, чтобы позднее обсудить их, а пока заключить союз и ударить общими силами на французов в Мексике. Но Линкольн соглашался принять эти предложения только в том случае, если будет признана победа Союза. Американцы могли совершить подобное дело как один народ, но не как два.

Он удерживал Соединенные Штаты от распада в продолжение длинных, тягостных месяцев поражений и неудач, в продолжение мрачных периодов раздоров

и упадка духа, и нет никаких указаний на то, чтобы он хоть раз отступил от своих намерений. Бывали времена, когда делать бывало все равно нечего; и он сидел тогда в Белом доме, недвижимый и молчаливый, как мрачная статуя Решимости. Бывали времена, когда он, чтобы отдохнуть от напряжения, шутил и рассказывал анекдоты.

Ему удалось увидеть торжество союза. Он вошел в Ричмонд на другой день после его сдачи и услышал про капитуляцию Ли. Затем он вернулся в Вашингтон и 11 апреля произнес свою последнюю публичную речь. Темой ее были примирение и восстановление лояльного правительства в побежденных штатах. Вечером 14 апреля он отправился в театр Форда в Вашингтоне и здесь, пока он смотрел на сцену, был убит на месте выстрелом в затылок. Убийца был актер по имени Бут, который имел какой-то зуб против него и который незамеченным прокрался в ложу. Но Линкольн уже сделал свое дело: Соединенные Штаты были спасены.

Когда началась война, еще не было железной дороги к Тихому океану. По окончании ее железные дороги стали распространяться, как быстро разрастающееся растение. В настоящее время они перевили, охватили и крепко спаяли всю обширную территорию Соединенных Штатов, превратив ее в одно нераздельное целое как в духовном, так и в материальном отношении — в величайшую в мире истинную общину, которая и останется таковой до тех пор, пока в Китае не станут грамотными низшие классы.

ГЛАВА 23. РОСТ ГЕРМАНИИ И ДОСТИЖЕНИЕ ЕЮ ПРЕОБЛАДАНИЯ В ЕВРОПЕ

Мы уже говорили о том, как Европа, после волнений, вызванных французской революцией и наполеоновской авантюрой, вновь вступила в период непрочного мира и некого модернизированного восстановления политических условий, существовавших за пятьдесят лет до того. Вплоть до середины XIX века новые возможности, открытые производством стали, развитием железных дорог и пароходства, не отразились заметным образом на политических делах. Но зато социальные отношения стали напряженнее вследствие развития городской промышленности. Франция представляла собой явно беспокойную страну. За революцией 1830 г. последовала другая революция в 1848 г. После этого Наполеон III, племянник Наполеона Бонапарта, сделался сначала президентом, а затем (1852) и императором.

Он занялся перестройкой Парижа, превратив его из живописного антисанитарного города XVII века в тот латинизированный просторный мраморный город, который мы видим теперь. Он занялся также перестройкой Франции и превратил ее в блестящую, модернизированную империалистическую державу. Он решил вновь возродить то соперничество великих держав, которое постоянно держало Европу в состоянии войны — по самым пустячным поводам — в продолжение всего XVII и XVIII столетий. Русский царь Николай I (1825–1856) также начинал проявлять агрессивность и угрожал

Турецкой империи, устремив свои взоры на Константинополь.

Во второй половине XIX века в Европе начался новый цикл войн. Это были преимущественно войны «за сохранение равновесия» или же за преобладание. Во время Крымской войны Англия, Франция и Сардиния напали, защищая Турцию, на Россию. Пруссия (в союзе с Италией) боролась с Австрией за верховную власть над Германией. Франция, сражаясь за Савойю, освободила Северную Италию от австрийского владычества, а Италия понемногу объединилась в одно королевство. Затем Наполеону III пришла в голову неудачная мысль начать авантюру в Мексике во время междоусобной войны в Америке. Он возвел на мексиканский трон некоего императора Максимилиана, но поспешил предоставить его своей судьбе. Тот был расстрелян мексиканцами, когда победоносное федеральное правительство начало показывать зубы.

В 1870 г. между Пруссией и Францией началась давно назревавшая борьба за верховенство в Европе. Пруссия давно предвидела эту борьбу и приготовилась к ней. Франция же насквозь прогнила из-за коррупции. Поражение ее наступило быстро и было полно драматизма. Немцы вторглись во Францию в августе. Одна многочисленная французская армия под предводительством императора капитулировала при Седане в сентябре, другая сдалась в октябре в Меце, а в январе 1871 г. Париж, выдержавший осаду и бомбардировку, был оккупирован немцами. Во Франкфурте был заключен мир, по которому провинции Эльзас и Лотарингия отошли

к немцам. Все германские страны, за исключением Австрии, объединились в одну империю, и к плеяде европейских цезарей прибавился еще один император, германский.

В течение последовавших потом сорока трех лет Германия первенствовала в Европе. В 1877–1878 гг. на Балканах, между Россией и Турцией, произошла война, но после этого, если не считать некоторого перекраивания карты Балканского полуострова, границы Европы оставались без перемен в течение тридцати лет.

ГЛАВА 24. НОВЫЕ ЗАМОРСКИЕ ИМПЕРИИ, СОЗДАННЫЕ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОРОГАМИ И ПАРОХОДАМИ

Конец XVIII века был периодом распада империй, временем разочарований для тех, кто хотел расширить границы своих государств. Длинный утомительный путь между Англией, Испанией и их колониями в Америке препятствовал свободным переездам из метрополии в эти новые страны, и потому колонии начали преобразовываться в новые, совершенно отдельные общины, со своими философскими и духовными учениями, своими интересами, а иногда и собственным языком. По мере того, как они росли, все больше и больше ослабевали и без того непрочные узы — в виде пароходных линий, связывавшие их с метрополией. Беспомощным торговым поселениям, как, например, французским поселениям в Канаде, или же торговым компаниям в чужеземной стране, вроде английских в Индии, прихо-

дилось, разумеется, держаться ради сохранения жизни за страну, оказывавшую им поддержку и придававшую смысл их существованию. Мыслителям начала XIX века казалось, что это уже предел, которым ограничено всякое владычество над заморскими странами, что дальше этого пойти нельзя. В 1820 г. проекты великих империй во внеевропейских странах, так смело фигурировавшие на картах середины XVIII века, распались и приняли весьма скромные размеры. Одна лишь Россия по-прежнему широко раскинулась в Азии.

В 1815 г. Британская империя состояла из слабо заселенных местностей вдоль рек и озер в Канаде и лежавших за ними огромных пустынных пространств, единственными поселениями в которых пока были пункты для скупки мехов, принадлежавшие компании Гудзон Бэй. Англии принадлежали еще около трети полуострова Индостан (под управлением Ост-Индской компании), морское побережье в районе мыса Доброй Надежды, населенное неграми и непокорными колонистами-голландцами, несколько торговых пунктов на западном берегу Африки, Гибралтарская скала, острова Мальта и Ямайка, несколько второстепенных владений в Вест-Индии, где существовал рабский труд, Британская Гвиана в Южной Америке, а на противоположном конце Земли — две свалки для каторжников: в Ботани-Бэй в Австралии и на Тасмании. Испания удержала за собой Кубу и несколько поселений на Филиппинских островах. Португалия в Африке сохранила за собой некоторые остатки своих прежних владений. Голландия обладала несколькими островами и террито-

риями на Ост-Индских островах и в Голландской Гвиане, а Дания имела один или два острова в Вест-Индском архипелаге. У Франции было два острова в Вест-Индии и Французская Гвиана. По-видимому, это было все, что требовалось для европейских держав; им, казалось, больше и не удастся ничего приобрести во внеевропейских странах.

Пока Европа была занята наполеоновскими войнами, Ост-Индская компания под управлением целого ряда генерал-губернаторов играла в Индии роль, весьма схожую с той, которую сыграли раньше тюркские и тому подобные племена, вторгавшиеся в Индию с севера. После Венского мира она продолжала свое дело: взимала налоги, вела войны, отправляла послов в азиатские страны как полунезависимое государство, имевшее, однако, определенную тенденцию высылать свои богатства на запад.

Мы здесь не можем подробно рассказать о том, как добилась владычества Британская компания путем союза то с одним туземным государством, то с другим, пока, наконец, не победила всех. Власть ее распространилась по всей стране вплоть до Ассама, Синда, Удхи. Карта Индии стала принимать облик, знакомый ученикам в нынешней школе, — лоскутного государства, состоящего из туземных княжеств, вкрапленных в обширные провинции, находящиеся под непосредственным владычеством Англии и соединяемых ими.

В 1859 г., вслед за весьма серьезным восстанием туземных войск в Индии, эта принадлежавшая Ост-Индской компании империя была присоединена к английской

короне. Актом, известным под названием «Акта о лучшем управлении Индией», генерал-губернатор был переименован в вице-короля, а место компании было занято статс-секретарем, ответственным перед английским парламентом. В 1877 г. лорд Биконсфильд завершил это дело, провозгласив королеву Викторию императрицей Индии.

На столь необычных основаниях продолжается и по сию пору связь Индии с Англией. Индия все еще остается империей Великого Могола, но Великий Могол заменен теперь «коронованной республикой» Великобритании. Индия является самодержавной монархией без самодержца. Ее режим совмещает в себе все неудобства абсолютной монархии с безличностью и безответственностью демократической бюрократии. У индуса, желающего подать жалобу, нет видимого монарха, к которому он мог бы обратиться: его император — лишь златой символ. Ему остается в этих случаях или распространять в Англии памфлеты, или возбудить вопрос в палате общин. Чем больше занят парламент английскими делами, тем меньше внимания он уделяет Индии, и тем больше она будет предоставлена власти небольшой группы ее высших должностных лиц.

Если не считать присоединения Индии, можно сказать, что вплоть до более обширного развития пароходства и железных дорог ни одна из европейских держав не распространила широко своего владычества. Довольно многочисленная школа политических мыслителей в Англии склонялась к мнению, что заморские владения являются источником слабости для государства.

Австралийские колонии развивались сначала медленно, но в 1842 г. там были найдены богатые залежи меди, а в 1851 г. — золотые россыпи, что придало им новое значение. Вследствие улучшения транспорта, австралийская шерсть также начала постепенно завоевывать европейские рынки. В Канаде тоже не видно особенного прогресса до 1849 г. В ней постоянно происходили раздоры между французами и англичанами, произошло даже несколько серьезных восстаний, и лишь в 1867 г. была введена новая конституция, поставившая Канаду на положение федерального доминиона, после чего напряжение несколько уменьшилось. Но окончательно изменило строй жизни проведение железных дорог. Железные дороги дали возможность Канаде, как и Соединенным Штатам, расширить свои владения на западе, сбывать свой хлеб и другие продукты на европейских рынках и все же оставаться, несмотря на быстрый рост и расширение, по языку и по симпатиям, одним целым. Железные дороги, пароходство и телеграф производили радикальные перемены в условиях развития колоний.

В Новой Зеландии англичане начали селиться еще до 1840 г.; была даже образована Новозеландская Земельная компания для эксплуатации естественных богатств острова. В 1840 г. Новая Зеландия была также присоединена к владениям английской короны.

Как мы уже отметили, Канада первой из английских колоний широко использовала новые экономические условия, создавшиеся вследствие проведения железных дорог. Вскоре началась перемена и в южно-американских республиках, в особенности в Аргентине:

на главных занятиях населения — скотоводстве и выращивании кофе — отразилась все увеличивавшаяся доступность европейского рынка. До тех пор европейцев привлекали в беспокойные и дикие страны главным образом золото и прочие металлы, пряности, слоновая кость, рабы. Но рост населения в течение последней четверти XIX столетия заставил европейские правительства обратиться к внеевропейским странам за пищевыми продуктами первой необходимости, а развитие технологий в промышленности создавало спрос на новые сырые продукты: жиры всех сортов, каучук и другие вещества, в которых рынок до тех пор не нуждался. Стало несомненно, что торговля Великобритании, Голландии и Португалии получала значительную и все возраставшую прибыль благодаря тому, что вся добывающая промышленность тропических и субтропических стран в значительной степени находилась под контролем этих государств. После 1871 г. Германия, а вскоре затем Франция и, несколько позднее, Италия также начали искать еще свободные территории для добычи сырья и обратили свое внимание на страны Востока с целью, на выгодных для себя условиях, ввести в них современную культуру.

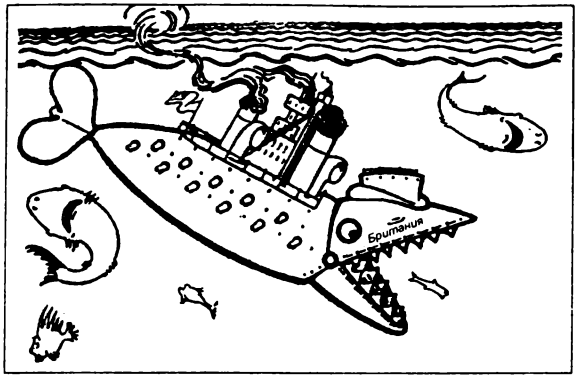
Таким образом, во всем мире, кроме Америки, где доктрина Монро не допускала никаких авантюр, началась опять погоня за политически беззащитными странами. Невдалеке от Европы лежал материк Африки, полный еще не исследованных богатств. В 1850 г. он еще представлял собой покрытую мраком таинственности страну. Отсутствие места не позволяет нам рассказать здесь

изумительную повесть об исследователях и искателях приключений, которым удалось первыми осветить этот мрак, о политических агентах, администраторах, торговцах, колонистах и ученых, которые за ними последовали. Свет узнал об удивительных племенах, вроде пигмеев, необычных зверях, вроде окапи, чудесных плодах, цветах и насекомых, страшных болезнях, причудливых ландшафтах из гор и лесов, огромных внутренних морях, исполинских реках и водопадах: открылся целый новый мир. В Зимбабве были найдены даже останки какой-то неизвестной, давно исчезнувшей цивилизации, созданной каким-то древним народом, колонизировавшим юг. В этот новый мир ворвались европейцы: они нашли там арабов-работорговцев, уже вооруженных винтовками, и полное расстройство в жизни туземцев-негров.

К 1900 г. вся Африка уже была занесена на карту, исследована, оценена и разделена между европейскими державами. В этой погоне за наживой о благосостоянии туземцев совершенно не заботились. Арабы, торговавшие рабами, были не то что изгнаны, но должны были подчиниться новым пришельцам, а стремление добыть побольше каучука было причиной многих ужасных жестокостей. Каучук был естественным продуктом, и европейцы насильно принуждали туземных жителей бельгийского Конго собирать его; при этом происходило много столкновений вследствие неопытности европейских администраторов, не умевших обращаться с местным населением. В этом деле ни у одной из европейских держав совесть не может быть чиста.

Мы не можем здесь подробно рассказать, каким образом Великобритания в 1883 г. завладела Египтом и осталась в нем, несмотря на то, что Египет юридически входил в состав Турецкой империи, и как этот захват чуть не привел к войне между Францией и Англией в 1898 г., когда некий полковник Маршал сделал попытку, пройдя поперек всю Центральную Африку от Атлантического океана, захватить Фашоду и верховья Нила.

Не можем мы также пространно говорить о том, как английское правительство сначала позволило бурам, голландским колонистам, поселившимся на Оранжевой реке и в Трансваале, учредить независимые республики в глубине Южной Африки, а затем пожалело об этом и в 1877 г. аннексировало Трансваальскую республику, и о том, как боролись за свободу и добились ее после битвы при Маджубо в 1881 г. трансваальские буры. Пресса постоянно и настойчиво напоминала английской публике об этой битве и бередила эту рану, вследствие чего в 1899 г. разразилась новая война, продолжавшаяся три года и стоившая огромных денег английскому народу. Эта война закончилась тем, что обе республики сдались. В подчинении они пробыли недолго. В 1907 г., после падения победившего их империалистического правительства, за решение южноафриканского вопроса принялись либералы, и эти раньше независимые республики добровольно вошли в состав федерации всех южноафриканских стран, во главе которой стали Капская колония и Наталь и которая образовала одну обширную самоуправляющуюся республику под главенством англичан.



Если бы Трансвааль был рыбой... Русская карикатура из газеты Новое время, 1899

За четверть века вся Африка была поделена. Не присоединенными к европейским странам остались три сравнительно небольших государства: на западном берегу — Либерия, республика, население которой состоит из освобожденных рабов-негров, Марокко, находящееся под владычеством исповедующего магометанскую веру султана, и Абиссиния, еще дикая страна, где господствует древняя, совершенно особая форма христианства. В 1896 г., в битве при Адуе, Абиссинии удалось с успехом отстоять свою независимость от Италии.

ГЛАВА 25. ВТОРЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ В АЗИЮ И ВОЗВЫШЕНИЕ ЯПОНИИ

Трудно поверить, чтобы это смелое раскрашивание карты Африки в европейские цвета получило всеобщее признание, как окончательно и прочно установив-

шееся положение вещей; но историк обязан отметить, что таково было действительно всеобщее убеждение. В XIX столетии знакомство европейцев с историей было поверхностным, кроме того, у них не было привычки критически относиться к подобным вопросам. Чисто случайные преимущества, которые дала Европе над остальным миром начавшаяся на Западе революция в области техники, были приняты людьми, никогда не слышавшими о великих завоеваниях монголов, за доказательство, что европейцы, безусловно, всегда будут стоять во главе человечества. Эти люди совершенно не осознавали, что можно заимствовать не только науку, но и ее плоды. Они не понимали, что китайцы и индусы могут с таким же успехом, как французы или англичане, заниматься научными изысканиями. Они были убеждены, что Запад обладает какой-то особой умственной энергией, между тем как Востоку присущи лень и консерватизм, и что это обстоятельство навсегда обеспечивает европейцам преобладание в мире.

Вследствие этой иллюзии, министерства иностранных дел различных европейских держав не только старались не отставать от Англии в погоне за девственными и неиспользованными территориями на поверхности Земли, но также начали по-своему перекраивать густо населенные и культурные государства Азии, решив, что их население также представляет собой лишь сырой материал для эксплуатации. Внутренне непрочный, но зато внешне блестящий империализм английского правящего класса в Индии, обширные и доходные владения голландцев в Ост-Индии внушали соперничавшим с Англией и Гол-

ландией великим державам Европы мечты о подобных же славных подвигах в Персии, в разваливавшейся Оттоманской империи, в дальней Индии, Китае и Японии.
В 1898 г. Германия захватила Цзяочжоу в Китае. Англия ответила на это захватом Вэйхайвэя, а в следующем году русские заняли Порт-Артур. По всему Китаю пронеслась волна ненависти к европейцам. Везде начались убийства европейцев и обращенных в христианство китайцев, а в 1900 г. произошло нападение на посольства в Пекине и осада их. Отряд из смешанных европейских войск совершил карательную экспедицию в Пекин, освободил посольства и награбил огромное количество ценного имущества. После этого русские захватили Маньчжурию, а в 1904 г. англичане вторглись в Тибет.
Но тут в эту борьбу великих держав вмешалась новая держава, Япония. Доселе Япония играла лишь незначительную роль в истории; ее обособленная культура имела мало влияния на общие судьбы человечества; получила она много, но дала мало. Чистокровные японцы принадлежат к монголоидной расе. Их культура, письменность, их литературные и художественные традиции — все заимствовано у китайцев. История их крайне интересна и носит романтический характер. В начале христианской эры у них развились феодализм и рыцарство. Их нападения на Корею и Китай соответствуют войнам, которые англичане вели во Франции. В соприкосновение с Европой Япония вошла впервые в XVI веке: в 1542 г. туда добрались в китайской джонке несколько португальцев, а в 1549 г. иезуитский миссионер, Франсуа Ксавье, начал там проповедовать христианство. Снача-

ла японцы очень благосклонно отнеслись к европейцам, и миссионерам удалось обратить многих в христианство. Самым доверенным советником японцев сделался европеец Уильям Адамс, научивший их строить большие суда. На судах, построенных в Японии, были совершены путешествия в Индию и Перу. Но затем возникли сложные споры между испанскими доминиканцами, португальскими иезуитами и английскими и голландскими протестантами, причем каждый предостерегал японцев от политических козней остальных. Когда иезуитские проповедники возобладали над остальными миссионерами, они начали ожесточенно преследовать и оскорблять буддистов. В конце концов, японцы пришли к убеждению, что европейцы невыносимы и приносят одно беспокойство, а христианство, и в особенности католическая вера, являются лишь прикрытием ряда политических мечтаний папы и испанской монархии, уже, кстати, завладевшей Филиппинскими островами. Начались усиленные преследования христиан, а с 1638 г. Япония стала абсолютно недоступной для них; это положение продолжалось около двухсот лет. В течение этих двух веков японцы были совершенно отрезаны от остального мира, словно они жили на другой планете. Им было запрещено строить суда, кроме небольших лодок, которые могли плыть только вдоль берега. Ни один японец не мог выехать из своей страны, ни один европеец не мог в нее проникнуть.

В продолжение двух веков Япония оставалась в стороне от общего течения истории. Она пребывала в состоянии какого-то живописного феодализма, при котором

самураи, или воины, вместе с аристократическими семействами — т. е. около пяти процентов всего населения — господствовали бесконтрольно над остальной его частью. Между тем обширный внешний мир расширял свои познания и приобретал новое могущество. Все чаще и чаще мимо японских берегов стали проноситься необычайного вида суда. Иногда они терпели крушение, и моряки попадали на берег. Через голландскую колонию на о. Дэсима, осуществлявшую единственную связь с внешним миром, Япония получила предупреждение, что она отстала от могущественного Запада. В 1837 г. в гавани Эдо появилось судно под невиданным еще японцами флагом с полосками и звездами. Оно привезло японских моряков, подобранных им где-то далеко в Тихом океане. Это судно отогнали, обстреляв его из пушек. Но вскоре появились новые суда под тем же флагом. В 1849 г. одно из них явилось, чтобы потребовать освобождения восемнадцати потерпевших крушение американских матросов. Затем в 1853 г. прибыло четыре американских боевых судна под начальством коммодора Перри; они уже не дали отогнать себя прочь. Перри встал на якоре в запретных водах и стал переговариваться с двумя правителями, разделявшими в то время власть над Японией. В 1854 г. он вернулся с десятью судами, удивительными судами, двигавшимися посредством пара, вооруженными большими пушками, и вновь предложил японцам вступить с ним в торговые сношения. Против этого предложения Япония не могла устоять. Перри сошел на берег с отрядом в 500 человек, чтобы подписать договор. Не верившая

своим глазам толпа японцев наблюдала за этими пришельцами из внешнего мира, когда они шествовали по улицам.

Примеру Америки последовали Россия, Голландия и Англия. Одному знатному японцу, земли которого лежали у пролива Симоносеки, заблагорассудилось открыть огонь по иностранным судам, но его батареи были уничтожены, а воины рассеяны бомбардировкой, которую произвел флот из английских, французских, голландских и американских боевых судов. Наконец, союзный флот, вставший на якоре у Киото, заставил в 1865 г. Японию заключить договор, на основании которого двери ее раскрылись для иностранцев.

Японцы были глубоко оскорблены этим унижением. С необычайной энергией и умом они задались целью довести свою культуру и организацию до уровня европейских. Еще ни одна нация во всем мире так быстро не шагнула вперед, как Япония. В 1866 г. она была феодальной страной, фантастической карикатурой крайнего, доведенного до абсурда феодализма. В 1899 г. японцы были совершенно европеизированным народом, стоявшим на одном уровне с наиболее передовыми европейскими нациями. Япония совершенно опровергла мнение, что Азия неисправимо и безнадежно отстала от Европы. По сравнению с ее прогрессом, всякие достижения европейцев показались бы крайне медленными.

Мы не можем здесь передать подробности войны Японии с Китаем в 1894—1895 гг. Эта война доказала, насколько Япония усвоила западную культуру. У нее были

отличная армия европейского образца и небольшой, но боеспособный флот. Однако, истинное значение ее возрождения не было понято никем из великих держав, искавших в Азии вторую Индию. Исключение составляли лишь Англия и Америка, уже обращавшиеся с Японией как с вполне европейским государством. Россия продвигалась через Маньчжурию к Корее. Франция уже встала твердой ногой на юге, в Тонкине и Аннаме, а Германия рыскала вокруг, жадно высматривая добычу. Эти три державы соединенными усилиями помешали Японии пожать плоды своих побед над Китаем.

Япония временно покорилась и стала собираться с силами. Через десять лет она уже была готова к войне с Россией, войне, отметившей новую эру в истории Азии — конец периода высокомерного отношения к ней европейцев. Русский народ, разумеется, был в полном неведении об этой авантюре, происходившей на другом конце света, и совершенно неповинен в ней. Наиболее разумные государственные деятели России также были против безрассудного нападения, но царя окружала шайка авантюристов-финансистов, в которую входили его двоюродные братья, великие князья. Они были втянуты в игру и спекуляции, ожидали крупного выигрыша при будущем разграблении Маньчжурии и Китая и не хотели соглашаться на отступление. И потому началась переброска огромных японских армий через море в Корею и Порт-Артур, а по Сибирской железной дороге потянулись бесчисленные поезда, наполненные русскими крестьянами, которых посылали умирать на этих отдаленных от их родины полях.

Русские, бывшие под начальством весьма неискусных полководцев, плохо и недобросовестно снабжаемые, потерпели поражение и на суше, и на море. Русский Балтийский флот, обогнув Африку, прибыл в Японию и был разбит при Цусиме. Революционное движение, возникшее среди русского народа, возмущенного этой бессмысленной бойней в отдаленной стране, принудило царя закончить войну (1905). Россия возвратила южную половину Сахалина, захваченную русскими в 1875 г., эвакуировалась из Маньчжурии и отказалась от Кореи в пользу Японии. Вторжение европейцев в Азию подходило к концу, и Европа начинала втягивать обратно свои щупальца.

ГЛАВА 26. БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В 1914 г.

Мы сейчас кратко перечислим входившие в состав британской империи в 1914 г. элементы, спаянные вместе пароходами и железными дорогами. Это была и есть до сих пор единственная в своем роде политическая комбинация; ничего подобного еще никогда не существовало. Во-первых, центром всей системы являлась «коронованная республика» Соединенного Королевства, включавшего (против желания большинства ирландцев) также и Ирландию. Большинство в британском парламенте, составленном из трех соединенных парламентов Англии и Уэльса, Шотландии и Ирландии, выбирает руководителей, определяет характер и политику министерства, причем главным образом основывается на соображениях, вытекающих из внутреннего положения. Это ми-

нистерство и является правомочным верховным правительством, с правом объявлять войну и заключать мир; оно управляет всей остальной империей.

Затем, в порядке политического значения, следовали «коронованные республики» Австралии, Канады, Ньюфаундленда (самого старинного владения Англии — с 1583), Новой Зеландии и Южной Африки, все фактически независимые государства с полным самоуправлением, но состоявшие в союзе с Великобританией, правительство которой назначало в каждую своего представителя.

Затем шла Индия — расширенная империя Великого Могола, вместе с зависимыми странами и странами «под протекторатом», простирающаяся в нынешнее время от Белуджистана до Бирмы и включающая Аден. В этой империи британская корона и статс-секретариат по делам Индии (под контролем парламента) играли роль прежней монгольской династии.

Затем Египет — владение, которое носит двусмысленный характер. Номинально он входил в состав Турецкой империи и имел своего монарха, хедива, а фактически находился под деспотическим управлением английских чиновников.

Затем еще более двусмысленно подчиненный Англии Судан, «англо-египетская» провинция, занятая и находящаяся под совместным управлением англичан и египетского правительства (под контролем Англии).

Затем целый ряд государств с частичным самоуправлением, частью английского происхождения, частью нет, с выборными законодательными учреждениями

и назначаемой Англией исполнительной властью, как, например, Мальта, Ямайка, Багамские и Бермудские острова.

Затем колонии короны, в которых управление английского правительства (через посредство министерства колоний) приближалось к самодержавному — Цейлон, Тринидад, Фиджи (где имелся назначенный правительством совет), а также Гибралтар и Св. Елена (где имелись губернаторы).

Затем обширные территории, преимущественно в тропических странах, производящие сырые продукты, с политически бессильным и полуцивилизованным туземным населением, номинально находившиеся под протекторатом и управляемые или туземными вождями под присмотром верховного комиссара (как в Басутоленде), или получившие концессию компанией под контролем такого же комиссара, как в Родезии. Приобретение владений, входивших в этот последний и наименее определенный разряд, было сделано частью министерством иностранных дел, частью министерством колоний, частью статс-секретариатом по делам Индии, но в последнее время ответственность за них лежала преимущественно на министерстве колоний.

Отсюда станет ясно, что ни одно учреждение и ни один отдельный человек никогда не мыслил Британскую империю как нечто общее, цельное. Это был конгломерат различных наслоений, совершенно отличный от того, что раньше называлось империями. Этот порядок широко гарантировал мир и безопасность, и вот почему власть Англии терпелась и поддерживалась мно-

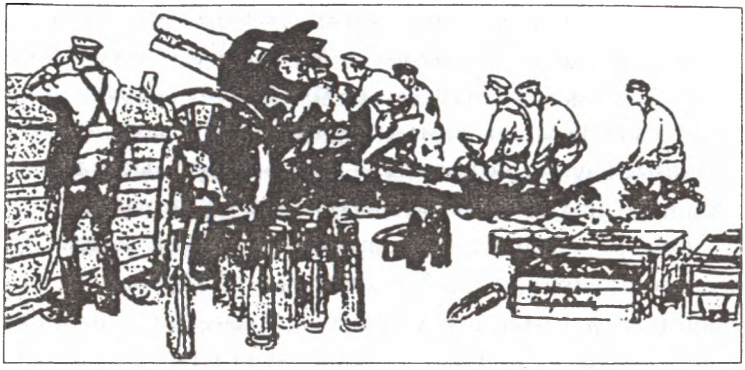
гими из «подчиненных» рас, несмотря на деспотизм и неудовлетворительность чиновничества и на небрежное отношение английской публики. Подобно Афинам, Британская империя владычествовала на море; пути сообщения ее были путями морскими, и общим, связующим ее звеном являлся британский флот. Как и во всех империях, ее единство зависело материально от способов сообщения. Развитие мореплавания, кораблестроения и пароходства в период времени между XVI и XIX веками дало ей возможность стать удобным средством для поддержания мира — «Pax Britannica», но новые усовершенствования в области воздушного транспорта или же ускорение сухопутного могли в любое время превратить ее власть в нечто крайне стеснительное.

ГЛАВА 27. ЭПОХА ВООРУЖЕНИЙ В ЕВРОПЕ И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА 1914–1918 гг.

Успехи в области естественных наук, создавшие обширную «пароходно-железнодорожную» Американскую республику и распространившие по всем углам земного шара непрочную власть Британской империи, совершенно иначе отразились на скученных народах европейского материка. Эти народы оказались заключенными в пределы, установившиеся еще в те дни, когда человечество ездило на лошадях, а когда они захотели увеличить свои территории за счет внеевропейских стран, то оказалось, что Англия их уже опередила. Одна Россия

могла свободно расширять свои границы на восток; она построила длиннейшую железную дорогу через Сибирь, следствием чего было ее столкновение с Японией, и начала продвигаться на юго-восток, к границам Персии и Индии, к великой досаде Великобритании. Прочие государства Европы находились в состоянии интенсивного уплотнения. Для того, чтобы использовать все возможности нового строя, им нужно было перестроить свою жизнь, опираясь на другие принципы: или путем организации добровольного союза того или иного характера, или же путем союза, навязанного им извне какой-нибудь ставшей сильнейшей державой. Современная мысль склонялась в пользу первой альтернативы, но сила политических традиций влекла Европу к другому решению вопроса.

Падение «империи» Наполеона III и образование новой Германской империи внушали человечеству идею, встреченную некоторыми с надеждой, а некоторыми со страхом, о соединении всей Европы под властью Германии. В течение тридцати шести лет непрочного мира вся политика Европы вертелась вокруг этого возможного выхода. Франция, упорно соперничавшая с Германией за главенство в Европе еще со времени Карла Великого, пыталась укрепить свои позиции, заключив союз с Россией. Германия заключила столь же тесный союз с Австрией (переставшей называться Священной Римской империей со времен Наполеона I), а также, но с меньшей выгодой, с молодым итальянским королевством. Вначале Англия, как всегда, лишь наполовину вмешивалась в континентальные дела. Но носившее агрессивный характер соз-



На фронтах Мировой войны

дание огромного германского флота постепенно принудило ее искать тесного сближения с франко-русским союзом. Грандиозные амбиции императора Вильгельма II (1888–1918) вовлекли Германию в легкомысленные, необдуманные заморские авантюры, которые заставили впоследствии не только Великобританию, но также Японию и Соединенные Штаты встать в ряды ее врагов.

Более интересным является не вопрос, почему началась великая война, а другое — почему ее не предвидели и не попытались предотвратить. Гораздо более важно для человечества то обстоятельство, что миллионы людей оказались слишком «патриотами», слишком глупыми или инертными для того, чтобы помешать этому бедствию путем организации движения в пользу объединения всей Европы на началах добрососедства и соблюдения законов. Тот же факт, что небольшое число людей активно действовало, чтобы развязать войну, особого значения не имеет.

Отсутствие места совершенно не позволяет нам входить во все сложные подробности войны. Через несколько месяцев стал очевиден факт, что успехи современной техники глубоко изменили самый характер войны. Естественные науки дают власть — власть над сталью, над расстоянием, над болезнями; к добру или злу употребляется эта власть — зависит от уровня нравственного и политического развития мира. У правительств Европы, действовавших под влиянием устарелых традиций ненависти и подозрительности, оказались в руках еще невиданные ранее средства разрушения. Война, точно всепожирающее пламя, охватила всю Землю, нанося и победителям, и побежденным потери, огромность которых совершенно не оправдывалась никаким исходом войны. В первые месяцы войны немцы неистово устремились на Париж, а Россия вторглась в Восточную Пруссию. Оба эти нападения были отражены. Затем началась оборонительная война; быстро были вырыты окопы, протянувшиеся длинными линиями поперек Европы, и вскоре враждующие армии засели в них, и оказалось невозможным перейти в наступление, не рискуя огромными потерями. Армии насчитывали миллионы солдат, а за ними стояло все население воевавших стран, организованное для снабжения фронта продовольствием и военными припасами. Почти вся промышленность выпускала только военную продукцию. Все способные к труду мужчины были зачислены в армию, во флот или на промышленные предприятия, которые их обслуживали. В широком масштабе произошла замена мужского труда женским. Вероятно, более половины населения воюющих держав

в Европе переменила свои занятия во время этой титанической борьбы. Почти каждый оказался с корнем вырванным из своей среды и пересаженным в другую. Образование и нормальная научная работа были существенно сокращены или же направлены исключительно на военные цели. А все известия, получаемые из внешнего мира, урезались или искажались военной цензурой или в целях «пропаганды».

Стадия оборонительной войны стала понемногу сменяться другой — стадией нападения на мирное население, оставшееся в тылу, позади линий фронтов: началось уничтожение запасов продовольствия и бомбардировки. Кроме того, чтобы сломить сопротивление войск, засевших в окопах, постоянно увеличивались размеры и дальнобойность тяжелых орудий. Были изобретены новые, смертоносные типы вооружения вроде бомб, начиненных удушливыми газами, и небольших подвижных фортов, известных под названием танков. Но наибольший переворот в методах ведения войны был произведен летательными аппаратами. Они перенесли войну из двух измерений в третье. Раньше война происходила там, где продвигались и сражались армии; теперь она происходила везде. Сначала цеппелины, а за ними сбрасывавшие бомбы аэропланы стали переносить войну через линию фронта все дальше и дальше в глубь страны, убивая мирных жителей. Прежнее различие между этим мирным населением и войсками, издавна признаваемое всеми цивилизованными народами, исчезло. Каждый, кто сеял хлеб, каждый, кто шил одежду, рубил дерево или ремонтировал здание, являлся мишенью для неприятельских

бомб. С каждым месяцем атаки с воздуха становились все более и более масштабными, как по пространству, ими захватываемому, так и по разрушительности снарядов. Кончилось тем, что огромные территории в Европе оказались в состоянии осады и каждую ночь подвергались нападениям. Жители беззащитных городов, вроде Лондона и Парижа, провели много бессонных ночей, слушая, как разрываются бомбы, как стреляют батареи противовоздушной обороны, а пожарные и кареты скорой помощи с грохотом мчатся по темным и пустынным улицам. Особенно скверно и разрушительно все это подействовало на здоровье и нервную систему стариков и детей.

Болезни, этот постоянный спутник войны, начались только в 1918 г., перед самым ее окончанием. В течение четырех лет врачебной науке удавалось предотвратить эпидемии, но, наконец, разразилась повальная инфлюэнца, унесшая много миллионов людей. В первые годы войны голода, практически, не было. Но к началу 1918 г. большая часть населения Европы ощутила некоторую пока еще регулируемую правительством нехватку продовольствия. Вследствие призыва мужчин-крестьян в армию, производство пищевых продуктов во всем мире сильно упало, а правильное распределение имевшихся запасов сильно затруднялось подводной войной, нарушением обычных путей торговли вследствие закрытия границ и перебоями в работе транспорта во всем мире. Во многих странах правительства взяли под свой контроль все уменьшавшиеся запасы пищи и начали, с большим или мень-

шим успехом, выдавать пайки населению. К четвертому году войны весь мир испытывал крайнюю нужду не только в пищевых продуктах, но и в одежде, жилищах и разнообразных предметах, необходимых при нормальных условиях. Торговля и финансы пришли в полное расстройство. Царило всеобщее раздражение, и большинству людей приходилось мириться со всякими, доселе не испытанными неудобствами.
Война фактически закончилась в ноябре 1918 г. Страны Антанты сделали еще одно последнее усилие, благодаря которому германские войска чуть не оказались в Париже, сдались. И мужество, и материальные средства их были совершенно истощены.

ГЛАВА 28. РЕВОЛЮЦИЯ И ГОЛОД В РОССИИ

Но еще за год и даже больше до того, как признали себя побежденными Германия и ее союзники, развалилась полувосточная Российская империя, считавшая себя наследницей Византийской империи. Еще за несколько лет до начала войны видно было по многим признакам, что царизм насквозь прогнил. Двор был под влиянием фантастической личности религиозного обманщика Распутина, а все власти, как военные, так и гражданские, отличались крайней бездарностью и взяточничеством. В начале войны в России вспыхнул горячий порыв патриотизма. Была набрана многочисленная армия, но для нее не оказалось ни достаточного количества снаряжения, ни готовых кадров знающих офицеров, и вот это-то огромное войско, плохо снабжаемое, под неумелым

предводительством, было переброшено к границам Германии и Австрии.

Теперь не может быть сомнения в том, что появление русских войск в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. было абсолютной неожиданностью и отвлекло немцев от их первого наступления на Париж. Ценой своих страданий и смерти сотни тысяч русских крестьян спасли Францию от полнейшего разгрома в этот критический момент начала кампании; Западная Европа навсегда останется в долгу у этого великого и трагического народа. Но этой растянутой, плохо организованной империи не хватило силы, чтобы выдержать вызванное войной напряжение. Рядовых русских солдат посылали в бой без патронов для винтовок, не было тяжелых орудий для поддержки пехоты. Офицеры и генералы, в пылу военного энтузиазма, совершенно не берегли жизни людей. Некоторое время они страдали молча, как страдают звери, но есть пределы терпению людей. В ряды этих предаваемых и посылаемых на заклание людей понемногу проникало глубокое отвращение к царизму. Уже с конца 1915 г. Россия стала источником тревоги для своих западных союзников. В течение всего 1916 г. она, большей частью, вела бои оборонительного характера, и даже начались слухи о заключении ею сепаратного мира с Германией.

Русскому народу до смерти надоело положение дел в Европе, цари, войны и великие державы; он требовал освобождения — освобождения немедленного — от страданий. Союзники совершенно не знали действительной жизни России. Их дипломаты, благовоспитанные господа, устремлявшие свои взоры исключи-

тельно на русский двор, а не на страну, не знали даже русского языка. При новом положении дел они постоянно совершали ошибку за ошибкой. Эти дипломаты не очень-то благосклонно относились к республиканским идеям, и в них явно замечалось намерение чинить новому правительству всякие препятствия. Во главе русского республиканского правительства стоял прекрасный оратор Керенский, фигура весьма живописная, который оказался между двух огней: в России в это время набирало силу новое, более радикальное революционное течение, так называемая «социальная революция», а за границей союзные правительства относились к нему с заметной холодностью. Союзники не позволяли ему дать русским крестьянам ни землю, которой они жаждали, ни мир. Французская и английская пресса настойчиво требовала от истощенного союзника перехода в наступление, а между тем вскоре после этого немцы атаковали Ригу с моря и с суши, английское адмиралтейство не решилось послать свой флот в Балтийское море на выручку.

Интересно отметить, что, несмотря на свое превосходство на море и на горячие протесты английского адмирала, лорда Фишера (1841—1920), англичане и их союзники в течение всей войны дали немцам возможность, если не считать нескольких нападений подводных лодок, хозяйничать в Балтийском море.

Но народные массы в России твердо решили окончить войну. Окончить какой угодно ценой. В Петрограде возникла организация из представителей рабочих и крестьян — Совет. Этот Совет настойчиво требовал созыва

международного совещания социалистов в Стокгольме. К этому времени и в Берлине уже происходили голодные бунты. В Австрии и Германии все были сильно утомлены войной. Теперь же, из-за последовавших событий, не может уже быть сомнения в том, что подобное совещание ускорило бы заключение справедливого мира на демократических основаниях еще в 1917 г. и приблизило бы германскую революцию. Керенский умолял своих западных союзников разрешить совещание, но они, боясь повсеместной вспышки социализма и республиканизма, отказались, несмотря на благоприятный ответ незначительного большинства британской партии труда. Несчастная «умеренная» русская республика, не получая ни нравственной, ни материальной поддержки от союзников, продолжала воевать и в июле сделала последнюю отчаянную попытку перейти в наступление. Это наступление, вначале успешное, окончилось неудачей, причем произошло опять страшное избиение русских.

Терпение русских достигло предела. В русской армии начались восстания, особенно на северном фронте, и 7 ноября 1917 г. правительство Керенского было свергнуто и власть была захвачена Советами под руководством социалистов-большевиков, которыми руководил Ленин. Они решили дать России мир, не считаясь с Антантой. 2-го марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан сепаратный мир между Россией и Германией.

Вскоре стало очевидно, что эти социалисты-большевики — люди совершенно иного типа, чем ораторствующие конституционалисты и республиканцы Керенского. Это были коммунисты-марксисты. Они верили, что тор-

жество их в России было только началом мировой социальной революции, и они принялись за изменение всего социального и экономического строя с уверенностью, происходившей от твердой веры в себя. Пресса всех стран повела, совершенно беспрепятственно, активную пропаганду путем самых отвратительных и возмутительных выдумок. Вождей большевиков рисовали в виде каких-то невероятных чудовищ, насыщавшихся кровью, грабежами и ведших самую безнравственную жизнь, перед которой бледнел даже разврат царского двора при распутинском режиме. В истощенную страну посылались экспедиции, инсургентам и грабителям оказывали поддержку, им давали оружие и деньги. Перепуганные враги большевистского режима не пренебрегали никакими средствами, какими бы низкими или чудовищными они ни оказались. В 1919 г. русские большевики, правившие страной, уже истощенной и приведенной в полное расстройство пятилетней ожесточенной войной, должны были воевать с английской экспедицией в Архангельске, с японцами, вторгшимися в Восточную Азию, с румынами, подкрепленными французами и греками на юге, русским адмиралом Колчаком в Сибири и генералом Деникиным, наступавшим при поддержке французского флота из Крыма. В июле этого года эстонская армия, под начальством генерала Юденича, почти достигла Петербурга. В 1920 г. поляки, натравливаемые французами, также напали на Россию, и, одновременно с этим, на Россию был совершен новый набег под предводительством реакционного генерала Врангеля, взявшего на себя продолжение дела Деникина — вторжения в свое отечество и разоре-

ния его. В марте 1921 г. произошло восстание матросов в Кронштадте. Русское правительство под предводительством своего вождя Ленина пережило все эти нападения. Оно выказало необычайную стойкость, а народные массы России продолжали поддерживать его, не дрогнув, при самых тяжелых условиях. К концу 1921 г. Англия и Италия полуофициально признали это коммунистическое правительство.

Но между тем как большевистскому правительству удалось успешно выдержать борьбу против иностранного вмешательства и внутреннего недовольства, ему далеко не так посчастливилось в попытках установить новый социальный порядок на основе коммунизма. Русский крестьянин — мелкий собственник, всегда жаждущий земли; революция дала ему землю крупных помещиков, но она не могла заставить его производить хлеб иначе, как за наличные деньги; а между тем революция сопровождалась полным обесценением денег. Земледелие, уже потерпевшее сильный ущерб из-за нарушения работы транспорта, вызванного войной, вскоре ограничилось лишь производством хлеба для собственных нужд крестьянина. В городах начался голод. Поспешные и плохо организованные попытки перестроить промышленность не имели успеха. К 1920 г. Россия являла собой еще невиданное до сих пор зрелище современной цивилизации, пришедшей к полному краху. Рельсы покрывались ржавчиной, железные дороги стали негодны к употреблению, города превращались в развалины, смертность была огромной. 1921 г. ознаменовался засухой, начался

ужасный голод среди крестьян-земледельцев в разоренных войной юго-восточных губерниях. Голодали миллионы людей.

Но вопросы об испытанных Россией бедствиях и о начавшемся возрождении России приводят слишком близко к текущему моменту, и они не могут явиться предметом суждения историка.

ГЛАВА 29. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО МИРА

План и объем настоящего сочинения не позволяют нам входить во все сложные и ожесточенные споры, которыми сопровождалось заключение договоров, и в особенности Версальского, коим закончилась великая война. Мы лишь теперь начинаем сознавать, что эта борьба, как бы ужасна и чудовищна по размерам она ни была, ничего собой не закончила, ничего не начала и ничего не уладила. Вследствие ее было убито множество людей. Мир обеднел, все страны пришли в расстройство, а Россия была совершенно разорена. В лучшем случае эта война послужила нам напоминанием, что мы живем безрассудно, без определенного плана и не думая о будущем, среди мира, полного опасностей и коварства. Грубый эгоизм и страсть к наживе, как со стороны отдельных лиц, так и со стороны империалистических государств, которые привели человечество к этой трагедии, так мало потерпели урона от войны, что сделают, по всем вероятиям, еще одну новую попытку вызвать

опять такую же катастрофу, как только мир немного оправится от истощения и утомления, вызванных войной. Ни войны, ни революции не способны к созиданию. Главная их заслуга перед человечеством та, что они уничтожают — правда, очень резко и болезненно — устарелые понятия и всякие препятствия. Великая война уничтожила угрозу, которую представлял германский империализм для Европы, и совершенно разрушила русский империализм. Она смела прочь множество монархий. Тем не менее, во всей Европе реет множество штандартов, границы все еще сильно стесняют свободное передвижение, а многочисленные армии продолжают вооружаться.

Мирный конгресс в Версале был так организован, что мог лишь довести все конфликты и поражения недавнего прошлого до их логического конца. Немцам, австрийцам, туркам и болгарам не разрешено было принять в нем участие; они были обязаны только подчиняться его решениям. С точки зрения блага человечества выбор места для этого совещания оказался особенно неудачным: ведь именно в Версале была торжественно провозглашена в 1871 г. Германская империя. Желание воспроизвести эту сцену наоборот, в том же зале с зеркалами, оказалось сильнее всего.

Милосердное отношение к врагам, иногда проявлявшееся в начале кампании, давно уже исчезло. Население победивших стран остро ощущало свои страдания и потери и совершенно не хотело принимать во внимание того, что и побежденным народам пришлось заплатить такую же цену. Война явилась естественным

и неизбежным последствием соперничества национализма в европейских странах и отсутствия какого-нибудь федерального учреждения, которое могло бы улаживать возникавшие на этой почве конфликты. Когда независимые государства размещаются на слишком тесной для них территории и при этом усиленно вооружаются, необходимым логическим финалом подобного положения является война. Если бы великая война не произошла в такой форме, она все равно вскоре возникла бы каким-нибудь иным путем — так же, как это, несомненно, случится лет через двадцать или тридцать, но в более широком масштабе и с более губительными последствиями, если до того не произойдет политического объединения, которое этому помешает. Государства, организованные для войны, будут воевать: это для них так же естественно и неизбежно, как для курицы — нести яйца, но исстрадавшиеся и истощенные войной победители пренебрегли этой истиной и стали обращаться с населением побежденных стран так, словно оно целиком являлось морально и материально ответственным за все убытки. Несомненно, что побежденные народы точно так же отнеслись бы к победителям, если бы война закончилась иначе. Французы и англичане возлагали вину на немцев, немцы — на русских, французов и англичан. Лишь небольшое число здравомыслящих людей понимало, что виновато политическое разъединение Европы. Целью Версальского договора было примерное наказание и месть по отношению к побежденным. Он подвергал их страшной каре и старался вознаградить победителей за их стра-

дания и ранения, наложив огромную контрибуцию на народы, уже превратившиеся в банкротов. Попытка же вновь восстановить международные отношения путем учреждения Лиги Наций для предотвращения войны явно отличалась неискренностью и неумелостью.

Что касается Европы, то весьма сомнительно, стала ли бы она вообще делать попытку установить международные отношения в целях сохранения вечного мира. Предложение об учреждении Лиги Наций исходило от президента Соединенных Штатов Америки Вильсона. Поддерживала эту Лигу преимущественно Америка. До того Соединенные Штаты, это ультрасовременное государство, еще не выработали никаких определенных взглядов на международные отношения, за исключением доктрины Монро, охранявшей Новый Свет от иностранного вмешательства. А теперь они, внезапно, наряду с другими, были призваны к решению этого огромного вопроса современности. Готового решения у Америки не было. По своей природе американцы склонны к идее о вечном мире. Но к этому настроению у них примешивались сильное традиционное недоверие к политике Старого Света, а также привычка держаться в стороне от всяких европейских конфликтов. Не успели американцы заняться поисками американского решения для мировых проблем, как подводная война, которую повели немцы, принудила их вмешаться в войну против Германии. Проект президента Вильсона создать Лигу Наций был попыткой в краткий срок изготовить мирный проект определенно американского характера. Этот проект

был недостаточно разработан, небезопасен и не соответствовал своему назначению. В Европе, однако, его сочли выразителем вполне зрелой американской точки зрения. Большая часть человечества в 1918 и 1919 гг. сильно устала от войны и желала ценой каких угодно жертв воспрепятствовать ее повторению. Но вот в Старом Свете не нашлось ни одного правительства, которое согласилось бы пожертвовать хотя бы крупицей своих державных прав ради этой цели. Публичные речи президента Вильсона на тему о проекте создания мировой Лиги Наций обращались, как казалось одно время, помимо всех правительств, непосредственно к народам всего света. Они были приняты, как выражение определенных намерений Америки, на них горячо откликнулись со всех сторон. Но, к несчастью, президенту Вильсону приходилось иметь дело не с народами, а с правительствами. Это был человек, способный временами на вдохновенное предвидение, но на деле он оказался ограниченным и эгоистичным, и поднятая им великая волна энтузиазма замерла и прошла, не дав результата.

Д-р Диллон в своей книге «Мирное совещание» говорит: «Европа, когда президент вступил на ее берег, была подобна мягкой глине, ожидавшей, чтобы ее начал лепить художник. Народы еще никогда так не жаждали какого-нибудь Моисея, который повел бы их в давно обетованную землю, где запрещены войны, а блокады неизвестны. И в их глазах именно он и был этим вождем. Во Франции люди склоняли перед ним головы с благоговением и нежностью. Вожди рабочей партии в Париже говорили

мне, что при виде его у них появлялись слезы на глазах и что их товарищи были готовы идти в огонь и в воду, чтобы помочь ему провести в жизнь его возвышенные проекты. Для рабочих классов Италии его имя звучало, как небесная труба, от голоса которой должен был возродиться мир. Немцы считали его самого и его учение своим якорем спасения. Мюлон сказал: "Если бы президент Вильсон обратился к немцам и произнес бы над ними страшный приговор, они приняли бы его безропотно, с покорностью, и сразу принялись бы за работу". В германских провинциях Австрии он пользовался славой избавителя, и одно упоминание его имени заставляло утихать страдания и приносило утешение тем, кто был в горе...».

Таковы были те большие надежды, которые возбудил президент Вильсон. Рассказ о том, как он обманул их, какой слабой и ничтожной оказалась Лига Наций, слишком длинен и печален для того, чтобы помещать его здесь. В его личности воплотилась обычная человеческая трагедия. Мечтания его были слишком обширны, а выполнение их на деле — ничтожно. Америка отреклась от взглядов своего президента и не захотела войти в состав Лиги, которую Европа приняла от него. Американский народ начал понемногу сознавать, что его втянули во что-то, к чему он совершенно не был подготовлен. Параллельно этому и Европа пришла к сознанию, что Америка ничего не могла дать Старому Свету в критический для него момент. Родившаяся преждевременно и изуродованная при самом своем появлении на свет Лига Наций превратилась, вследствие сложной и непрактичной организации и своей явно ограниченной власти, в серьезное препят-

ствие ко всякому целесообразному изменению международных отношений. Эту проблему было бы легче решить, если бы Лиги не существовало. Но эта мировая вспышка энтузиазма, эта готовность людей во всех странах, т.е. именно людей, в отличие от правительств, идти навстречу всякой попытке урегулировать вопрос о войне, должны быть ярко отмечены историей. Позади близоруких правительств, вкривь и вкось распоряжающихся судьбами человечества и приводящих его к разъединению, стоит и неуклонно растет сила, стремящаяся к водворению в мире единения и порядка.

С 1918 г. мир вступил в эру конференций. Из них наиболее успешной и содержательной является Вашингтонская конференция, созванная в 1921 г. президентом Гардингом. Также замечательна и Генуэзская конференция (1922) тем, что в ней принимали участие представители Германии и России. Мы здесь не будем подробно рассматривать этот длинный ряд конференций и других попыток. Теперь становится все более и более очевидным, что человечеству, если оно желает предотвратить повторение в большем масштабе катастроф и массовых убийств, подобных великой войне, надлежит выполнить огромную работу по переустройству всей его жизни. Ни поспешные экспромты вроде Лиги Наций, ни система неловких заплат, вроде созыва совещаний между отдельными группами государств, — меры, как будто бы все улаживающие, но, в сущности, ничуть не меняющие положения дел, — не могут удовлетворить сложным требованиям политической жизни новой эры, в которую мы вступаем. Здесь требуется систематическое развитие и систематическое

применение наук о человеческих взаимоотношениях, индивидуальной и групповой психологии, финансовых, экономических наук и педагогики — наук, все еще находящихся в младенчестве. Узкие и устарелые, мертвые и вымирающие политические идеи должны быть заменены более ясным и простым представлением об общем происхождении и общих судьбах человеческого рода.

Впрочем, если опасности, хаос и катастрофы, которые в настоящее время угрожают людям, более ужасны, чем все до сих пор ими испытанное, то это происходит благодаря науке, давшей им могущество, которого они до сих пор не имели. И научный метод с его смелыми рассуждениями, всеобъемлющими и ясными определениями и исчерпывающими критическими построениями, давший ему эту до сих пор не поддававшуюся урегулированию власть, даст ему также и надежду когда-нибудь урегулировать ее. Человечество еще пребывает в стадии юношества. Все беды его происходят не от старости и истощения, а от все возрастающей и еще недисциплинированной силы. Когда мы рассматриваем историю как один общий процесс, как это делает настоящий труд, когда мы видим неукоснительное стремление жизни ввысь, к полному предвидению всяких обстоятельств и власти над ними, тогда мы видим надежды и опасности нашего времени в их истинных размерах. Сейчас мы переживаем лишь раннюю зарю эры величия человечества. Но в красоте цветов и солнечного заката, в радостных и полных совершенной грации движениях молодых животных, в наслаждении, которое мы испытываем от вида разнообразных пейзажей, мы находим намек на то,

что может дать нам жизнь. А некоторые произведения скульптуры и живописи, гениальная музыка, величественные здания и роскошные сады дают нам представление о том, что́ может совершить человеческая воля при наличии соответствующих материальных средств. У нас есть определенные мечты, у нас есть также в настоящее время еще недисциплинированная, но все возрастающая энергия. Можем ли мы сомневаться в том, что вскоре людям удастся осуществить наши самые смелые мечты, что они достигнут мира и единения, что они будут жить, что наши потомки, плоть от нашей плоти, будут жить в мире, более прекрасном, чем все дворцы и сады, доселе существовавшие, и что они будут идти от одного успеха к другому, неуклонно расширяя круг своей деятельности и своих достижений? То, что человечество уже совершило, те небольшие успехи, каковых оно в настоящее время достигло, и вся рассказанная нами история являются лишь предисловием к тому, что оно совершит в будущем.

ХРОНОЛОГИЯ

1000 Г. ДО Р. Х.

Около 1000 г. до Р. Х. арийские народы поселились на полуостровах Пиренейском, Апеннинском и Балканском; они уже составляли в то время оседлое население Северной Индии. Кносс был уже разрушен. В долине Нила правили слабые монархи XXI династии (сменившей век Тутмоса III, Аменофиса III и Рамзеса II).

Иудеи объединились под властью первых своих царей. Царствовали Саул или Давид, или, может быть, Соломон.
В 1100 г. до Р. Х. Тиглатпаласcар I взял Вавилон, но Ассирийская и Вавилонская империи продолжали еще существовать отдельно.
В Китае процветала новая династия Чжоу.
Следующие два века были свидетелями возрождения Египта под владычеством XXII династии, распадения маленького иудейского царства Соломона, распространения греков на Балканах, в Южной Италии и в Малой Азии и этрусского преобладания в Средней Италии. Мы начинаем перечисление исторических фактов.

ДО Р. Х.

800 г. — Основание Карфагена.
790 г. — Покорение Египта эфиопами (основание XXV династии).
776 г. — Первая Олимпиада.
753 г. — Основание Рима.
745 г. — Покорение Тиглатом III Вавилонии и основание новой Ассирийской империи.
722 г. — Саргон II вооружил ассирийцев железным оружием.
721 г. — Саргон II выселил иудеев.
680 г. — Ассаргадон взял Фивы в Египте (свергнув эфиопскую XXV династию).
664 г. — Псамметих I вернул свободу Египту и основал XXVI династию (до 610).
608 г. — Нехо, фараон Египта, победил Иосию, царя Иудейского, в битве при Мегидо.
606 г. — Захват Ниневии халдеями и мидянами. Основание халдейского царства.

604 г. — Нехо дошел до Евфрата и был отброшен Навуходоносором II. Вавилонское пленение иудеев.
550 г. — Кир Персидский сменил Киаксара Мидянина. Кир победил Креза. Будда, Конфуций и Лао-цзы.
539 г. — Кир овладел Вавилоном и основал Персидскую империю.
529 г. — Дарий I, сын Гистаспа, правит страною от Геллеспонта до Инда. Экспедиция Дария I в Скифию.
490 г. — Марафонская битва.
480 г. — Битва при Фермопилах и Саламинская битва.
479 г. — Битвы при Платее и при Микале завершили поражение персов.
474 г. — Этрусский флот разрушен сицилийскими греками.
431 г. — Начало Пелопонесской войны (до 404).
401 г. — Отступление 10000 греков под начальством Ксенофонта.
359 г. — Филипп, царь Македонский.
348 г. — Битва при Херонее.
336 г. — Македонская армия проникла в Азию. Убийство Филиппа.
334 г. — Битва при Гранике.
333 г. — Битва при Иссе.
331 г. — Битва при Арбеле.
330 г. — Дарий III убит.
323 г. — Смерть Александра Македонского.
321 г. — Возвышение Чандрагупты в Пенджабе. Римляне разбиты наголову самнитами в битве при Кавдинском ущелье.
281 г. — Пирр вторгся в Италию.
280 г. — Битва при Гераклее.
279 г. — Битва при Аускулуме.
278 г. — Галлы совершили набег на Малую Азию и поселились в Галатии.

275 г. — Пирр покинул Италию.
264 г. — Первая Пуническая война. Начало царствования Ашоки в Бегаре (до 227).
260 г. — Битва при Милах.
256 г. — Битва при Экноме.
246 г. — Ши-хуанди, царь Цинь.
220 г. — Ши-хуанди, император Китая.
214 г. — Начало постройки Великой китайской стены.
210 г. — Смерть Ши-хуанди.
202 г. — Битва при Заме.
146 г. — Разрушение Карфагена.
133 г. — Пергам перешел к Риму.
102 г. — Марий отбил нападение германцев.
100 г. — Триумф Мария. Китайцы овладели долиной Тарим.
89 г. — Все жители Италии получили права римского гражданства.
75 г. — Восстание рабов под предводительством Спартака.
71 г. — Поражение и смерть Спартака.
66 г. — Помпей дошел во главе римских войск до Каспийского моря и Евфрата.
48 г. — Юлий Цезарь победил Помпея при Фарсале.
44 г. — Убийство Юлия Цезаря.
27 г. — Август, римский император (до 14 от Р. Х.).
4 г. — Точная дата рождения Иисуса из Назарета.

ПОСЛЕ Р. Х.
НАЧАЛО ХРИСТИАНСКОГО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЯ

14 г. — Смерть Августа. Тиверий.
30 г. — Распятие Иисуса из Назарета.
41 г. — Клавдий провозглашен преторианской гвардией императором (после убийства Калигулы).
68 г. — Самоубийство Нерона.
69 г. — Веспасиан.

102 г. — Бань Чао у Каспийского моря.
117 г. — Адриан наследован Траяну (Римская империя в самых широких своих пределах).
138 г. — Индо-скифы уничтожают последние следы греческого правления в Индии.
161 г. — Марк Аврелий унаследовал трон после Антонина Пия.
164 г. — Великая чума (до 180 г.). Около 100 лет войн и беспорядков внутри Римской империи.
220 г. — Конец Ханьской династии. Начало 400-летнего смутного периода в Китае.
227 г. — Ардашир I (первый сасанидский шах) положил конец в Персии династии Аршакидов.
242 г. — Мани проповедует свое учение.
247 г. — Готы перешли Дунай.
251 г. — Большая победа готов. Император Деций убит.
260 г. — Сапор I, второй сасанидский шах, взял Антиохию, взял в плен императора Валериана и потерпел поражение, возвращаясь из Малой Азии, от Одената, царя Пальмиры.
277 г. — Распятие Мани в Персии.
284 г. — Диоклетиан — император.
311 г. — Галерий прекратил преследование христиан.
312 г. — Константин Великий — император.
323 г. — Константин — председатель Никейского собора.
337 г. — Константин на смертном одре принял крещение.
361 гг. — Юлиан Отступник пытается заменить христианство религией Митры.
392 г. — Феодосий Великий — император Востока и Запада.
395 г. — Смерть Феодосия Великого. Гонорий и Аркадий делят империю между Стилихоном и Аларихом.
410 г. — Вестготы во главе с Аларихом захватили Рим.

425 г. — Вандалы поселяются на юге Испании, гунны в Паннонии, готы в Далмации. Вестготы и свевы в Португалии и Северной Испании. Англы вторгаются в Британию.
439 г. — Вандалы захватывают Карфаген.
451 г. — Набег Аттилы на Галлию отражен франками, алеманнами и римлянами.
453 г. — Смерть Аттилы.
455 г. — Вандалы разграбили Рим.
476 г. — Одоакр, король смешанных тевтонских племен, оповещает Константинополь, что на Западе нет более императора. Конец Западной Империи.
493 г. — Теодорих, остгот, покорил Италию и сделался королем Италии (номинально подчиненным Константинополю). Готские короли в Италии. Готы поселяются на конфискованных землях, создавая гарнизоны.
527 г. — Юстиниан — император.
529 г. — Юстиниан закрывает школы в Афинах, процветавшие около 1 000 лет.
531 г. — Хосров I.
543 г. — Великая чума в Константинополе.
553 г. — Юстиниан прогоняет готов из Италии.
565 г. — Смерть Юстиниана. Ломбардцы покоряют большую часть Северной Италии.
570 г. — Рождение Магомета.
579 г. — Смерть Хосрова I.
590 г. — Чума в Риме. Хосров II.
610 г. — Ираклий.
619 г. — Хосров II властвует над Египтом, Иерусалимом, Дамаском и держит армию на Геллеспонте. Начало династии Тан в Китае.
622 г. — Хиджра.

627 г. — Великое поражение персов при Ниневии, нанесенное им Ираклием. Тай-цзун — император Китая.
628 г. — Кавадх II убивает Хосрова II и наследует ему. Магомет обратился с посланием ко всем царям земным.
629 г. — Магомет вернулся в Мекку.
632 г. — Смерть Магомета. Абу-Бекр — калиф.
633 г. — Битва при Ярмуке. Мусульмане овладели Сирией. Второй калиф — Омар.
635 г. — Тай-цзун принял миссионеров — христиан-несторианцев.
637 г. — Битва при Кадессе.
638 г. — Калиф Омар взял Иерусалим.
642 г. — Смерть Ираклия.
643 г. — Третий калиф — Осман.
655 г. — Поражение византийского флота от мусульман.
668 г. — Нападение на Константинополь с моря (калиф Маовия).
687 г. — Пипин из Герсталя, мажордом, объединил Австразию и Нейстрию.
711 г. — Мусульманская армия из Африки наводнила Испанию.
715 г. — Владения калифа Валида I простираются от Пиренеев до Китая.
717 г. — Сулейман, сын и наследник Валида, потерпел неудачу в попытке овладеть Константинополем (до 718).
732 г. — Карл Мартел разбил мусульман в битве при Пуатье.
751 г. — Пипин коронуется королем Франции.
771 г. — Карл Великий.
774 г. — Карл Великий покорил Ломбардию.
786 г. — Гарун-аль-Рашид — калиф в Багдаде (до 809).

795 г. — Лев III — папа (до 816).
800 г. — Лев III коронует Карла Великого западным императором.
802 г. — Эгберт, английский беженец при дворе Карла Великого, становится королем Уэссекса.
810 г. — Крум Болгарский победил и убил императора Никифора.
814 г. — Смерть Карла Великого.
828 г. — Эгберт становится первым королем Англии.
843 г. — Смерть Людовика Святого и распад Каролингской монархии. До 962 г. титул императора Священной Римской империи появляется временами, но регулярного наследования не существует.
850 г. — Около этого времени Рюрик (норманн) становится правителем Новгорода и Киева.
852 г. — Борис — первый христианский король Болгарии (до 884)
865 г. — Русский (варяжский) флот угрожает Константинополю.
904 г. — Русский (варяжский) флот перед Константинополем.
919 г. — Генрих Птицелов избран королем Германии.
936 г. — Оттон I наследует своему отцу Генриху Птицелову на троне короля Германии.
941 г. — Русский флот опять угрожает Константинополю.
962 г. — Оттон I, король Германии, коронуется императором.
987 г. — Гуго Капет становится королем Франции (конец Каролингской династии).
1016 г. — Канут — король Англии, Дании и Норвегии.
1043 г. — Русский флот угрожает Константинополю.
1066 г. — Покорение Англии Вильгельмом, герцогом нормандским.

1071 г. — Возрождение ислама при турках-сельджуках. Битва при Меласгерде.
1073 г. — Гильдебрандт — папа Григорий VII (до 1085).
1084 г. — Роберт Гискар, нормандец, разграбил Рим.
1087 г. — Урбан II — папа (до 1099).
1095 г. — Урбан II провозглашает в Клермоне Первый Крестовый поход.
1096 г. — Разгром Народного Крестового похода.
1099 г. — Готфрид Бульонский взял Иерусалим.
1147 г. — Второй Крестовый поход.
1169 г. — Саладин — султан Египта.
1176 г. — Фридрих Барбаросса признал в Венеции первенство папы Александра III.
1187 г. — Саладин взял Иерусалим.
1189 г. — Третий Крестовый поход.
1198 г. — Иннокентий III — папа (до 1216).
1202 г. — Четвертый Крестовый поход (нападение на Восточную империю).
1204 г. — Взятие Константинополя латинянами.
1214 г. — Чингисхан взял Пекин.
1226 г. — Смерть Франциска Ассизского (францисканцы).
1227 г. — Смерть Чингисхана, повелителя стран от Каспия до Тихого океана. Вступление на престол Угэдей-хана.
1228 г. — Шестой Крестовый поход. Фридрих II взял Иерусалим.
1240 г. — Монголы разрушили Киев. Россия — данница татар.
1241 г. — Победа монголов под Лигницем (Силезия).
1250 г. — Смерть Фридриха II, последнего императора из рода Гогенштауфенов. Междуцарствие в Германии до 1263 г.
1251 г. — Мункэ-хан становится великим ханом. Хубилай-хан правитель Китая.
1258 г. — Хубилай-хан взял и разрушил Багдад.

1260 г. — Хубилай-хан — великий хан.
1261 г. — Греки отбили назад Константинополь у латинян.
1273 г. — Рудольф Габсбургский избран императором. Образование Швейцарской конфедерации.
1280 г. — Хубилай-хан основал династию Юань в Китае.
1292 г. — Смерть Хубилай-хана.
1293 г. — Смерть Роджера Бэкона, пророка экспериментальной науки.
1348 г. — Моровая язва (черная смерть).
1360 г. — Падение в Китае монгольской династии Юань и смена ее династией Мин (до 1644).
1377 г. — Папа Григорий XI вернулся в Рим.
1378 г. — Великий раскол. Урбан VI в Риме, Климент VII в Авиньоне.
1398 г. — Проповедь Яна Гуса в Праге.
1414 г. — Собор в Констанце (до 1418). Казнь Гуса (1415).
1417 г. — Конец великого раскола.
1453 г. — Турки-оттоманы под предводительством Магомета II взяли Константинополь.
1480 г. — Иван III, великий князь московский, сбросил с России монгольское иго.
1481 г. — Смерть султана Магомета II во время приготовлений его к покорению Италии.
1486 г. — Диас обогнул мыс Доброй Надежды.
1492 г. — Колумб пересек Атлантической океан и достиг Америки.
1493 г. — Максимилиан I — император.
1493 г. — Васко да Гама, обогнув мыс Доброй Надежды, добрался до Индии.
1499 г. — Швейцария — независимая республика.
1500 г. — Рождение Карла V.
1509 г. — Генрих VIII — король Англии.

1513 г. — Лев X — папа.
1515 г. — Франциск I — король Франции.
1520 г. — Сулейман Великолепный (до 1566) правит страной от Багдада до Венгрии. Карл V — император.
1525 г. — Бабур выиграл битву при Панипате, взял Дели и основал империю Великих Моголов.
1527 г. — Германские войска в Италии, под предводительством коннетабля бурбонского, взяли и разграбили Рим.
1529 г. — Сулейман осадил Вену.
1530 г. — Карл V коронован папой. Начало разлада между Генрихом VIII и папским престолом.
1539 г. — Основание ордена иезуитов.
1546 г. — Смерть Мартина Лютера.
1547 г. — Иван IV (Грозный) принял титул царя.
1556 г. — Отречение Карла V. Акбар — Великий Могол (до 1605). Смерть Игнатия Лойолы.
1558 г. — Смерть Карла V.
1566 г. — Смерть Сулеймана Великолепного.
1603 г. — Яков I — король Англии.
1620 г. — Эмигранты из Англии, прибывшие в Америку на корабле «Мейфлауэр» (102 человека), основали Новый Плимут. Первые негры-рабы высажены в Джеймстауне (Виргиния).
1625 г. — Карл I Английский.
1626 г. — Смерть сэра Фрэнсиса Бэкона (лорда Вэрулам-ского).
1643 г. — Людовик XIV начал свое царствование, продолжавшееся 72 года.
1644 г. — Маньчжуры положили конец династии Мин.
1648 г. — Вестфальский трактат (Голландия и Швейцария признаны независимыми республиками, Пруссия приобретает влияние и значение). Фронда.

1645 г. — Казнь Карла I, короля Англии.
1658 г. — Аурунгзеб — Великий Могол. Смерть Кромвеля.
1660 г. — Карл II — король Англии.
1674 г. — Новый Амстердам окончательно перешел по договору к англичанам и переименован в Нью-Йорк.
1683 г. — Последнее нападение турок на Вену. Отражено Яном Собесским.
1689 г. — Петр Великий (до 1725).
1701 г. — Фридрих I — первый король Пруссии.
1707 г. — Смерть Аурунгзеба. Распад империи Великих Моголов.
1713 г. — Рождение Фридриха Великого.
1715 г. — Людовик XV.
1755 г. — Война между Англией и Францией из-за Америки и Индии. Франция в союзе с Австрией и Россией против Пруссии и Англии (1756—1763). Семилетняя война (до 1763).
1755 г. — Англичане завладели Квебеком.
1760 г. — Георг III, король Англии.
1763 г. — Парижский мир. Канада уступлена Англии. Англичане господствуют в Индии.
1769 г. — Рождение Наполеона Бонапарта.
1774 г. — Людовик XVI.
1776 г. — Декларация независимости Соединенных Штатов Америки.
1783 г. — Мирный договор между Англией и Соединенными Штатами.
1787 г. — Учредительное собрание в Филадельфии утвердило федеральное правительство Соединенных Штатов. Банкротство Франции.
1788 г. — Первый федеральный конгресс Соединенных Штатов в Нью-Йорке.
1789 г. — Созыв Генеральных Штатов во Франции. Взятие Бастилии.

1791 г. — Бегство в Варен.
1792 г. — Франция объявила войну Австрии. Пруссия объявила войну Франции. Битва при Вальми. Франция — республика.
1793 г. — Казнь Людовика XVI.
1794 г. — Казнь Робеспьера и конец якобинской республики.
1795 г. — Директория. Бонапарт подавил восстание и стал во главе итальянской армии.
1798 г. — Бонапарт в Египте.
1799 г. — Возвращение Бонапарта во Францию. Первый консул.
1804 г. — Бонапарт — император.
1806 г. — Отказ Франца II Австрийского от титула императора Священной Римской империи. Конец Священной Римской империи. Поражение пруссаков при Иене.
1808 г. — Наполеон сделал своего брата Иосифа королем Испании.
1810 г. — Испанская Америка объявила себя республикой.
1812 г. — Поход Наполеона в Россию.
1814 г. — Отречение Наполеона. Людовик XVIII.
1824 г. — Карл X — король Франции.
1825 г. — Николай I в России. Первая железная дорога (от Стоктона до Дарлингтона).
1827 г. — Наваринская битва.
1829 г. — Греция получила независимость.
1830 г. — Луи-Филипп заменил Карла X. Бельгия отделилась от Голландии. Леопольд Саксен-Кобург-Готский — первый король новой страны. Польское восстание.
1835 г. — Новое слово — «социализм».
1837 г. — Королева Виктория.

1852 г. — Наполеон III.
1854 г. — Крымская кампания (до 1856).
1856 г. — Александр II.
1861 г. — Виктор-Эммануил — король Италии. Авраам Линкольн — президент Соединенных Штатов. Начало американской гражданской войны.
1865 г. — Аппоматокская армия капитулировала. Открытие Японии для иностранцев.
1870 г. — Наполеон III объявил Пруссии войну.
1871 г. — Париж сдался (январь). Коммуна. Король Пруссии — германский император. Франкфуртский мир.
1878 г. — Берлинский трактат. Вооруженный мир установился в Европе на 46 лет.
1912 г. — Китай — республика.
1914 г. — Великая война в Европе.
1917 г. — Две революции в России. Большевики у власти.
1918 г. — Перемирие.
1920 г. — Первое заседание Лиги Наций. Германия, Австрия, Россия и Турция не допущены. Соединенные Штаты не представлены.
1921 г. — Греция напала на Турцию.
1922 г. — Большое поражение греков в Малой Азии.

Содержание

КНИГА I. ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

ГЛАВА 1. Мир в пространстве 6
ГЛАВА 2. Мир во времени 9
ГЛАВА 3. Возникновение жизни 13
ГЛАВА 4. Эра рыб 17
ГЛАВА 5. Эра каменноугольных болот 23
ГЛАВА 6. Век пресмыкающихся 28
ГЛАВА 7. Первые птицы и первые млекопитающие 33
ГЛАВА 8. Век млекопитающих 39
ГЛАВА 9. Мартышки, обезьяны и под-человек 45
ГЛАВА 10. Неандертальский и родезианский человек 50
ГЛАВА 11. Первый настоящий человек 55
ГЛАВА 12. Зарождение мысли 61
ГЛАВА 13. Начало земледелия 67
ГЛАВА 14. Первобытные неолитические цивилизации 74
ГЛАВА 15. Шумеры, Древний Египет и письменность 80
ГЛАВА 16. Первобытные кочевые народы 85
ГЛАВА 17. Первые народы-мореплаватели 90
ГЛАВА 18. Египет, Вавилон и Ассирия 96
ГЛАВА 19. Первобытные арийцы 105
ГЛАВА 20. Последнее Вавилонское царство и империя Дария Первого 110
ГЛАВА 21. Первоначальная история иудеев 115
ГЛАВА 22. Священники и пророки в Иудее 122
ГЛАВА 23. Греки 127
ГЛАВА 24. Греко-персидские войны 134
ГЛАВА 25. Расцвет Греции 139
ГЛАВА 26. Империя Александра Великого 143
ГЛАВА 27. Музей и библиотека в Александрии 149
ГЛАВА 28. Жизнь Гаутамы Будды 155
ГЛАВА 29. Царь Ашока 162
ГЛАВА 30. Конфуций и Лао-цзы 164
ГЛАВА 31. Рим выступает на арену истории 172
ГЛАВА 32. Рим и Карфаген 178
ГЛАВА 33. Рост Римской империи 185

ГЛАВА 34. Между Римом и Китаем.....199
ГЛАВА 35. Жизнь средних и низших классов при первых римских императорах.....205
ГЛАВА 36. Развитие религии в Римской империи.....212
ГЛАВА 37. Учение Иисуса.....220
ГЛАВА 38. Развитие догматического христианства.....229

КНИГА II. С 361 ГОДА Р. Х. ПО 1922 ГОД

ГЛАВА 1. Нашествия варваров вызывают разделение империи на Восточную и Западную.....236
ГЛАВА 2. Гунны и конец Западной Империи.....241
ГЛАВА 3. Византийская империя и империя Сасанидов.....248
ГЛАВА 4. Династии Сун и Тан в Китае.....254
ГЛАВА 5. Магомет и ислам.....257
ГЛАВА 6. Эпоха могущества арабов.....262
ГЛАВА 7. Развитие латинского христианства.....266
ГЛАВА 8. Крестовые походы и эпоха папского владычества.....277
ГЛАВА 9. Непокорные князья и великий раскол.....288
ГЛАВА 10. Монгольские завоевания.....299
ГЛАВА 11. Духовное возрождение Европы.....305
ГЛАВА 12. Реформа латинской церкви.....317
ГЛАВА 13. Император Карл V.....323
ГЛАВА 14. Век политических опытов, великой монархии, парламентов и республиканизма в Европе.....334
ГЛАВА 15. Новые азиатские и заморские империи европейцев.....348
ГЛАВА 16. Американская война за независимость.....354
ГЛАВА 17. Французская революция и реставрация монархии во Франции.....361
ГЛАВА 18. Период непрочного мира в Европе после отречения Наполеона.....372
ГЛАВА 19. Развитие техники.....378
ГЛАВА 20. Переворот в промышленности.....389
ГЛАВА 21. Развитие современных политических и социальных идей.....395
ГЛАВА 22. Расширение Соединенных Штатов.....410
ГЛАВА 23. Рост Германии и достижение ею преобладания в Европе.....421
ГЛАВА 24. Новые заморские империи, созданные железными дорогами и пароходами.....423

ГЛАВА 25. Вторжение европейцев в Азию и возвышение Японии ...431
ГЛАВА 26. Британская империя в 1914 г. 438
ГЛАВА 27. Эпоха вооружений в Европе и великая война 1914–1918 гг. 441
ГЛАВА 28. Революция и голод в России 447
ГЛАВА 29. Политическое и социальное переустройство мира 453
ХРОНОЛОГИЯ 461
1000 г. до Р. Х. 461
До Р. Х. 462
После Р. Х. Начало христианского летоисчисления 464

Научно-популярное издание

Уэллс Герберт

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Перед вами книга, в которой талант великого писателя-фантаста Герберта Уэллса раскрывается с иной стороны — писатель выступает как популяризатор исторической науки. С присущей ему легкостью и образностью он описывает краткую историю цивилизации — от возникновения человека до начала XX века.

История взлета и падения великих империй, религиозных культов, история войн и технического прогресса.